

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2025

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2025 — 3(78)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Камертон Серебряного века (К 170-летию со дня рождения Иннокентия Анненского)..... 3

НАШИ ТРАДИЦИОННЫЕ ГОСТИ ИЗ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

Олег Зайцев. Парадоксы «Полоцкой ветви» (Вступительное слово)..... 16

Юрий Клеванец. Городской фольклор..... 18

Юрий Куцевалов. Как Рыжий Коле на шею сел..... 21

Сергей Ситкевич. Санкт-Петербург — Вена — Несвиж..... 28

Светлана Каленчукова. Каникулы Ягайки Всезнайки, или... 31

Ольга Селицкая. О том, как я не вышла замуж..... 34

Николай Василевский. Обманщики..... 37

Надежда Давыдова. Двенадцатый ковчег..... 41

Людмила Зубарева. Я все еще женщина..... 44

Леонид Пулькин. Зубная радость..... 54

Зинаида Богомолова. Жених..... 62

Виктор Рябинин. Все путем... 65

Валентина Никитина. Урок на войне..... 70

Алексей Горбунов. Помойный дед..... 75

Александр Дурасов. Война постучалась... 82

ПОЭЗИЯ «ПОЛОЦКОЙ ВЕТВИ»

(Олег Зайцев, Ольга Самуилик, Тамара Кармянская, Раиса Титова, Наталья Партолина

Надежда Тухто, Надежда Давыдова, Мария Лебедько, Татьяна Дорошко,

Любовь Михайлова, Лидия Жидко, Зинаида Богомолова, Владимир Шаронов,

Владимир Демидов, Александр Милов)..... 91

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ, ПОВЕСТЬ И ОЧЕРК

Виктор Кустов. Запах талых снегов (главы из повести)..... 122

Николай Макаров. Артиллеристы-туляки в Афганистане. Афганец — лучший учитель года.....	141
Александр Палладин. Из Тулы — на сопки Маньчжурии (главы из книги).....	150
Людмила Алтунина Сибирилки идут!.. Славные сыны Алтая (главы из книги).....	162
Алексей Яшин. Новеллы из цикла «Жизнь как сон».....	175
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
(Валерий Демидов, Вера Никанорова, Виктория Кирсанова, Владимир Корнилов, Евгений Трещев, Николай Тимохин, Олег Пантюхин, Светлана Князева).....	199
К ЮБИЛЕЮ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»	
«Прощение — это любовь, которую завещал нам Господь!».....	228
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	237

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz
E-mail и телефон редакции: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член правлений АРЛ и ТО СПР
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) —
зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Владислава ВАСИЛЬЕВА (Узловая)
Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) —
зав. отделом международных связей
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) —
председатель Правления АРЛ
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) —
зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) —
Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная»
(Минск, Белоруссия)
— журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)
— журнал «АлександрЪ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):

<http://www.pz.tula.ru>

<http://www.tro-spr.ru>

Портал «Журнальный зал»:

<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

© «Приокские зори», 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

КАМЕРТОН СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

К 170-летию со дня рождения Иннокентия Анненского

Писать об Иннокентии Федоровиче Анненском не то чтобы сложно, хоть и не просто, что тут лукавить, но не очень благодарно, что ли. Широкому кругу читателей имя этого выдающегося поэта, воистину мастера изящной словесности, и прежде было не больно-то известно, а уж нынче и тем паче. Даже в когорте записных эстетов от ценителей поэзии, где принято при упоминании Анненского изображать многозначительную гримасу, не менее многозначительно кивать и, прощу прощения, мычать, едва ли нашлось бы значительное количество истинных знатоков его творчества. Да если бы только это. Несколько месяцев назад, отвечая на вопрос собеседника, мол, чем сейчас занят на литературном поприще, кроме поэзии, я обмолвился, что, вот, пишу статью к юбилею со дня рождения Иннокентия Федоровича, и тут же получил следующий вопрос: дескать, и как тебе Анненский? Мой визави, молодой и очень яркий поэт, закончивший Литинститут и уже издавший вполне достойную, и весьма интересную, книгу стихов, спросил об этом с таким легким скепсисом. Да, он признавал высочайшее поэтическое мастерство Анненского, но не скрывал, что его поэзия, что называется, не цепляет. На мой взгляд, ничего страшного в подобном отношении нет, в молодости, очень часто и совершенно естественно, особо ценится эффектная экспрессия, яркая и даже крикливая поэтика, протест, вызов и эпатаж, и тому подобное. А до понимания поэзии Анненского и умом, и сердцем, нужно, извините, дорости. Точнее, вырасти, прежде всего в буквальном смысле, в смысле возраста и обретения жизненного опыта. Говорю сие без какого бы то ни было снобизма, ибо испытал подобное на собственном примере. Ничего не поделаешь, такая судьба у этого великолепного русского литератора, непревзойденного в своей тончайшей и глубокой, интеллектуальной, лирике, у художника слова, во многом задавшего направления и тенденции развития поэзии Серебряного века, и даже предвосхитившего оные, в то время, когда будущие «столпы» этого мощнейшего явления русской литературы начала двадцатого столетия делали лишь первые пробные шаги на поприще служения Музам.

При этом Иннокентий Анненский никогда не писал стихов ради звонких и пустопорожних «красивостей», не сбивался в никчемное любование изящной метафорой, напротив, его поэтика всегда отличалась предельной точностью и лаконичностью, его стихи ни в коем случае нельзя назвать «изнеженными», а изысканность речи никогда не была для него самоцелью. Тем не менее, и в силу более старшего возраста, по роду занятий, и по причине все-таки безвременного ухода из жизни, в пору расцвета культурного явления, именовавшегося Серебряным веком, творчество и личность И. Ф. Анненского, во-первых, стоят особняком от сонма основных представителей поэзии тех лет, не вписываясь целиком в поэтические течения, а во-вторых, его биография в первую очередь интересна специалистам, историкам литературы или литературоведам. А ведь творчество Иннокентия Федоровича — это, без какого бы то ни было преувеличения, целая вселенная, давшая путевку в жизнь мно-

гим и многим другим поэтам, зачастую совершенно непохожим и даже полярным в своем творчестве. Ни больше, не меньше, как говорится.

*Среди миров
Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.*

*И, если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.
1901 г.*

Наверное, это едва ли не самое часто цитируемое или упоминаемое стихотворение Анненского. Собственно, и по праву. В две строфы уложены поистине глубокие смыслы, причем мастерски, такими фразами, с точки зрения поэтики довольно бедными, но ставящими буквально в тупик своей неумолимой, я бы сказал, обратной логикой, из коей и рождается второй волной иная, неведомая многим ранее, поэтика, не просто интеллектуальная, но и во многом философская, которую хочется осмыслить полностью, но, отчего-то, вновь и вновь начинаешь этот процесс заново, настолько многогранны извлекаемые выводы. По сути, это в своем роде квинтэссенция всей поэтики Иннокентия Федоровича. Однако же и ей одной все отнюдь не исчерпывается. А если обратиться к другому весьма громкому стихотворению мастера, то оно вообще может любого поставить в тупик уже одним лишь своим опережающим время новаторством, дающим «зеленый свет» всем последующим творческим изысканиям и изыскам Велемира Хлебникова, Алексея Крученых, и не только.

Колокольчики

(Глухая дорога. Колокольчик в зимнюю ночь рассказывает путнику свадебную историю)

*Динь-динь-динь,
Дини-дини...
Дидо Ладо, Дидо Ладо,
Лиду диду ладили,
Дида Лиде ладили, —
Ладили, не сладили,
Лиду надосадили.
День делали,
Да день не делали,
Дела не доделали,
Головы-то целы ли?
Ляду дида надо ли —
Диду баню задали.
Динь-динь-динь, дини-динь...
Колоколы-балаболы,
Колоколы-балаболы,
Накололи, намололи,
Дале боле, дале бале...
Накололи, намололи,
Колоколы-балаболы.*

*Лопотуньи налетали,
Болмоталы навязали,
Лопотали-хлопотали,
Лопотали, болмотали,*

Лопоталы поломали.

Динь!

Ты бы, дид, не зеньками,

Ты бы, диду, деньгами...

Деньгами, деньгами...

Долго ли, не долго ли,

Лиде шубу завели...

Холили — не холили,

Волили — неволили,

Мало ль пили, боле лили.

Дида Ладу золотили.

Дяди ли, не дяди ли,

Ладили — наладили...

Ой, пила, пила, пила,

Диду пива не дала:

Диду Лиду надобе,

Ляду дида надобе,

Ой, динь, динь, динь — дини, дини, дини-динь,

Деньги дида милые,

А усы-то сивые...

Динь!

День.

Дан вам день...

Долго ли вы там?

Мало было вам?

Вам?

Дам

По губам.

По головам

Дам.

Буби-буби-бубенцы ли,

Мы ли ныли, вы ли ныли,

Бубенцы ли, бубенцы ли...

День, дома бы день,

День один...

Колоколы-балаболы,

Мало лили, боле пили,

Балаболы потупили...

Бубенцы-бубенчики,

Малые младенчики,

Болмоталы вынимали,

Лопоталы выдавали,

Лопотали, лопотали...

Динь...

Колоколы-балаболы...

Колоколы-балаболы...

1906 г.

Пять лет между созданием двух стихотворений, но и во втором поражает прежде всего точность предсказания одного из направлений развития русского поэтического творчества. «Колокольчики» тоже ведь охота перечитывать и перечитывать. И я намеренно начал именно с них, да просто деваться некуда, не обойти стороной, оттого и не вижу никакого смысла избирать какой-либо иной дебют. А ведь если взглянуть на биографию автора, то едва ли в ней найдется нечто невероятно яркое, с общепринятой точки зрения выдающееся, красочное. Да и первые публикации Иннокентия Федоровича были посвящены педагогике, а не поэзии. Но, как оказалось, миры поэтической личности не исчерпываются и даже порой едва ли зависят от избранных им *modus vivendi* и *modus operandi*. А ведь творческое наследие Анненского — это, кроме поэзии, и драматургия, и переводы, а также литературные и языковые исследования. Начиналось же все, казалось бы, вполне прозаически.

Иннокентий Федорович Анненский родился 20 августа (1 сентября по н.с.) 1855г. в Омске, в семье начальника отделения Главного управления Западной Сибири Федора Николаевича Анненского (22.07.1815—27.03.1880), чиновника довольно высокого ранга, и Наталии Петровны Анненской (урожд. Карамоллина или Кармалина; 1814? — 25.10.1889 или 1891). В 1859 году семья переехала в Томск, куда отец был назначен председателем губернского правления. В 1860 году Федор Николаевич получил должность чиновника по особым поручениям в Министерстве внутренних дел и семья из Сибири вернулась в Петербург, который ранее покинула в 1849 году.

Слабый здоровьем, на чем акцентирует особое внимание его сын Валентин Кривич-Анненский в своих воспоминаниях об отце, Иннокентий Анненский учился в частной школе, затем — во 2-й петербургской прогимназии (1865—1868). С 1869 года, после перерыва в болезни, он два с половиной года обучался в частной гимназии В. И. Беренса. В 1872—1874 годах с помощью старшего брата Николая, энциклопедически образованного человека, экономиста, народника, готовился дома к экзаменам на аттестат зрелости. В 1875 году успешно экстерном сдал эти экзамены при гимназии «Императорского Человеколюбивого общества» и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

По окончании в 1879 году университета кандидатом, служил в 1879—1891 годах преподавателем древних языков и русской словесности в гимназии Гуревича. В сентябре 1879 года Иннокентий Федорович обвенчался с Надеждой (Диной) Валентиновной Хмара-Борщевской (1841—1917). В июне 1880 года у Анненских родился сын Валентин. 25 августа 1887 года Иннокентий Федорович получил чин статского советника, и вскоре стал директором коллегии Галагана в Киеве (январь 1891 — октябрь 1893), затем — 8-й Санкт-Петербургской гимназии (27 октября 1893 — 16 октября 1896) и гимназии в Царском Селе (16 октября 1896 — 2 января 1906). С начала 1896 года Анненский уже действительный статский советник, что соответствовало в «Табели о рангах» первому генеральскому званию. Не обошли его и награждения орденами Св. Станислава 2-й ст. (1893), Св. Анны 2-й (1898) и 3-й ст., Св. Владимира 3-й ст. (1905).

А вот чрезмерная мягкость, проявленная, по мнению начальства, в тревожное время 1905—1906 годов, стала причиной удаления Иннокентия Федоровича с этой должности. В 1906 году он был переведен в Санкт-Петербург окружным инспектором и оставался в этой должности до 1909 года, когда он незадолго до своей смерти вышел в отставку. Кроме прочего, читал Анненский и лекции по древнегреческой литературе на Высших женских курсах.

Должность директора гимназии всегда тяготила И. Ф. Анненского. В письме А. В. Бородиной в августе 1900 года он писал:

Вы спросите меня: «Зачем Вы не уйдете?» О, сколько я думал об этом... Сколько об этом мечтал... Может быть, это было бы и не так трудно... Но знаете, как Вы думаете серьезно? Имеет ли нравственное право убежденный защитник классицизма

бросить его зная в такой момент, когда оно со всех сторон окружено злыми неприятелями?»).

Профессор Б. Е. Райков, бывший ученик 8-й Санкт-Петербургской гимназии, писал в своих воспоминаниях об Иннокентии Анненском:

«...О его поэтических опытах в ту пору решительно ничего не было известно. Его знали лишь как автора статей и заметок на филологические темы, а свои стихи он хранил про себя и ничего не печатал, хотя ему было в ту пору уже лет под сорок. Мы, гимназисты, видели в нем только высокую худую фигуру в вицмундире, которая иногда грозила нам длинным белым пальцем, а в общем очень далеко держалась от нас и наших дел... Анненский был рьяный защитник древних языков и высоко держал знамя классицизма в своей гимназии. При нем наш рекреационный зал был весь расписан древнегреческими фресками, и гимназисты разыгрывали на праздниках пьесы Софокла и Еврипида на греческом языке, притом в античных костюмах, строго выдержанных в стиле эпохи». Забегая вперед, приведу цитату А. А. Мухина из некролога на кончину Анненского: «Иннокентий Федорович всегда говорил, что великий писатель живет в поколениях своих читателей и каждая эпоха по-своему его понимает, находя в нем — опять-таки каждая свои — ответы и отзвуки; он шутя прибавлял, что Еврипид перевоплотился в него. Вот этого-то перевоплощенного и потому близкого, родного нам Еврипида мы теперь и имеем».

В печати Анненский выступал с начала 1880-х годов с научными рецензиями, критическими статьями и статьями по педагогическим вопросам. В 1880—1890-х гг. публиковал статьи по филологии и педагогике, среди них — «Педагогические письма» Я. Г. Гуревичу в журнале «Русская школа» («Языки в средней школе», 1892, № 7—8; «К вопросу об эстетическом элементе в образовании», 1892, № 11; «Письменные работы и устное преподавание», 1895, № 2). С начала 1890-х годов занялся изучением греческих трагиков; выполнил в течение ряда лет огромную работу по переводу на русский язык и комментированию всего театра Еврипида, и перевел на русский язык все дошедшие до нас семнадцать трагедий и сатирическую драму Еврипида. Перу Иннокентия Федоровича принадлежат четыре пьесы — «Меланиппа-философ» (1901), «Царь Иксион» (1902), «Лаодамия» (1906) и «Фамира-кифарэд» (1906, издана посмертно в 1913 году) — в древнегреческом духе на сюжеты утерянных трагедий Еврипида и в подражание его манере. Он также выполнил стихотворные переводы Горация, Гете, Мюллера, Гейне, Бодлера, Верлена, Рембо, Ренье, Сюлли-Прюдона, Лонгфелло. И только в 1904 году выпустил первую книгу своих стихов «Тихие песни» под псевдонимом «Ник. Т-о», имитировавшим сокращенные имя и фамилию, но складывавшимся в слово «Никто», с явной отсылкой к гомеровскому сюжету, ибо так Одиссей представился циклопу Полифему.

Анненский состоял в Неофилологическом обществе (с конца 1880-х гг.) и в Обществе классической филологии и педагогики (с начала 1890-х гг.), в Клубе любителей художественного чтения и музыки в конце 1890-х — начале 1900-х гг., был Председатель первого заседания (25 ноября (8 декабря) 1909) Литературно-артистического кружка при редакции «Ежегодника Императорских театров», то есть, говоря современным языком, был широко известен в узких кругах. Впрочем, так или иначе, состоять в среде профессионалов дорогого стоит, и подобным признанием едва ли кто-то пренебрегал и пренебрегает по сию пору. Собственно, с этого и начинается мастер. Поиски путей развития культуры на принципах соразмерности, классической четкости образов, преодоления дисгармонии предопределили деятельное участие Анненского в издании журнала «Аполлон», вокруг которого объединились поэты постсимволистской ориентации. Задачи нового направления в искусстве Анненский видел в том, чтобы «уяснять и развивать назревающие стремления русского общества к стройному и сознательному, «аполлоническому» началу творчества» (Анненский).

В последний год жизни поэт все-таки стал заметной фигурой в литературно-художественной среде Санкт-Петербурга, предполагал завершить служебную деятельность и заняться исключительно литературным творчеством. Его прошение об отставке с поста окружного инспектора было удовлетворено, но буквально через несколько дней жизнь этого выдающегося человека оборвалась в один миг: 30 ноября (13 декабря) 1909 года Анненский скоропостижно скончался на ступеньках Царско-сельского вокзала в Санкт-Петербурге от инфаркта, и был похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе (ныне — город Пушкин). Сын Анненского, филолог и поэт Валентин Анненский (Кривич), издал его «Кипарисовый ларец» (1910) и «Посмертные стихи» (1923). Казалось бы, и все или почти все. Жизнь закончилась, а с ней и творчество. Ан нет, не все, напротив, ничего не заканчивается, когда, волею Создателя, судьба оказывается больше жизни.

Анненский-поэт при жизни практически не был известен читателям, как уже упоминалось, единственный прижизненный сборник стихов «Тихие песни» (1904, под псевдонимом Ник. Т-о) прошел почти незамеченным, однако, также повторяю, тематика и стилистика произведений оказали значительное влияние на творчество поэтов Серебряного века.

Специфику литературного стиля Иннокентия Федоровича, помимо влияния Еврипида, прочитываемого в подтексте книги, в значительной мере определило углубленное изучение французской поэзии, особенно парнасцев (прежде всего Леконта де Лиля) и символистов.

Анненский разделял философско-эстетические представления символизма о дуалистичности мира, восходящие к учению Платона, и установку на двуплановость поэтического образа (единичное — универсальное, бытийное — надбытийное); исследовал потенциальные возможности слова, отмечая его смысловую многослойность и в то же время несовершенство в передаче эстетической рефлексии; высшую форму искусства усматривал в музыке, при этом внимание к словесной звукописи не стало в его стихах самодовлеющим (как, например, в лирике К. Д. Бальмонта). Понятие музыки имело для него скорее мировоззренческий смысл (свидетельство существования высшего идеала). С символистами Анненского объединял интерес к синтезу искусств как высшей форме художественного творчества. Наиболее показательна в этом смысле последняя драма поэта «Фамира-кифарэд», в которой поэтический, музыкальный, живописный и хореографический пласты дополняют и углубляют друг друга.

В то же время в творчестве поэта заметны существенные расхождения с представителями русского символизма. Главным из них считается отказ от мистико-сакральной трактовки символа. Анненский в своем понимании поэтического символа как знака глубинных связей между лирическим «я» и миром оказался ближе к французским символистам, закрепившим за этим понятием сферу ассоциаций и «соответствий» (*correspondances*, Ш. Бодлер). Данная концепция позволила позже определить творческий метод Анненского как «психологический символизм» (Л. Я. Гинзбург). Не менее значимое отличие от традиций русского символизма — непреложность этического критерия, что сближает творчество поэта с русской психологической прозой. Мировосприятие своего современника Анненский определил как «сознание безысходного одиночества и мистический страх перед собою» (Анненский). Для его лирического героя характерна интенция сомнения (ср. с интенцией самоутверждения лирического героя К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова и других «старших» символистов): это рефлексирующий интеллигент, обостренно чувствующий несовершенство окружающей жизни, трагически переживающий собственное бессилие что-либо изменить в ней, но при этом не утративший веру в красоту как основу мира (в чем прослеживается преемственность идей Ф. М. Достоевского).

Стиль Анненского в основе своей импрессионистический. Стремление передать неуловимые глубинные связи внутреннего мира человека с окружающим миром по-

влияло на поэтическое пространство его произведений. Поэзии Анненского свойственны особый образный ряд, объединивший реальное и фантастическое, предметно-конкретное и отвлеченное; взаимопроницаемость лирических текстов, наиболее очевидно выраженная в различных способах циклизации — «трилистники» и «складни», что наметилась в «Тихих песнях» и стала основным принципом сборника «Кипарисовый ларец», опубликованного в 1910 г. Произведения сгруппированы по принципу субъективной ассоциации, общая тема может быть вынесена в заглавие мини-цикла («Трилистник сумеречный», «Трилистник тоски», «Трилистник вагонный»), однако зачастую логика объединения текстов раскрывается лишь в процессе анализа. Например, в «Трилистнике соблазна» первое стихотворение — «Маки» — манифестирует томление любовной жадной, второе — «Смычок и струны» — реализацию любовной страсти, третье — «В марте» — подавление ее. Таким образом, в подтексте присутствует строгая трехчленная модель: тезис — антитезис — синтез. Судите сами:

*Веселый день горит... Среди сомлевших трав
Все маки пятнами — как жадное бессилье,
Как губы, полные соблазна и отрав,
Как алых бабочек развернутые крылья.*

*Веселый день горит... Но сад и пуст, и глух.
Давно покончил он с соблазнами и пиром,—
И маки сохлые, как головы старух,
Осенены с небес сияющим потиром.*

<...>

*...Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.
Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.*

<...>

*...Только раз оторвать от разбухшей земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...*

<...>

Я вполне осознанно не имею никакого намерения и, мало того, желания устраивать в рамках данной статьи даже подобия хрестоматии стихов Иннокентия Федоровича. Желающие прочесть, прочтут сами, не желающие, не прочтут и даже этих строк, а знающие могут по крайней мере перечитать и обновить их в памяти. Убежден, что сегодня стихи Анненского могут и должны быть читаемы и вновь оценены, и осмыслены, в реалиях современности, при всей их фундаментальной инвариантности. Подобные процессы не всегда непрерывны, даже напротив, они чаще всего дискретны, а зачастую проходят некую латентную фазу кажущейся остановки и даже полного прекращения. Но время уже тем неумолимо, что, так или иначе, возвращает все «на круги своя».

В художественной системе Анненского наделенный самостоятельным существованием мир предметов и явлений прихотливо сцеплен с миром «я», этически равен

ему. Вещь и человек обладают одинаковой этической и эстетической ценностью, порой статус вещи получает бóльшую значимость («То было на Валлен-Коски», «Ноша жизни светла и легка мне» и др.).

*То было на Валлен-Коски.
Шел дождик из дымных туч,
И желтые мокрые доски
Сбегали с печальных круч.
Мы с ночи холодной зевали,
И слезы просились из глаз;
В утеху нам куклу бросали
В то утро в четвертый раз.
Разбухшая кукла ныряла
Послушно в седой водопад,
И долго кружилась сначала,
Все будто рвалася назад.
Но даром лизала пена
Суставы прижатых рук, —
Спасенье ее неизменно
Для новых и новых мук.
Гляди, уж поток бурливый
Желтеет, покорен и вял;
Чухонец-то был справедливый,
За дело полтину взял.
И вот уж кукла на камне,
И дальше идет река...
Комедия эта была мне
В то серое утро тяжка.
Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.
Как листья тогда мы чутки:
Нам камень седой, ожив,
Стал другом, а голос друга,
Как детская скрипка, фальшив.
И в сердце сознание глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах...
1909 г.*

*Ноша жизни светла и легка мне,
И тебя я смущаю невольно;
Не за бога в раздумье на камне,
Мне за камень, им найденный, больно.
Я жалею, что даром поблекла
Позабытая в книге фиалка,
Мне тумана, покрывшего стекла
И слезами разнятого, жалко.
И не горе безумной, а ива
Пробуждает на сердце унылость,*

*Потому что она, терпеливо
Это горе качая... сломилась.
1906 г.*

В этом источник одушевления вещи, с одной стороны, и опредмечивания лирической эмоции — с другой. Изменение статуса «вещного мира» (Л. Я. Гинзбург) повлекло за собой переосмысление понятий «бытие» и «быт» в их соотнесенности с внутренним миром личности; «будничное» слово стало носителем полноценных художественных смыслов и предопределило размыкание поэтического текста в речевую стихию. Таким образом, лирика Анненского создала предпосылки для формирования в русской литературе постсимволистской парадигмы (акмеизм, футуризм), в которой утверждалась эстетическая ценность обыденной вещи, способной вызвать художественное переживание. Лексические, стилевые, ритмические новации поэта предвосхитили особую психологическую новеллистичность стихотворений А. А. Ахматовой, называвшей Анненского своим учителем, задали тип культурного диалога в творчестве О. Э. Мандельштама, предопределили взаимную обусловленность существования человека и вещи у Б. Л. Пастернака. Ритмико-интонационные открытия Анненского (стихотворения «Шарики детские», «Прерывистые строки», «Нервы», «Колокольчики», «Перебой ритма») отразились в творческих экспериментах футуристов — Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова.

*Шарики, шарики!
Шарики детские!
Деньги отецкие!
Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запуцу под самое небо —
Два часа потом глазей, да в оба!
Хорошо ведь, говорят, на воле...
Чирикнуть, ваше степенство, что ли?
Прикажете для общего восторгу,
Три семьдесят пять — без торгу!...
<...>*

*Этого быть не может,
Это — подлог...
День так тянулся и дожит,
Иль, не дожив, изнемог?..
Этого быть не может...
С самых тех пор
В горле какой-то комок...
Вздор...
Этого быть не может...
Это — подлог...
Ну-с, проводил на поезд,
Вернулся, и solo, да!
Здесь был ее кольчатый пояс,
Брошка лежала — звезда,
Вечно открытая сумочка
Без замка,
И, так бесконечно мягка,
В прошивках красная думочка...*

Активно используя прозаизмы, насыщая текст вопросительными конструкциями, синтаксическими обрывами, варьируя длину строки, Анненский создал эффект как лексического, так и ритмико-интонационного диссонанса, нередко подчеркнутого графически (так, в стихотворении «Нервы» возгласы торговцев и разносчиков, стилистически контрастирующие с основным текстом, помимо прочего выделены курсивом).

*Как эта улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о, Господи, сосна!
Балкон под крышею. Жена мотает гарус.
Муж так сидит. За ними холст, как парус.
Над самой клумбочкой прилажен их балкон.
«Ты думаешь — не он... А если он?
Все вяжет, Боже мой... Посудим хоть немножко...»
...Морошка, ягода морошка!..
«Вот только бы спустить лиловую тетрадь?»
— «Что, барыня, шпинату будем брать?»
— Возьмите, Аннушка! —
«Да там еще на стенке
Видал записку я, так...»
...Хороши гребэнки!
«А... почтальон идет... Петровым писем нет?»*

И вот тут самое время для небольшой реплики по поводу современного восприятия поэзии Иннокентия Федоровича, которая многих молодых не просто читателей, а участников поэтического процесса, что называется, не цепляет. Не цепляет, поскольку, становясь читателем, мой молодой коллега требует от автора такого на себя воздействия, чтобы ему, читающему, сразу жарко стало, чтобы пламенем облизало, чтобы водой ледяной окатило с головы до ног! То есть налицо некое невольное и весьма наивное потребительство, при явном нежелании вчитаться в якобы спокойные и ровные строки, попытаться их осмыслить не снаружи, а изнутри, нырнув, если угодно, в самое содержание стихотворения. Чтение любой литературы, и поэзии, в частности, это не только эстетическое и либо иное наслаждение, это прежде всего умение и определенный труд. Ничего не поделаешь, читателями в полном смысле этого понятия тоже не сразу становятся, даже писатели. Тем и прекрасна поэзия Анненского, что, вновь вынужден повторить, ее магия затягивает внутрь, и стихи хочется и требуется перечитывать и думать о них, думать над ними. И вот тогда будет «цеплять», так зацепит, что не отцепишься вовек.

Литературное влияние Анненского на возникшие вслед за символизмом течения русской поэзии (акмеизм, футуризм) очень велико. Стихотворение Анненского «Колокольчики» по праву может быть названо первым по времени написания русским футуристическим стихотворением. Его стихотворение «Среди миров» легло в основу романсов, написанных А. Вертинским и А. Сухановым. Влияние Анненского сильно сказывается на Пастернаке и его школе, Анне Ахматовой, Георгии Иванове и многих других. В своих литературно-критических статьях, частично собранных в двух «Книгах отражений», Анненский дает блестящие образцы русской импрессионистической критики, стремясь к истолкованию художественного произведения путем сознательного продолжения в себе творчества автора. Уже в своих критико-педагогических статьях 1880-х годов Анненский задолго до формалистов призывал к постановке в школе систематического изучения формы художественных произведений.

Критический метод Анненского близок модернистскому мировосприятию с присущей ему тенденцией к синтезу искусств. Для статей характерна импрессионистичность стиля с принципиальной установкой на недосказанность, прерывистость и незавершенность изложения. Сборники его эссе «Книги отражений» (1906 и 1909)

представляют собой не столько литературно-критические сочинения в строгом смысле, сколько художественно-психологические комментарии к произведениям писателей-классиков. Импульсом для создания эссе служило стремление интерпретатора постичь законы внутреннего единства личности автора и созданного им текста и обнаружить тот нерв, благодаря которому возникает живой, очень личный диалог между писателем и читателем. «Книги отражений» отличают эмоциональность, утонченная ирония, отсутствие назидательности и претензии на исчерпывающий анализ.

Необходимо также выделить такую характеристику поэзии Анненского, как экзистенциализм, ибо она и сегодня по-прежнему привлекает внимание литературоведов. Так, например, профессор Рита Соломоновна Спивак в своей работе «И. Анненский-лирик как русский поэт-экзистенциалист» сопоставляет поэзию Анненского и экзистенциализм. Она утверждает, что Анненский по мироощущению принадлежал к лирикам-экзистенциалистам. В лирике поэта присутствуют такие понятия, как Бог, совесть, тоска, мука, отчаяние. В письме к Т. А. Богданович Анненский пишет: «Искать Бога — Фонтанка 83. Срывать аплодисменты на Боге... на совести. Искать Бога по пятницам... Какой цинизм!». Кьеркегор утверждал: «Бог — это молчание. О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Спивак пишет, что о Спасителе Анненский может говорить с горькой иронией. Анненский часто пишет о муке мысли. Именно это роднит его с основоположником экзистенциализма Сереном Кьеркегором. В частности, Кьеркегор писал: «Что такое поэт? Несчастный человек, таящий в сердце тоску; уста его устроены так, что исходящие из них крики и стоны превращаются в дивную музыку». В стихотворении «Смычок и струны» ту же мысль Анненский выражает в лирической форме:

*«Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось».*

Многие стихи Анненского можно назвать экзистенциальными по мироощущению:

*«В небе ли меркнет звезда,
Пытка ль земная все длится;
Я не молюсь никогда,
Я не умею молиться.
Время погасит звезду,
Пытку ж и так одолеем...
Если я в церковь иду,
Там становлюсь с фарисеем.
С ним упадаю я нем,
С ним и воспряну, ликуя...
Только во мне-то зачем
Мытарь мятется, тоскуя?..»*

Мироощущение и мировосприятие Кьеркегора и Анненского по сути идентичны. Вот что пишет в «Дневнике обольстителя» Кьеркегор: «Мир, в котором мы живем, вмещает в себя еще другой мир, далекий и туманный, находящийся с первым в таком же соотношении, в каком находится с обыкновенной сценической постановкой волшебная, изображаемая иногда в театре среди этой обыкновенной, и отделенная от нее тонким облаком флера. Сквозь флер, как сквозь туман, виднеется словно бы другой мир, воздушный, эфирный, иного качества и состава, нежели действительный. Многие люди, живущие материально в действительном мире, принадлежат, в сущности, не этому миру, а тому, другому». В статье «Художественный идеализм Гоголя» Иннокентий Анненский писал: «Нас окружают и, вероятно, составляют два мира: мир

вещей и мир идей (...) В силу стремления, вложенного в нас Создателем, мы вечно ищем сблизить в себе мир вещей с миром духовным, очищая, просветляя и возвышая свою бренную телесную жизнь божественным прикосновением к ней мира идеального, и в этом заключается вся красота и весь смысл нашего существования».

В 1890-х гг. Анненский приступил к работе над стихотворными переводами сохранившихся трагедий Еврипида и комментариями к ним. На собственные средства издал отдельной книгой трагедию «Вакханки» (Βάκχαι; рус. пер. И. Ф. Анненского, 1894). Переводы пьес Еврипида с комментирующими статьями Анненского печатались в периодических изданиях, главным образом в «Журнале Министерства народного просвещения»; в 1906—1921 гг. они вышли в трех томах под общим названием «Театр Еврипида».

Работа над переводами трагедий оказала существенное влияние на творчество Анненского-поэта и драматурга. В пьесах он воплотил собственную концепцию художественного мифотворчества. В противовес распространенным на рубеже 19—20 вв. литературно-мифологическим построениям, большинство из которых соотносилось с дионисийским началом, драматург апеллировал к гармоничному идеалу аполлонической культуры, наиболее адекватно, с его точки зрения, выраженному древнегреческой трагедией. Первые опубликованные оригинальные литературные произведения Анненского — трагедии «Меланиппа-философ» (1901) и «Царь Иксион» (1902) — написаны на сюжеты греческих мифов, к которым обращался Еврипид в несохранившихся сочинениях. Однако названные произведения Анненского, как и более поздние его трагедии «Лаодамия» (1906) и «Фамира-кифарэд» (опубликована в 1913; А. Я. Таиров выбрал ее в качестве литературной основы программного спектакля московского Камерного театра, 1916), не сводились к стилизации античных образов.

Как писала своих работах Г. Н. Шелогурова: «Сохраняя миф в качестве сюжетообразующей основы, автор проецировал на нее современную проблематику: бессилие интеллекта перед консерватизмом традиции («Меланиппа-философ»), язвимость нищезанской идеи сверхчеловека («Царь Иксион»), иллюзорность мира и творческий потенциал мечты («Лаодамия»), неразрывность понятий «творчество» и «мука» и невозможность отказа от дара («Фамира-кифарэд»). Синтез двух культурных слоев — классического и модернистского — составил главную особенность драматургии Анненского».

Антикизирующий характер носила и близкая писателю идея нового, славянского возрождения: «Не будет ли судьба... когда-нибудь благосклоннее к эллинско-славянскому не союзу даже, а синтезу. Не внесут ли славянские культуры и славянский темперамент новой и интересной ноты в воскресающие гимны античности?» (Еврипид). Русская культура осознавалась Анненским как явление одновременно национальное и универсальное, как органичная часть единого европейского культурного наследия, сформированного Античностью.

И все-таки удивительно неблагодарно относились к Анненкову современники. Это с полной уверенностью можно утверждать, прочтя, приведенные ниже, цитаты его коллег, содержащие язвительные и, на мой взгляд, уничтожающие Иннокентия Федоровича характеристики, и творческие, и не только. И они отнюдь не из разряда «мы всегда убиваем тех, кого любим», как выразился Оскар Уайльд, в творческой среде и по сей день не принято миндальничать по отношению друг к другу

Козни против «Ипполита» продолжаются.

Против Мережковского образовалась клика профессоров, не одобряющая его перевода. Один из таких знатоков, некто Анненский (директор Царскосельской гимназии), перевел подстрочно Еврипида и под бандеролью разослал свой перевод артистам Александринского театра. Уже не говоря о бестактности подобной выходки — это нарушает также и правила службы, ибо он, несмотря на то, что стоит во главе учебного заведения, является агитатором против начальства, — ему, конечно, извест-

но, что перевод «Ипполита» Мережковского выбрал Директор, и, следовательно, Анненский подзадоривает артистов против начальства.

Как удивительна судьба Анненского! Прикасаясь к мировым богатствам, он сохранил для себя только жалкую горсточку, вернее, поднял горсточку праха и бросил ее обратно в пылающую сокровищницу Запада. Все спали, когда Анненский бодрствовал. Храпели бытовики. Не было еще «Весов». Молодой студент Вячеслав Иванович Иванов обучался у Моммзена и писал по-латыни монографию о римских налогах. И в это время директор Царскосельской гимназии долгие ночи боролся с Еврипидом, впитывал в себя змеиный яд мудрой эллинской речи, готовил настой таких горьких, пользно-крепких стихов, каких никто ни до, ни после его не писал. И для Анненского поэзия была домашним делом и Еврипид был домашний писатель, сплошная цитата и кавычки. Всю мировую поэзию Анненский воспринимал как сноп лучей, брошенный Элладой. Он знал расстояние, чувствовал его пафос и холод, и никогда не сближал внешне русского и эллинского мира. Урок творчества Анненского для русской поэзии — не эллинизация, а внутренний эллинизм, адекватный дух русского языка, так сказать, домашний эллинизм. Эллинизм — это печной горшок, ухват, крынка с молоком, это — домашняя утварь, посуда, всеокружение тела; эллинизм — это тепло очага, ощущаемое как священное, всякая собственность, приобщающая часть внешнего мира к человеку, всякая одежда, возлагаемая на плечи любимой и с тем самым чувством священной дрожи, с каким, Как мерзла быстрая река И зимни вихри бушевали, Пушистой кожей прикрывали Они святого старика.

«Было это в августе 1921 года, в последний раз, когда я Гумилева видел. Георгий Иванов, не сомневаюсь, помнит этот разговор и мог бы мой рассказ подтвердить: Гумилев пришел и сразу заявил, что он свое отношение к Анненскому пересмотрел, что пора сказать о нем правду, что это второстепенный, невзрачный стихотворец, а истинно великий поэт наших лет, непонятый, нецененный — граф Комаровский. Вскоре, через несколько дней, Гумилев был арестован и погиб. Не случись этого, вполне возможно, что он, при своей страсти к литературной стратегии, предпринял бы на Анненского организованный поход, как возможно и то, что вместо Комаровского нашел бы другое «знамя»: Комаровский — явление далеко не ничтожное, но большое и темное, к роли знаменосца не подходил. Ничего достоверного об этом сказать нельзя.

В основе Анненского заложена ипохондрия, грусть и безысходность. «Мне не спится, мне невмочь, я шаги слепого слышу. Надо мною только ночь Оступается о крышу». Ну разве можно это сравнить с тем радостным ощущением дождя, который имел Тютчев: «Ты скажешь — ветренная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила».

Тем не менее, невозможно переоценить значение творчества Анненского, его выдающийся вклад в русскую и мировую литературу. Пусть это звучит довольно клишировано, пусть отдает канцелярщиной, но иначе и не скажешь. Его влияние на развитие отечественного литературного процесса, вылившегося, в итоге, в Серебряный век, бесспорно. При всем при этом, творчество Анненского, соединяющее в себе и классицизм, стойким сторонником коего он являлся, и модернизм, с экзистенциальными инспирациями, удивительным образом во многом предсказывает и определяет будущие пути развития русской поэзии. И назвать Иннокентия Федоровича «Камертоном Серебряного века» можно с полным правом.

Данная статья представляет собой компилятивный тематический, основанный на материалах электронных энциклопедий обзор, объединенный соответствующими комментариями и некоторыми выводами составителя.

Вадимир Трусов
(г. Мурино Ленинградской области)

НАШИ ТРАДИЦИОННЫЕ ГОСТИ ИЗ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»

ПАРАДОКСЫ «ПОЛОЦКОЙ ВЕТВИ»

Вступительное слово

Знаете, это какая-то удивительная ситуация: спроси меня сегодня, 30 лет спустя, как, каким образом удалось прийти к идее создания, а затем на протяжении трех десятков лет удержаться на плаву, не развалив, единственный творческий союз страны, созданный исключительно по инициативе «снизу», и я, пожалуй, не найду, что ответить. Нет, разумеется, был сформирован какой-то ход мыслей и идей, был предпринят какой-то набор действий, но что именно двигало инициаторами создания Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», почему их «эксперимент» удался — остается загадкой даже для меня, его главного застрельщика.

За эти годы наш союз прошел через всякое: и ссоры, и распри, и расколы, и судебные тяжбы, и предательства, и демонстративный разрыв членства, и сепаратистские «течения», и попытки саботирования решений руководящих органов, и тайное, и явное вредительство, и существенные перепады в численном составе, но все же какая-то непреодолимая центробежная тяга членов организации позволяла республиканскому творческому объединению снова черпать силы, восставать, как сфинкс из пепла, преодолевать свалившиеся на него напасти, расширять географию и круг лиц своего узнавания, находить новые точки опоры и роста.

По сути дела, без всякой государственной поддержки, опираясь исключительно на энтузиазм и веру в свои силы, на дочерние учреждения, на помощь отдельных белорусских организаций, меценатов или спонсоров, на друзей с российской стороны, на собственные средства, Белорусскому литературному союзу «Полоцкая ветвь» удалось выжить и плодотворно развиваться не только в лихие девяностые (а он был учрежден в далеком уже ноябре 1994 года), но и в «штормовые» двухтысячные, и в обюрокраченные десятые, и в нынешние «предгрозовые» двадцатые. Сейчас в нем почти восемь десятков писателей, объединенных двенадцатью региональными отделениями. Это не то, что было на численном пике в 2017-м (около 140 авторов), но и не то, что было в первые годы становления (от 25 членов). Среди членов — писатели из России.

Со всей очевидностью можно заявить, что мы имеем дело с феноменом «демократического централизма» в отдельно взятом творческом союзе, союзе писательском. В организацию приходили новые, яркие авторы, активу опять удавалось «поставить на ноги», внедрить новые значимые масштабные литературные проекты, изыскать источники их финансирования, и Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» вновь оживал, обретая «второе дыхание». Конечно, не все и не всегда шло и идет так гладко: канули в небытие газеты «Вестник культуры» и «Слово писателя», ушли с горизонта конкурс «Поэт-Артист» и выездные литературные семинары, не осталось места для круглых столов и проведения вечеров памяти, участия в столичной международной книжной выставке-ярмарке и Дне белорусской письменности, практически «дышат на ладан» конкурсы «Литературная корона» и поэтический, для молодых авторов, имени Евгения Матвеева... Под ударом даже Международный ли-

тературный фестиваль «Славянская лира» и литературная премия имени Симеона Полоцкого, республиканский творческий слет «Литературные встречи в Корсаково» — судьба их весьма зыбка и туманна. Да и сам актив организации, а также ее костяк заметно постарели. Но все же, несмотря на все препоны, в том числе и от казенного Союза писателей Беларуси, Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» продолжает свой путь к читателю. Из-под пера ветвевцев вышло девять коллективных республиканских сборников, альманахов, в т.ч. две антологии. А уж авторских и не перечить. И свидетельством тому, что союз жив, действует — представляемое вашему вниманию творчество ветвевцев (так величаем мы сами себя и своих коллег по организации), публикуемое в дружественном нам всероссийском литжурнале «Приокские зори».

Почетный председатель, и.о. председателя Совета, Президиума Совета Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», директор и главный редактор культурно-просветительского учреждения «Литературный свет» Олег Зайцев

Юрий Клеванец

Родился в 1964 г. в г. Красноярск-26 (теперь Железнодорожск). Среднюю школу окончил в г. Осиповичи Могилевской обл. БССР. Окончил Московский авиационный институт в 1987 г. Краеведением и литературной деятельностью занимается с 1994 г. Имеет более полутысячи публикаций по указанной тематике в местной, региональной, республиканской прессе, в журналах, литературных и научных сборниках. В России наиболее полно сотрудничает с журналом «Приокские зори» (Тула). Состоит в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» с 2004 года, с 2009 года — секретарь секции критики, с 2019 года — зам. председатель союза. В течение нескольких лет выступает модератором и членом жюри международных литературных конкурсов. Лауреат и победитель нескольких международных литературных конкурсов.

ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОР

Жил один мужик на Логойском. Ну, мужик — и мужик. Как все, в общем. Пил, конечно. Ну, его жена из квартиры и выгнала. Так вот, он в подвале стал жить, в загончике своем. Перетащил туда старый диван, чтобы спать — и жил. Ну, и крысы там бегали. Они ж в подвалах и живут. Так он с одной подружился. Надо же с кем-то поговорить. Он с крысой и разговаривал. Ну, и подкармливал, если что оставалось. Вот и жил.

И стали у него деньги заканчиваться. Снял он в один день с пальца кольцо обручальное и говорит крысе: «Вот что у меня осталось. Сейчас пойду, продам, проживем еще немного. А там не знаю, что будет, как мы жить будем». И так ей этим кольцом по носу стукнул.

Ну вот — и пошел, и продал. Купил чернильца, как всегда, и еще кое-чего: колбаски, хлеба там, сахару. Ну, и идет опять в свою конуру. Попил-поел, ночь уже, уснул. Утром поднялся — а на столе у него колечко лежит. Он посмотрел туда-сюда — и репу почесал. Оно похожее, но не то, на палец не налазит.

Ну, день прошел, неделя, деньги опять кончаются. И пошел он опять в скупку с новым колечком. Все нормально, колечко золотым оказалось. Продал. Опять жратвы-бухла накопил. Опять начал жить. Жил-жил, деньги снова заканчиваются. И в какой-то день глядь — опять колечко на столе. Ну, мужик уже и задумался: откуда такое счастье? Конечно, ничего не придумал. Решил, что, наверное, крыса носит. Ну вот, дело уже привычное, пошел снова в скупку. Продал. Снова живет.

А потом к нему участковый явился. Что-то ты, мол, не работаешь, а живешь, и еще золото сдаешь. Воруешь?

Ну, мужик — так и так — рассказал, кто его спонсирует, и решили они с тем ментом за крысой проследить. И нашли. В соседнем дворе в домах подвалов не было, а были сарайчики. А под сарайчиками крысиные норы. Вот там где-то и был тайник. Ну, клад когда-то закопали, то ли евреи, то ли еще кто.

Тот мент сразу же сказал: ты сдавай этот клад, получишь четверть — по закону. Мужик и сдал, получил четверть, по закону. Квартиру купил, машину купил — и стал жить.

Жену новую молодую нашел. Старая-то, конечно, хотела вернуться, обновить отношения, так он сказал: ни фиги. Так и сказал.

Вот такие дела. Бывает, что и простому человеку везет...

ГОЛОСА ИЗ 90-Х

1. Праздник Купалы

- Не, ну такого Купала еще я не видел — ни при застое, ни при перестройке...
- Эта же бардак. Перепились все, таскались по этому пляжу, как шланги гофрированные... Милиция, конечно, стояла, ансамбль играл — и все, как снопы... Купаться лазили — их начальник лодочной станции веслом гонял.
- Трое утопились, да одного откачали... Там пел один в микрофон, сам пьяный — ничего не понять, но всем нравится: «Э-э-э! Давай еще!»
- Водка в два раза дороже была — и все равно... Ага! Баба одна голая бегала...
- Как голая? Совсем?
- Не, не совсем, в трусах. Груды болтаются до пупа, а сама молодая еще — лет шестнадцать. А грудищи — во!
- Оттянул, наверное, кто-то.
- Ты бы там за ней пристроился.
- Ну! Я с женкой.
- Пристройся, так еще наматываешь что-нибудь.
- Костры палили, танцевали, потом молотиться начали...
- Ага! Там — танцуют, там — по репе бьют...
- Там — ...
- Ага! Я пошел в лес — а темнота... Слышу: «Ой, дурак... О! О!» Ну, думаю, — все уже...
- Пошел бы, посмотрел.
- Темна. Я-то пошел — раз, что-то под ногами. Гляжу — человек...
- Ты бы на нее и упал.
- Не, это мужик... Люди — скоты...
- А еще одна баба купаться полезла — раз, что такое? — Человек лежит. Под водой.
- Напился и лег на дно.
- Откачали?
- Ну! Он, может, там уже полчаса пролежал. Напился — и лежит.
- Не, ну это не праздник. Это разврат.
- Моему куму к голове пистолет приставляли.
- Как пистолет?
- Пьяные были... Он потом тихенька собрался — и да хаты. Ну его, такие праздники.
- И я вот тоже так подумал. Пошел на автобус, а ко мне баба какая-то прицепилась. Так, ничего, лет тридцать... «Подвези меня!» — Я говорю: я на автобусе. Она ничего не слышит, пьяная.
- Не, ну это разврат... И ни комаров им, и ничего...
- Все комары от такого выхлопа за Бобруйск улетели. Ага!
- А один лег каля костра и спит. Его кто-нибудь падгарнул бы ближе — он спекся бы и не почувствовал.
- А эти, спасатели, говорили: «Ну, нам сегодня работа будет!»
- Да, была им работа. Начальник баб веслом от воды отгонял.
- А я шел домой, смотрю: муж, жена, и, наверное, сын — идут, спотыкаются, один за одного хватаются. А ты там был?
- Нет. Раньше там хоть плоты плавали — Нептуны там всякие... А теперь: пришел — напился — ... — побился — утопился. Я напиться и дома благополучно могу.
- Не, ну так народ оскотинел...

2. Уменье жить

Знаете Астахова из третьего цеха? Ну, артист! Ну, артист! Не ожидал. Стояли мы в магазине за маслом. А очередь — человек пятьдесят. Ну, я впереди стою, он позади, и вот толкает он меня в спину и говорит: ты подожди, браток, тут впереди в очереди баба одна стоит, я сейчас к ней сбегаяю, а потом вернусь.

Ну, ладно.

А эта баба — Надька из третьего цеха, он ей ни кум, ни сват. Подходит он к ней, а она ему: «Ты это, Сашка, куда запропастился, я тебя жду-жду, очередь подходит, а тебя все нет». А он ей: «Да я, типа, Надя, туда, да я, типа, Надя, сюда, вот, за деньгами сбегал, денег же не хватало, вот вымок весь...»

Представляешь? Платочек ведь достал, лоб вытирает. Там другие, которые в очереди стояли, косо так на него посмотрели, но ничего, пропустили. Взял он масла.

А потом подходит ко мне, становится за мной и еще раз берет. А потом отходит назад, пристраивается еще к одной бабе. Ну, там-то народ видел, что он делает, начал возмущаться. Астахов кричит: «Я здесь стоял». И баба кричит: «Он здесь стоял!» И еще одна баба подвалила, тоже говорит: он здесь стоял. Я смотрю — и она из третьего цеха. Разве баб перекричишь? Плюнул народ, перестал спорить.

Понял? Нет, ну ты понял? Он три раза масла взял! Артист!

Вот как надо уметь жить!

3. Случай на охоте

— Ну, ты! Пьянь хроническая! Угости сигареткой!

— И ничего себе! Обижаешь... Не хроническая... Периодическая.

— Виноват, исправлюсь. Периодическая, но запойная. Ну, дай сигарету, жила!

— А вот был еще один случай. Собрались наши на охоту: летчики, с ЛИСа* один, охранники. Короче, все самые бездельники. Договорились с лесничеством. Набрали спирту, а то водка дорого стоит, а спирт — вот он — лей канистрами. Ну, они и взяли канистру. Это же на семь рыл, прикинь! Ну, приехали они к егерю на хату, сели и начали пить. А у них там старичок один был, охранник, или в пожарке он тогда работал, так он первым отключился. Ну, отключился себе и полез на печку — спать. А у егеря там на печке бабка жила, совсем старая бабка, так она с печки и не вставала. Так он залез прямо на эту бабу. Потом рассказывал, что старушка — то еще ничего, рано ее на свалку выбрасывать.

Но это еще не все. Слушай дальше. Ночью один подскочил, пошел нужду справить. Вышел на крыльцо, смотрит: под луной лось ходит. Он назад. Разбудил всех, оделися, выскочили, окружили тую полянку и лося того в семь ружжов завалили. Завалили, приволокли к дому и стали разделывать.

— Да ты погоди — ведь один там кричал: «Рога мне оставьте! Я хочу рога!»

— Ну, кричал, было... Разбирают они лося, шкуру там снимают, все такое.

А потом смотрят: копыта у лося — с подковами! Это коня они егеря завалили.

Ну, пока то — се, егеря, не будь дурак, ружья у них у всех собрал и в погреб к себе спрятал. А наутро — условие им: полторы тысячи и тушу конскую с собой забираете.

Пришлось скидываться — куда ж деваться!

* ЛИС — летно-испытательная станция.

Юрий Куцевалов

**ИЗ СБОРНИКА «КОРОТКИЕ ИСТОРИИ
ПРО ФЕРМЕРА КОЛЮ И ЕГО КОТА
РЫЖЕГО»**

Родился в 1972 г. в г. Грозном. Прозаик, поэт, детский писатель. Закончил филологический факультет Грозненского университета. Работал преподавателем русского языка, педагогом дополнительного образования. Победитель Международного литературного фестиваля «Славянская лира — 2023». Автор сборника прозы «Пумпины сказки» и сборника подростковой прозы «Сказки и истории».

*Николаю Василевскому, Другу и Писателю
Эльвире Бачура, ученице школы № 7 города Мозыря*

КАК РЫЖИЙ КОЛЕ НА ШЕЮ СЕЛ

В одной большой зажиточной деревне жил да был трудолюбивый фермер по имени Коля. И был у него большой участок земли, на котором он выстроил добротный крепкий дом и разбил огород, на котором заботливо растил картофель, пшеницу и капусту. И любил Коля по вечерам на красивой просторной веранде пить крепкий чай с медом, который собирал на своей пасеке позади дома.

Однажды утром, когда Коля трудился в своем огороде, удабривая капустные грядки, к его калитке подошел маленький худой и уставший рыжий кот с узелком в лапах и робко постучался.

— Подайте стакан воды и корку хлеба усталому путнику,— сказал он Коле.

Очень добрым и хлебосольным хозяином был Коля. Он пригласил кота войти в дом, усадил за стол, налил полную кружку сметаны и положил в одну тарелку целую гору картофельного пюре, приготовленного на свежем молоке, и несколько сарделек, а на другую — кучу вареных раков, которых наловил накануне вечером в речке, протекающей у опушки недалеко леса.

Плотно позавтракал кот, а потом попросил Колю, умоляюще сложив лапки:

— Не позволит ли добрый человек бедному уставшему коту поспать с дороги в его теплом уютном доме? Но сначала пусть добрый человек скажет коту свое имя, чтобы котик смог денно и ночью благодарить его за доброту?

— Меня зовут Коля,— ответил фермер, погладив кота по голове.— Тебе не стоит меня благодарить, я помог тебе, потому что люблю все, что живет и растет на земле. А как зовут тебя?

— У меня нет имени, каждый зовет меня как хочет.

— Тогда я буду звать тебя Рыжий.

Коля постелил коту на полатях самую мягкую перину, положил ему под голову самую удобную подушку и укрыл самым теплым одеялом. Кот уснул, а Коля продолжил свою работу в огороде. Он работал до поздней ночи, очень устал и поэтому сразу уснул, едва его голова коснулась подушки.

Кот же, которого теперь звали Рыжий, проспал весь день и всю ночь до самого утра. Услышав, что Коля проснулся, он слез с полатей и уселся за стол.

— Что у нас сегодня на завтрак? — скромно опустив глаза, спросил он.

— Суп из капусты, свиные отбивные и клюквенный морс, — ответил Коля.

— Положи мне, пожалуйста, побольше всех этих вкусных вещей, — жалобным голосом попросил Рыжий. — Я такой голодный! Я так плохо и так мало питался до того, как пришел к тебе!

И фермер Коля накормил его до отвала. Потом снова занялся своим огородом, а Рыжий устроился на полатах и притворился спящим.

На следующий день после сытного завтрака Коля сказал Рыжему:

— Не сможешь ли ты мне работать в огороде? В нем так сильно разрослись сорняки!

Но глаза Рыжего наполнились слезами:

— Как же я могу работать в огороде, если я такой маленький, худой, уставший и слабый? Мне так плохо жилось, пока я не пришел в твою прекрасную усадьбу! Не разрешишь ли ты мне остаться у тебя жить, набираться сил и быть тебе помощником и утешителем?

— Я буду этому только рад, — ответил Коля и, погладив Рыжего по спинке, ушел работать один, а Рыжий снова улегся на полатах.

Через некоторое время фермер снова обратился к коту:

— Рыжий, погляди какая у меня уродилась капуста! Не сможешь ли ты мне полить ее?

Но кот снова грустно опустил голову:

— Как же я помогу тебе, если у меня разыгрался такой сильный радикулит?! Не укутаешь ли ты мне спинку, чтобы согреть ее?

Добрый и сердобольным человеком был фермер Коля. Он укутал Рыжего в свой самый теплый пуховый жилет, отнес на полаты и уложил под одеяло.

Так и повелось у Рыжего и Коли: кот сытно ел и сладко спал, по первому слову получая все самые вкусные продукты и самую удобную и теплую одежду, и страшно растолстел, а фермер все сильнее худел и таял, как свечка, в заботах о своем прекрасном огороде и нахальном рыжем коте. А Рыжий вечерами, когда Коля крепко засыпал, урабатываясь до изнеможения, начал потихоньку выбирать в сад и съедать самые спелые яблоки и самую сладкую клубнику.

Но вскоре и Коля, и его кот стали замечать, что кто-то еще забирается к ним в огород и таскает морковку, капусту и лук. И они решили устроить засаду на неведомого вора. Однажды вечером, выключив свет во всем доме, как будто все уснули, оба устроились у окон, выходящих в огород. И около полуночи Коля увидел шайку крупных серых крыс с невероятно длинными хвостами, которые пролезли сквозь дыру в заборе и направились к капустным грядкам. Коля схватил веник, помчался за крысами, замахнулся... но ничего не успел сделать, потому что в этот момент с треском распахнулось окно, из него как рыжая торпеда вылетел кот и сгреб лапой за хвосты всех крыс.

— Никто не смеет воровать продукты у моего друга, кроме меня! — зарычал Рыжий. А потом выпустил когти, похожие на маленькие сабли, и отсек разом все крысиные хвосты.

Крысы упали на землю, а потом стали перед Рыжим на колени.

— Ты победил нас, — сказала главная крыса. — Согласно древнему заклятию, лишивший нас хвостов становится повелителем нашего народа. Отныне мы твои вечные слуги! Приказывай — мы повинемся!

— Слушай мой первый приказ! — сказал кот. — Каждый день, с утра до вечера и с вечера до утра, вы будете обходить дозором границы фермы моего друга Коли, не пропуская на территорию ни одного чужака! Кроме того, вы обязаны по первому слову вскапывать и пропалывать грядки там, где укажет Коля! Все понятно?

— Так точно, Ваше Превосходительство!

— Вперед, марш!

Крысы строевым шагом ушли выполнять свои новые обязанности, а Рыжий сказал Коле:

— Прости меня, друг мой, за то, что я вел себя как эгоист, заставляя тебя работать и обслуживать меня, совсем тебе не помогая! Отныне и навсегда мы будем и верными друзьями, и напарниками, и коллегами по работе! Вот увидишь, сколько пользы, счастья и радости это принесет нам обоим! Если согласен — вот тебе моя лапа!

И новые друзья сначала пожали друг другу руки-лапы, а потом крепко обнялись.

КАК КОЛЯ И РЫЖИЙ СОСЕДЕЙ ПОМИРИЛИ

Эля была не единственной соседкой фермера Коли и кота Рыжего. Она жила по левую руку от них, а с другой стороны в небольшом домике жила семейная пара — толстая, страшная и сварливая Тетка Ирка и ее угрюмый, затюканный женой и жизнью муж, Дядька Петька. Целыми днями они ссорились между собой по любому поводу, и тогда Коля, Рыжий и Рыжечка включали громкую музыку и начинали петь и танцевать.

Однажды Дядька Петька пришел в гости к друзьям еще угрюмее, чем обычно. Коля готовил рассол для закатки огурцов, а остальные спали на полатах.

— Я не могу больше жить под одной крышей с этой ужасной женщиной, — сказал Дядька Петька. — Пожалуйста, спрячь меня понадежнее!

Коля помог ему забраться в огромный сундук, стоявший возле большой русской печки, на полатах которой спали Рыжий и Рыжечка, а рядом находились полки с глиняными горшками разных размеров — от очень маленького до такого огромного, что в него мог бы поместиться взрослый человек. Едва он захлопнул крышку, как в дверях появилась Тетка Ирка. Ее маленькие хитрые глазки обшаривали комнату.

— Не у тебя ли прячется мой Петька? — спросила она Колю.

— Я не видел его со вчерашнего вечера, — ответил Коля.

Тут Дядька Петька громко чихнул в сундуке от скопившейся там пыли.

— А там у тебя кто? — с подозрением спросила Тетка Ирка.

— Черта поймал, — ляпнул Коля первое, что пришло ему в голову.

У Тетки Ирки загорелись глаза:

— Серьезно? Никогда не видела черта! Какой он? Покажешь?

— Он выглядит по-разному для разных людей, но почти всегда принимает облик одного из тех, кто живет под одной крышей с тем, кто смотрит, — хитро ухмыльнулся Коля. — Черт очень хитер! Так что тебе лучше не открывать сундук — худо будет!

Но Тетка Ирка уже подкралась на цыпочках к сундуку и приоткрыла крышку.

— Свят, свят! — перекрестилась она, заглянув в щелочку. — Вылитый мой недотепа!

Тут Дядька Петька не выдержал, откинул крышку, выскочил из сундука и задал стрекоча, только его и видели. Но на бегу он споткнулся о лопату, схватился рукой за полку, она накренилась и самый большой горшок, соскользнув с нее, перевернулся в воздухе и упал прямо на Тетку Ирку, да так, что она оказалась внутри него.

— Спасите! Помогите! — завопила Тетка Ирка. — Я темноты боюсь!

Тут от шума проснулся Рыжий. Узнав голос Тетки Ирки и поняв, что произошло, он спрыгнул с полатей, подкрался к кувшину и зашипел страшным голосом в дырочку, появившуюся в кувшине от падения:

— Одумайтесь! Одумайтесь и покайтесь!

Тетка Ирка заскулила от ужаса.

— Смертный грех обижать ближнего своего! — продолжал вещать с подвыванием Рыжий. — Одумайтесь, иначе черт окутает вас тьмой на веки вечные, а слышать вы будете только звон в ушах!

— Кто ты? — спросила Тетка Ирка, стуча зубами от страха.

— Я твоя совесть! — голос Рыжего уже превратился внутри кувшина в громовой рев.

Но вдруг второй кувшин, упав сверху на тот, под которым томилась Тетка Ирка, разбил его вдребезги.

— Вы тоже слышали голос моей совести? — спросила сидящая на полу Тетка Ирка, переводя взгляд с Рыжего на Колю и обратно.

— Конечно нет! — сделал удивленные глаза Коля. — Голос совести может слышать только тот, кому эта совесть принадлежит!

— Так может, мне все приснилось? Черт... Звон в ушах... — начала было Тетка Ирка, как вдруг...

БОМММММММ!!!!

Рыжечка с размаху ударила большой деревянной ложкой по жестяному тазу, висящему на гвозде над полатями. Услышав обещанный звон, Тетка Ирка рысью припустила за мужем, застрявшем в кустах крыжовника на границе участков, и заключила его в объятия. А потом помогла выбраться из колючих зарослей и оба они, обнимаясь и улыбаясь друг другу, направились к своему дому.

— Снимаю перед тобой шляпу, мой друг! — сказал Коля Рыжему. — Благодаря тебе в мире стало на одно счастье больше!

КАК КОЛЯ И РЫЖИЙ ЭЛЮ СПАСАЛИ

Одним ясным теплым летним днем, когда Коля и Рыжий копались в огороде, удобряя кусты роз, а Рыжечка готовила им обед, с улицы донеслись звуки красивой музыки. Они все приближались и приближались, и наконец до друзей донесся громкий стук в их калитку. С удовольствием разогнув уставшие спины, Коля и Рыжий отворили ее и увидели толстого бородатого человека, поигрывающего на дудке. На плече у него сидел крупный серый кот, а рядом — большой черный пес. Вглядевшись, Коля узнал своего давнего приятеля, Боцмана Гарри, которого не видел уже несколько лет, с тех пор как тот отправился в кругосветное плавание. Обрадованные приятели крепко обнялись, и Коля провел гостей в дом, усадил за стол на веранде, и все шестеро принялись за вкусный обед.

— Хорошая у тебя усадьба, — одобрительно оглядываясь, говорил Боцман Гарри своим скрипучим голосом. — Ты всегда был привязан к земле, любил ее, заботился о ней, и она платила тебе за это хорошими урожаями. Но такому прекрасному дому и доброму участку нужна хозяйка!

— Все мое время, — улыбнулся Коля. — Ты ведь тоже до сих пор один?

— Я — другое дело! Моя семья — это Грот (Боцман Гарри кивнул на собаку), Фок (кивнул на кота), наша старая шхуна и ветер в ее парусах. Вся наша жизнь — плаванье с попутным ветром от берега к берегу, поиск новых земель, вкусных блюд и крепких напитков!

Коля улыбнулся — с первых дней их знакомства Боцман Гарри пил как лошадь, оставаясь при этом профессионалом своего дела. В подтверждение этой мысли его приятель выставил на стол из своего матросского сундучка две большие темные бутылки с иностранными этикетками, и еще две поменьше, с нарисованной на пробках клюквой.

— Нам с тобой — лучший ямайский ром, а нашим мохнатым друзьям — клюквенный морс! — объявил Боцман.

Рыжий с улыбкой в ответ выложил на стол честно похищенного вчера у кого-то из соседей крупного копченого сома...

...Праздник затянулся допоздна. Прежде чем все уснули, было выпито много рюмок рома и морса, произнесено много тостов и спето много песен, сыграно много

заморских мелодий на боцманской дудке Гарри. Рыжий и Рыжечка потеснились на полатах, пустив туда Грота и Фока, Коля ушел к себе, а Боцман устроился на широкой скамье прямо на веранде.

Наутро Коля по привычке проснулся с первым лучом солнца и ушел поплавать в реке, пока остальные еще спали. Рыжий и Рыжечка еще видели во сне загадочные дальние страны, навеянные вчерашними рассказами их нового знакомого, как вдруг...

— Ааааааааааа!!!

Рыжий, Рыжечка, Грот и Фок подскочили от неожиданности, выглянули с полатей и увидели в дверях веранды Тетку Ирку — ту самую, которую когда-то мирили с мужем. Только что проснувшийся Боцман Гарри смотрел на нее дикими глазами и вопил от ужаса.

— Господи!.. Ведь практически не пил! — перекрестившись, прошептал он сиплым со сна голосом. И обратился к остальным: — Кто это чудовищное порождение винных испарений?

— Соседка, — так же шепотом сообщил Рыжий. — Тетка Ирка.

— Где Коленька? — промурлыкала незваная гостья, томно улыбаясь.

— Ушел в лес за грибами, — соврала Рыжечка. — Будет нескоро. Что ему передать?

— Мой недотепа наконец-то сбежал от меня, — Тетка Ирка перешла на деловой тон, — так что я теперь совершенно свободна. И это весьма кстати, поскольку у меня под боком пропадает такой видный мужчина, как Коленька! Он хозяйственный, деловой и совершенно свободный, а участок и дом у него — дай Бог каждому! Я согласна выйти за него замуж!

Рыжий и Рыжечка от испуга упали с полатей.

— Ничего не выйдет! — сказал Рыжий, настороженно выглядывая из-под лавки. — У Коли уже есть дама сердца, да такая, от которой никто не захочет сбежать!

— Кто?! — в один голос спросили разъяренная Тетка Ирка и заинтригованный Боцман.

— Эля! — с гордостью сообщила Рыжечка. — Умница и красавица!

— Не то, что некоторые! — пробормотал Боцман.

— Это мы еще посмотрим, кто из нас «некоторые», — прошипела Тетка Ирка и заспешила прочь, а на веранду прокрался Коля, вернувшийся с речки и прятанный за пыльным кустом шиповника, ожидая, когда уйдет непрошенная гостья.

— Чует мое сердце, что эта история добром не кончится, — сказал он друзьям. — Я волнуюсь за Элю!

— Что же это за Эля такая, — спросил Боцман, — и чем она сумела завоевать твое неприступное сердце?

— Это наша соседка, за которой нужен глаз да глаз, — ответил Коля. — Она попрыгунья-стрекоза, которая, если за ней не приглядывать, может пропеть не только красное лето, но и всю свою жизнь.

Остаток дня друзья провели за беседами об Эле, о видах на урожай и о дальних странах, в которых довелось побывать Боцману Гарри и его верным друзьям Гроту и Фоку. А когда солнце, клонясь к западу, коснулось вершин сосен в лесу, перед Рыжим появился и вытянулся в струнку бригадир его гастарбайтеров.

— Ваши Сиятельства, — обратился он ко всем друзьям сразу, — осмелюсь доложить, что Жуткое Чудовище Тетка Ирка, живущее по правую руку от вас, собирается обсудить какие-то темные дела с главой Кроликов Баскервилей!

— С кем, с кем? — удивился Коля.

— Кролики Баскервилей — это гильдия наемников, которые берутся за самые темные и грязные дела. Туда входят злые и неприятные звери, их шайки притаились по всему свету, и одна из них проживает на дальней опушке нашего леса. С ними Жуткое Чудовище Ирка и заключила какую-то сделку.

— Сдается мне, я слышал о них, — прищурился Боцман Гарри. — Они всегда

доводят до конца любое начатое дело и не стесняются в средствах для достижения цели.

— Разведать и разузнать все, что сможете! — приказал Рыжий, и крыс исчез, только в траве прошуршало.

Ожидание показалось друзьям страшно долгим, но наконец, когда солнце полностью опустилось за горизонт, перед ними появилось сразу трое слуг Рыжего.

— Осмелимся доложить, Ваши Сиятельства! Шайка Кроликов Баскервилей по наущению Жуткого Чудовища Ирки только что злодейски похитила вашу соседку Элю!

— Я же говорил, — вздохнул Боцман. — Они выполняют задуманное любой ценой!

— Только на этот раз они не учли, что имеют дело с самыми лучшими сыскарями в мире, — сказал Рыжий, — с моими слугами!

— Так точно, Ваши Сиятельства! — подтвердили крысы. — Мы выяснили, куда преступники спрятали Красавицу Элю! У корней самого высокого и самого старого дуба в нашем лесу есть пещера, где Кролики Баскервилей нашего района держат награбленное. Там находится и ваша соседка! Проблема в том, что вокруг пещеры сейчас бродит вся шайка в полном составе. Их много!

— На каждого Кролика Баскервилей, — с гордостью сообщил Боцман, — найдутся мои верные Грот и Фок! Не так давно, когда наша шхуна стояла на ремонте в доках одной восточной страны, они с отличием закончили курсы боевых искусств в элитной академии Ляо Шинь среди высочайших земных гор!

Гарри кивнул своим спутникам, и они облачились в свободные белые балахоны, подпоясавшись черными кушаками. А потом все шестеро, ведомые крысами, бросились по следам Кроликов Баскервилей, чтобы вырвать Элю из их когтистых лап!

Старый Дуб обнаружился быстро; но любые подступы к нему были заблокированы Кроликами, которые угрожающе шевелили ушами и щелкали страшными клыками. И тогда Грот и Фок вступили в бой! Их лапы, уши, зубы и хвосты мелькали так стремительно, что их с трудом можно было рассмотреть, а Боцман еще и окутывал врагов густыми клубами дыма из своей трубки, отчего Кролики мгновенно падали в обморок. А Коля, Рыжий и Рыжечка пробрались в пещеру, вытащили оттуда бесчувственную Элю и оттащили ее подальше от битвы.

Скоро все было кончено. Всех Кроликов связали и сложили поленицей у ствола Большого Дуба, а Грот и Фок подвели к остальным Тетку Ирку.

— Я просто хотела осчастливить нас обоих! — злобно прошипела она Коле.

— Счастье не доставляют насильно, — ответил ей Боцман. — Счастье идет от сердца, а твои сердце и душа очерствели и почернели от злости!.. Что бы нам такое с ней сделать? — спросил он у Грота и Фока.

В ответ Фок протянул ему лист бумаги, отнятый им у предводителя Кроликов, а Грот что-то зашептал другу на ухо. Боцман кивнул ему, прочитал написанное и показал лист Коле.

«Предъявитель сего получает в вечное владение мой прекрасный участок с домом и огородом», — прочел Коля подписанную Теткой Иркой и заверенную лучшим в округе нотариусом бумагу.

— Этот кошмарный сон нетрезвого матроса расплатился с Кроликами за похищение Эли своей усадьбой, — пояснил Боцман. — Она положила глаз на ваш участок, но поскольку Эля была для вас ближе и дороже нее, Ирка и решила устранить ее чужими руками. Она была уверена, что, устранив объект вашей симпатии, сама сможет занять ее место. Я знаю, что надо делать — Грот и Фок подсказали мне отличную идею! — У тебя тачка есть?

Получив требуемое, Боцман, Грот и Фок погрузили на нее Тетку Ирку со всеми кроликами и, сказав остальным «ждите нас на своей гостеприимной веранде дней через десять», куда-то умчались. Коля, Эля, Рыжий и Рыжечка долго смотрели им

вслед, ничего не понимая; а потом, решив, что Боцман и его спутники покинули их навсегда, отправились по домам. И все стало, как было, только отношения между Элей и Колей стали намного ближе и сердечнее.

Они уже не надеялись снова увидеть Боцмана и его друзей, как вдруг однажды, на исходе одиннадцатого дня, когда Коля, Эля, Рыжий и Рыжечка пили чай на веранде Колиной усадьбы, с улицы до них донеслось приближающееся посвистывание боцманской дудки Гарри и хриплые, но приятные голоса Грота и Фока, поющие пиратскую песню. Распахнулась калитка, и трое товарищей, пританцовывая, подошли к друзьям.

— Боцман, Грот и Фок всегда держат свое слово! — улыбнулся Гарри, пряча дудку в карман. — Мы сами назначили вам время и место встречи — вот мы и здесь!

Семеро друзей сердечно и искренне обнялись.

— А куда вы дели Тетку Ирку и ее бандитских Кроликов? — спросила Эля.

— Мы продали их в рабство, — улыбнулся Боцман. И, увидев ужас на лицах друзей, пояснил: — Во время одного из наших самых дальних странствий мы открыли остров, которого нет ни на одной карте в мире. Там в уединении живет самое честное и справедливое на свете племя Мумба-Юмба. Они добровольно уединились от всех, чтобы сберечь в неприкосновенности всю любовь, честность и справедливость, которые еще есть в мире. Но со временем они начали скучать в своей добровольной изоляции. И тогда мы с Гротом и Фоком подрядились доставлять их на перевоспитание злых и коварных людей. Всем хорошо — мы получаем золото, вкусную еду и сладкие напитки, они — развлечение в виде перевоспитания злодеев, которые, хоть и являются пленниками, могут свободно покинуть остров, но только после того, как станут честными, милыми и добрыми. В мире же становится хоть немного меньше зла и несправедливости.

— Почему же бывшие злодеи после освобождения никому не рассказывают, где находится этот остров, и кто на нем живет? — спросила Рыжечка.

— Потому что мы доставляем их туда с завязанными глазами. Когда же приходит время освобождения, вождь присылает к нам почтового попугая, мы приходим и так же вслепую возвращаем их туда, откуда взяли.

А теперь — самая хорошая новость! — Боцман ухмыльнулся и выложил на стол папку с делового вида бумагами. — Помните расписку на предъявителя, которую Фок отнял у главаря Кроликов? Благодаря ей мы отжали у вашей злобной соседки ее усадьбу и теперь будем жить рядом с вами. Мы постарели, и все чаще задумываемся о месте, в котором могли бы бросить якорь. Эта усадьба прекрасно подходит для этого. Что может быть лучше свежего воздуха и добрых друзей рядом! Будем вместе растить цветы и бороться с несправедливостью!

Сергей Ситкевич

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — ВЕНА — НЕСВИЖ

Родился в г. Орша. В 1981 г. окончил Минский Государственный педагогический институт им. М. Горького по специальности преподаватель физики, в 2007 г. — Высшие литературные курсы (Санкт-Петербург). Книги: «Кино моего окна», «Автограф», «Мозаика», коллективные сборники. Печатался в журналах: «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Западная Двина» (Минск), «Литературные знакомства» (Москва), «Пять стихий» (Донецк). Член Белорусского Литературного Союза «Полоцкая ветвь». Дипломант, лауреат и финалист многих литературных конкурсов.

Славному юбилею славного города посвящается.

Дочек встречал я в национальном аэропорту... Ястребы щерились в зале Овальном: про демократию речи сакральны — новости слушать неумоготу. Время метафор возвышенно-властных — брызжет поэзия в светских кругах. Жоутоблакитной Европы соблазны не потускнели бы, ради касты, сеющей праведный крах...

Мы не встречались четыре года. Доченьки-зореньки — лунный сонет. Ластауки [1]. Выпорхнули на свободу... диагностировать непогоду... На проводах — флажолет. Нудно-ковидный уклад опостылел. Новость: гибридная — надо ж — война!

— Что там с таможенной?.. Добро? — легкокрыло с плеч рюкзака и в стремительном стиле ну, обнимать меня.

— Так, дорогие мои, программа плотная будет. Блокируем грусть. Вены масштаб и размах Ленинграда не обещаю, но точно ни грамма не пожалеете, что в Беларусь, к центру Европы из «райского сада» вырвались в ширь васильковых полей. Жадная зависть плодит канонады, вместо жевательного мармелада танки клепают и егерей. Здесь по старинке же. Проще будьте. Край «заготовок», напитков...— «Дюшес»!.. Мир захлестнуло лоскутной мутью, он в тупике или на распутье — точно попутал бес.

Дождик и солнышко. В ласковый Несвиж! Пышет легендами городок. Стужи нашествий. Но свеж, и торжествен, в списке волнительных путешествий — красно-зеленый флажок. Едем по трассе простуженно гладкой. Легкий укачивающий шелест шин. Дочки, на прелести всякие падки, что-то листая в смартфонных тетрадках, смотрят кино придорожных картин. И погружаются:

— Семь... двадцать девять... айсты! — сладостно сердце пронзил мирный пейзаж,— он достоин шедевров. Фотки бы надо и видео сделать. Папа, притормози. Как это, столько буслоу [1]... и сразу? Их же по пальцам у нас перечесть.

— Слушай, скажу тебе умную фразу, но без обиды: у вас там заразно, что не возьми — птицам нечего есть.

Выбрал напрамак [1] нарочно — по кругу, чтобы со Слуцкой сторонки войти в город. С моста подивиться запрудой, лестницами: из ниоткуда в никуда... пути. Мо-

жет, из Старого парка в Английский? «Черная Панна» [2] пылью [1] нас. Значит, беда притаилась. Близко... Но бережет белорусов Марыся — «Белая Панна». Клаас — пеплом, что камень на сердце... стенает [3]. Бронзовый древнего тополя след [4] каждому смертному напоминает, как матерей и детей карает новых порядков скинхед...

Бродим вальяжно вдоль берега. Замок. Башенки, башни, костел. Уша [4]. В прежние годы — валы, рвы и бранды [1]. А по аллеям — роскошные дамы... просятся с карандаша на лист бумаги — портрет. А на холст — красками... в полный рост. Вышли на площадь торговую. Справа и слева — ряды. Шпиль — в лучах силуэт Ратуши.

— В дар — Магдебургское право было у нас. Невеликая слава. Только вот, в Питере ратуши... нет. Самое главное: центром культурным слыл городок этот сотни лет. Знал он восторг восхитительно бурный, знал и разоры. Акупунктурно действовал лазарет. Фельдшер лечился здесь — Паустовский. Маулял з тутэйшымі [1] философски: байки записывал, чем обусловил будущей повести трепетный свет. Вот же, родись вы пораньше немного, принял бы в трупку вас Радзивилл. Не у Долгушина [3] танцами ноги тренировали б, а... вроде... при Боге — Некоронованные Короли.

— Некоронованные? Радзивиллы?

— Да, богатейший старинный род. Здесь, почитай, до войны жили-были, тихим местам приумножили силы — помнит, представьте, народ. Самый чудной из них Пане Коханку [3] — так обращался он, ну... ко всем. Был удалцом, балагуром и зранку [1] — местный Мюнхгаузен — шуток солянку залпом выстреливал в сейм. Сын, между прочим, самой Вишневецкой — первой писательницы ВКЛ [5]. Женщины мудрой, начитанной, светской. Вирши творила, ставила пьески (раньше варшавских светил, москворецких — смею заметить вам). Слушали в Клецке, Вицбеске... на земле Мазовецкой песни ее капелл. Как-то на несвижский бал знойным летом съехалась шляхта со всей Литвы. Были и польские там кобеты [1] в сопровождение хорунжих — корнеты мощью телес постоянно швы потных жупанов на прочность тестировали, между шикарных убранств лавируя. Кароль обряжен в мундир воеводы (кстати, владения под Веной имел): ярко гранатный кунтуш, отвороты, ножны с камнями, пояс модный в нитях золотых — четырехсторонний (даже с изнанки не постарел), — конфедератка — солидный пострел. Несколько залов соединили — сервировали огромный стол. Так как фарфор постоянно били, на «серебро» всю посуду сменили. В зале соседнем — танцпол. Устриц раздали, аж несколько бочек; разных напитков — бутылок не счесть. Блюда: «бандиты» из заячьих почек, жгучий гуляш из кабаньих мочек. «Кушай! — Оказывай честь». Щука говядиной фарширована, утка, индейка — салом свиным. С вяленным рябчиком промаринованы лук и копченый налим. Сам Радзивилл... да по комнатам хаживал: «Пане, коханку! Не пьете чаму [1]? Князя не читите? Неплохо зажили. Как бы... не милостивы к нему...».

— Князю здоровья и слава! — кричали, стоя бокалы опустошали.

— То-то. И быть по сему.

Вечер же душный. Каштаны вяли. Не расставался Станислав с платком. Женщины часто наряды меняли. Гости салфетками лбы вытирали, жар охлаждая вином.

— Смилуйся, княжа, — взмолились. — Довольно.

— Добре, Панове, айда отдыхать. Скоро, ручаюсь, здесь будет «морозно»: зиму на завтра устрою раздольно — буду в санях вас катать.

Утро пахнуло настоящим ветром.

— Боже, а что это? Батюшки, снег!

Солнце палит. Блики яркие щедро — по всей округе. На километры шлях замело. Офицер из Сапег [3] выдавил вызревшей думки мозоль: «Свят-свят, так это же... — соль».

Редкая вещь, доложу, — дорогая! Импорт по тем временам. Чудеса. Все по каретам — в костел, ругая черта, шампанское и взывая к милости небеса... Лихо, скажу,

прокатил их Станислав. И повелел замолить грехи. «Снегу» наскрипывали «сольно» мысли, и увозили с собою на Вислу пани о Панае Коханку стихи.

— Вот, интересно: в Европе что? Так же весело дни проводила знать?

— Думаю, были свои выкрутасы. Знаю лишь: Князь утверждал — англосаксы скучно привыкли гулять...

Да, мы — у цели. Парадная лестница. Зал Золотой и Охотничий зал. Малый столовый, Каминный... Встретиться «Белая» ль «Черная» ль Панна, предвестница?... Я... про себя размышлял. Ладно, Станислав снега сбутофорил. Мы же, а мы-то чего же творим? «Зим» заготовили целые горы: вот-вот обвалятся в наши раздоры; рухнет — какой там по счету? — Рим. Так я подумал. Но не озвучил мысль. И, вздохнув, вдохновенно сказал:

— Знаете, нынче счастливый случай. Вряд ли увидите что-либо круче: в вечер под стенами замка — бал костюмированный. Будем слушать музыку. Виолончель...

Вот и стемнело. Слушаем. Лучше и не придумаешь. Кутала души летом Свиридовская «Метель»...

Мы расставались... в национальном, национальном аэропорту... Встречи недолги, светлы и печальны. Теплым родным близким стал Несвиж дальний... небо... синее... неумоги...

Примечания:

1. Ластауки — ласточки; стольки буслоу — столько аистов; напрамак — направление; пильнуе — стережет; брамы — ворота; з тутэйшымі — с местными; зранку — с утра; чаму — почему (бел.); маулял — разговаривал; кобеты — женщины (польск.)

2. В городе бытуют легенды о двух несчастных женщинах из рода Радзивиллов, в память об этом в парках установлены скульптуры «Черной Панне» и «Белой Панне».

3. «Пепел Клааса стучит в мое сердце» — Шарль де Костер («Легенда об Уленшпигеле»); когда семья автора проживала в Ленинграде-Петербурге, младшая дочь училась в балетной школе Долгушина Никиты Александровича — известного солиста Мариинского Театра; Карол Станислав Радзивилл (Пане Коханку) — последний владелец Несвижского замка в Речи Посполитой; Сапеги — шляхетский род герба «Лис» в ВКЛ.

4. Тополь-великан рос в Несвиже еще до закладки ландшафтных парков. В 1942 году фашисты под кроной тополя расстреливали мирное население. В 2005 году его повалило сильным ветром. Позже на его месте вымостили площадку с бронзовым очертанием ствола.

5. Река, на которой стоит город; ВэКаэЛ — Великое Княжество Литовское (ВКЛ).

Светлана Каленчукова

КАНИКУЛЫ ЯГАЙКИ ВСЕЗНАЙКИ, или...

Родилась в 1984 г. в д. Милоград Речицкого р-на Гомельской обл. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Поэтесса, прозаик, переводчик художественного перевода. Финалист и дипломант многих международных конкурсов, лауреат литературной премии им. В. С. Алехина, обладательница благодарственного письма от Курского регионального отделения Союза российских писателей «За вклад в развитие русско-белорусской культуры». Публиковалась в журналах: «Планета — семья» (Минск, 2019), «Метаморфозы» (Минск, 2020), «Западная Двина» (Минск, 2023, 2024), «Литературные знакомства» (Москва, 2024), коллективных сборниках поэзии и художественных переводов.

ПРОЛОГ

— Плюх! — неожиданно громко скомандовал сверху звонкий, девичий голосок. И тут же что-то, совсем не легкое, шлепнулось на землю.

— Уф,— с облегчением выдохнул тот же голос.— Приземлилась!

И на полянку посреди леса из ступы выпрыгнула бабуля Ягуля. Ой, простите, не бабуля Ягуля, а ее прапрапра... и еще много-много раз прапраправнучка — Ягайка Всезнайка...

«Тише едешь, дальше будешь»

«МЧС предупреждает!.. Мокрый снег с дождем... Порывы ветра до... На дорогах гололедица... В связи с ухудшением... Воздержаться от поездок... Будьте внимательны и осторожны! Берегите...» — транслировало сводку погоды на сегодня висящее на стене радио. Оно как будто старалось достучаться до сознания спящей Ягайки важностью информации. Но та, уткнувшись носом в подушку, сладко сопела. И никто — ни крыса Помогайка, ни сова Поучайка, ни сорока Болтайка, ни будильник, которые вначале ласково просили, а потом гневно кричали, что пора вставать, не смогли ее разбудить. Да и как ей было проснуться, если она только несколько часов назад вернулась с вечеринки, посвященной завершению зимних каникул. Ах, да, была еще любимая бабуля — Ягуля Всевидающая, которая обязательно разбудила бы свою много раз праправнучку, будь она дома. Но накануне она отправилась по делам в Тридевятый Лес. Вот поэтому Ягайке и спалось так сладко.

«Пик... пик... пи-и-ик... — разнеслись по комнате пищащие звуки.— В Тридесатом Лесу восемь часов утра. В связи с ухудшением погодных...»

О чем вещало радио далее, Ягайка уже не слушала. Сон как рукой сняло. Она быстро соскочила с кровати и потянулась к будильнику.

— Восемь? Да быть такого не может... У меня же будильник на семь...— думала она,— Может, спросонья, я не расслышала.

Но на часах, действительно, было восемь.

— О, Кикиморы!.. Я проспала! Как же так?..— ругая не то себя, не то своих подружек, чуть сдерживая слезы обиды, вопила Ягайка. От ее собственных воплей, криков, обид, боязни опоздать до нее никак не могли дойти, не то, чтобы достучаться, слова бабушкиных помощников о плохой погоде, о повышенном внимании, о предельной осторожности и о минимальном скоростном режиме.

— Знаю, я все знаю! — обрывала она на полуслове каждого из фамильяров, на ходу застегивая то сапожки, то пуховичок.

— Ну ничего, в дороге скорости прибавлю. Главное, добраться до портала,— подумала она и, подхватив дорожную сумку, выбежала за дверь.

А на улице творилось настоящее природное сумасшествие. Мокрый снег вперемешку с дождем валил крупными хлопьями. Сугробы росли с бешеной скоростью. Ветер сшибал с ног, бросая в лицо пригоршни колючих снежинок и холодных дождинок, превращающихся время от времени в острые льдинки.

— Ту-ту! — громко подала команду своей ступе Ягайка, закрывая руками лицо от мокрого ледяного месива.

— Ну и жуть! Ни черта не видно! — ворчала она, пытаясь сквозь узкие щелочки век высмотреть транспортное средство. И если бы метла не толкнула Ягайку в пятую точку, то она еще долго всматривалась бы в причудливые снежные вихри, выискивая свою малютку.

— Хорошо, что вчера на ступу лыжи надела. В такую погоду не полетишь. Не ровен час — в ветвях застрянешь, а то и вовсе сдует,— размышляла Ягайка, врываясь в непроглядную снежную темень.

Но, как ни старалась ехать быстрее, у нее ничего не получалось. Свет фар рассеивался, видимость была почти нулевая.

— Только бы за территорию леса выбраться,— шептала она,— а там и скорости прибавить можно. До портала при нормальной погоде три часа добираться, я выехала в восемь тридцать. Откроется он в полдень. Если поднажму, то точно успею... Но не тут-то было. Не зря народная мудрость гласит: «Гляди в оба, да не разбей лоба».

За лесом погодные условия не улучшились. Казалось, что врезаешься в плотную белую стену. Снег стал еще гуще, а усилившийся на открытой местности ветер поднимал с земли целые сугробы. Он закручивал их воронками и отпускал плясать только ему одному известный танец.

До места назначения оставалось километров пять, а вот времени на их преодоление не хватало.

Портал вот-вот должен был открыться. И Ягайка решила еще чуток поднажать. Она почувствовала, что заметно похолодало. На глазах мокрый снег с дождем превратились в мелкую ледяную крошку, которая при порывах ветра очень больно секла по лицу и рукам. Дорога покрылась сплошным льдом и блестела словно зеркало.

— Сейчас моей малютке-ступе коньки не помешали бы. Как-нибудь на досуге надо заняться ее усовершенствованием. Только сначала с бабушкой поговорю, а то мало ли что!..— подумала Всезнайка, ненароком вспоминая малюсенький чугунок с улитками (Каникулы Ягайки Всезнайки. Часть первая.)— Бабушка-то у меня как-никак Всевидающая.

Преодолевая наиболее извилистый участок дороги, даже несмотря на сниженную скорость, ступу занесло. Но Ягайке удалось удержать управление. Выбравшись на ровную дорогу и осмотревшись на наличие встречного транспорта, она убедилась, что такового нет.

— Вот тут самый раз! — чуть слышно сказала сама себе Ягайка и нажала до упора на педаль газа.

Минута... Две... Три... Вот и портал виднеется. Закончились каникулы, и студенты возвращались в Академию магии. Было здесь и много провожающих — пап и мам, бабушек и дедушек, дядюшек и тетюшек. Были, конечно же, и дети. Краем глаза Ягайка заметила, что последняя группа студентов начала входить в портал.

— Успела... О, Всемогущие и Вездесущие кикиморы моей жизни! Я успела!..— неистово возликовало ее внутреннее «Я», и, напрочь позабыв о скорости, она торопливо скомандовала:

— Плюх!!!

Но ступа не остановилась. Ее резко начало крутить и заносить в сторону. Она завалилась на бок и несколько раз кувыркнулась, несясь на огромной скорости прямо на людей. Потом она как будто бы споткнулась и ее, закрутившуюся волчком, снова развернуло. И слава всем лешим и кикиморам, что в обратную сторону. Ягайку, каким-то чудом, выбросило из ступы, и она удачно приземлилась в сугроб. Спасибо ее метле, которая в такой аварийной ситуации сработала как подушка безопасности. А вот ступе повезло меньше, то есть, совсем не повезло. Не смогли сугробы замедлить ее скоростного движения и она, врезавшись в вековой дуб недалеко от обочины, осталась у его подножия грудой запчастей.

От полученного шока и непонимания того, что с ней произошло, Ягайка рассеянно наблюдала как к ней бежали люди, оказывали первую медицинскую помощь, заклеивая пластырем огромную ссадину на ее лбу; как приехала дорожная автоинспекция и что-то все писала, писала, писала...

— Виновата... Штраф... Лишить...— долетели до нее отдельные слова дорожного патруля.— Наказать по всей строгости закона.— И наказали: Ягайке не разрешалось управлять ступами и другими видами транспорта, которые укомплектованы лыжами и коньками сроком на три года.

— Обидно. О, неопознанные объекты моего стыда, как же обидно! — размазывая слезы по щекам, думала, рыдая на плече у своей «всевидающей» бабушки, Всезнайка.

— Ну, в чем, ну, в чем я виновата?.. Не могу же я отвечать за погодные условия?.. А, может, все-таки могу — только не за погодные условия, а за свои собственные поступки?.. Бедная моя ступа! Надо было тебя соломкой укомплектовывать. Не зря моя бабуля говорит: знал бы, где падать будешь — соломки подстелил бы.

— Ничего,— прошептала Ягуля Всевидающая.— Главное, что живая. А насчет наказания, так у тебя ролики, самокат, велосипед есть, да и пешком тоже полезно. Тише едешь, дальше будешь, моя внученька...

Ольга Селицкая

О ТОМ, КАК Я НЕ ВЫШЛА ЗАМУЖ

Родилась 8 сентября 1978 г. в Минске. Член РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая Ветвь». Автор поэтического сборника «Есть», получившего в сентябре 2024 г. специальный диплом «Открытие» на Республиканском конкурсе им. Е. Яницкиц на лучший поэтический сборник. Публиковалась в журналах: «Западная Двина» (Минск), «Литературные знакомства» (Москва), «Кедр» (Усть-Каменогорск).

Я не помню, как и когда он вошел в мою жизнь и стал ее необходимой частью. Но могу с уверенностью сказать, что это было настолько неожиданно, что времени на раздумья и проверку чувств у меня не было.

Да, я его любила! В первый раз — так, что уже о себе не думала и считала, что и не имею права думать о себе. Я была чужда эгоизму, неверности и злословью. Это был совершенно другой мир! Такого, кажется, не бывает!

А у меня было.

И я знала, что так было и у него. И я верила в это, потому что не могла не верить.

Я ничего не хотела знать, слышать ничего не хотела о его прошлом.

«У нас впереди жизнь»,— говорила я.

Знала бы, что такая короткая — вместе.

— Любимый,— звонила я ему.— Когда мы встретимся?

— Сейчас же.

И мы встречались, и наши нелепые разговоры тянулись до утра.

И наши нелепые встречи продолжались, продолжались и продолжались.

И жизнь продолжалась тоже. Жизнь проходила.

В один из суровых зимних дней Женя сделал мне предложение.

Это я сейчас говорю «предложение». На самом деле все выглядело так, как будто я давно уже согласна выйти за него, и остается только назначить день. Мы решили, что это должно быть 16 апреля. И без всяких сомнений подали заявление в ЗАГС.

Мои родители сравнительно спокойно отнеслись к этому известию.

Но его мать (отец погиб в Афганистане) без особого энтузиазма отнеслась к этой новости. Она даже попыталась его отговорить, но у него выиграл дух противоречия: «Я ее люблю — и ты мне не мешаешь».

Ей так трудно было передать в руки другой женщины любимого сыночка, что у нас началась настоящая война.

Если б я вовремя поняла, какой он человек, мне бы, может, не было сейчас так больно.

Но тогда я жила любовью, для любви и для него.

И шилось платье, приглашались гости, закупалось шампанское.

Я была на вершине счастья. Сбывалось все, о чем я мечтала, чего желала и пожелала бы всем людям.

Но не все коту масленица.
Тусклый огонь ревности блеснул в его глазах. Все смешалось.
Оправдания следовали за обвинениями, обвинения — за оправданиями. За прощениями шли новые ссоры, за ссорами — новые прощения.
А платье шилось, гости приглашались, шампанское закупалось.
— Ну, скажи мне, скажи, что ты мне не изменяешь.
— Я? Оправдываться? Да захлебнись ты своей ревностью и своим неверьем.
— Скажи. Я знаю, что ты мне не солжешь.
Но я — молчала.
А день свадьбы приближался. И как-то по-недоброму смотрел он на нас.
«Что мне делать? Может, после свадьбы все изменится? Когда я буду у него на виду, он перестанет сомневаться во мне. Перестанет прислушиваться к каждому плохому слову в мой адрес своей матери... Что мне делать?!»
И я жила ожиданием того светлого дня, когда мы станем семьей, и когда все сомнения должны будут остаться позади. Я продолжала верить.
В неверии меньше логики и больше нелепости, чем в самой нелепой вере.
Я это знала.
В заботах и тревогах дни листались так быстро, что вот так незаметно я оказалась на пороге долгожданного дня.
Всю ночь не спала, нервничала, ворочалась с боку на бок.
Как все пройдет?
Встала рано, потому что лежать уже не могла. Хотелось сразу надеть платье и пойти к нему. Вот — посмотри на меня, какая я красивая. И — такая красивая — твоя.
Но до сборов еще было много времени. И нужно было провести его с пользой. Полная какого-то непонятного плохого предчувствия, я набрала знакомый номер.
— Оля? Он спит. Будет у тебя, как договаривались.
Мне ее голос, всегда такой певучий и мелодичный, показался неприятным. По телу скользнула дрожь.
А как мы договаривались? Память не слушалась. И договаривались ли мы? А может, все это зря? Зря?
Тупо уставившись в одну точку, я ждала, пока проснется мама. Она-то знает, что делать. Она подскажет...
Через 6 часов на меня из зеркала смотрела непонятно красивая девушка.
— Я ли? — спрашивала.
— Почти не я, — отвечала.
Гости собирались, волновались, смеялись, шутили, отговаривали.
— Да, еще не поздно, — чувство юмора меня не покидало.
А душу уже изгрызла тупая боль.
Вот уже час дня — а жениха нет.
— Может, он не придет? — пошутил мой дядя.
— Все может быть, — засмеялась я.
В два часа роспись — а жениха все нет.
И минуты потянулись медленнее, чем века. Раз, два, три. Я устала считать. Гости недоумевали: «Почему он опаздывает?»
Четыре, шесть, двадцать. Наверное, он не придет.
Двадцать пять, сорок. Что делать?
Два — ровно! На роспись мы опоздали.
Два пятнадцать. Звонок. Да, это он. Мы еще успеем! Мы еще поженимся! Кто не опаздывал!
— Мне нужно с ней поговорить, — услышала Женин голос.
И почему-то никто не возражал. Дверь в мою комнату открылась и... Что я вижу? Женья — в джинсах и спортивной куртке.

От такого шока у меня перехватило дыхание.

— Я думаю, что нам не нужно жениться.

— По... почему? — язык заплетался.

— Мы не подходим друг другу.

Почему он мне не сказал раньше? Почему именно сегодня? Что еще успела ему наговорить его мать? Моя голова раскалывалась от этих вопросов, но я ничего не могла спросить.

— Не нужно,— добавил он и пошел.

Я побежала, нет — я сорвалась за ним.

— Не беги за ним,— прошептал мой дядя.

— Не верю! — кричала я.

Ноги несли меня. Ступени, ступени. Кто выдумал эти бесконечные ступени?!

— Не уходи! — я выбежала на крыльцо.— Не верю! Не уходи!

Я смотрела вслед растворяющемуся в пространстве силуэту.

— Не уходи! Я не могу...— голос сорвался.— Без тебя,— добавила шепотом.

Знакомая фигура исчезла за поворотом.

Я села на крыльцо и заплакала.

Фата упала.

Нужно было решать, как жить дальше.

Николай Василевский

Родился в Минске. Закончил Белорусский государственный университет по специальности журналистика. Работал по профессии. Сочинять стал в 15 лет. В 2007 г. вступил в Литературный союз «Полоцкая ветвь». Печатался в журнале «Западная Двина». Вышло 6 книг. Награжден многими белорусскими и российскими дипломами, грамотами, благодарностями и сертификатами.

ОБНИМАШКИ

Давным-давно жил злой колдун. Ему не нравилось все. А особенно когда люди радовались чему-то. И он делал им гадости. Но люди огорчатся, а потом снова ходят счастливые. И когда понял это колдун, то задумался. И придумал злую ведьму Злючку. И все бы ничего, да эта ведьма была весьма искусная в коварстве. Она разрывала самые прочные связи.

Но однажды ей доложили, что дружат в одном классе Петя и Сережка. И все делают вместе, и они как говорят, не разлей вода! Полетела она ним и стала шептать Петьке, ты такой умный и классный, а Серега — двоечник. Зачем тебе дружить с таким глупым? А потом полетела к Сереге:

— Ты вот дружишь с Петей, а он из бедной семьи, и даже смартфона нет, и одевается чуть лучше бомжа. Он совсем тебе не друг! Не молчи, скажи, что тебе не нравится! Вы совсем другие, отличные друг от друга!

Подошел Петя к Сереге и говорит:

— Не нравится, как ты одеваешься.— А Серега ему в ответ:

— А ты дурак — даже контрольную написать не можешь без ошибок!

Разобиделись друзья друг на друга. Один в один угол пошел, другой в другой. Обидно!

Узнала об этом добрая фея Красотулька. Что же делать? Приздумалась. Но одной трудно придумать, позвала фея брата Умняшку. Приздумались они. Но ничего придумать не могут, как справиться с бедой. Обняла она от отчаяния брата и... решение пришло само собой. Поколдовали они с братом, так и появилась на свет замечательная фея «Обнимашки».

Пришла она к друзьям и стала говорить каждому на ухо.

— Зачем искать друг в друге недостатки, найдите то, что вас объединяет. Раньше вы гоняли вместе днем в футбол, а вечером сражались в танчики за компьютером. Вам было так здорово!

Подошел Петя к Сереге, стоит, а вот слово первому сказать сложно. И тут фея воскликнула:

— Обнимашки!

Обнял Серега Петю, и поняли они, что дружба их нерушима как скала!

С тех пор, как где напакостит злая ведьма Обида, так и появляется вслед фея Красотулька и восклицает:

— Обнимашки!

С тех пор когда кто-то обидится друга на друга, один из друзей восклицает:

— Обнимашки!
И все обиды уходят!

БЕСПОЛЕЗНАЯ ТВАРЬ

Жил был мальчик, Вася. Был таким же, как и все мальчишки играл в игры, учился. Но однажды он как-то очутился на автобусной остановке. И невольно подслушал разговор двух больших дядей. Вот сказал один из них:

— Взять хотя бы котов — это совершенно бесполезные животные.

— Как, они мышек ловят! — не вытерпев, воскликнул Вася.

— Ничего они не ловят! Всех мышек давно мышеловки отловили.

— Да-да,— согласился второй дядя,— да голуби тоже ничего не делают, как только едят и на голову хорошим людям гадят! Моему соседу с дерева на пальто один наделал.

Задумался Вася и решил: он накажет всех бесполезных животных. Рассказал друзьям Петьке и Федьке, и решили они отлавливать котов. Отловят котика, привяжут пустую консервную банку или просто палку и со свистом отпустит. И смеются:

— Вот котяра тебе, вот!

А потом раздобыл наш Вася фонарик с лазерным лучом и стал с друзьями охотиться на голубей. Целить прямо в глаз. Попадут и смеются:

— Смотри, как полетела бесполезная тварь, крылышками замахала.— Так продолжалось долго.

Но однажды Вася пришел домой из школы и встретил девочку. С маленьким котенком.

— Это бесполезная тварь! — заявил Вася,— отдай, я его накажу!

— Нет, нельзя,— сказала девочка, звали ее Света,— в следующей жизни ты можешь стать котом или голубем и с тобой точно так поступят.

Пришел домой. Присел и нечаянно заснул. И снится ему сон: сидит он такой красивый, рыжий, солнышко светит и все хорошо. Только как-то холодно на ветру. И вдруг, откуда ни возьмись, появилось двое мальчишек: Федя и Петя. Схватили, привязали консервную банку к хвосту, да еще и ногой ударили:

— Получай, бесполезная тварь, ха-ха!!!

Помчался он что есть сил. А сзади кто-то брэнчит, гонится. Он прибавил ходу, а и преследователь прибавил.

Взлетел на дерево, банка за веточку зацепилась и упала. Вздохнул облечением, и вдруг понял: не кошка он, а голубь. Красивый голубь мира, как на плакате. И гордость разобрала его, и тут... ой!!! что — то яркое пальнуло в глаз.

Влетел он, а внизу раздались крики все тех ребят, они стояли с зеркальцем и светили прямо на него:

— Получай, бесполезная тварь! Полетаешь теперь! Только жрать и гадить умеешь!

А потом просвистел камень. От одного он увернулся, а второй... второй так больно ударил в крыло, стал он падать, и тут....

Проснулся Вася в холодном поту. Потер рукой лоб. Приснится же такое!

С тех пор перестал он ходить на охоту. Понял, кошки и птицы — это такие же живые существа. Только чуть другие. И неизвестно, что произойдет в следующей жизни с ним.

Встретился он с друзьями, рассказал свой сон. Особенно, как ему было холодно и зябко; и решили ребята сделать домик для котов. Сказано — сделано! С тех пор прошло много времени, ребята выросли. Вася, кстати, женился на Свете. Она тоже выросла и влюбилась в него. А во дворе стоит домик для котиков и всегда в мисочке лежит корм.

КАК ПОДРУЖИЛИСЬ КИТЫ С СОБАКАМИ

Жил был пес. Добрый пес. И звали его Шарик. Время он проводил в подсчете ворон и галок. Да еще играл в любимую игрушку — куриную косточку, которую ему подарила хозяйка на день рождения. Так проходили дни за днями.

Но однажды произошло необычайное! Соседский кот, думая, что Шарик не видит, стащил косточку! Разозлился Шарик, а он стоял за деревом, и его не было видно, вышел и говорит:

— Отдавай, подлый плут, мою любимую косточку!!!

— Ни за что! — воскликнул Васька, — была твоя, стала моя.

Кинулся на него Шарик, да кот был готов к такому — быстро забрался на дерево и закричал:

— Иди отсюда, глупая псина, пока когтями по морде не получил!

Вконец разозлился пес и крикнул:

— Тогда объявляю всем котам войну. Приходите вечером — выясним, кто сильнее!!!

— Вот еще! — воскликнул Васька, — это мы вам носы поцарапаем!

Собрались коты и собаки — злые, дальше некуда.

Первым выступил Шарик:

— Мы вам хвосты повыдергиваем!

А Васька в ответ:

— А мы носы расцарапаем!

И тут на крыльцо вышла хозяйка.

— Чего раскричались? Видно, есть хотите! И поставила посреди двора большую миску с кашей и мясом. Пахло вкусно.

— Как я буду есть из одной миски с котом? Нет уж! Лучше я с голода помру! — И тут произошло неожиданное. Вперед вышел маленький котенок. Его звали Рыжиком за его красивую шерстку, и стал с удовольствием уплетать кашу. А со стороны собак вышел маленький Тузик и стал есть рядом с ним.

И все так сладко стали есть, что и взрослым котам, и собакам захотелось.

— А давайте дружить, — неожиданно сказал Васька. Животики котиков и собачек забулькали в предвкушении трапезы. Так и получилось, что с тех пор котики и собаки стали дружить. Ну, хотя бы во время кормежки.

КАК ВАНЯ СТАЛ МУРАВЬЕМ

Ваня был необычным, очень любопытным мальчиком. Он хорошо учился, ладил с родителями. Но самым большим его увлечением была история. Древний Рим! Маленький городок, который со временем превратился в самый большой древний мегаполис. И все были римляне отважны и храбры. Но они умели не только воевать, но и хорошо развлекаться. И больше всего ему нравились гладиаторские бои. Это рабов обучали, наряжали в разные одежды и заставляли биться друг с другом. Насмерть! И решил наш Ваня, что он также великий полководец и завоевал много стран. А его подчиненные рабы это... муравьи. Вообще, мама говорила — это очень гадкие насекомые, которые едят хлеб и готовы испортить любой продукт. Вот и отлавливал наш Ваня больших красных муравьев и маленьких черных в отдельные банки.

— Будете у меня гладиаторами, — говорил он.

Потом выкапывал в песке ямку, арену. Ставил в красивых тогах — это такая одежда была у римлян, вверху ямы, и скидывал красных и черных муравьев. А потом в восторге кричал,

— Давай, убей его, Крикс, рази его, Спартак, убивай его! Ох. И интересно же было! Как дрались муравьи. Как-то раз принес банки, расставил римских патрициев и

скинул в большую песочную яму гладиаторов. И однажды собрал он муравьев. Черных было больше, но они были слабее красных. Только он хотел закричать, как вдруг перед собой увидел огромного и страшного красного муравья с огромными челюстями. Он хотел было сбежать, но его будто парализовало.

— В атаку! — раздался рядом крик, и маленький черный муравьишка вцепился гиганту в лапу.

Красный развернулся и перекусил надвое маленького храбреца. Только тот даже умирая, не разжал челюстей. Ваня опомнился и кинулся бежать.

— Трус! — раздалось с трибуны. Знатный римский патриций указывал на него.

— Смерть ему!

А вокруг красные расправлялись с черными, и тех становилось все меньше и меньше.

— Сражайся! — воскликнул его товарищ и кинулся на красного. Это были его последние слова перед гибелью. А Ваня отступал все дальше, пока все его друзья черные не погибли. Красные окружили его и стали приближаться, щелкая ужасными челюстями. Ваня сжался и...

Очнулся. Он просто заснул на солнышке. Присел и заснул. Посмотрел на две банки.

И он понял, что больше никогда не будет устраивать гладиаторские бои.

Потом отнес пленников к своим собратьям.

Больше Ваня никогда не устраивал гладиаторских боев, хотя историю изучал, как и раньше. А к муравейникам приходил лишь для того чтобы понаблюдать, как живут такие странные существа, как муравьи.

ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА

Жил в одном городе мальчик. Небольшой, но очень вредный! А точнее, всезнайка, которому до всего было дело! Считал он себя самым умным и правильным. И везде совал свой нос и говорил, как надо делать и что. А если кто-то делал что-то хорошо, он говорил, а я лучше сделаю! Вот как! И никто в классе, а он учился в третьем классе номер три, его не любил. Девочки обзывали зазнайкой, мальчики считали его вредным. И никто с таким не хотел дружить. А мальчик, звали его Вася, злился и делал всем пакости. То в тетради нарисует чертика, то кнопку подкинет на сиденье, то крикнет громко в ухо. В общем, все ребята и девчата сторонились его. А парню хотелось найти хотя бы одного друга. Но кто будет дружить с тем, кто постоянно тебе указывает, что делать и как жить? Но однажды он шел домой и увидел, как бабушка переходит дорогу. И решил он ей помочь. Помог. Бабушка повернулась и говорит:

— Я тебе помогу. Знаю, что у тебя нет друзей, я тебе скажу три волшебных слова.

И нашептала их на ушко.

И вот пришел он в класс, увидел, как Петя подносит портфель Кате, хотел сказать что-то плохое, но вспомнил слова и как крикнет:

— Ты самый лучший!

Потом увидел на уроке физкультуры, как Сережа пробежал быстрее всех, и снова сказал:

— Ты самый лучший!

Получила Таня десятку по математике:

— Ты самая лучшая.

С тех пор так и пошло. И все в классе поменялось. Стали с ним общаться и дружить.

Надежда Давыдова

ДВЕНАДЦАТЫЙ КОВЧЕГ

Родилась в г. Донской Тульской обл. Окончила Тульское железнодорожное училище. Живет в Туле. Стихи пишет с юности. Автор текстов более тридцати песен, шесть из которых вошли в два альбома композитора Алексея Аппина «Ночной коктейль» и «Пятый». Произведения публиковались во многих литературных альманахах и журналах.

Проливной дождь шел, казалось, целую вечность. Безостановочно. Черные тучи висели над землей так низко, что задевали толстым мокрым брюхом крыши высоток. Тучи были похожи на гигантского дракона, пожирающего город и время от времени изрыгающего молнии. Коммунальные службы не справлялись с разбушевавшейся стихией. Синоптики не обещали ничего хорошего, лишь разводили руками и строили свои бесконечные графики. Добраться до работы или учебы становилось все сложнее, транспорт стал ходить нерегулярно. По какой-то необъяснимой причине техника все чаще начала выходить из строя. И, когда вокруг становится непонятно и зыбко, люди странным образом меняются. Кто-то начинает верить в Бога, кто-то пускается во все тяжкие, а кто-то запасается самым необходимым и ищет убежище.

Натужно дыша, в тонком полиэтиленовом плаще голубого цвета, по улице брела женщина. Ее обувь, старые разношенные кроссовки, промокли еще до того, как она дошла до магазина. Ноги озябли от сырости. Купить бы резиновые сапоги, но тратить деньги из семейного бюджета на себя, без согласия мужа, женщина не могла. В ее руках было четыре пакета, которые с каждым шагом становились все тяжелее. Отстояв в очередях несколько часов, она несла добычу домой, где ее ждали муж и трое детей, а еще стирка, готовка, уборка и куча других «прелестей» семейной жизни. Казалось бы, великовозрастные дети могли бы взять на себя часть семейных забот, но это им и в голову не приходило. А зачем? Для этого есть мать. Вот еще не лезла бы в их личную жизнь со своей заботой. Да и муж считал, что все домашние дела должна делать жена. Он любил повторять: «Kinder, Kuche, Kirche». Впрочем, себе он не отказывал ни в чем, будь то любимая еда, покупка новой одежды или встречи с друзьями по выходным.

Когда-то женщина была отличницей, гордостью школы, победительницей всевозможных олимпиад, без труда поступившей в престижный вуз. Ей пророчили большое будущее. Но на последнем курсе она влюбилась. И вышла замуж. Ее супруг, как сейчас бы его назвали, оказался абыззером. Но тогда и слова такого не знали. Женщина тяжело вздохнула и на мгновение остановилась, чтобы удобнее переместить резавшие руки пакеты. И в этот самый миг возле нее остановился автобус, приветливо открылись двери. Женщина растерянно заглянула в теплый салон и, немного помешкав, вошла внутрь.

Седой, добродушный сантехник дядя Саша, тихий пьяница, одетый в промокшую

насквозь телогрейку поверх старенькой спецовки, улыбаясь, шел домой. Казалось бы, чему радоваться, телогрейка от сырости стала весить, как бронежилет. Но объяснение блаженной улыбке было — душу грели две поллитры, которыми расплатились благодарные клиенты. Кто сейчас узнал бы в нем весельчака и балагура, сержанта, с честью исполнявшего интернациональный долг в Афганистане. Не единожды спасавшего жизнь сослуживцам. И даже награжденного медалью «За отвагу». Везунчика, вернувшегося без единой царапины.

После службы в армии Александр женился, но неудачно. Бывшую жену не устраивала безотказность мужа, его желание помогать всем и каждому. Да еще повадился тратить деньги на макулатуру, так она называла книги, до которых дядя Саша был очень охоч. И однажды бывшая, собрав свои вещи, ушла к более обеспеченному ухажеру. Так и остался он жить один, в окружении книг, которых в последнее время значительно прибавилось. Люди выкидывали их целыми стопками. Благо хоть бросали не в мусорный бак, а перевязывали бечевкой и ставили возле баков. И пожилой мужчина нес эти книги домой. Их можно было найти в его квартире в самых неожиданных местах: на полках, на столе, на подоконниках и даже несколько стопок на полу за диваном.

Идти до дома оставалось буквально пару кварталов, когда возле дяди Саши остановился зеленый автобус, двери приглашающе открылись, и седой сантехник, не раздумывая, вошел в сухой и, на удивление, теплый салон. Прежде, чем усесться, он посмотрел на табличку, прикрепленную над головой водителя: «Ной Иван Константинович». Двери закрылись, и автобус продолжил свой путь.

Юные Ромео и Джульетта, продрогшие от сырости, взявшись за руки, медленно шли по мокрой улице. Раскрытый зонт не спасал от дождя, но они упорно двигались вперед. По парню, одетому по последней моде, издали было видно, что он не из простой семьи. Девушка же в скромном платьице куталась в куртку Ромео, накинутую на ее плечи. Перед молодыми людьми стояла неразрешимая проблема: они любили друг друга со всей пылкостью первого чувства и ощущали себя двумя половинками одного целого. Но родители... Те никогда не согласятся, чтобы их дети поженились. Парень был из очень богатой семьи, из тех, про которых говорят: родился с золотой ложкой во рту. Для его отца окружающие делились на две категории: люди их круга и остальные. Отец девушки — обычный разнорабочий, чья классовая ненависть глубоко въелась в плоть и кровь, и он частенько заливал жгущее чувство горячительными напитками. Но вместо того, чтобы хоть немного утихнуть, ненависть разгоралась с утроенной силой, и тогда попадало всем, кто подворачивался под горячую руку.

— Ты серьезно считаешь, что твоего отца можно переубедить? — спросила девушка, на мгновение остановившись и заглянув в глаза юноше.

— Но попытаться-то стоит, — ответил парень, пожав плечами.

— Знаешь, можно подумать, что они сами никогда не были молодыми. И никогда не любили, — чуть не плача, сказала юная Джульетта.

— Не грусти, я обязательно что-нибудь придумаю. В конце концов мы уже взрослые совершеннолетние люди и сами можем за себя решать, — Ромео крепче сжал ладонь девушки.

— Мне страшно, — всхлинула она и прижалась лицом к мокрому плечу Ромео. — Даже если мы снимем квартиру, твой отец разыщет нас. Что тогда будет? Ты сам говорил, что он тебе и невесту нашел, из своего круга.

— Не нужна мне его невеста! Мне нужна ты и только ты! — с юношеской горячностью воскликнул парень.

В невеселых раздумьях, незаметно для себя, они прошли по улице Советской и свернули на улицу Демонстрации. И в тот самый момент возле них остановился автобус, над лобовым стеклом которого виднелась цифра 12. Двери открылись и юная пара, не раздумывая, нырнула в теплое нутро.

И вот что удивительно, почти никто из немногочисленных прохожих, казалось, не видел этот автобус. Люди проходили мимо и даже не бросали короткий взгляд в его сторону.

Восьмилетний белобрысый мальчик сидел на остановке и ждал автобус. Он был уверен, что тот обязательно приедет и увезет его далеко-далеко. Туда, где его никто не будет бить, говорить, что он спиногрыз и что лучше бы он сдох. Туда, где всегда есть еда и чистая одежда. Где нет родителей-алкоголиков и их друзей, таких же, как они сами. Где у него будет чистая мягкая постель, а не куча тряпья в углу. Мальчик был невероятно худым и одетым в обноски, которыми иногда делились добросердечные соседи. Они же иногда его подкармливали. То яблоко дадут, то бутерброд.

Мальчик весь продрог в своей тоненькой залатанной во многих местах ветровке, но твердо решил дожидаться автобуса. На улице уже зажглись фонари, а мальчик все ждал. И вот из-за поворота появился знакомый силуэт! Мальчик радостно засмеялся, он был твердо уверен, что автобус приехал именно за ним. А потому, как только двери открылись, он ни минуты не сомневаясь, забрался внутрь.

Автобус двигался по одному ему известному маршруту, но сидящие внутри люди, казалось, даже не замечали этого. Он ехал по улицам и переулкам, останавливался, набирал новых пассажиров. Проезжая мимо гаражей, водитель увидел мокрую, дрожащую от холода и голода, бездомную собаку. Она свернулась клубком, пытаясь хоть на мгновение согреться, и была похожа на странной формы камень. В ее взгляде читалось, что ничего хорошего от людей она уже не ждет. Когда-то у собаки были хозяева, они взяли в дом милого щенка, игрушку для маленького сына. Эти люди не задумывались, что щенок тоже живое существо, ему нужен уход и время на обучение. Что его, как минимум, нужно выводить на прогулку. Но люди были заняты только собой и, как следствие, малыш был вынужден справлять нужду, где придется. Щенка выбросили на улицу.

Много чего пришлось пережить ему, прежде чем он прибился к стае бродячих псов. Но потом пришла зима. Еду стало искать все трудней, и стая часто голодала. Самые слабые умирали. Сейчас, видимо, пришла и его очередь. Лапа собаки была перебита камнем, брошенным прохожим, место перелома воспалилось. Пес смиренно ждал конца своего существования, когда возле гаражей остановился автобус. Водитель вышел под проливной дождь, подошел к собаке и ласково погладил ее по голове. Потом взял на руки и отнес в салон. Постелил на пол коврик и положил на него пса. И хотя на улице шел ливень, водитель как был сухим, так остался. Но никто и на это не обратил внимания.

Замечал ли кто-нибудь этот автобус, кроме тех избранных, для которых приветливо открывались двери? Я и еще несколько человек прятались от дождя под аркой, но никто из стоящих рядом со мной людей не посмотрел в его сторону. Я провожала взглядом уезжавший транспорт и отчетливо видела, как мальчик обнял бездомную собаку, а пассажиры улыбались, глядя на них. В их взглядах сквозило безмятежное спокойствие счастливых людей. И теперь я твердо знаю, что когда-нибудь двери этого автобуса откроются и для меня.

Людмила Зубарева

Родилась 2 апреля 1956 года в Иркутске. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Редактор литературного сайта «Имба-Читальня». Лауреат 9-го Международного фестиваля «Славянская лира — 2022» в номинации «Малая проза. Свободная тематика» (3-е место). Автор трех книг.

Я ВСЕ ЕЩЕ ЖЕНЩИНА...

По узкой лесной тропке Женя вышла на маленький песчаный пляж и в блаженстве скинула с ног шлепанцы. Быстрыми движениями она сорвала с себя одежду, прибив ее на огромном камне. С одной стороны пляж ограничивался камышом, с другого бока берег упирался в небольшой утес с кривоватой сосной наверху.

Красота! Люди, цивилизация, суета — все было где-то далеко. Из всего человечества остались она да маячивший на лодке посреди реки Денис, отправившийся еще утром на рыбалку. Женя неплохо знала дно речки еще с прошлого года, поэтому не боялась плыть в теплой непрозрачной воде, ощущая себя вольной лягушкой, сбросившей ненужную одежду-шкуру. И прежде всего — ненавистный лифчик-протез...

Вчера, после долгого, почти полугодового перерыва, Денис снова позвал ее провести с собой выходные, и Женя сразу же откликнулась на этот призыв, предвкушая его объятия, его тело, его близость. Пятнадцать лет назад они были любовниками. Может быть, даже больше, чем просто любовниками, но уже тогда Денис был женат, и они в конце концов разбежались. Позже Денис еще трижды женился. Собственно, он и сейчас был в браке.

А вот у Жени эти годы ушли на борьбу за здоровье. Результаты этих сражений теперь читались на ее теле: длинный продольный шов на животе — итог операции, лишившей ее женского естества. Глубокая впадина вместо правой груди с потемневшей грудиной, выжженной лучом лазера. Все это делало невозможным личную, интимную жизнь еще молодой тридцатидевятилетней женщины. А вот Денис любил изредка встречаться с ней. И по «старой дружбе», и из какого-то особого влечения, интереса к ее инаковости.

— Извращенец ты, — шуточно хлопала она его вчера по руке, медленно блуждающей по грудному шву, под которым прощупывалось ребро.

— Я — не извращенец, — смеялся мужчина. — Извращение и разнообразие — разные вещи. Просто я люблю экспериментировать, меня это возбуждает.

— Значит, я — эксперимент?

— Мой любимый, славный эксперимент. Дразнящий и позволяющий встряхнуть привычную жизнь. Мне вот-вот стукнет пятьдесят, и силиконовые красотики уже не справляются: не всегда возбуждают.

— Так ты что, отказался от них?!!

— Ну я бы так категорично не утверждал. Просто мой возраст уже требует чего-то необычного, манящего, неприевшегося. Да и Инга бдит именно за молоденькими.

Они немного помолчали.

— Тогда почему бы тебе не завести подружку-ампутантку для жизненного разнообразия? — небрежно спросила Женя.

— И что это такое?

— Как-то давно видела телешоу, в котором участвовала одноногая молодая женщина. Нога отсутствовала по середине бедра. Она утверждала, что у нее много любовников из-за большего выбора в позах.

— Ух ты,— Денис откинул простыню и обнажил тело подруги.— А давай отрежем тебе ножку? До сих? Или — до сих? — глаза его загорелись азартным блеском.

— Не пугай меня,— Евгения завизжала, отталкивая руки мужчины,— ты просто маньяк какой-то!

— Не волнуйся, я не маньяк. В душе я печальный ранимый ослик.

— Это как?

— Ну на работе я — грозный начальник и деловой человек. А так хочется нежности и понимания.

— Я помню фигурку ослика у тебя в кабинете офиса.

— Да, я такой — мягкий и ранимый. И мухи не обижу. Впрочем, как-то в юности у меня был случай, когда я ощутил себя маньяком.

Женя недоверчиво от него отодвинулась.

— Не пугайся. Дело не касалось ни девушки, ни вообще людей... В молодости я жил в коммуналке, где было очень много тараканов. Однажды вечером захожу на кухню, а на столе сидит огромный наглый таракан, никуда не бежит, шевелит усами. Ну я его большим пальцем и придавил... И в последний момент он дернулся. Сильнейший сладострастный импульс передался в подушечку моего пальца. Что-то подобное, наверно, испытывает и маньяк...

Женя фыркнула от неожиданного конца рассказа. Она легла головой на грудь Дениса и обняла его, упираясь ладошками в лопатки любовника.

— Значит, среди твоих партнеров были женщины и тараканы... А мужчины тебя манили?.. Для разнообразия?

Тут уж пришла очередь фыркнуть мужчине:

— При всей изощренности в любви я стопроцентный натурал и ограничиваюсь исключительно женщинами... Человеческими женщинами... А то ты еще припишешь мне симпатии к какой-нибудь козе или пантере...

— Но ведь я уже не женщина,— вдруг произнесла Женя.— Так что один трансгендер у тебя в копилке все же есть... Хотя «транс» — это не совсем «то». Я скорее бесполое «оно».

Денис присел на кровати и, немного отстранив от себя подругу, чтобы можно было лучше рассмотреть лицо, спросил дрогнувшим голосом:

— Ты так страдаешь от того, что с тобой натворили эти изуверы — врачи?

— Они не изуверы, они спасали мне жизнь. И вот теперь во мне нет ничего женского... Ни внутри, ни снаружи... При том, что я себя чувствую стопроцентной женщиной!

— А вот это что такое? — любовник повалил ее на кровать и стал неистово целовать в единственную оставшуюся грудь — аппетитную и по-девичьи упругую.

Немного повозившись, любовники оторвались друг от друга, отдыхая. Когда молчаливая пауза несколько затянулась, Денис искоса посмотрел на партнершу:

— Ты обиделась, потому что я упомянул о других женщинах?

Женя развернулась к нему и серьезно прочеканила:

— Вообще нет. Я рада, что у тебя в сердце вообще есть местечко для меня.

Она пригладила рукой его чуть взъерошенные волосы, с любовью провела ладонью по щеке:

— Знаешь, в юности, даже, пожалуй, в детстве, я прочитала книжку одного африканского писателя. В той стране тогда уже вышел закон о моногамии. А один из местных вождей взял и женился на еще одной женщине. Когда его призвали на суд, он объяснил, что делает это в интересах женщин. Старшие его жены уже стары и ни-

кому кроме него не нужны, одну супругу он взял в жены слепой — ну кто б еще на ней женился?

Женя порывисто обняла любовника:

— Вот и ты наш вождь, делаешь благое дело...

...От мыслей о вчерашнем вечере Женю вдруг отвлек ироничный возглас:

— Ты еще не накупалась, русалочка?

Голос был чужой и неприятный. Женщина развернулась в воде и увидела стоящего на песке парня. Он противно скалился, а главное — вертел на пальце ее трусики!

— Ну иди сюда, красавица, богатырь тебя заждался, — парень выразительно провел рукой по своему телу.

Он был мускулист и пропорционально сложен, возможно, даже недурен лицом. Это последнее Женя не смогла разглядеть без снятых линз. Но все в нем выражало гнусные намерения.

«Хочешь моего тела? Сейчас посмотрим, не расхочешь ли», — подумала женщина, нырнув ближе к илистому дну и хватая руками пучки водорослей.

Она стала медленно выходить из воды, прикрывая одной рукой с водорослями шрам на животе, а другой — шрам и ожог на груди. Евгения не торопилась, а выражение на лице мужчины менялось с каждым ее шагом: от мерзкой улыбочки до озадаченного удивления. Когда же женщина вышла на берег и резко отвела руки от тела, парень болезненно охнул. Теперь он уже смотрел на предполагаемую жертву с брезгливостью, смешанной с ужасом, а когда Женя ослабилась, не раскрывая рта, и, для усиления эффекта, стала шевелить пальцами сквозь водоросли на ладонях, насильник сделал несколько шагов назад.

— Иди, иди ко мне, утопшей Дашке, — Женя просипела это гортанно, стараясь не шевелить чуть открытыми губами. — Зарезал меня Минька, да не совсем, — она красноречиво провела по грудному шву, вверх от которого шло большое светло-коричневое пятно от лазера, вполне похожее на разлагающуюся плоть утопленницы.

Горе-насильник не ожидал такого поворота. Видимо, воображение его было сильней доводов рассудка. Он швырнул трусики в сторону хозяйки и припустился наутек. Женя разразилась вполне ведьмовским хохотом, перешедшим позже во всхлипывание. Женщина села на песок и зашлась в рыданиях.

...Как давно это было! Лето, краткий отдых, дурацкий насильник. Денис, утешавший ее и обещавший, что к Новому году он придумает что-то особенное для них двоих. Но вот уже минула половина декабря, а он так и не позвонил. Женя не выдержала и набрала его мобильный номер, но тот не ответил. Другой, которым следовало воспользоваться только в крайнем случае, оказался отключен.

Было воскресенье, но Женя не могла занять себя никаким домашним делом, слоняясь по квартире из угла в угол. Наконец, решив, что завтра все же позвонит Денису на работу, она присела за ноутбук. Неожиданно заиграл звонок входной двери, и сердце женщины сразу же встрепенулось от необъяснимой надежды. Хотя так неожиданно Денис никогда не приезжал. Но в квартиру к Жене влетела приятельница Ксения. Рыдая и глотая слова, она принялась жаловаться на свои жизненные невзгоды. Женя кивала, расставляя низкие бокалы для коньяка, предусмотрительно принесенного с собой гостей. Ксения не была ей близкой подругой, да и разница в возрасте у них была порядка десяти лет. Но Ксения дружила с третьей (предпоследней) женой Дениса — Марьяной, и Евгения надеялась навести разговор с гостьей на сплетни о его жизни.

Пока хозяйка на кухне делала бутерброды на скорую руку, Ксения успокоилась и, сидя в кресле, уже медленно прихлебывала коньячок. Вернувшейся с подносом Жене она объявила, что заказала по телефону пиццу. Впрочем, тут же стала уминать бутерброды и рассказывать, какая все-таки сволочь этот Гера.

— Гера — это кто? — уточнила Евгения. Гостья поняла ее буквально:

— Это уменьшительное от Германа.

— Ну спасибо, что хоть не от Герасима. Кто он по жизни и чем тебе не угодил?

Ксения снова всплакнула и принялась перечислять недостатки и коварства бывшего любовника. Неожиданно выяснилось, что бросил он Ксюшу уже три недели назад.

— И ты все никак не можешь прийти в себя?

— Ну по правде сказать, я уже почти успокоилась. А сейчас шла мимо твоего дома, да еще увидела, как люди в подъездную дверь входят, ну и...

— Понятно,— Женя немного помолчала, соображая, как перевести тему разговора на Дениса.— Раз ты уже немного успокоилась, тебе надо обратиться к подружкам, может у них есть на примете подходящий кавалер. К Марьяне, например.

У размягченной, чуть осоловевшей от выпитого гостии из глаз брызнули новые слезы. В конце концов она неизящно высморкалась в платок и поведала:

— У Марьяны своя трагедия. Ее-то бывший, ну который от нее ушел к Инге — Денис Новиков — он умер... В конце ноября...

Женя замерла, боясь пустить полученную информацию в какой-то важный отдел мозга, отвечающий за переживания.

— Как? — едва смогла она вымолвить.— Ведь он еще нестарый...

— Нестарый,— сварливо ответила Ксения,— зато очень шустрый. Ты знаешь, как он умер? — впрочем, это был риторический вопрос, и она продолжила.— Он умер на очередной любовнице. Завез ее в какую-то глушь, в лесную избушку — это по снегу! Девка оказалась энергичная, профессионалка, вот его и ухайдакала. Да! А самое скандальное — она была одноногой!

— Что?

— Вот именно: «что». Ему уже было мало обычных баб, так потянуло на инвалидов.

Ксения насладились произведенным эффектом и продолжила:

— Марьяна ходила на похороны и узнала там подробности. Не у Инги, конечно, но у ее окружения. Так вот, когда ему стало плохо, эта инвалидка там в лесу начала метаться: мобильная связь плохо брала, машину она не водила, в общем, пока связалась с людьми, он уже и умер. Она хотела добавить еще что-то, но в этот момент зазвонил домофон.

— Это пицца,— Ксения побежала в прихожую, а Женя все так же сидела в кресле, боясь пошевелиться. В висках у женщины болезненно стучало: «Нет, нет, нет».

— Женя, где у тебя включается свет? — Ксения уже открыла дверь и впустила парня с заказом.

Хозяйка на автопилоте вышла в прихожую, щелкнула выключателем и продолжила отрешенно стоять, глядя сквозь Ксению и курьера, отдающего девушке коробку с пиццей. Потом парень повернулся к двери, скользнув взглядом по Жене. И вдруг застыл. Застыл почти в таком же ступоре, что и хозяйка. Они так и стояли какие-то мгновения замершей группой, пока Ксения не встряхнула головой: «Эй, что это на вас обоих нашло?»

И тут парень-курьер неожиданно рухнул перед Женой на колени, обхватил ее ноги руками и заголосил странно пронзительным голосом:

— Прости! Прости меня, Дашка! Верни мне силу, Христом Богом прошу!

Женя мгновенно вышла из задумчивости и стала отрывать парня от себя. Не менее изумленная Ксения швырнула коробку с пиццей на тумбочку и бросилась оттащить курьера от подруги. Парень энергично стряхнул ее руки с плеч и завопил еще громче:

— Сними заклятье! Верни мне мужскую силу!

Он уткнулся носом в легкое домашнее платье Жени, крепко сжимая колени женщины руками, отчего голые голени Евгении неожиданно отозвались и ощутили сладостное томление.

— Ты что, сумасшедший? — крикнула Ксения.— Объясни толком, кто ты и чего надо?

— Я не могу, с лета больше не могу ни с одной бабой! И все из-за ее заклятья там, на пляже!

Тут Ксения с интересом повернулась к Жене, та в недоумении пожала плечами, но на всякий случай спросила:

— Так ты тот маньяк-неудачник?

— Какой маньяк? Я просто хотел пошутить! Ничего бы я не сделал! А ты мне все отключила, и я теперь пропадаю!

Женя нахмурилась, пытаясь сквозь боль в висках вспомнить летний случай:

— Ой ли? Да будь у меня все в порядке, насильничал бы за милую душу!

Ксения внимательно слушала их диалог, силясь понять все нюансы, а потом предложила:

— Если он говорит, что не может ни с одной женщиной после твоего заклятья, так переспи с ним, и все наладится!

— Нет,— парень отпрянул от такого предложения и вскочил на ноги, а Женя даже сейчас почувствовала болезненный укол в самое сердце: ее опять отвергают!

— Не губи мою душу! — снова заныл курьер. Это получилось довольно смешно, отчего головная боль отступила, и Женя включилась в неожиданный фарс, заметив:

— Ну посуди сам: как мне с тебя снять заклятие, если я его на тебя не накладывала? Ну хорошо: иди с миром и попытайся найти свою любовь, которая и вылечит тебя. И будешь ты любить ее и верен ей всю жизнь!

«Денис слишком разбрасывался, вот и поплатился. А ты, голубчик, будешь у меня однолюбом, раз так внушаем...»

Женя все больше распалась в своей фантазии, стараясь как можно дальше уйти от мысли о Денисе:

— У тебя с ней будет невероятный секс и огромная любовь. Но — только с ней, с той, кого полюбишь всем сердцем. Ну и она тебя.

Она бросила оценивающий взгляд на парня, отметила его приятную наружность, и, махнув рукой, закончила благодушно:

— Я выполнила все что смогла, а теперь — ступай и ищи ту, что тебе предназначена!

Не успел парень среагировать на ее слова, как напряженно слушавшая подругу Ксения вцепилась ей в руку:

— Наколдуй, наколдуй, чтобы это была я! И — чтобы взаимная любовь и верность!

Женя с изумлением взглянула на подругу:

— Ты с ума сошла! Он же — маньяк! Да еще и сосунок — нищеврод!

— Он пошутил,— Ксения обняла парня и по-хозяйски стала гладить его по голове,— ты ведь пошутил?

Курьер с интересом глянул на девушку, и в глазах у него загорелись заинтересованные искорки:

— Между прочим, я только в выходные пиццу развожу — подрабатываю, на своей машине. А вообще-то я в оптовой фирме работаю. Я не сосунок, мне уже двадцать пять лет!

— Вот-вот,— энергично поддакнула Ксения,— мы с тобой ровесники!

Насколько помнила Женя, подруге уже исполнилось двадцать девять. Но разве это было так важно?

— Паспорт есть? — рявкнул хозяйка.

— Зачем? — хором ответила парочка.

— Чтобы потом можно было опознать. Если придушишь невесту.

Парень вытащил паспорт, Женя сфотографировала его на мобильный, потом соединила руки парочки и торжественно объявила:

— Все у вас получится, все будет хорошо и взаимно. А теперь — проваливайте.

Они не стали спорить и возмущаться неделикатным прощанием. Ксения собралась за пару секунд. В последнее мгновение чмокнула Женю, прихватила пиццу и коньяк, парень галантно пропустил новую подругу в открытую дверь.

Оставшись одна, хозяйка вернулась в комнату и подошла к чуть заиндевелому от мороза окну. Евгения отпустила державшую ее сжатую пружину, разрешив своей внутренней Женьке заплакать. Слезы текли по лицу женщины, мысли еще не до конца сформировались в слова, но она уже отдалась безмолвной тоске.

Дениса нет. Больше никогда она не будет загораться от его прикосновений, испытывать ни с чем не сравнимое счастье, болтать по душам, доверять мужчине. Больше никогда у нее не будет близкого человека. Да, возможно, она еще сможет с кем-то кокетничать, может даже целоваться, а затем придется сбегать «до двенадцати» от тесного общения. Потому что любой мужчина в «ту самую минуту» брезгливо шарахнет от нее, как отскочил сегодня «маньяк». И к чему его осуждать? Женя и сама, наверно, не смогла бы отдаться мужчине-уроду: с горбом или с искореженным лицом...

— Да любила ли ты его, Женька? — внутренний голос Евгении был строг и беспощаден. — Денис тебя просто устраивал.

— Любовь многолика. Я любила его. Любила за то, что он сумел увидеть во мне особый шарм, он был со мной искренним и нежным.

— Разве любят за что-то? И сейчас ты тоскуешь о своем одиночестве, а не горюешь о смерти близкого человека.

— Я оплакиваю его. И свою судьбу тоже.

Внутренний голос был все так же настойчив:

— Надеюсь, ты не сиганешь из окна от великого горя? Впрочем, твои встречи с Денисом были такими редкими, что ты привыкла жить одна, ты справишься.

— Мне трудно смириться с тем, что для меня уже все кончено. Ведь я все еще женщина...

— Уже не молоденькая женщина. Занимай себя другими интересами. Читай побольше. Общайся с природой. Заведи кота. Кот будет бродить по твоим ногам с почти тем же эффектом, что руки «маньяка» сегодня...

— Я все еще женщина...

— Вспомни традиционную проповедь: «Господи, я не спрашиваю у тебя, почему ты забрал его у меня, но благодарю тебя за то, что ты мне его дал».

— Я благодарна. Я справлюсь. Но я все еще женщина, я все еще женщина...

ДИНКА СО СТРОМЫНКИ

Жаркий июльский вечер медленно перетекал в прохладную ночь. Я сидела у открытого окна, наслаждаясь легким ветерком, и читала книжку. Из шести соседок по комнате двое уже уехали на каникулы, три старшекурсницы, отбывавшие в июле практику, пошли компанией на ночную прогулку в Сокольники. Шестая, соседка Дина, копошилась в своем углу за ширмой.

Было около одиннадцати вечера, когда она неожиданно появилась передо мной в летнем платье вместо обычного халатика, с сумочкой в руках и сказала буднично:

— Ну, я пошла.

— Куда? — тупо удивилась я.

— Мне пора.

Пора!.. До меня постепенно стало доходить значение этого слова. Дина была глубоко беременна, и, похоже, пришел ее срок. В первую секунду я искренне пожалела, что не пошла гулять с подружками и теперь должна была что-то предпринимать. Несмотря на то, что я была на два года старше, житейского и личного опыта у меня было мало.

— Я провожу тебя до проходной,— пожалуй, ничего другого я и не могла бы предложить.

Наше общежитие — огромный студгородок, населенный студентами из одиннадцати институтов, в просторечии зовущийся «Стромынка» по названию улицы, на которую выходила одна из его сторон, представлял собой неправильный пентагон, с четырьмя сторонами здания и пятой стороной — металлической оградой забора. К проходной можно было пройти коротким путем через дворик, но Дина выбрала коридор, и мы пошли длинным извилистым путем. Несмотря на позднее время и каникулярный месяц, в коридоре, изгибавшемся как удав, было людно. Кто-то курил, присев на корточках, кто-то, собрав слушателей, брэнчал на гитаре. За всю дорогу мне не попалось ни одного знакомого лица, чтобы разделить со мной ответственность сопровождения. И я молча злилась на то, что не сообразила позвать кого-нибудь из соседних комнат.

На вахте я вызвала Дине «скорую», и мы присели на стульях в холле в ожидании машины. Дина сидела тихо и внешне безмятежно, отчего у меня, неопытной и по молодости эгоистичной, не возникало и мысли произнести какие-то слова поддержки.

Моя соседка была одной из многочисленных жертв студенческой любви. Дина приехала на учебу по направлению из Туркмении, и хотя туркменкой не была, но восточное воспитание наложило сильный отпечаток на ее характер. В нашей бесшабашной комнате Дина держалась особняком, больше общалась с двумя соседками — однокурсницами. Беседу поддерживала редко, предпочитая помалкивать и сидеть, уткнувшись в книжку, или вязать очередную кофту. Впрочем, в минуты общего веселья смеялась, как и любая другая девчонка, и бывала чудо как хороша с припухлыми губами, правильным носиком и нежным цветом лица с милыми конопущками. Стройная юная фигурка не была худой, скорее ее можно было назвать аппетитной.

Наша большая длинная комната разделялась системой старых шифоньеров на три части. Ближе к окнам жили мы, три старшекурсницы, средняя часть отводилась младшим, в третьей части слева от двери стоял стол со стульями — тут была наша гостиная часть комнаты, а направо за ширмой жила наша третьекурсница Маринка. Она единственная из всех нас была из ближнего Подмосковья и часто уезжала домой, чем временами пользовались другие: кого-нибудь из девчонок регулярно сражала жажда любви, а Маринкин уголок был уединен и отдален от остальной жилой части комнаты. Над Маринкиной кроватью висела огромная фотография: Маринка, возлежащая в ромашковом поле, в облегающем от ветра платье, которое подчеркивало ее роскошное тело. А над фотографией — афоризм на латыни: «*Beati possidentes*» (счастливы обладающие).

Как-то раз я сильно простудилась, а так как Маринки, как всегда, в общежитии не было, девчонки решили отселить меня, инфекционную, в ее уединенный угол. К ночи мне стало хуже, и соседки вызвали «скорую». Моложавый врач вколол мне жаропонижающее, но не торопился уезжать, а все старался завести разговор. Лишь когда он ушел, девчонки стали хохотать, объясняя, что он пытался сравнивать роскошную диву на фото и меня, жалкую и измученную болезнью.

Вот на этом ложе, похоже, и произошло грехопадение юной Дины. Никто не помнил, когда в нашей комнате впервые появился Гена. Он был «не наш», не «стромынский», а пришлый, из института нефти и газа. По-своему интересный мужской хищной красотой, краснобай и позер, Гена хорошо вписался в нашу компанию. Мы любили поить его чаем и слушать его рассказы. Никто из девчонок не выделял Геннадия, и он не выделял никого из нас. Так по крайней мере нам казалось. Пока наши комнатные малолетки не просветили нас на предмет Гениных отношений с Диной. При всей своей внешней отрешенности Дина все-таки иногда делилась с однокурсницами своими секретами. Мы немного удивились, поскольку «на людях» он ее никак не отличал, но каждый был занят своей личной жизнью, и Дину оставили в покое.

К весне Дина начала округляться, и вездесущие малолетки сообщили нам, что

Дина беременна, а Гена достает ей какие-то стимулирующие уколы. Но крепкий девичий организм не поддался стимуляции выкидыша, и Дина продолжала толстеть. Гена приходил все реже, и, наконец, совсем пропал.

И вот теперь вместе с роженицей я ждала неотложку. Выскочившая из автомобиля врач помогла Дине забраться в машину, а потом повернулась ко мне со словами: «Вы сопровождающая?» Боже мой, ну зачем я кивнула и оказалась в тесной машине, несущейся в темноте по незнакомым задворкам района?! Позже я сообразила, что на ногах у меня тапочки, а в кармане нет ни копейки денег.

Мы выехали на набережную реки Яузы. Я сразу вспомнила, как пару месяцев назад забежала на наши «стромынские» танцы. Наш студгородок был вполне самодостаточным поселением: со своими столовой, медпунктом, кинозалом, библиотекой и внутренним прогулочным двориком. Здесь можно было жить, не выходя за территорию общежития неделями, что частенько и делали выгнанные за неуспеваемость студенты, славшие домой письма с просьбой выслать денег, как лишившимся стипендии. Был при студенческом клубе и танцевальный зал. На танцах я познакомилась с первокурсником, поступившим в институт после армии. После нескольких танцев парень предложил мне погулять. Мы вышли на набережную Яузы, прошли мимо одноименного кафе, и не спеша побрели вдоль реки. Мой кавалер увлеченно рассказывал про армию, я украдкой поглядывала на него, прикидывая, нравится он мне или нет, «тот самый» он или «ничего стоящего». Неожиданно я обнаружила, что мы идем уже довольно долго по пустынной набережной, вдоль нескончаемого забора, тусклые фонари слабо освещали путь, и я уже не знала, кого я боюсь больше, — своего нового приятеля или появления возможных встречных людей. Поэтому, как только он прекращал рассказ, я сразу же задавала новый наводящий вопрос про его срочную службу, и парень с удвоенным увлечением пересказывал остроты своего бывшего командира. Примерно через час мы добрались до признаков цивилизации, я с удовольствием плюхнулась на сидение трамвая и расслабилась. Напряжение отпустило, я уже ничего не слышала из его рассказа, да и позже больше с ним не встречалась...

И вот теперь я опять ехала вдоль ненавистой реки, но теперь уже с другой стороны. Чем дальше мы удалялись от общежития, тем тревожнее становилось у меня на душе, и в своем личном смятении я совсем позабыла про Дину. Дина же начала проявлять признаки беспокойства, видимо схватки становились все сильнее, она ерзала на сидении, крутилась и сгибалась пополам. Но была верна себе и не проронила ни звука. Врач что-то тихо нашептывала ей на ухо.

Наконец, мы подъехали к роддому. Дину быстро увели куда-то вглубь коридора, мне велели присесть на стул в вестибюле. Минуты в пустом полутемном помещении тянулись невыносимо долго. Стояла ночная тишина, и только где-то вдали коридора время от времени были слышны чьи-то измученные стоны. Мне казалось, что про меня забыли, и я даже прикидывала примоститься подремать до утра на сдвинутых стульях. Но тут пришла медсестра и спросила меня, где же вещи для ребенка. Я была совершенно не готова сказать что-нибудь внятное.

— Понятно, — вздохнула она, — забери вот это. Тут ей не место.

Медсестра отдала мне пачку хны, которую непонятно зачем Дина прихватила с собой в роддом.

— Иди домой, она уже рожает.

Я так надеялась переждать в больнице до утра, но медсестра вывела меня на крыльцо, показала, в какую сторону идти к метро, и ушла назад в здание.

Я осталась одна в ночи в чужом и чуждом месте. С трудом сориентировавшись, я вышла на набережную. Тусклый свет освещал ее пугающую безлюдность. Хотя появление ночного прохожего испугало бы меня еще больше. Я не нашла в себе силы выйти на хорошо просматриваемую территорию набережной и свернула во двор длинного дома. Стараясь идти дворами параллельно набережной, я выбирала темные места под деревьями, внутренне примеряя, как буду швырять в лицо гипотетическому

нападающему хну из отданного мне пакета. Полчаса ходьбы мне показались вечно-стью. Выйдя к метро, я увидела подходивший к остановке автобус, номер его мне показался знакомым, и я поняла, что спасена. Через пятнадцать минут я уже была дома.

Девчонки в комнате забросали меня вопросами о Дине, но я была в состоянии только лепетать: «Боже мой, как же мне было страшно идти в темноте...».

Мы смогли навестить Дину только через день. Я долго плутала по дворам, вспоминая дорогу к роддому, а девчонки корили меня за невнимательность, наконец, мы попали в справочную больницы, где нам сообщили, что наша роженица родила здоровую девочку с отличным весом и ростом. Обогнув здание, мы выкриками вызвали Дину в окно второго этажа, и она, непривычно оживленная, прокричала нам, что рожала всего двадцать минут, и разрывов было мало. Через день мы разъехались, и никто не видел, взяла ли Дина с собой дочку или оставила в роддоме...

В конце августа все вновь собирались после каникул. От Дины из Туркмении пришла телеграмма: «Встречайте, много груза». Она, как всегда, везла дыни, арбузы и коробки с виноградом. На Площади Трех Вокзалов нас подловил частник, который за оплату в одну дыню доставил нашу компанию на Стромынку.

В новой комнате (а в этом году нам досталась другая комната, с выходом на улицу Матросская Тишина, а не на Стромынку) мы устроили роскошный среднеазиатский пир. Всем не терпелось рассказать о своем житье-бытье, а я жаждала услышать продолжение той драматической истории, в которую была невольно втянута в июле. Посреди оживленного разговора я вдруг брякнула: «А дочку как назвала?» — Дина на секунду смутилась. — «Светка». — «А ты ее у матери оставила?» — «Да».

Иногда вопросы невольно задаются так, что проще кивнуть в знак согласия, чем долго объясняться в ответ. Тогда мы не сразу поняли, что Дина нам ответила неправду. Прошел месяц-другой, и мы с удивлением обнаружили в нашей комнате пропавшего Гену, невозмутимо попивающего чаек из рук Дины. Поскольку я считала, что их дочь Света сейчас живет у бабушки, я спросила у Гены о его отношении к дочери, и не поверила своим ушам, когда он стал объяснять мне, что их дочь родилась в июне, к сожалению, мертвой. Он рассказывал это МНЕ, которая в ИЮЛЕ возила САМА Дину в роддом, и которой доподлинно известно, что родилась ЖИВАЯ девочка.

У меня свело дыханье от изумления. Дина позеленела, но сидела невозмутимо, не произнеся ни слова. Я не знала, что и предпринять в такой ситуации, только интуитивно понимая, что любое мое слово может разрушить очень хрупкое состояние восстановленных отношений этой парочки. Я молчала и наедине с Диной, на меня невольно нападала робость, какая-то неловкость, и я не могла задать ей главного вопроса, где же ребенок.

Чуть позже она сказала одной из наших соседок — своей сокурснице, что ребенка ей не отдали, так как у него были «отклонения». Правда, другой нашей соседке-малолетке она поведала историю о том, что еще до родов была договоренность отдать ее ребенка одной бездетной паре, и в роддоме она отказалась от девочки в их пользу. Гена продолжал приходить к нам, и мы постепенно привыкли к тому, что они с Диной — стабильная пара.

У нас, старшекурсниц, была своя ответственная пора, надо было благополучно доучиться последний год и хорошо распределиться, а еще лучше — постараться решить до диплома свою личную жизнь. Романы с москвичами завершались — у кого свадьбой, у кого расставанием. Те, кто имел кавалеров в родном городе, на каникулах ездили домой расписываться с женихами, в таком случае при распределении можно было вернуться к ним.

Вечерами мы иногда гуляли по Матросской Тишине. Улица начиналась нашим общежитием, потом шла психбольница, далее простирался комплекс тюрьмы, знаменитой «Матросской Тишины», затем — районная стоматология.

Далее шли двухэтажные деревянные здания, многие из которых уже были отведены под слом, и из них выселили жильцов. Но иногда в вечерних сумерках было

видно, как на втором этаже мелькает неясное пламя свечи, и, хотя мы обычно гуляли большой компанией, на душе становилось тревожно и боязно. В эти минуты я вспоминала свой ночной путь из роддома, и мне становилось тоскливо...

В конце июня мы, выпускницы, обменялись адресами, прощаясь с остальными нашими соседками. И вдруг — как гром среди ясного неба — Дина объявила, что уезжает тоже! Гена окончил институт нефти и газа, распределился в Сибирь, Дина едет с ним. Она бросает институт и выходит за Гену замуж...

И вот они уехали. Молодой муж, не обременяющий свою совесть думами о мертвом ребенке, и молодая жена, знающая, что их общий ребенок — больной или здоровый — живет в чужом месте...

Прошли годы, десятилетия...

Сменился государственный строй, развалилась старая страна. Иногда, читая о новых нефтяных магнатах, я невольно искала фамилию Гены, — а вдруг и мой старый знакомый заделался олигархом? Но его имени среди любимцев удачи я не находила.

Главные телевизионные каналы состязались во всевозможных ток-шоу на темы подкидышей, а также детей, перепутанных в роддомах, забытых родителями. Невольно и я примеряла старую историю, участником которой была много лет назад, на формат такой передачи. Иногда казалось, что вот сейчас войдет в зал та самая Света, и встретится со своими родителями, прожившими вместе долгую и счастливую жизнь...

Как-то раз, сидя в «Одноклассниках», я стала запрашивать в «Поиске» фамилии друзей юности. С некоторыми из них общаюсь регулярно, о других я не знала с института. И вдруг, набрав фамилию Дины, я вышла на ее страницу, с фотографиями и комментариями. На большинстве фотографий было изображено какое-то семейное торжество. В женщине моего возраста я предположила Дину, в седом помятом мужчине я с трудом узнала молодцеватого Гену, старая женщина в цветастом восточном халате явно была Дининой матерью, рядом сидели молодой мужчина и юная девушка. Из комментариев стало ясно, что это сын и дочь Дины. Свадебные фотографии детей, фотографии с внуками. На разных фотографиях компания была в разном составе, иногда к ним присоединялась Динина сестра. Было видно, что это счастливое и дружное семейство.

Хотя все указывало на то, что это страница именно моей Дины — ее имя, двойная фамилия с добавлением фамилии Гены, место рождения, я никак не могла найти в этой зрелой женщине черты той знакомой мне студенточки. Прошло столько лет!

Но вот, листая ее электронный альбом, я наткнулась на старое фото: «Мне 16 лет». С фотографии на меня глянула та юная Дина из моей московской молодости...

Я написала ей личное сообщение, напомнив о себе и об общих соседках по общежитию, рассказала о родившихся у них детях и о своей судьбе.

Было видно, что Дина редко заходит на свою страницу, и я не ожидала быстрого ответа. Но, вспомнив о ней через некоторое время, я обнаружила, что ее профиль для меня закрыт. Она не захотела мне отвечать. Зачем ей призраки прошлого? Зачем ей то, что может напомнить о старой тайне? Ее жизнь сложилась хорошо: крепкая семья, надежный муж, красивые дети, сестра, мать в здравии. Да и сама Дина хороша в своем новом образе хозяйки большого дома где-то на юге Краснодарского края...

Может, и у ее первой дочки Светы все хорошо? Может, в те далекие времена ее все-таки взяли приемные родители и дали ей столько тепла, что его хватило бы на нескольких родных детей? И она никогда не узнает, что все могло быть по-другому. У нее наверняка уже есть свои дети. А может быть и внуки? Ведь прошло столько лет!

У всех все хорошо... За эти десятилетия Дина, наверно, забыла об ошибке молодости... Или старые тени иногда посещают ее, тревожа воспоминаниями, которыми она не может поделиться ни с кем из близких?..

Отчего же эта история не дает мне покоя?!

Леонид Пулькин

ЗУБНАЯ РАДОСТЬ

(печатается с сокращениями)

Родился 15 июля 1955 г. в г. Гомеле. Член Республиканского общественного объединения «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Победитель международного литературного конкурса «Славянская лира — 2019» в номинации «Драматургия». Печатался в журналах: «Западная Двина» (2004, 2009, 2020), «На Севере Дальнем» (Магадан, 2017), «Литературные знакомства» (Москва, 2024), коллективных сборниках. Автор 4 прозаических книг.

СЛУЧАЙНОСТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Все мировые проблемы забываешь, когда надо идти к стоматологу. Чехов напугал своими рассказами «Хирургия» и «Нытьё».

Побываешь в зубной поликлинике, задумаешься о смысле жизни: что для тебя важно?

Чтобы зубы не болели и выросли новые вместо потерянных? Задача!

У одной столетней бабки (где-то затерялась вырезка из газеты) вырос зуб. Как это получилось?!

Не изучены возможности нашего организма и психики.

— Сосредоточь внимание в самом себе, — посоветовал Никифор Григорьевич.

— Подожди, подожди, — Виталия Федоровича не проведешь на мякине, — это же исихазм!

— Да, да, — кивнул головой Никифор Григорьевич, — сосредоточиться и посмотреть вокруг. Для начала увидеть, что находится рядом.

Виталий Федорович Зубов (он же: Виталий, Виталя, Витася, Витаха, Виталик, Вит и граф Зубов, как его именует Никифор Григорьевич) через некоторое время последовал совету. Первое, точнее, первая, на кого он обратил внимание, была его супруга Екатерина Осиповна.

Катерина — круглая добродушная женщина, домоседка. Посмотрел по совету Никифора и повторно влюбился. Вкусная, пластичная. Все как в песне «Влюбиться в собственного мужа», только наоборот: муж влюбился в собственную жену. Почувствовал импульс благодарности и влюбленности в супругу. Поскольку она большая, круглая и величественная, любовно говорит о ней: Екатерина Великая!

Давно уже бабушка.

Были времена, когда темпераментно ругались, а сейчас — пенсионеры:

— Гав.

И ленивый ответ через пять минут:

— Гав-гав.

Наступило спокойное, блаженное время, когда эротические страсти закончились. Тишина и порядок в доме — награда за все прежние страдания.

Окончательное решение изучать и наблюдать за Катей пришло, когда она, смущаясь, сказала:

— Только не смейся — у меня растут два зуба.

Не смеяться было невозможно. У Кати крепкие здоровые кривоватые зубы. Было время — вознамерилась их выровнять. Четыре здоровых зуба удалила. Потом не до выравнивания было. На пенсии, пожалуйста, начали расти зубы! Ах, акула — каракула!

Виталий Федорович воспринял это как чудо. Как объект пристального внимания. Могут сказать: «Подумаешь, молочные зубы!» А как насчет того, что случайностей не бывает?

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

В беседах с Никифором Виталий находит пути и направление своих поисков.

Виталий Федорович, из-за худобы и длинного носа, похож на единицу, выражение лица переменчиво: то лукавинка в голубых глазах мелькнет, то губы в такую улыбку складываются, которую люди принимают за ехидную. Лицо его имеет выражение отрешенности и замкнутости, эмоции на замке держит. Две горизонтальные морщины на лбу. Схожесть с графом Зубовым, последним фаворитом Екатерины Великой есть. Да, есть. Некоторое изящество.

Катерина имеет, несмотря на округлость, бойцовский характер. Неустрашимая. И угрожает она:

— Я одна, без вас, — вроде бы всех имеет в виду, но обращается именно к супругу, — без вас проживу!

Угрожает. У женщин много таких штучек.

Эх, ты! Витаха! К огороду своему привык, к регулярному вкусному питанию, к порядку в доме. Вот как нас бабы вяжут!

Наблюдать и понимать, конечно, надо. Но! К решению задачи напрямую не подойдешь. Имеет смысл ходить кругами.

— Никифор, почаевничаем?

— Коньяк с собой брать?

— Нет, не надо, у меня припасен. Никифор Григорьевич знает: «почаевничать» означает поговорить.

Только они сели в кресла — качалки в тени яблони, Зубов ребром поставил вопрос:

— Как вырастить новые зубы?

— Есть такая книжка и посмотри в Интернете.

— Уверен, что там брехня.

— Не читал, не знаю. Согласен, запудривание мозгов, как в роликах: «Прикажи себе, чтобы вырос зуб», «Создай мыслеформу растущего зуба» и прочая дребедень.

— Да, убивают мечту...

— Разглагольствуют о непознанных возможностях человеческого организма.

— Может быть, дело в чуде, в вере, в религии?

— Может быть. Почему же в Индии у индийцев не растут новые зубы? В религиозном плане они очень талантливый народ.

Вит помолчал, посмотрел на вечерние облака:

— Индуизм в другую сторону направлен.

— Когда их фильмы на глаза попадают, думаю: какое у них воображение?

— Они хорошие программисты.

Вит Федорович вспомнил:

— В Средние века человек, который стал чистить зубы растертым мелом, сто лет прожил.

— Экология была лучше.

Помолчав, Никифор Григорьевич предложил задуматься над версией, по которой зубы относятся к Козерогу.

— Козерог — знак препятствий и трудностей, которые нужно преодолеть. В основном, Козерог связан с профессиональной деятельностью. Что скажешь, Вит?

— Я же пенсионер.

— Что недоработал в жизни? — продолжил свой допрос Никифор, аскетичное лицо стало строгим.

— Надо подумать.

— Подумай над своими страхами, трудностями, и в чем ты благочестив.

— Попробую. «Истина где-то рядом». Козерог, козерог...

Чай был хорош с рюмочкой коньяка. Вечерняя тишина показалась философской. Приближалось великое и блаженное спокойствие. Таинство тишины несет в себе ответы на поставленные вопросы. Ответы чувствуются в глубине молчания, формулируются в мысль и в слово. Позже. Буддийское молчание. Почувствуй ответ в безмолвии, в тишине, в равновесии.

— Еще по одной, — предлагает Вит Федорович.

— Да, пожалуй, — лениво и расслабленно соглашается Никифор Григорьевич, — на сон грядущий.

БЕЗ ОБЕЗБОЛИВАЮЩЕГО

Неприятно идти в стоматологическую поликлинику. Там все помещение пропитано стрессом и болью.

Плаксивый голос:

— Сделайте мне обезболивающий укол.

Зубов вспомнил, как в санатории на его слезливую просьбу сделать обезболивающий укол, врач, женщина средних лет, с удивлением посмотрела на него:

— Вам не понадобится.

Начала работу, прижавшись полной грудью к его плечу. И, в самом деле, обезболивающее ему не понадобилось. Все внимание было направлено на плечо и на осязании доброй женщины, хорошего врача.

К тайне роста новых зубов сразу не подобраться. Хотя бы научиться контролировать перетекание энергии. Сказать легко, а на деле? Сколько тебе осталось? Никто не знает свой срок. Нет, почему? Некоторым дается знание срока. Что если завтра конец Света? Чтобы ты хотел? В молодости точно знал — сексуальную дивчину и феерический секс. У мужиков одно в голове. А сейчас? Может, борща поесть перед дорогой?

Конечно, шутка. Сейчас бы одного желал: чтобы у родных все было спокойно и хорошо. Чтобы у сына все хорошо было, чтобы внуки не болели. Чтобы не было войны. Чтобы Катерина была весела и здорова.

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

В последнее время подлечивать зубы Виталий Федорович ходит в платный кабинет. Находится недалеко от стоматологической поликлиники.

Маленькая приемная, «плазма» на стене — фильмы, новости. Нет бледных лиц, спокойно дожидаясь своей очереди. Один.

Входишь в кабинет. Молодой крепкий мужчина с шутками-прибаутками осматривает тебя.

— Зачем волноваться? Надо было армянскую валерьянку принять.

— Приму позже.

— Хорошо, что у вас там?

Освобождение от стресса приходит не сразу. Все безболезненно, просто память прошлого дает себя знать.

Проходя мимо собора, Зубов вспомнил давний разговор с Никифором Григорьевичем:

— Мне интересен буддизм, привлекал своей эстетической стороной. Все любопытно: и психологизм Кастанеды, и поэтичность ислама, суфии. Готика.

— Начинаешь с одного, а дальше — поток сознания,— строго замечает Никифор Григорьевич.

— Медитировал. В православии мне эстетики не хватает.

— Мозгов тебе не хватает. Важен результат.

— С этим не поспоришь.

— Храм — это передатчик: лучше, чем в любом другом месте, твоя молитва здесь будет услышана. Благодарю Бога за лучшее, что у тебя было в жизни. Проси, что желаешь ближним своим.

Вспомнив эти слова, Виталий решил зайти в храм. Служба заканчивалась. Бабка, стоявшая сзади, подтолкнула его:

— К батюшке, к батюшке подойди.

Направился к священнослужителю. Увидел икону «Евфросиния Полоцкая». А! Сегодня праздник. Приложился к иконе. Батюшка удалялся, но бабушка его окликнула, и подтолкнула Зубова к нему. Подошел к помазанию.

— С праздником!

— И вас тоже,— ответил Зубов.

Такие казусные ситуации случаются с ним постоянно. Отойдя немного в сторону, перекрестившись и поклонившись, он помолился за здоровье родных и за упокой ушедших.

Выйдя за ограду собора, Зубов ловит на себе взгляды прохожих. Не удивительно. Серьезное выражение лица, копна волос, слегка тронутых сединой. Пронзительной синевы глаза, отрастил мушкетерскую бородку. Артистический вид. Одет аккуратно, но кроссовки расклеиваются, староватые.

Провинциальный интеллигент. Интеллигент районного масштаба.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вышел из дома и пошел прогуливаться вдоль Днепра и в лесочке.

«Решение проблемы — зубная радость»,— улыбнувшись своей мысли, Зубов снова погрузился в размышления. Нелегко передать процесс и последовательность дум. В его голове и в теле бродили какие-то энергии. Что это за энергии и мыслеформы — можно догадываться только по множеству улыбок, сменяющих одна другую.

Лицо Зубова светилось загадочной улыбкой. Спокойно улыбаясь, шел тропинкой вдоль берега реки, сверкающей осенними красками. В какой-то момент в его улыбке мелькнула надежда, сменившаяся растерянной улыбкой. Из скорбно-снисходительной постепенно начала выплывать лукавая, а затем широкая улыбка. Последняя сменяется опять загадочной.

Вспоминается фраза Ясунари Кавабата: «Его лицо напоминало лицо человека, спокойно ожидавшего, когда ему улыбнется судьба».

Нелегко сказать, какие идеи и мысли пришли в голову «мыслителя».

ЗНАНИЕ ЧЕГО?

Зубы связаны с трудностями, карьерой, кристаллизацией. Трудности у каждого человека есть. Карьеру Зубов не стремился делать. Какая может быть карьера у гума-

нитария-учителя? В школе уважали. Грамоты были. Дети любили. Труд учителя — героический труд.

Пастер говорил о себе, что в его характере главное положительное качество — упорство. Упорства и надежды Зубову не занимать. Вдруг сделает открытие, нужное человечеству? Научит организм новые здоровые зубы родить, выращивать, растить. И пустился Вит в свои дилетантские размышления.

«Чакра Знания, чакра Знания...».

РАВНОВЕСИЕ

Осень выдалась золотой. Небо холодное, чистое. На соседней улице зажелтела, зазолотилась крона тополя, по бокам — серебристые листья. Опавшая листва пахнет грибами. Орех во дворе всю лужайку листьями укрыл. В саду красными пятнами яблоки висят.

Подгребают листья ореха Виталий Федорович, посматривает на дерево. «Ох, сколько же еще листьев висит!» И думу думает: «Кристаллизация. Равновесное здоровье глаз и зубов. Нарушение одного приводит к нарушению другого. Надо начинать с элементарного. Придешь в магазин, выбирай продукты и зубами чувствуй: в радость тот или иной продукт или нет. «Глаза — зеркало души», связаны со знаком зодиака — Раком. Рак — знак воображения и Луны. Козерог — Структура, Знание. Эх! Что я должен знать, чтобы зубы вновь начали резаться? Вновь! На мир надо взглянуть новыми глазами? Воображением? Иначе?.. Зрение, того... Искры в глазах. Вечером идешь, в темноте, резковатое движение сделаешь — искры в разные стороны разлетаются.

Так в пожилом возрасте люди начинают думать: не сглазил ли кто? Осторожнее относятся к встречам, словам, мыслям. «Мысли материальны, мысли материальны». Если так, материализуйте свою молодость и здоровье».

Против искр в глазах Зубов нашел средство: начал делать зарядку с закрытыми глазами. Со временем искры прошли.

Э-эх, старость на выдумки хитра!

МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Приснился сон Виталию Федоровичу. Видит он: не «Стоматология» написано, а «Зубная».

Входит. Первое, что попадает в поле зрения — не «Регистратура», а «Зубная Радость». Стильное кафе, девушки-официантки, доброжелательные и улыбчивые, и голографический призыв «Будем рады!». На маленькой сцене — музыканты. Кафе полно родителей и детей. Праздник! С восхищением смотрит Виталий на совершенно необычное место. Здесь пахнет весной и счастьем. В радостном волнении ходит между столиками. Внутренний голос: «Мне весело! Удивительно. Мне здесь очень весело. Невероятно! Хорошо на душе».

Подобные радостные чувства, помнит он, были в его детстве. Присаживается за столик, к нему подходит умопомрачительной привлекательности официантка-консультант. Садится напротив и низким голосом, как секс по телефону, глядя и гипнотизируя большими глазами, выявляет, в каком направлении хотел бы получить зубную радость

— Вы бы хотели обновить зубы от полноты душевного удовольствия или сладострастия?

— Сладострастия? Туда ли я попал?

Нестерпимое наслаждение проникло в тело пожилого человека, сладостная истома окутала Витаху. Вспомнил любимого высокочтимого философа Василия Розано-

ва: «Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в таком дыхании. Вот отчего жизнь моя сквозь тернии и слезы, есть все-таки наслаждение». Но даже во сне к Зубову пришло понимание, что эротический упор — это вчерашний день.

— Нет, я бы хотел нечто чисто детское. Чистое, детское.

— Вы сделали правильный выбор.

Эта фраза была бы сказана при любом раскладе, предусмотрена для всех вариантов.

Девушка-консультант преображается на глазах. Платье в горошек, глаза василькового цвета, застенчивая улыбка. Некий магнетизм присутствует, Виталик поддается его влиянию, чувствует себя в детсадовском возрасте: когда вокруг добрые дяди и тети. Самое интересное и важное в жизни — играть во что-нибудь. Дружить. Он не знает, что его ждет в жизни. Делает не просто «секретки», а «секретик», который, как волшебный телевизор, показывает все-все-все.

Во сне появились паровозы с огромными колесами, начала сниться какая-то беллиберда. Перед ним явилась в загадочных одеждах гадалщица:

— Покажи мне свои зубы, предскажу твое будущее. Смелее. Вижу, к семидесяти годам обретешь мудрость и благополучие.

Даже в хороших снах брешут.

ПРОГУЛКА

Вдоль реки тянется рыбацкая тропинка. Два друга наслаждаются природой и беседой.

— Господи! Как хорошо! Меня внутри всего отпускает.

— Целебный воздух.

— Да. Не то, что в городе.

— Ты написал заговор против зубной боли?

— Нет. Сделаю попытку, но не уверен в своем поэтическом уровне.

— Попитка не пытка, — с грузинско-сталинским акцентом.

— Надо писать... пытаться сделать текст, чтобы зубы росли. Обновлялись.

— Ишь ты чего захотел! Наполеоновские планы.

— А ты помоги мне.

— Как?

— Мои друзья прислали мне астрологический расклад по зубам аж от самого Павла Глобы. Авестийские традиции. Лекция «Зубы».

— И?

— Зубы связаны с родом, грехами и достоинствами. Холуйство — Честь. Воровство — Бескорыстие. Убийство — Защита жизни и детей. Жадность — Бережливость. Распространение мусора и грязи — Чистота. Потворство гомикам и любой форме зла — Работа по ограничению любых форм зла. Безверие — Вера. Атеизм — Благочестие.

— Понятно — понятно. И так далее. Хотел бы я посмотреть, какие зубы у Павла Глобы. Как знание этого расклада будет способствовать новому росту зубов?

— Человеком надо быть. Достойным. Давай примерно на этой основе поиграем зубными устойчивыми словосочетаниями и немножко, связанными со зрением.

— Давай.

— Косой! — неожиданный удар Зубова.

— Кривые зубы, — безэмоциональный ответ друга.

— Смотреть в зубы!

— Сквозь зубы.

— Дать в глаз!

— Дать в зуб.

- Зуб за зуб!
- Вооружен до зубов.
- Не по зубам.
- Зуб за зуб.
- Зубы съесть.
- Зубы скалить.
- На зуб попробовать.
- Зубы показывать.
- Выплюнуть зубы.
- За такие шутки в зубах бывают промежутки.
- Молочный зуб.
- Зуб мудрости! — в тональности довольства.
- Белый клык.
- Акульки зубы.
- Вставные.
- Виниры.
- Зубная фея.
- Кариес!
- Угрожающе:
- Волчий оскал.
- Клацать зубами.
- Вцепиться зубами!
- Грызть гранит науки.
- Стучать зубами.
- Чечетка зубами.
- Коронка!
- Пломба.
- Зуб даю.
- Вырвать зуб.
- Коренные зубы.
- Передние зубы.
- Ни в зуб ногой.
- Грызть гранит науки.
- Было. Один ноль в мою пользу!
- Нет. У меня достойный ответ: все зубы съел!
- Беззубая старуха.
- Шамкать беззубым ртом.
- Зубы выпали.
- Зубопад.
- Золотой зуб.
- Вставные зубы.

Друзья, как в шахматах, каждый делал свой осмысленный ход, интонацией подчеркивая внутреннее содержание каждой фразы. Долго упражнялись. Виталий Федорович, почувствовав легкость и вдохновение, решил прекратить игру.

- Стоп! Импровизация! Созревание моего зубного заговора!
- Давай.
- Импровизация!

ИМПРОВИЗАЦИЯ

— Прекрасные Жемчужные зубы! Прекрасные, как детство и грудной возраст! Прекрасные, пресветлые, как улыбка любящей и любимой женщины, как смех ребен-

ка, как смех светлого разума над невежеством! Прекрасные, новенькие зубы, прекрасные, как любовь и добро, побеждающие ненависть, появись — родись! Угощу вас корочкой хлеба, дам вам сухарик, одарю всякой зубной вкуснятиной! Чтобы вы радовались жизни и, чтобы вы были чистенькие и красивые, всегда буду чистить вас днем и вечером, полоскать рот после еды, соблюдать все моральные нормы, облизывать языком вас и радоваться вам, и любить вас так, как радуюсь и люблю все то, что есть лучшее в моей жизни!

Прорезайтесь, родненькие мои!

Прорезайтесь, родненькие мои!

Прорезайтесь, родненькие мои!

Аминь.

ПОЧТИ ЭПИЛОГ

Никифор Григорьевич давно не навещал своего друга.

Осенняя сырость. Листопад. Пушкинское любование осенью. Поэты строчат стихи. Виталий Федорович уж очень похож на графа Зубова, если сбрить мушкетерскую бородку.

«Уединился в своем огорожке — дворике? Чем занимается, какие еще пришли ему пожилые идеи? Преподнесу я ему разочаровывающую информацию».

Открыл калитку «Сократ» и остолбенел. «Граф» кружился то ли в танце, то ли в трансе, приподнимая руки вверх, замысловато наклоняясь и приседая.

— В танцующие дервиши подался?

— Британские ученые провели исследование, которое показало, что у танцующих дервишей отличные зубы.

— Плюнь на британских ученых. Их задача морочить людей.

— Полагаюсь на энерго-восстанавливающие движения.

— Молодой российский ученый нашел материал для регенерации костной ткани и уже разработаны клеточные технологии, позволяющие восстанавливать поврежденные зубы.

— И — и — и, батенька! Пока до нас, смертных, эта технология дойдет, сто лет пройдет. Мое решение задачи — не кружения дервишей, а торсионные поля в теле. Философия тела!

— Решение задачи? Покажи результат.

— У меня зуб растет.

Открывает рот.

— Смотри!

Никифор Григорьевич достает из кармана лупу, с самым серьезным видом изучает данное явление.

— Похоже, зуб мудрости растет. Такое бывает.

— Как знать, как знать!

Зинаида Богомолова

ЖЕНИХ

Родилась в г. Жодино, Республика Беларусь. По профессии — инженер-технолог швейного производства. Автор двадцати двух изданий (семнадцати — для детей). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», Член оргкомитета Международной академии русской словесности МАРС (Австралия). Победитель ряда международных и республиканских литературных конкурсов.

Степан решил жениться. Ведь ему недавно исполнилось сорок два года, и он ни разу не был женат.

«Так и состарюсь, если и дальше буду тянуть с этим делом»,— думал Степан, лежа на стареньком, провалившемся диване.

«У друзей уже дети повзростели, поженились, у некоторых и внуки появились, а я все хожу бобылем. Нет, никуда не годиться, надо решаться и, причем,— немедленно!».

Жил Степан в деревне, в которой было около ста дворов, в двадцати километрах от города. Женщины в его жизни были, но задерживались ненадолго. Что-то им не нравилось в нем, а что, он не мог понять. А в последние два года он ни с кем не заводил отношений. Пьющих и курящих женщин Степан не любил, а таких в данной местности хватало. По молодости, еще до армии, он дружил с одноклассницей Ириной, девушка ему очень нравилась, они переписывались, когда он служил в армии, но не дождалась его, выскочила замуж за военного и уехала с ним на Дальний Восток. Как же он горевал, думал, что не переживет такого предательства... Ведь он строил планы, представлял свою свадьбу с Ириной... Но как говорят: «Время лечит».

Деревня была раздольная, красивая. По центру ее протекала не широкая, но довольно глубокая река, по берегам которой с двух сторон в рассыпную стояли плакучие ивы, что придавало красоту местному пейзажу. В конце деревни красовались огромные вековые дубы, на которых было много птичьих гнезд. Вдалеке виднелся высокий сосновый лес по одну сторону, по другую — поле. За полем вдали располагалась соседняя деревня, которая была чуть меньше деревни Степана, но тоже привлекала своим красивым пейзажем.

В деревне отстроили новый клуб, в котором собиралась не только молодежь, но и старики, в основном по выходным.

После войны был переброшен через реку железобетонный мост, приблизительно по центру деревни, построен кирпичный свиноводческий комплекс.

Степан работал шофером на комплексе, уже больше двадцати лет. Женщин одиноких в деревне было достаточно. Кроме разводных — несколько старых дев, которые в свое время сильно выбирали и в итоге остались одни. Только вот в чем главная причина: не любил Степан полных женщин, а они почти все, как одна, были таковыми, разве что Катя Зарубина и Лариса Петренко, да сестры Мироновы, и те, которые не подходили мужчине по возрасту.

— Когда-то были стройными, как березки, что с вами стало,— говорил им Степан.

— Когда-то и у тебя была шевелюра,— отвечали они ему,— а теперь три волосинки на лысине.

Вот так и шутили друг с другом.

Мужчина был среднего роста, сутуловат, с покатыми плечами и крупным носом, но цену себе знал: считал себя красавцем.

И все же одна пышечка была у Степана на примете — Полина: волосы рыжие, даже можно сказать огненные, и черты лица правильные, миловидные. Только женщина никогда не смотрела в его сторону, считала мужчину неудачником и не современным.

— Живет, как в пещерном веке, ни к чему не стремится, все его устраивает, хоть бы дом свой привел в порядок,— говорила она односельчанам.

Отец Степана погиб на войне, мать умерла недавно. Так и жил он в родном доме.

И нельзя сказать, что Степан выпивал, или колесил по стране во время отпуска, он даже моря за свою жизнь не видел, в санаториях не бывал.

Денег ему хватало, так как он был экономным и жалел их попусту тратить, а на женщин — тем более. Никогда ни одной не сделал подарка.

Женщины шутили:

— Степа, ты, наверное, деньги солишь! На что он отвечал:

— Солю, солю, а как же иначе, и все для будущей жены, чтобы жила в достатке!

И решил жених в ближайшие выходные заявиться к Полине, так сказать, в гости нагреть. Только вот думал: подготовить ее ко встрече, или как снег на голову свалиться.

«Нет, скажу, что, мол, шел мимо дома и решил заглянуть в гости. И тратиться на визит не надо, пусть сама угощает меня. Я думаю: она обрадуется, ни к кому не хожу, а тут к ней, к первой... Только как же мне одеться, если нарядно, значит будет понятно, что собирался в гости, значит и прихватить в руки не мешало бы хоть коробку конфет. Нет, соседи обратят внимание... А мне хотелось бы как-то незаметно проشمыгнуть...».

Оделся Степан по-будничному, перекрестился, и вперед...

Подойдя к дому Полины, заметил, что у нее во дворе подруга Нина. Они громко смеялись и что-то обсуждали. Мужчина прошел по дороге мимо дома и дал понять, что они его совсем не интересуют, даже не кивнул головой в знак приветствия. Женщины вовсе не обращали на него внимания и продолжали свое общение. Степан прошел до конца улицы, повернул назад, дошел снова до дома Полины и разозлился: во дворе по-прежнему была ненавистная Нинка. «Вот же бабы, никак не наговорятся! Видно не судьба»,— сказал сам себе жених и направился домой.

Прошло немного времени, план Степана не вступил в силу. На работе рядом с Полиной постоянно кто-то находился, а придумать причину, чтобы подойти и намекнуть о встрече, мужчина так и не решился. Женщина работала на свиноводческом комплексе зоотехником. Была она приезжей, разведенной, жила уже больше года в деревне, в доме, который ей выделили как специалисту.

«Может не стоит мне менять свою жизнь?» — думал жених. «А с другой стороны, Полинка все же симпатичная, а вдруг ее кто перехватит, будет обидно»,— тут же размышлял сам себе Степан.

Вот уже и зима вступила в свои права, приближался Новый год, а там и православное Рождество. И решил мужчина на Рождество облачиться в козла и нагреть к женщине в таком виде. «Под маской будет легче начать разговор»,— думал Степан. Маску козла с огромными рогами он приобрел в городском универмаге, старый козух у него имелся — лежал годами на печке. «Покалядую»,— думал жених. «И причина подходящая наведаться в гости. Другие ходят с песнями, шутками, прибаутками, а я — чем хуже? А для смелости пропущу парочку рюмашек беленькой...».

К концу декабря природа-«матушка» подсыпала достаточно много снега. По обочинам дорог лежали сугробы, крыши домов стояли в белоснежных шапках, елки прятали свои ветви под пушистыми шубами. По улице разносились детские голоса. Ребята с санками спешили на высокую горку в конце деревни. Односельчане готовились к предстоящему празднику.

Степан решил вынести на улицу свой козух, который не тряся несколько лет и который после проделанной работы, казалось, полегчал на пару килограммов. «А что старый и вытертый — так и должно быть»,— сказал сам себе мужчина.

Наступило долгожданное Рождество Христово. Женщины ходили по улице нарядно одетые, в красивых ярких платках, поздравляли друг друга. Мужчины не уступали им: снимали с вешалок свежие рубахи, новые шарфы, выходные брюки.

Степан засобирился вечером, после шести часов. Было уже темно. Он решил: «Если у Полины кто и будет из подруг, я должен остаться и сделать намек на женитьбу. А скажу я так:

*Тук, тук, тук, встречай козла.
Как у козочки дела?
Поздравляю с Рождеством,
Пусть счастливым будет дом!
И козла ты не гони,
Приласкай и обними.*

Только бы не растеряться и не забыть стишок»,— думал жених.

Он подошел к дому мнимой невесты. В окнах горел свет. Вокруг стояла тишина. Степан постучал в дверь. Появился свет в коридоре, на пороге стояла Полина. Волосы у нее были распущены и падали волнами на плечи, глаза, казалось, искрились, румянец на щеках, платье красиво лежало на ее полнеющей фигуре и еще больше придавало женственности». Это ж надо, какая красивая!» — подумал жених. Полина сначала не поняла, кто перед ней стоит, вскрикнула, испугалась, отскочила назад в коридор. Степан, конечно же, забыл все, что надо было сказать, а только промолвил:

— Встречай гостя-козла.

Полина проникла в дом, мужчина за ней.

— Ты кто такой, я не узнаю, сними эту страшную маску, что за шутки!

— Вот решил поздравить тебя с Рождеством, высказать свое решение по отношению к тебе. Одним словом — предложить руку и сердце.

— Да сними ты маску, даже голоса не узнаю.

— Знаешь, козлов в жизни мне не надо, был уже один,— сказала Полина.

— По фигуре и росту вроде ты, Степан?

— Я, угадала. — Жених снял маску. Они вошли в дом.

Вдруг послышался стук в двери. Степан подумал: «Вот почему она такая красивая, все ясно: кого-то ждет!»

Полина пошла открывать дверь. В комнату вошел Матвей с большим пакетом, который тут же вручил женщине. Бутылку шампанского и коробку конфет оставил на столе. Одет он был — как из-под иголки: в новом драповом черном пальто, с белым шарфом, в норковой шапке, выбрит, статный, красивый. Матвей был на пару лет младше Степана, работал он бригадиром на комплексе и жил в конце деревни. Они часто пересекались по работе. Степан не замечал никаких симпатий между Полиной и Матвеем. От увиденного ему стало не по себе, он замешкался и сказал:

— Да, я, наверное, не вовремя. Ну, празднуйте.

Почему-то натянул маску козла на лицо и пулей вылетел на улицу.

«Ну, Полинка, ну, зараза, все втихаря»,— пробурчал себе под нос несостоявшийся жених. Он со злостью содрал с лица маску козла и швырнул ее в снег. В голове стучало, глаза, казалось, ничего не видели. Вдруг послышались веселые голоса. Молодая парочка обогнала мужчину и, за руки взявшись, помчалась в клуб.

«Молодость, молодость... как быстро пролетело время»,— подумал Степан и медленно побрел в свою неустроенную, холостяцкую жизнь...

Виктор Рябинин

ВСЕ ПУТЕМ...

Родился на Псковщине в 1948 г. Юношеские годы прошли в Латвии. Окончил Калининградское высшее военно-инженерное командное ордена Ленина Краснознаменное училище им. А. А. Жданова. Служил в армии, работал — от кочегара на Севере до помощника капитана теплохода на Припяти. Стихосложением занялся в 15 лет, в 50 перешел на прозу. Первые стихи опубликовал в 1967 г. в газете «Калининградский комсомолец», рассказы в издательстве «Фортуна» (г. Рига). В 1997 г. был принят в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Издал 3 авторские книги, принимал участие в 8 коллективных сборниках, в электронном виде вышло 12 книг и одна аудиокнига. Живет в Беларуси.

Путь наш во мраке

Прописная истина

— И куда это мы намылились? — с явным интересом в голосе спросил я давнего знакомого Алешку Хватова, едва догнав его на нерегулируемом перекрестке.

Вот ведь люди! Сколько просили, сколько писем по инстанциям отправляли по поводу светофора! Так нет, воз и ныне там! Зебру под ноги пешеходу нарисовали и все! А ведь это самое гиблое место даже для здешнего старожила. Потому как прямо тут, только через дорогу, как раз напротив нашего дома, обосновался супермагазин «Мартин». Работает гигант торговли исправно, жалоб от народа нет. С раннего утра до позднего вечера обслуживает население на высоте и без очереди, так как пять касс открыты постоянно. Бери, хоть залейся, были бы деньги! Тут и плодово-ягодная, и горькая на меду, и просто квас нескольких экономических сортов, не считая виски с текилой, которые нам без надобности. И все это добро под рукой через дорогу! Это в ясный день. А если в туман или другой какой синдром непогоды? А когда гололед или пять минут до закрытия? Тогда-то что? Так и будешь по сторонам ворон ловить либо под прикрытием ветхой старушки дорогу перебежать? Правильно думаешь, что как бы не так! Тем более, что живешь в этом конце города черт знает сколько лет. Тут не ты машинам, а они тебе кланяться должны, когда ты прешь буром! Правда, при таком раскладе потребительской необходимости и светофор проблему не решит, раз до подземного перехода власти все равно не додумаются. Но чтобы от населения рациональное предложение принять во внимание, так нет! Да ведь мы многого и не просим. Даже в газету чуть ли не слезно написали, мол, войдите в положение, откройте винный ларек на нашей стороне проживания. Даже клятвенно пообещали с выручкой торговой точке всеми силами способствовать, кто во что горазд. Так ведь нет! Не положено — и все тут! Вот и лезет народ под колеса. Причем, лезет самый трудоспособный. Это пенсионер час простоят, гужевою повозку пропустит, прежде чем дорогу одолеть. А как трудовому элементу, у которого наперед все расписано и на перекрестке прохлаждаться недосуг, тем более, что душа горит и руки по делу тоскуют?

Вот и давят народ нерадивые водители почем зря. Не то чтобы насмерть, таких и среди преклонных пенсионеров не много сыщешь, потому как шустрый пошел вете-

ран. А что до бабьего племени, так и вовсе разговора нету. Длинноволосые без разбора по возрасту сигают через дорогу перелетной птицей безо всякого для себя урону. Но нам с этими контингентами не по пути, чтоб по творожным и колбасным отделам пластаться. У нас свой путь солидного покупателя и бюджетного накопителя казны. Но это я к слову. Накипело от недопонимания наших насущных проблем даже иными родственниками, не говоря уже о слугах народа и стражах порядка.

— Я бы и вовсе сухой закон ввела, как при перестройке недостроек,— на днях ляпнула соседка баба Клава из нашего же двора, подслушав мужской разговор в беседке о насущных проблемах.

Но ей тогда же дал достойный отпор бывший прапорщик товарищ Железнов:

— Вы, Клавдея,— сказал служивый человеком военным голосом,— ты, Клав, думай головой, о чем говоришь. Сухой закон в Америке мафию породил. Хочешь, чтоб и в нашем дворе что ни вечер перестрелка была с применением смертельных средств поражения? Тебе что, бенгальских огней с хлопушками в часы школьного досуга не хватает?

Хорошо, от сердца, отбрил против шерсти старую ведьму отставной артиллерист. Строго по воинскому уставу и присяге.

Так вот, я и говорю, что из наших никого на перекрестке на раздавило. Один только Степан Борисович в больнице месяца два провалялся. Да и то не по своей пешеходной вине. Просто уже во дворе из кузова вывалился, когда его, родимого, с дачи после сбора урожая вместе с картошкой привезли. Лишний перелом у него в тот раз случился на левой ноге, а с правой рукой тогда Терентьевна лежала. И дернуло ее как раз в тот момент близко к кузову подойти. Как будто не видела, что рабочий человек домой прямо с транспорта поспешает. Ведь не на перекрестке, чай, находилась, могла бы Борисовича вперед пропустить, а не под него, как в молодости, пристраиваться. А что до нашего брата, то всего ничего перед «Мartiном» под транспорт и попало. То ли двое, то ли дюжина, но с закрытыми вывихами суставов. Правда, и машины бились не часто, это уж точно. Шофер с годами до того правилами движения овладел, что научился мимо нашего скорохода безаварийно проскальзывать по газону. Наконец-то и водила достиг правдивого понятия, что пеший человек конному не враг, а машина дело наживное, если ремонту не подлежит. Человека раздавить, это не ведро болтов по конвейеру разложить!

— Так куда ты этаким петухом на ночь глядя собрался? — повторил я вопрос соседу по общему месту жительства.

— А ты сам-то куда? — не полез в карман за словом Алексей.

Он был хоть и помоложе нашей дворовой номенклатуры, но фамилии соответствовал. Все схватывал на лету и до «Мартина» долетал стрелой без уговоров. Тем более, что не женатый, и еще тем более, что первый пробу снимал по ободок стакана при таком-то избытии разных наклеек на таре с одинаковым продуктом. Да что говорить? Хороший человек Алешка и всегда под рукой. А что работающий, так и слов нет. Постоянно при деле, будь то хоть частная проходная, хоть другая какая фирма утилизации. Поэтому и отвечаю ему, как равному:

— Я,— говорю громко под скрип тормозов,— следую в забой на ночную смену. А ты чего от телевизора отвлекаешься, тогда как у всей нашей компании выходной перед получкой?

— Да я на день рождения к бывшей однокласснице Нельке. Собираемся всем классом, кто признаки жизни подал.

— А подарок?

— Без меня купят. Я деньги отдал. Вот только зайду в наш магазин за бутылкой вина.

— Плодово-выгодного с амортизатором,— поддел я парня на грани юмора.

— Нет,— не понял сатиры Алексей,— что-нибудь красивое и большое.

— Не запутайся в наклейках,— вроде как посоветовал я, ибо в нашем кругу всякую гадость ниже 18 градусов потреблять брезговали.

— Разберусь,— заверил гуляка,— это будет девкам для затравки, а мы и водкой обойдемся.

— И надолго ваше заседание? — спросил я без интереса, уже отступая от Лехи.

— Видимо на всю ночь мероприятие. Давно не виделись. А если повезет,— приятель даже голос понизил,— то под утро чем-нибудь венерическим порадуюсь,— и он весело заржал, делая мне ручкой прощальный знак.

— Ты тогда что-нибудь экзотическое подцепи,— уже в спину напутствовал я приятеля.— Дольше помниться будет, да и местный персонал приемного покоя больницы порадуешь до изумления.

Тут мы и расстались на дружеской ноге. Лешка поскакал именины праздновать по чужим кроватям, так как осенней ночью на голой парковой скамейке не сильно и побезумствуешь, ежели подруга не из последних сортов, да и годы не с выпускного вечера. Я же почапал на проходную завода ЖБИ, чтобы в виде сторожа ловить залетных воров, которым, в общем-то, дела как не было, так и нет до наших железобетонных блоков. Но с другой стороны, от нас, что и помельче, попробуй умыкни! Если сон не подкосит да инструкцию не нарушать, то от нашей охраны и необрезной доской не разживешься. Это только мы, сторожа со стажем, знаем, где что лежит и кого дожидается. Жалко, винтовок нет, а то бы не одному злыдню трудоспособную инвалидность прописали! Да что говорить? Боевой народ подобрался, если не считать без году пенсионерку Галину Ивановну. Как она к нам прибилась, знает лишь начальство, а что до нас, так мы ни особого вреда, ни практической пользы от нее не видим. Просто телесная единица в трудовом табеле, хоть и объемная.

А первым номером у нас Васильевич. Работник опытный, с руководящим стажем работы на самом взлете пенсионных лет, а потому без дела простаивать не может, как сознательный трудовой ресурс общества. Кроме всего прочего, борец за справедливость, знаток общественных дел коллектива, не считая рыбацких мест надежного улова и способов дачного разведения съедобных корнеплодов. Словом, крепкий хозяйственный и опора ячейки общества, и мы за ним как за каменной стеной ручной кладки.

Вторым по списку значусь я. Но тут сказать что-нибудь плохое язык не поворачивается. Ведь я любую компанию не подведу, хоть начни спозаранку, хоть глубоко за полночь. Железный человек, как любит повторять жена, когда я в тот же «Мартин» лютой зимой без шапки мотаюсь.

А вот третий хранитель господра даже для нас загадка. Появился ниоткуда года полтора назад. Откликается на Николая, лет средних, в застолье не теряется, но себе на уме. За какие заслуги в сторожа сослал не разглашает, но на дежурстве с книгой замечали не раз. Не то чтобы над кроссвордом умом раскинуть, он с толстым журналом мозги сушит. А что особо подозрительно, Николай и сам книгу написал, и нам ее в печатном виде подарил. Я сам произведения еще не осилил, но, говорят, написал Коля про нашу жизнь и ее окружение. Вот ведь как выходит! Живешь, живешь себе помаленьку и не знаешь, что рядом с тобой посторонний человек существует. Это же надо! В одиночку со своей головой столько написал и умом не тронулся! Я еще со школы учителей и писателей считал, как приبلудных не от мира нашего. А Колька наоборот, как равный на смену ходит, медицинских таблеток не употребляет и в беседах не заговаривается. Мы его даже на водке пробовали ввести в заблуждение. А ничего, как с гуся вода! Выпивает без стеснения и до потери. А недавно выяснилось, что наш писатель стихи складывать умеет. И не только для газеты. На днях про нас, сторожей и охранников, целый гимн сложил. Я этот стих аккуратно повесил на стенке в местах с удобствами. Так и по сей день там красуется, радует глаз, когда ничем полезным не занимаешься. Я его даже наизусть помню, хоть никто не просил от меня такого подвига еще со школы. Называется со значением — «Песня о стороже»:

«Много есть на свете фабрик, магазинов и колхозов. И туда попасть стремятся расхитители добра: несуны и уркаганы, иноземные шпионы, а порою даже просто бессловесные бомжи. Все желают поживиться производственным продуктом или даже заготовкой, если это просто склад. Их никак не остановят ни моральные устои, ни запретные плакаты, ни висячие замки. Истопились бы запасы, обнищало б производство, не таись хранитель-ангел у общественных ворот. В ураганы и ненастье, днем и в сумрачные ночи, позабыв родных и близких, телевизор и жену, над объектами охраны гордо реет зоркий сторож, торит в вечном карауле меж сугробами тропу. Острым глазом он узреет, чутким ухом он услышит, если кто-то вдруг захочет покуситься на добро, то без страха, словно рыцарь, на пути злодея встанет с явной волею к победе, коль не будет далеко. Сторож вечно в авангарде у рабочего народа и в бессменном карауле, если сменщик не придет.

«Сторожье» — глушь и болото, топь и лешего притоны, так ведь летопись глаголет и толкуют словари. Нечисть злобно там лютует, лишь один упорный сторож без ружья и пистолета совершает свой обход. Словно дома не сидится у жены под теплым боком, словно больших наслаждений он с рождения не знал. Вот такой он, сторож гордый! Не один он в поле воин, а бесстрашный представитель целой армии трудяг.

Есть еще и сторожихи, тоже полные отваги, тоже преданные делу, но не жены сторожей. Не в сторожке женской бани, не на вахте с пропусками, а плечом к плечу со всяким службу тяжкую влекут. Преимуществами блещут, иногда не пьют, не курят, если снят, то при засовах, чтоб сторожку не свели. И в доносах по начальству все по полочкам разложат, не поймешь, где был, где небыль, по какой статье сидеть. Сторож женского обличья и по стати загляденье, словно пава выступает без излишней суеты и шагает по объекту час или два пингином важным или утицей бескрылой, все сметая на пути. Не полезет же грабитель с молотками и кувалдой попытаться лихого счастья, если баба на пути. Словом, чем круглее сторож, тем начальству жить спокойней, ну а ночью и злодею не мешает отдохнуть.

Над объектом грозно реет зоркий сторож неустанно и ему в народе гимны сладкозвучные поют, если ж техникой бездушной заменить слугу народа, то повесится грабитель, техноград не обдурив!»

Да, вот такой у Коли есть талант. И его не растеряешь, хоть сто раз на дню через дорогу в «Мартин» бегай с голой головой.

Как-то незаметно и зима проскользнула, не оставив впечатлений. Суровое время года всякий в кругу семьи проводит, если вовремя обзавелся хомутом. А чего веселиться, когда Новый год под елкой да День Солдата возле дивана навтытяжку, если жену вовремя в память вогнать подарком к женскому празднику еще в начале марта. Нет места для разгула души при снежном покрове зачахшей растительности. А если что по работе, то на скорую руку и без горячего, хотя и летом первое блюдо ни к чему. Но все равно неудобно, ведь не муравьи со стрекозами, чтоб под первым кустом! Смутное время, что ни говори!

А вот аккурат под Восьмое марта, числа, этак, 25 февраля, когда и день подлиннее и пар от земли пошел, я и встретил Алексея нос к носу в нашем дворе. Сказать обрадовались, значит, ничего не сказать! Но ему в «Мартин» сподручнее было проследовать, так как у моей из кухонного окна самый верный обзор на магазин, а я как раз мусор налегке выносил. Очень любит жена этот свой телевизор, как неудачно для меня окрестила она этот проем в стене. И ведь все знает, кто, когда и сколько, словно местному покупателю за пазуху заглядывает.

Алексей обернулся мигом. Затаились в беседке под грибком, словно малые дети, и стали делиться воспоминаниями.

Когда ополовинили вторую, тем более, что никто не мешал, я заметил грустинку в глазах всегда веселого Алешки.

— Что,— говорю,— сидишь, как ворон на суку, клюв повесивши?

Ничего на это не ответил приятель, но к бутылке потянулся со вздохом, а потом убито так спрашивает:

— Помнишь, осенью я на день рождения ходил?

— Как не помнить? — отвечаю сходу.— Очень ты тогда веселился и на скорый блуд намекал.

— Какие там намеки? Все случилось в наилучшем виде, как и не думалось.

— Поздравляю от души,— сказал я, но не позавидовал, потому как такого угощения у меня дома хоть ковшиком хлебай.

— Не с чем поздравлять-то,— вздохнул Лешка и горестно повесил руки меж колен прямо со стаканом.

— Сам себе накаркал,— догадался я,— неподъемно подцепил со всей радости?

— Хуже,— выдавил Алексей и весь скукожился, словно бездомный пес возле ларька с шаурмой.

— Неужто хронически неоперабельно или вовсе стоматолургический комплекс открылся? — вспомнил я страшные медицинские термины, непонятные простому народу, и бурно вспотел.

— Совсем дело плохо,— о чем-то своем прошелестел бывший полноценный приятель.

— Крепись, Алексей,— по привычке стороннего соболезнавания сказал я твердо, но инстинктивно пересел на край скамейки и придвинул поближе свой стакан.— А Нелька-то что?

Сосед слабо махнул рукой, как во след отходящему поезду жизни.

Тут я не выдержал слиянцкой покорности и заявил Лешке со всей пролетарской прямоотой:

— Перестань сиськи мять и выкладывай, что стряслось. Найдем выход из положения, зуб даю на холодец,— закончил я с юмором завязтого сидельца.

Страдалец посмотрел мне прямо в лоб и, смирившись с неизбежностью, как-то буднично поведал:

— У Нельки месячные уже по третьему сроку задерживаются.

У меня прямо камень с сердца, раз никакой инфекции, а у нас еще оставалось разлить раза на два.

— Коли задерживаются, то может быть и простудное,— стал я развивать трезвую мысль, как старый гинеколог, которому уже обрыдло заглядывать под хвост каждой кобылке.— Может и не залетел ты на наследство с первого раза. Может, и нет твоей вины в будущем приплоде.

— Да мы с нею всю зиму друг от друга не отходили, не считая рабочих дней,— оживился воспоминаниями Алексей.

— Тогда что? Тогда женись хоть добровольно-гражданским, хоть принудительно-военным браком. Сейчас, что Нелька, что Тамарка, но алименты срубят,— как старший товарищ рассудил я и закончил философски: — За все надо платить, такой у нас крест и принудиловка.

Когда тара опустела, вопрос со свадьбой отпал сам собой до более теплых дней. А что до магазина, так к Майским на месте старой библиотеки открыли новую торговую точку с ласковым названием «Лилия», но на нашей стороне дороги. Магазин не такой богатый, как «Мартин», но терпеть можно. Так что у нас теперь все путем. И с товарооборотом, и с безопасностью движения.

Валентина Никитина

ИЗ ЦИКЛА «ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО» (2023—2024)

Записано по воспоминаниям родных

Родилась 30 января 1955 г. в г. Кличеве Могилевской обл. Республики Беларусь. Окончила БГУ. Работала учителем белорусского языка и литературы в СШ № 2 г. Кличева. Член «Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», «Международного союза русскоязычных писателей». Победитель многих Международных литературных конкурсов в номинациях поэзия, проза, публицистика, переводы. Публикации во многих литературных изданиях.

УРОК НА ВОЙНЕ

Дверь широко распахнулась, и в комнату влетела внучка.

— Дедушка, кто такие узники? — прямо с порога выпалила она. — Я так боялась забыть это слово, — жалобно проговорила Эвелина.

— Я расскажу тебе, внимательно слушай, — дедушка Витя усадил внучку на колени, потом ласково погладил по головке и продолжил:

— Жила-была девочка, звали ее Алла. Когда началась война, ей было шесть лет. Однажды налетели фашисты, окружили деревню Коршуки, выгнали всех жителей из их домов.

— Из крепкой избы вышел Никифор, — продолжил дедушка, прижимая внучку к себе. — А за ним высыпали дети: Таисия, за ней — Анастасия, потом Василий и маленькая Алла, которую за руку вела Евдокия, которую все звали Авдотьей. Аллочка была боязливой девочкой, все жалась к маме.

На улице стояли машины. У леса были видны автоматчики. Семью Никифора погнали к машине. Все жители лесной деревеньки оказались на машинах. Их повезли. Как скотину. Кто хотел убежать, просто расстреливали.

Долго ехали машины и оказались в Бобруйске. Алла там была только однажды: папа возил за покупками на рынок.

Сейчас девочка испытывала страх: место было обнесено колючей проволокой. Отсюда нельзя было убежать. Так жители Коршуков стали узниками. Здесь были люди из многих деревень. А Авдотья вспомнила бабушку, что спасти девочек можно, назвав их другими именами. Так Таисия стала Тоней, а Анастасия — Тасей.

Никифор разузнал, что одного узника с семьей хотят выкупить у немцев за золото. Договорился он с мужчиной, что тот возьмет его младшую Аллу как свою девочку и выведет ее за стены лагеря. А потом оставит, чтобы семью доброго человека не подвергать опасности. Отец долго учил Аллу, куда и как идти, чтобы остаться живой. И день разлуки настал. Тихо прощались с Аллой, чтобы не привлечь внимание. Вывел чужой мужчина девочку из лагеря и оставил ее за мостом на окраине города. А дальше...

— Дедушка, Аллочка одна пошла? Она же трусихой была!

— Да, внученька, пошла. Как учил ее папа. По лесу, прячась от проезжавших по дороге машин. Обходя деревни. Ветер ее пугал, шелестя листвой и качая ветви деревьев. Ноженьки ее болели, обувка порвалась от корней деревьев и кустарников. Несколько дней шла девочка. Спала под деревьями, собрав листву и мох себе под бочок. Не тронули ее волки. А ягодки брусники и черники кормили Аллочку. При-

шла девочка в деревню Городец, нашла под большими вязами домик бабушки Ольги и осталась у нее.

— Как в сказке. Страшно было, наверное, Аллочке. А остальные выжили?

— Да, внученька, выжили. Освободили всех узников советские солдаты.

— Спасибо, дедушка. Знаю теперь, кто такие узники.

— Не все ты знаешь, внученька. Та маленькая девочка Алла — это моя мама, а твоя прабабушка.

Эвелина обняла ручками дедушку Витю крепко-крепко. И пошли они, обнявшись, смотреть семейный альбом с фотографиями, среди которых есть и фото маленькой девочки Аллы.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТОК

— Сегодня мы познакомимся с песней Исаковского «Враги сожгли родную хату». Зовут поэта Михаил Васильевич.

— Как моего дедушку, маминого отца,— пронеслось в голове.

Николай Григорьевич Семенов, учитель, взял аккордеон и тихо запел.

Чем дальше звучала песня, тем четче вставали живые картины войны. Резко сжалось горло, как плоскогубцами. Подступил какой-то ком, что и слюну было больно глотать. На глазах выступили слезы. Я, пятиклассница, даже шмыгнула носом. Посмотрела на подругу — Люда старательно вытирала платочком слезы. Даже Васька-задира, сидящий за соседней партой, тер глаза кулаком. Скоро шмыгали носами все одноклассники. Песня вызвала столько воспоминаний у школьников: в каждой семье еще остались рубцы от военных ран.

А мне вспомнился рассказ мамы, Марии Михайловны, которая во время Великой Отечественной потеряла отца. Сгорела в пламени изба, и вдове Арине с тремя детками свояки сделали землянку. А после войны срубили домик.

В начале войны Мане было девять лет. С грустью смотрела она на закрытую школу, которая осиротела без детских голосов. Школа стоит на углу улицы, через дом только.

Однажды с самого утра послышался гул машин. Сельские жители знали, что добром это не закончится. Взрослые позагоняли детей в хаты. А гул рос. Но до деревни не дошел, затих где-то на опушке леса, в урочище Лесное. Южный ветер донес женский и детский плач. Затем — автоматные очереди.

Вдруг в конце улицы, которая вела от урочища, послышалось гергетание. Немцы! Небольшая группка. Перед ними бежала черноволосая девушка лет шестнадцати, просила отпустить ее. В ответ слышался смех.

Мане не сиделось дома. Она услышала плач и тихонько выскользнула за двери. А затем опустилась на колени и ползком двинулась за сараями. Прячась за кустарниками, стала наблюдать, что делается на улице.

Маня видела, как девочку подгоняли прикладами. Та аж заходила от боли. А немцы смеялись. Вот красавица с длинными косами подняла руки вверх, обращаясь к небу за помощью. И в это мгновение немцы подхватили ее и подбросили высоко в небо.

Маня глаза закрыла от страха. А когда приоткрыла их, то увидела, как враги поймали красавицу на штыки. Даже смех немцев не мог заглушить душераздирающий крик девочки. И опять подбрасывают, и опять ловят... Пока она не повалилась на землю. Сердечко Мани так защемило...

Враги подхватили жертву и поволокли к журавлю — колодцу на школьном дворе. Слышала Маня, как в колодце булькнула вода. И стало тихо.

Но немцы не унимались. Смех их не замолкал. Они, продолжая свои игры, стали стрелять по кустам. Маня прижалась к земле. И тут ей на раскрытую ладошку опустился последний осенний листок, будто и куст орешника плакал по той черноволосой девочке.

Долго лежала Маня, боясь подняться. И через много десятилетий стояла в глазах ее та расправа. Только рассказывать об этом не хотела, не могла.

А там, в урочище Лесное у деревни Поплавы, где трое суток после расстрела мирных жителей колыхалась земля, стоит памятник на могиле жертв фашизма еврейской национальности.

Все это пронеслось в моей голове. А кто-то из класса вспоминал о сожженных домах в деревнях. Около двух тысяч только в нашем Кличевском районе. ВязЕнь и Селец так и не восстановились.

Удивительно легко выучились слова песни. К концу урока мы смогли порадовать любимого учителя, а дома — родителей. А дедушка Платон, когда я пропела ему песню, сказал:

— Такое забывать нельзя!

ГОЛОСА ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ

— Бабушка Валя, мы сегодня в музее были,— радостно сообщил Лешка.

— А что запомнилось больше всего?

— Панорама двух деревень. Там домики маленькие, словно игрушечные. Позже враги их сожгли.

— Это ВязЕнь и Селец. Хочешь увидеть, где они были до войны? — внук кивнул.

— Идем просить дедушку.

...Дорога вела за Кличев. Проехали деревню Стоялово. Лешка вспомнил:

— Здесь родилась Валя Шалай. Она партизанила, а была чуть старше меня.

Когда проехали Сушу и увидели поворот на Ольховку, бабушка рассказала, что родом из этой маленькой деревеньки Герой Советского Союза Павел Кривонос.

— Фамилия тебе, Леша, говорит о чем-нибудь? — поинтересовалась женщина.

Мальчик почесал затылок, а потом выпалил:

— Так называется улица в Кличеве. А почему ее так назвали?

Поведала бабушка внуку о герое-танкисте, который, увидев, что немецкий танк нацелился на танк командира, закрыл командирский танк. Танк Павла был подбит, сам танкист получил ранение, от которого не выжил.

А потом появился указатель. И мальчика накрыли воспоминания.

— Сейчас немножко проедем, и будут эти деревни. Ой, бабушка, смотри, это там,— внук показал на памятники вдали.

— Мемориальный комплекс «Усакино»,— прочел Лешка на указателе.

С этого момента начиналась история о войне. Молча шли к памятникам. Вместо деревень увидели два огромных валуна с мраморными плитами.

— «ВязЕнь»,— прочел Алексей на одной из них. «Селец»,— значилось на другой. Стихи на камнях резали сердце. Подошли к братской могиле, к памятнику «Расколота хата», где нашли упокоение жители двух деревень.

— Неужели никто не выжил? — дрожащим от слез голосом прошептал Лешка.

— Выжили те, кого не было в деревнях. Сейчас здесь растут сто сорок берез в память о погибших жителях,— внук вздохнул. После минуты молчания поехали к партизанскому лагерю.

— Смотри, внучок, и запоминай,— напутствовал дедушка.

Алексей обошел братские могилы, изучил имена партизан на гранитных плитах стены Памяти. В знак скорби склонились полотнища знамен, застыла бронзовая фигура солдата с автоматом в руках. Там была и родня. И опять цветы и минута молчания.

— А сейчас, внук, беги вперед по тропинке,— отправил мальчика дедушка.

— Здесь землянки! Настоящие! Идите сюда! — донесся звонкий голос Лешки.

Мальчишка был в восторге. Он уже побывал в землянке командира, посидел на партизанской кровати, спустился в землянку-типографию и рассмотрел все в землянке медсестер.

Леша встречал родных. И огромной радостью для него было известие, что все самые первые постройки в партизанском лагере: землянки, навесы, столовую, сруб

колодца — все было сделано руками строительной бригады, где работал его прадедушка Простакевич Михаил Платонович.

Экскурсоводом в партизанском лагере был Алексей:

— Мох на землянке сверху — это чтоб с самолетов не было видно...

Обедали в большой партизанской столовой. И воды попили из настоящего журавля.

— А что это за ямы, поросшие черничником?

— Это, внук, воронки от бомб.

— Ого, сколько раз попадали снаряды в партизанский лагерь!

Дорога домой сморила Лешку. А под шум колес доносились голоса:

— Береги мир, внучок!

ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ

(Посвящается отцу мужа Никитину Николаю Васильевичу)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дед — Василий, дедушка Алешки

Алешка — его внук, ученик начальных классов

Николай — отец Василия и прадед Алешки,
высокий парень 18 лет, будущий солдат

Отец Николая — высокий мужчина 45 лет, крепкого телосложения,

Мать Николая — простая русская крестьянка

Русские солдаты

Немецкий солдат

(Действие происходит в городской квартире в наши дни)

(Дед достает из шкафа пиджак с военными наградами. Он внимательно их рассматривает, гладит рукой, вздыхает)

Алешка (входит в комнату)

Алешка. Ого! Круто! Сколько наград! Как у нас в школьном музее! Деда Вася, это твои ордена и медали?

Дед. Нет, внучок, не мои. Это награды за героизм в Великой Отечественной войне. Я же послевоенный.

Алешка. Деда, а чьи это награды?

Дед. Это награды моего отца, а твоего прадедушки Николая, Коли.

Алешка. Деда, тебе твой папа, наверное, много рассказывал о войне?

Дед. Нет, к сожалению, внучок. Их поколение не хотело рассказывать о войне. И фильмы военные отец не любил смотреть. Помню, начинаем просить поделиться воспоминаниями, а он сразу же хмурится, машет рукой, будто отгоняет назойливых мух, или просто уходит в другую комнату. Очень редко делился прожитым. Видно, что война крепко его зацепила, всю жизнь не давала покоя.

Алешка. Расскажи хоть немножко о дедушке Коле.

Дед. Хорошо.

(Дед кладет пиджак на стол, гладит награды. Они с внуком усаживаются)

(На авансцене идут трое: Николай; его отец; его мать. Мать беззвучно плачет, она провожает мужа и сына на фронт, обнимает их, и, когда они уходят, крестит их, вытирая слезы)

Мать. Ушли мои соколики! Ушли родину защищать. Я сильная, как настоящая русская женщина, я справлюсь! Ничего, что осталась одна с маленькими детками на руках. Пусть только врага побыстрее гонят с нашей земли! (Уходит)

Дед. Так и ушли вместе мой отец Николай в свои 18 лет и дедушка Василий, и на фронт вместе попали.

Алешка. Деда, твоего дедушку, как и тебя, тоже Василием звали?

Дед. Это меня в его честь назвали.

Алешка. А бабушку как величали?

Дед. Анной, внучок.

Алешка. Ушли мужчины, получается, вместе Москву защищать?

Дед. Да, внук, Москву. Бой был за город Клин под Москвой.

(На авансцене к Николаю, русскому солдату, подкрадывается немецкий солдат и бьет того по каске. Николай падает, затем, медленно встает, опираясь на винтовку. Немецкого солдата в это время гонят русские солдаты со сцены)

(На авансцене остаются двое — Николай и такой же молодой новобранец. Николай, пошатываясь, снимает каску.)

Напарник вдруг пальцем показывает на шинель. Николай снимает шинель и считает дырки на ней)

Николай. Четырнадцать!

Солдат. Четырнадцать!

Вместе. Четырнадцать! (Уходят со сцены)

Дед. Четырнадцать пуль в шинели насчитал он после первого боя.

Алешка. Ого! Шинель на решето похожа стала. И ни одна пуля не зацепила? Счастливый! А его папа?

Дед. Он, внучок, погиб в этом бою.

Алешка. Как жалко (трет кулачком глаза). А бабушка Аня стала... стала... Ой, за-был.

Дед. Сначала солдаткой, когда муж солдатом стал. А когда погиб, то вдовой. Одна всю жизнь была — детей растила, за скотиной ходила, огород садила.

Алешка. Деда, а твоему папе сказали, что его папа погиб?

Дед. Да, внук сказали, только не сразу. А когда я узнал, то долго поверить не мог. Сам рвался в бой мстить за отца. За овдовевшую мать.

Алешка. И за сестричек и братиков, что сиротами остались. Да, деда?

Дед. Правильно, Алешка.

Алешка. Деда, скажи, а твой папа был ранен на войне? В первом бою ему повезло...

Дед. Был ранен несколько раз. В одном бою очнулся от стона. Рядом лежал раненый командир. А санитары к ним еще не успели.

Алешка. Ой! И как они, сами выбрались?

Дед. Да, сами. Друг другу помогали и выбрались. До госпиталя вдвоем добрались. Долго лечился папа, пока на ноги встал. Был снова фронт. Много городов прошел с боями. Вот, посмотри, Алешка, на награды.

Алешка. (читает) Беларусь, Кенигсберг, Берлин... Дед Коля в самом Берлине был?

Дед. Да, был.

Алешка. А раны его хорошо зажили?

Дед. Да, зажили, но после войны болели душевные раны. А они никогда не заживают.

Алешка. Спасибо, деда Вася.

(Алешка обнимает деда, они долго стоят обнявшись)

Алексей Горбунов

Родился в Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета, отделение русского языка и литературы. Работал научным сотрудником в НИИ, на различных должностях в частных структурах, обозревателем в СМИ. Автор нескольких десятков повестей и рассказов, двух пьес, романов «Минск и Тибетская книга мертвых» и «Город. Девушка. Стаффаж». Лауреат Международного литературного фестиваля «Славянская лира — 2020» в номинации «Малая проза». В 2021 году вошел в длинный список Международной литературной премии им. Фазля Искандера. Лауреат литературной премии имени Симеона Полоцкого за 2024 год. Заместитель председателя Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

ПОМОЙНЫЙ ДЕД

Дед часто спал на длинной скамейке посередине нашего двора. Разваливался в самом центре. Свешивал голову на бок, открывал рот, храпел, и из посиневших, огромных губ вываливался некрасивый, потрескавшийся язык. Дед, бесформенный и пузатый, с пухлыми, словно из теста, руками, в рубашке, застегнутой на несколько пуговиц, и сношенных тапках летом или в замызганном, истертом пальто и стоптанных сапогах зимой,— являлся неотъемлемой частью скамьи. Даже больше чем частью, кроме него там никто не сидел — то ли брезговали, то ли боялись.

Возможно, из-за увесистой палки, всегда лежавшей рядом. На нее старик опирался во время ходьбы. Мы, желторотые и проказливые, называли его помойным дедом, но не за внешний вид, а за странную привычку ковыряться в мусорных баках, которые возвышались в десятке метров от скамейки.

Время от времени дед просыпался, ковылял к мусорке и принимался копать в ней, выгребая зловонные отходы. Голыми руками, не морщась и не реагируя на жителей двора. Набрав плесневелого хлеба, засохшей каши и других испорченных продуктов, он возвращался к скамейке и кормил голубей. Их всегда было много поблизости, даже когда дед спал. Птицы доверчиво бродили рядом, садились к нему на колени или на плечи, не встречая сопротивления.

— Представь, как у него дома воняет,— шептались мы, наблюдая за стариком.

Он не был бездомным, в центре города имел просторную квартиру, в которой и жил с супругой. Но каждое утро, если не было дождя или метели, дед выходил во двор и усаживался на скамейку, сидел до сумерек и чаще всего спал.

Старец был для нас, малолетних, продолжением детских кошмаров и страшных сказок, где обитали Баба Яга и Кикимора. Он не походил на других взрослых, вызывал ужас, нес в себе необъяснимую тайну. Больше всего пугало непонимание — что заставляло его день за днем влезать в мусорные баки, чтобы покормить голубей, которые и так не голодали. Жалость? Безделье? Безумие?

Мы частенько жаловались на деда папам и мамам, иногда придумывая небылицы, но родители лишь грустно вздыхали и советовали не трогать старика. Он такой, какой есть. И точка.

— Почему?

— Вырастешь, поймешь.

— Что пойму?

— Все поймешь.

Милиционеры и те обходили деда стороной. Новые в первый раз приближались посмотреть — не покойник ли, но потом, освоившись, теряли всякий интерес.

У всех были дворы, как дворы — коробки домов, скамейки с крикливыми бабками, пугливые голуби и старые деревья. У нас в обычных декорациях восседал помойный дед. Временами от нечего делать мы забирались на высокие тополя, росшие поблизости, и наблюдали за тем, как старик спит, как на синем пятне губ подрагивает фиолетовый язык, как ветер играет одеждой и волосами фигуры на скамейке. Спал он спокойно, словно знал что-то убаюкивающее или полностью доверял жизнь рассеявшимся вокруг птицам.

Если сформулировать наше отношение к происходящему тогда языком нас сегодняшних взрослых, мы хотели получить ответ на вопрос: «Откуда и зачем этот монстр пришел в наш цивилизованный, солнечный и чистый мир?» Но ответа не было.

Друг друга мы пугали рассказами о том, как дед гонялся за хулиганами из соседнего двора и лупил их по спинам и голове увесистой палкой. Но верили ли мы тогда этим байкам? Они просто логично укладывались в пугающий образ.

Как-то, набравшись смелости, мы приблизились к помойному деду, готовые в любой момент рвануть врассыпную, но тот лишь похлопал ладонью по скамейке рядом с собой и безумно улыбнулся беззубым ртом. Один из нас, Колька, присел рядом, дед сделал замах, будто намеревался обнять его за плечи, но так и не довел движение до конца. Пухлая, мучная рука опустилась на спинку скамейки и замерла там. Похоже, старик был счастлив.

В мае 1985 года, во время празднования юбилея Победы, мы стали свидетелями необычного события. Вокруг нашего деда расселись ветераны в пиджаках, увешанных наградами, разливали водку по стаканам, взятым на время из аппаратов с газированной водой, говорили о чем-то своем. В центре восседал дед, в старых тапках, растянутых тренировочных штанах и полустегнутом кителе цвета морской волны. Но главное не в этом. На кителе красовалось столько орденов и медалей, сколько не было у всех остальных собравшихся рядом стариков. Дед смотрел на всех выпученными, красными от спиртного глазами и что-то авторитетно говорил. Связно и громко. Так, что птицы разлетелись от шума.

— Генерал! — рассуждали мы, сидя на тополе.

— Маршал!

— Сам ты маршал! У маршала погоны золотые!

Деда не стало через год. Однажды летом он не вышел во двор. Прикормленные голуби какое-то время собирались в привычном месте, нелепо крутили головами, курлыкали. Расхаживали и ждали. Но больше никому не приходило в голову их кормить. И птицы исчезли. Со временем на пустующей скамейке стали посиживать забредавшие во двор гуляки и влюбленные парочки, потом их сменили местные алкоголики. Через несколько лет скамейка развалилась от времени, и ее обломки убрали.

Мы, дети восьмидесятых, выросли и все поняли. Теперь мы знаем, откуда в наше спокойное детство пришел этот пугающий старик. Знаем, почему он так любил голубей и чистое небо. Но можем только догадываться, какую цену ему пришлось заплатить за право сидеть посреди двора, не обращая внимания на осуждающие взгляды. По-хорошему подойти бы сейчас к нашему помойному деду, поклониться в пояс и сказать: «Спасибо».

Но нет больше старика. Только тополя остались.

СЕМНАДЦАТЫЙ

— Нас не свозили на Халактырский пляж! — с досадой бормочет Мария, сидя на кровати. В единственный свободный от экскурсий день на Камчатке от нечего делать она читает программу тура.

— Погода не для купания,— возражаю я.

— Там черный вулканический песок!

Соглашаюсь, не увидеть черный вулканический песок нельзя. Это все равно, что съездить в Париж и не умереть, и даже не подхватить насморк. Иду к хозяйке нашей маленькой гостиницы, чтобы поинтересоваться, далеко ли пляж.

— Пляж недалеко,— улыбается та.— Но добраться туда проблематично. Вернее, вернуться оттуда.

— Почему?

— Там на большем участке дороги нет асфальта. Туда вы доберетесь на такси минут за тридцать, но вызвать машину обратно... Никто не поедет.

— И что делать?

— Вариантов несколько. Или договариваться с таксистом на месте, чтобы он подождал. Или пытаться вызвать такси оттуда. В крайнем случае, звоните мне, а я постараюсь вас забрать.

Судя по ее лицу, она вроде бы и готова спасти постояльцев, застрявших на берегу океана, но совсем не горит желанием это делать. Расклад понятен. В Петропавловске-Камчатском я не видел в «Яндекс. Такси» русских водителей, поэтому нужно будет договариваться с кем-то из таджиков или узбеков, чтобы подождали на пляже и не взяли за это последние деньги.

Мария подсказывает, что на обувной полке в холле гостиницы лежит визитка с рекламой местной службы такси: «Большой автопарк, чистые и надежные машины». И еще уверяют, что привезут и увезут из любой точки полуострова. Нужно только установить их мобильное приложение и сделать заказ.

Через полчаса мы с Марией стоим под морозящим камчатским дождем, ждем такси и смотрим на раскисающую грейдерную дорогу. Утешает одно — водителя зовут Николай. А это значит, что он русский и с ним можно вести переговоры.

Машина медленно сползает с крутой горы, на которой расположен отель. Николай — мужчина непонятного возраста с волевым лицом и многодневной щетиной, которая еще не успела превратиться в бороду. Я бы на его месте побрился, но это его лицо и решать ему.

— Как вам Камчатка? — спрашивает водитель, безошибочно определяя в нас туристов.

— Все замечательно,— отвечаю я.— Только мигранты у вас беспокойные.

— Как это?

— В День военно-морского флота местных парня с девушкой обкладывали матом два пьяных таджика.

Мария пихает меня локтем в бок: «Заткнись!»

— Здесь, в центре? — удивлен Николай.

— Вот на этой улице, которую только что проехали.

— Это был не местный.

— Кто не местный? Таджиков двое было.

— Парень не местный,— спокойно говорит Николай.— Наш бы вломил так, что не встали бы.

Молчим. Машина едет по одной из крупных улиц Петропавловска. Под небом, закрытым тучами, ползут потоки чумазных автомобилей. У дороги билборды, очень похожие на минские, где фотографии погибших на фронтах Великой Отечественной. Вот только на наших билбордах больше мужчин в возрасте, а здесь портреты юных.

На ближайшем совсем молоденький пацан: «2000—2022». Взгляд мальчишеский, открытый. Герой России.

Николай начинает разговор.

— Я морпех. На реабилитации, после ранения. Подрабатываю в такси.

— Донбасс? — спрашиваю я, а Мария снова пихает меня локтем в бок. Ее пугает тема войны. Она бы предпочла, чтобы все жили в худом мире.

— В октябре заходили сто двадцать человек. Октябрь, ноябрь, декабрь,— держа руль левой рукой, Николай загибает пальцы на правой. На феврале пальцы заканчиваются, и он начинает по новой,— ... март. Через полгода вышли семнадцать.

— Остальные двухсотые? — спрашиваю очевидное.

— Двухсотые,— Николай кивает и спокойно смотрит на меня в зеркало заднего вида.— Но взяли много.

— Где вы воевали? — неожиданно включается в разговор Мария.

— Авдеевка.

Пытаюсь осмыслить новую информацию. Та самая Авдеевка, из которой нацисты, одуревшие от вседозволенности и наркоты, почти десять лет обстреливали беззащитный Донецк. Откуда били по матерям с колясками в четырнадцатом, пятнадцатом и шестнадцатом, откуда лупили по салютующему городу в феврале двадцать второго. Авдеевка, несшая смерть детям и старикам, проклятая на десятках языков, с метровыми бетонными укреплениями, которые не могли взять матерые штурмовики. Авдеевка, которую хотели видеть свободной Моторола, Гиви, Батя... Так и не увидели при жизни... Но ее взяли.

— Авдеевка,— поворачивает ко мне голову Николай.— Ничего не говорит название?

Говорит. Возможно, говорит больше, чем другим. Иногда люди молчат, не потому, что не знают, а потому, что знают слишком много.

— Слышали,— отвечаю водителю.— Страшное место.

— Место как место. Но взяли мы много,— повторяет Николай, как мантру.

Разговор прерывает телефонный звонок. Это директор нашей туристической компании, которую я час назад поставил на уши, когда поинтересовался, почему позавчера гид не завез нас на заявленный в программе Халактырский пляж.

— Вас отвезут туда завтра-послезавтра, в зависимости от погоды,— тараторит директор.

— Не надо. Мы уже по дороге туда.

— Зря, очень зря,— в голосе появляются нотки агрессии.

— Не зря,— когда я узнал, что еду в одной машине с бойцом из Донбасса, меня из нее не выгонишь.— У нас шикарный водитель, которого я не согласен променять на другого,— при этих словах Николай косится на меня в зеркало заднего вида.

— Как знаете,— голос директора становится официальным.— Мое дело предложить.

Николай интересуется, что произошло. Объясняю. Заодно спрашиваю, за сколько он согласен подождать. Устраивающий всех вариант находим за минуту, после чего Николай куда-то звонит и говорит, что отвезет клиентов на пляж и уйдет с маршрута.

— Вернетесь обратно на войну? — спрашивает Мария.

— Конечно,— Николай спокоен.

— Почему?

— Надо, так надо. Через несколько недель — туда. Вот реабилитация закончится и поеду.

— А семья у вас есть?

— Жена и двое детей.

Мария в шоке от ответов. Николай рассказывает о себе. После срочной службы подписал контракт. Воевал. Потом был переведен на Камчатку, где год службы — за

два. Женился. Вышел на пенсию. Летом двадцать третьего сам пришел в военкомат, там только спросили, где он был годом ранее... Заключил контракт.

— Ваша жена так просто вас отпустила? — не отстает Мария.

— Ну, что жена... Жена, как жена,— размышляет Николай, глядя на дорогу.

«А что жена, на самом деле? — думаю я.— Жены тоже чувствуют, когда нужно отпустить. «Без тебя большевики обойдутся»,— не всегда прокатывает. Не отпустишь, ничего хорошего не выйдет. Насильственная мирная жизнь начнет подпитываться ссорами, алкоголем, поиском замен. А чем заменишь войну? Она не женщина, она опьяняет сильнее. Будит эмоции и чувства, которые никто другой разбудить не способен. Только Мария, дитя мирного времени, пока что этого не знает».

— Правда, что огнестрельных ранений сейчас почти нет? — спрашиваю у Николая.

— Правда. В основном — птички, арта.

Машина приближается к темным дюнам Халактырского пляжа. Песок здесь почти черный, с пепельным оттенком. На стоянке с десятков автомобилей. Ленивые туристы вылезают из транспорта и разбредаются по пляжу. В двадцати метрах от берега серфингисты пытаются обуздать волну. Поеживаюсь, представляя, как холодно этим смелым парням.

— Им не холодно? — интересуюсь у Николая.

— Они в гидрокостюмах,— авторитетно поясняет тот.

— Тоже катаетесь на серфе?

— Кто, я?! Нет. У меня другое занятие,— усмехается Николай.— Погрузился на дно, заминировал что-то и взорвал. Серфинг это для других.

Договариваемся, что вернемся через полтора часа.

— Гуляйте,— напутствует Николай.— Не переживайте. Я буду здесь, никуда не уеду.

Мы с Марией уходим по пляжу. Дождь прекратился. В ста метрах от стоянки никого нет. Вдали бульдозер сгребает черный песок и грузит его в самосвалы. Широкие волны Тихого океана хаотично набегают на берег, смачивая гладкую антрацитовую поверхность, на которой тут и там валяются блестящие листья морской капусты. Такой, какая она бывает в реальности, а не та изодранная в ошметки, что продают в столичных магазинах. Современную ламинарию, наверно, готовят для диетического питания, без уксуса и приправ, чтобы сама таяла во рту и киселем проскальзывала в пищевод.

Мария вскрикивает и отбегает от берега — коварная волна окатила ее до колена. Сажусь на песок и курю, глядя в хмурый горизонт, который, кажется, сам рождает эти волны. Пару дней назад капитан говорил, что Тихий океан — самый дикий из всех. Капитан проплавал всю жизнь, ему можно верить.

Но океан сейчас не интересует. Внутри странное ощущение — словно долгие годы шел к правде, а когда дошел, понял, что правда эта не вмещается в твой уютный мир, не лезет квадратная в полиэтиленовый мешок, рвет его углами. Меня всю жизнь учили математике, и я знаю, что такое математическая статистика. Живыми вернулись семнадцать из ста двадцати, и снова обратно? Чудес не бывает. Или бывают? Господи, помоги ему вернуться. И остальным парням — тоже. Живыми. Но внутренний голос ругается: «Ты, что — дурак? Поверил, что формулы могут ошибаться?» Дурак. Пусть лучше я буду дураком, а Николай вернется к семье. Пытаюсь представить, как обнимали его дети при возвращении, как взглянули глаза его жены, когда она узнала, что после реабилитации он поедет обратно. Небритость Николая, его спокойное лицо — иконописный лик. Если не он, на линию боестолкновения поедет тот парнишка, который не смог защитить свою девушку от оскорблений пьяных таджиков. И неважно, местный тот парень или нет. Кто-то должен идти в атаку, чтобы мирняк спал в тишине и целовался на улицах.

Николай не первый из тех, кто был там и с кем я пересекся на Камчатке. Взгляды этих парней навсегда остаются с тобой. Есть укор в их глазах. Его нет только на фотографиях пацанов с билбордов. А у живых читается: почему ты здесь, а мы там? Никто, конечно, не спрашивает напрямую. Туристы приносят деньги и занятия у них другие: плавать, кататься, карабкаться на горы, есть в ресторанах. Поэтому им ничего не говорят, но взгляд не спрятать.

Смотрю, как Мария восторженно носится по черному песку, пытаюсь убежать от широких волн. Десятками делает снимки. Ей весело. Она, живущая в стране, где 80 лет не было войн, не любит, когда я читаю военные новости. Она думает, что всегда можно договориться по-хорошему. Да и я не стану объяснять Николаю, как не объяснял другим, что я здесь иностранец, что моя страна не воюет...

Курю одну за другой и складываю бычки в карман. Берег и океан прекрасны, даже в плохую погоду. Но там за дюнами нас ждет человек, который вернулся, чтобы отдохнуть от боев. И еще эта проклятая статистика... Я не могу настроиться с Николаем на одну частоту, потому что у него опыт, которого нет у меня. Опыт жизни со смертью.

И вдруг на меня, как волна на песок, накатывает мысль — это же под Авдеевкой парни брали турбазу «Царская охота». Несколько недель в ледяной воде расчищали заваленный мусором туннель в тыл к нацистам, потом прошли по нему и заняли неприступный укрепрайон. Чужие подвиги быстро вылетают из головы.

По пути к стоянке говорю Марии:

— Ты понимаешь, что по всем законам долбанной математики у него нет шансов?

Мария, от которой я всегда при упоминании войны получал кулаком в бок, отвечает:

— Понимаю...

Николай невозмутимо ждет нас за рулем. Кажется, что мы и не уходили, ничего не изменилось. Только на приборной панели появилась пачка сигарет, которой там раньше не было. Ему тоже нужно было побыть в тишине на Халактырском пляже, что-то обдумать.

— Вы брали туннель под Авдеевкой? — спрашиваю у Николая.

— Какой туннель?

— Который несколько недель очищали, чтобы зайти в тыл...

— А-а-а... труба? Кого там только не было. Все были, — смеется Николай. — Но что об этом говорить.

Молчим. Хотя есть еще одно, о чем я должен его спросить:

— Что самое главное на войне?

— Да что вы все прицепились с этим вопросом? — Николай смеется и бьет ладонями по рулю. — Самое главное, не обосраться. А так — ничего не бояться только дураки, и все пули — дуры.

Водитель бросает взгляд на Марию через зеркало заднего вида — не задел ли нелитературным словом. Она молчит. Мне кажется, именно благодаря Николаю Мария начала понимать, что война — что-то большее, чем тысячи мужиков, которые стирают друг друга с лица земли вместе с окопами.

— А приезжайте к нам жить, — вдруг предлагает Николай. — Природа здесь красивая, работу всегда можно найти, зарплаты хорошие. Можно жить и радоваться.

— Советуете? — спрашивает Мария.

— Советую.

— Мы подумаем.

— Сколько вам лет, Николай?

— Мне?! Сорок один.

Смотрю на него через зеркало заднего вида. Я бы сказал, что ему под пятьдесят,

не меньше, а он почти на десять лет меня младше. Хотя щетина, возможно, старит. Машина подъезжает к гостинице, расплачиваюсь. Николай выходит из салона и улыбаясь прячет деньги в багажник. Впервые вижу нашего водителя в полный рост. Не-высокий, полноватый, седой. Встреть я его на улице, решил бы, что мужику за ше-стьдесят.

— Спасибо вам,— протягиваю руку Николаю.

— За что?! — удивляется он.— Все, как договаривались.

— И за это тоже спасибо.

В номере говорю Марии:

— Эта поездка была нам нужна.

— Да.

— И не из-за Халактырского пляжа.

— Да,— соглашается Мария.

Александр Дурасов

Уроженец города Ошмяны, Беларусь. Старший офицер в отставке. Гражданская специальность — историк. Литературным наставником был известный белорусский писатель Алесь Масаренко. Автор романа-трилогии «Чужой для всех», рассказов. Награжден специальным дипломом жюри международной литературной премии им. Симеона Полоцкого-2024 за высокое художественное мастерство трилогии. Председатель Бобруйского отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

ВОЙНА ПОСТУЧАЛАСЬ...

Война постучалась в каждый дом не сразу. Многие надеялись, что Красная армия быстро погонит фашистов на запад. Она будет скоротечной и победоносной. Но по мере объявления все более тревожных сводок Совинформбюро, по мере вызова в военкоматы все большего количества мужчин разного возраста, по мере роста похоронок настроение советских людей менялось. В глазах появилось больше жесткости и решительности, где-то пессимизма и отчаяния. Пришло понимание о долгой и кровопролитной войне.

Лето 1942 года было неудачным для Красной армии. После поражения под Харьковом пришлось отступать к Сталинграду и Кавказу.

24 июля вторично оставлен Ростов...

— Будем прощаться,— сказал осиплым голосом негромко Иван Захарович Богнюков, поднимаясь из-за стола после обеденной трапезы.

Глаза хозяина дома напряженные, лицо суровое. Но не оттого, что характер слишком крутой, неуступчивый. Глубокий шрам, вдавив левую щеку к зубам и до самого уха, еще розовый, не огрубевший, свежий от недавнего осколочного ранения, мешал говорить и делал лицо устрашающим. Руки расставлены: жилистые, крепкие, словно могучие крылья.

— Идите ко мне, мои дорогие. Может, более не увидимся... Не плачь, Феня Васильевна.

Жена прильнула к сильной, вздымавшейся от волнения груди мужа, слезы катились горохом, но без завывания. Второй раз провожала. Первый — еще в начале войны на фронт. Вернулся инвалидом, глухой, но живой — радость какая: свой, любимый, родной.

Тут же с сидором на дорогу подошла и теща Полина Ивановна, тщедушная, твердого, упрямого нрава казачка. В глазах боль и страх за покалеченного зятя, за внука Колю, который уходил с отцом. «А как под бомбежку попадут?» Рука поднялась, чтобы перекрестить крестным знаменем.

— Погоди, мама, потом... — голос потонул в неухоженных, широких с проседью

усах Ивана Захаровича, дрогнули веки, и скатилась редкая слеза. Он смахнул ее узловатыми, кряжистыми пальцами и оглянулся.

— Калька! А ты, доченька, что не подходишь? Обними папку.

Дочь отстранилась от печи и, приблизившись вплотную к отцу, смело, с небольшой дрожью в голосе обронила:

— Вот вы уходите, папа, а как же мы одни без защиты? — взгляд устремленный, осанка прямая, сильная, как у отца, в порыве наклонена вперед. Требуется ответ.

Богнюков-старший смутился, брови сдвинулись к переносице. Собранные морщины на лбу еще больше углубились. Он не слышал, что произнесла Каля, но по губам, протестному взору понял ее отчаянный крик души. Притянув дочь к груди, к которой прижималась жена, он тепло, трепетно обнял обоих и, поглаживая, хрипловато произнес:

— Не бойтесь, мои дорогие. Вас не тронут. Не тронут вас, доченька. Зачем вы им?.. Остаься — мы и недели не проживем, попадем под ликвидацию. Я коммунист. Колька почти призывник... Мы обязательно вернемся с Красной армией и уже с победой.

— Батя! — ворвался разрывом молодой басок, засовы лягнули гулко о стенку — так споро отворилась дверь.— Подвода пришла. Грузимся. Колонна выдвигается. Едем!

— Да-да! — выдохнул глубоко хозяин, словно меха разошлись, и довольно грубо оттолкнул женщин: — Все, бабоньки, не ревите. В тыл же направляемся, а не к германцам на фронт.

Он поглубже надел картуз, услужливо поданный супругой, легко подхватил большую, прочно сплетенную корзину с вещами, второй рукой — небольшой медицинский саквояж, положенный по статусу ветврача, и, чуть наклонив голову, в косоворотке, с незастегнутым пиджаком, пошел на зов сына, который уже успел принять сидор из рук бабушки. Под скрип половиц бросил через плечо торопливо:

— Максим Иванович, за мной. Не отставать! — брат тещи еще угрюмо восседал за столом, выпив лишнюю рюмку...

Колонна из автомашин, подвод, пешего люда вперемешку с домашней скотиной, в конце — с совхозным стадом медленно двинулась по проселочной дороге на юг к станции Обливской и далее к Волге, за Сталинград, оставляя за собой клубы пыли и огромную тревогу в глазах провожавших селян.

Оккупанты ворвались в поселок через неделю, 30 июля. Со стороны Обливской входила немецкая мотоколонна. С севера спускалась в балку легкая румынская пехота.

Было около полудня. Каля торопливо шла по центральной улице к мельнице, чтобы помочь матери принести муку — так договорились. Не доходя до площади, она услышала приближающийся натуженный рев моторов. Оглянулась. В поселок въезжали мотоциклетки, а за ними — военные машины. Они остановились у первых домов, и из грузовиков стали выскакивать солдаты в серой незнакомой форме. Под гортанные окрики немцы, о них подумала Каля, рассыпались по улице и не спеша двинулись к центру.

Девочка вскрикнула от испуга и побежала. Сердце колотилось — не унять. Вдогонку ударило что-то страшное, хлесткое, шелестящее. Справа посыпались стекла домов. Несколько пуль просвистели над головой. И вдруг обожгло плечо. Терпимо, но обожгло, будто их любимый пес Азарт случайно в игре царапнул лапой. На разорванном рукаве летней блузки выступили капельки крови.

— Ай! — взвизгнула Каля и, прижав ранку ладонью, еще быстрее запылила в конец поселка.

Позади остались керосиновая лавка, управление, пекарня, баня, и уже показалось кирпичное строение мельницы. «Какая длинная очередь к ней,— подумала мельником девочка.— Словно разноцветная гусеница колышется. Почему никто не расходится? Стреляют же».

Люди упорно стояли в ожидании своей очереди смолотить зерно. Редкая стрельба где-то в начале большого совхоза, которая вскоре закончилась, их не пугала. Женщины шумели, подгоняли друг друга, не теряя надежды попасть на мельницу, и с завистью провожали счастливых, спешащих домой с мукой.

Вдруг слух Кали резанул тонкий звон, усиливающийся с каждой секундой. Она остановилась, не добежав до суетливой толпы, тревожно посмотрела ввысь. Селяне также замерли, находясь под гипнозом этого звука. Ошалелые от жары лица устремились к безоблачному, режущему глаза своей яркой чистой небу.

С северо-западной стороны, сверкая тонкими плоскостями, пикировал на них мессершмитт. Истребитель падал все отвеснее, все круче. В какой-то момент от него понеслись сверху огненные трассы, извергаемые скорострельными пулеметами. Сотни раскаленных ос, мгновенно достигнув цели, начали жалить листву, деревья, дома, вспарывать мешки и кульки с зерном, разбивать в щепы самодельные тележки, рассеивать людскую толпу, превращать металлическую крышу мельницы в решето.

Люди бросились врассыпную. Суматошный крик и визг смешались со стонами раненых и возгласами о помощи. И в этот момент у входа вырос бомбовый разрыв, взвились смерчи земли, каменки, битого кирпича. Передняя стена мельницы осела и с невероятным грохотом обвалилась, подмяв выбегавших работников.

Истребитель круто набрал высоту и с левым разворотом пошел на повторный заход. Сбросив еще одну бомбу в другом месте, скрылся в небесах.

Каля пришла в чувство быстро. «Что делать? Куда бежать? Где мама?» — эти мысли закружились в голове.

«Надо осмотреться», — дала себе команду. Взглянула на ранку — кровь не сочилась. Пожалела о порванной блузке — подарке отца. «Зашью», — подумала девочка. И на четвереньках, обжигаясь о колючки и крапиву, осторожно выползла из кустов на истоптанную и истерзанную площадку и ужаснулась от увиденной картины бойни, устроенной немецким летчиком.

Кирпичная мельница, разрушенная наполовину, горела. Со всех сторон доносились плач, стенания, крики. Люди еще уползали к близлежащим кустам сада, боясь нового налета. В отдельных местах кто-то, просто сидя, выл возле убитых, заламывая руки, кто-то помогал раненым. Несколько старушек спасали перемешанное с пылью зерно, собирая в подол.

При виде общего людского горя Каля растерялась. Она не могла сосредоточиться на поиске мамы. Ей не хватало душевных и физических сил. Кроме того, раскаленный прогорклый воздух забивал легкие, стеснял дыхание. Липкий густой пот скатывался и резал глаза. Ей остро хотелось бежать отсюда, умыться или хотя бы уползти в прохладные заросли сада, спрятаться там от жгучего полуденного солнца, а также не видеть и не слышать мучения селян. В подавленном состоянии она присела на чью-то разбитую и брошенную тележку.

И вдруг она увидела маму: живую, невредимую, совсем рядом, мечущуюся в поисках ее, Кали. Невысокую, подвижную, с загорелым чернобровым милостивым лицом, с первыми морщинками у глаз и маленькой родинкой на щеке. Ее бы она узнала и в темноте.

Феня Васильевна также узнала дочь. Она бросилась к ней, забыв о ситцевом платке, который в порыве выскользнул из руки, о разорванном кульке с зерном, лежащим где-то.

— Мама! Мама! — закричала Каля, вскочила и побежала навстречу.

— Каличка! Доченька! Жива! Господи! — обнимала, всхлипывала и целовала мать ребенка. — Боже мой! Сколько раненых, убитых. Жива, доченька!

Каля прижималась к маме и, закрыв глаза, блаженно отдавалась радости встречи. Ей как никогда было хорошо в это мгновение. Она чувствовала тепло и биение сердца любимой мамочки. И сама, обнимая мать, отдавала ей частичку любви и душевного благоговения.

Мать вскоре отстранилась:
— Каличка! Тебя ранили? У тебя кровь на рукаве блузки.
— Мама, это ерунда. Царапнуло, заживет.
— Конечно, заживет,— выдохнула Феня Васильевна, легонько погладила дочь по щеке и оглянулась.— А у кого-то уже и нет...
— Мама! Это кто? — невесело спросила Каля, проследив за ее взглядом.
— Ой, доча! — в сердцах выдавила мать. В глазах острая боль.— Это же Коля! Сын директор совхоза Сергея Мироновича Михасева.
— Коля? — вскрикнула девочка. Ее ладони вскинулись и прикрыли рот, как будто она испугалась своего голоса. Миндалевидные глаза округлились, потемнели до цвета горького шоколада, а юное загорелое лицо вытянулось и как-то повзрослело. Через несколько секунд она отняла ладони и, глубоко дыша, волнуясь, проронила:
— Мама! А вдруг он еще живой! Ему надо помочь. Я посмотрю. Можно?
— Подойди, Каличка, но ему уже никто не поможет.
Выпускница семилетки медленно подошла к телу одноклассника. Отличник, любимец ребят лежал боком с неестественно вывернутыми руками, пальцами, вгрызшимися в землю, и не шевелился. Глаза закрыты. Юношеское, безусое лицо, недавно живое, смуглое, стало мертвенно-белым, застывшим. На губах, подбородке запекшаяся кровь. Белая летняя рубашка, посеченная осколками, окрасилась и клоками слипалась на распоротой груди. Над телом летали и садились на него безбоязненно мухи.
«Кровь, везде кровь: на брюках, на земле. Как много крови... — подумала вдруг Каля.— Нет, не могу смотреть»,— прошептала она сухими обветренными губами. Зашаталась, попятилась назад, с трудом сдерживая позывы рвоты.
Мать спешно подбежала к дочери, видя ее угнетенное состояние, обняла за острые дрожащие плечи, отвела в сторону:
— Пойдем, Каличка. Нельзя здесь оставаться. Вдруг немцы нагрянут,— и, не дожидаясь ответа, повела ее коротким путем через сад в сторону бани, худую, но уже такую рослую и взрослую.
«Как же быстро она выросла, перегнала меня»,— подумала Феня Васильевна.
Каля не сопротивлялась. Многие побежали прятаться в баню. А куда еще?
Ближе к вечеру, отдохнув, даже поспав на руках мамы, она вновь заговорила с ней об убитом школьном друге. Его смерть перевернула в ней душу, закалила что ли.
— Мама! А почему директор совхоза не взял с собой Колю?
— Он его оставил присматривать за беременной сестрой. Валя на сносях, вот-вот должна родить.
— Как? И беременную дочь оставил на растерзание немцам?.. Он что, дурной?.. Он идиот, мама! Сам уехал с женой на большой машине, а детей оставил. Разве можно было так поступать?
— Ой, дочь! Видимо, не мог забрать всю семью. Мы же тоже не поехали. Всех не эвакуируешь.
— Но он же директор совхоза. Кто бы был против?
— Он коммунист, по-другому не мог поступить. Хотя беременную дочь надо было взять в первую очередь. Нет, оставил.
— Дурак он, а не коммунист. Вот и расплатился сыном. А кто у тети Вали роды будет принимать?
— Уже немцы.
— Ага, она родит, а ребеночка в Германию отвезут. Вот дела.
— Не отвезут. Он же маленький.
— А ты слышала, писали, советских детей в Германию увозят, там кровь берут для своих солдат, мне Вова рассказывал... Жалко, он тоже ушел с родными за Волгу. Вообще мальчиков в поселке не осталось. Одни девчонки,— и Каля вздохнула, опустив плечи, понурилась, что-то думая о своем. Вдруг вспомнив, спросила:

— Мама, а кто Колю похоронит?

— Не знаю, доченька. Найдутся родственники. Может, всех захоронят в общую могилу. Увидим.

— Мама, а когда мы пойдем домой? Люди уходят. И есть хочется, и бабушка Поля волнуется.

— Да, пойдем и мы, пока солнце не скрылось.

Феня Васильевна поднялась с банной скамьи, отряхнула на себе легкий измятый ситцевый сарафан, поправила темные, как смоль, густые, туго собранные в пучок волосы и, взяв за руку Калю, вышла с ней из совхозной бани.

Стояла редкая для войны тишина. Никто не стрелял. Солнце скатывалось к горизонту. Зайдя за вершины тополей и акаций, оно брызгало разбившимися лучами сквозь зеленую листву. Солнечные бриллианты слепили глаза.

— Как красиво, мама! Кажется, и войны нет.

— Это временный обман, доченька... Во-он, смотри, уже оккупанты хозяйничают...

Подойдя ближе к школе, Каля ахнула от возмущения. Под ее окнами стоял открытый грузовик, и в кузов сбрасывали со второго этажа школьные учебники, библиотечные книги, инвентарь. Здание готовили под немецкую казарму.

— Что они делают, мама? Зачем? Это же книги! Учебники! Их надо спасать,— Каля сильно сжала ладонь матери.

— Прекрати, иди спокойно. Помочь не поможем, а беду накликаем.

— Нет, надо им сказать, что так нельзя поступать с книгами.

— Кому сказать? Им? Посмотри лучше налево,— она махнула головой в сторону маленького совхозного рынка.— Это же дикари! Это обезьяны, прыгнувшие с деревьев. Как можно такое делать? Фу!

Каля обернулась. Метрах в двадцати от них, забравшись с ногами на рыночную длинную скамейку, служившую столом для раскладывания товара, несколько солдат справляли большую нужду, сверкая голыми задницами. Рядом сидели другие военные, полураздетые, в майках со свастикой и немецким орлом на груди, без оружия, и выкрикивали шутки в адрес фашистского насеста. Тут же горел костер из школьных книг, и солдаты на прутах обжаривали сало. Некоторые ели арбуз, сплевывая семечки и бросая корки под ноги. Один, сидя в трусах на люльке мотоцикла «Цундапп», выдавливал из губной гармошки немецкие трели.

— Не смотри в их сторону, Каля, и, ради бога, прекрати улыбаться. И проходи быстрее, опусти голову. Еще заберут нас.

— Мама. Я поняла. Они нас за людей не считают, поэтому не стесняются. Мы для них инфузории.

— Это кто такие, доча?

— Ты не проходила в церковной школе? Потом расскажу.

Каля еще раз оглянулась в сторону рынка. Губы скривились от безразличия. В глазах решимость и ни капли страха.

«Фу, какая мерзкая фашистская Европа!» — подумала юная патриотка. Приподняв голову, расправив красиво плечи, она независимой походкой зашагала быстрее к дому, уже не обращая внимания на немцев, как будто это они инфузории...

КАЛЯ

Каля тихо, почти бесшумно поднялась с кровати и в исподней рубашке на цыпочках пошла к выходу.

— Ты куда собралась? — негромко, но властно подала голос баба Поля с лежанки у печи.

— Мне надо,— буркнула недовольно девочка.

— Утра не дождешься. Глянь на ходики. Полночь, поди.

— Мне надо. Я быстро.

— Вот неугомонная, мать не разбуди,— заворчала старая казачка.— Умаялись за день, а ты скачешь... Иди уж,— и, кряхтя, перевернулась на другой бок.

Каля оглянулась — мама крепко спала после изнурительной работы на зерносушилке. «Останется в тайне»,— обрадовалась она и уверенно вышла за дверь.

В сенях решительно сбросила ночную рубаху и облачилась в мальчиковую одежду от старшего брата. Тот с отцом уже как две недели подался к Волге с отступающими красноармейцами.

«Все подошло, только ботинки велики,— подумала девочка-подросток, посильнее завязывая шнурки.— Все лучше, чем босиком».

Густые волосы быстро свернула в копну и на голову нахлобучила кепку с большим козырьком. «Все, готова! Почти Жанна д'Арк!» — подвела она итог и прошлась ладонями по исхудавшему, но уже хорошо сформированному к четырнадцати годам телу, как бы проверяя подгонку нового одеяния. На смуглом, утонченном, чернобровом лице в это время расплывалась самодовольная улыбка.

«Но косу резать не дам»,— мысленно решила она и, закрыв осторожно скрипучую дверь, спустилась с крыльца во двор.

Августовская ночь встретила малолетнюю казачку прохладой. Мириады звезд играли, переливались и звали к себе. Млечный Путь, слегка прикрытый паутиной дымкой, полно и мощно рассекал небосвод, говорил о бескрайности и величии мироздания.

«А вон Большая Медведица, а вон созвездие Рака,— закрутилась Каля, вдыхая охлажденный воздух, стряхивая окончательно сонливость.— Все, пора. Надо идти»,— приказала себе девочка, но приостановилась. Через редкую зелень старых акаций, через высокий плетень из сумеречной мглы прорывались неясные гортанные звуки вперемешку с шагами, пробивался запах чужаков. Она поняла — рядом проходят немцы.

Каля замерла, тело стало непослушным, будто заковали в кандалы: ни шагу ступить, ни рукой пошевелить. В душу заползал страх. Страх перед фашистами, страх за провал задуманной операции. К тому же прибавилась дрожь. Не согревал и Колин теплый пиджак, в котором она выглядела скорее сорванцом Гаврошем, чем Орлеанской девой. Ее выразительные темно-карие глаза наполнялись слезами отчаяния. Она никак не ожидала такой реакции на ночные звуки и запахи. «Ну я же не трусиха!» — кричал ее разум...

— Ой, Азартик! — в ногу девочки вдруг уткнулась носом-розеткой дворняга. Шершавый язык угодливо облизывал руку, хвостик крутился, словно пропеллер.

Каля так обрадовалась псу, что ухватила руками за его повислые бархатные уши и мордочкой прижала к себе.

— Мой ты хороший,— Азарт фыркнул и вырвался, затем снова уткнулся.— Иди спать, не до тебя,— беззлобно шепнула юная казачка, справляясь с оцепенением. К ней возвращались отцовская решимость и сила.— Приду, дам что-нибудь вкусненькое,— добавила она и с любовью погладила питомца за поддержку.

Дворняга без желания лениво развернулась и пошла к будке. А выпускница семилетки, глубоко вздохнув, безбоязненно (звуки пропали) вышла за ворота, захватив два приготовленных холщовых мешка и на всякий случай набалдашник от дедова безмена.

Дом семейства Богнюковых располагался на центральной улице зерносовхоза «Гигант», что в тридцати километрах от крупной станицы Обливской. Там засел основной немецкий гарнизон, но и здесь хватало разного рода изменников и временных зондеркоманд. Они размещались в помещениях школы, управления, клуба.

Каля осмотрелась. Никого. Тишина вокруг. Небо по-прежнему усыпано золотом, только слева появился рогатый месяц. «Растущий»,— подумала девочка, вспомнив,

как Вовка, ее дружок на год старше с соседней улицы, хвастался рассказами о ночных полетах Чкалова.— Где ты сейчас, Вова? — вздохнула она не по-детски.— Куда вы подевались, мальчики?» — лицо Кали заострилось, она сжала лежащий в кармане железный набалдашник, чуть наклонилась и дом от дома, прячась за взрослыми тополями и акациями, двинулась по правой стороне улицы.

А вот и школа слева в пятидесяти метрах — просторное кирпичное двухэтажное здание с центральным выходом на небольшую площадь. В окнах света не было, но у входа горел фонарь и стоял часовой.

«Спят, гады», — подумала юная патриотка.

Ее взор перекинулся от площади направо и уперся в безмолвный маленький совхозный рынок. За ним в темноте прятались небольшой хлебный магазин и керосиновая лавка. Еще дальше — управление и клуб, в конце — пекарня, баня и мельница. На стороне школы — больница, столовая, несколько двухэтажных домов, интернат, МТС. Все до боли знакомое, родное и такое чужое — серое и страшное. Ведь за каждым углом мог затаиться враг... «Когда же прогонят этих немцев, этих румын, этих итальяшек?..» Кто у них только не шарил по домам этим летом...

Каля на минуту притихла, раздумывая, где перейти улицу. Вдруг глаза заискрились, и она помимо воли прыснула и сразу прикрыла рот ладонями. В памяти всплыла картина недавнего появления румын в их доме.

— Матка, матка, дай кушать! — просили солдаты.

Подали, что было, что сами ели — немного картошки и огурцов. Им мало. Начали заглядывать в каждый угол в поисках еды и чего-нибудь интересного. Один румын отложил винтовку, стал на скамейку и полез посмотреть, что лежит за печной трубой у самого потолка, где как раз находился схрон бабы Поли. Там она прятала самое дорогое. Гребет, гребет рукой румын — оттуда и посыпались на пол обмылки. Баба, как увидела, закричала:

— Ах ты, ирод, ах ты, поганец, чтоб тебя лихоманка взяла, чтоб ты... — и тут вбежал капрал, услышав женский вопль, и, не глядя под ноги — весь взор на солдата, наступил на обмылки. Бах — и лежит. Ни живой, ни мертвый. Прибежали санитары. Кричат, шумят на румына, бранятся по-своему, охают возле капрала — смешно, не сдержаться. Губы сами разошлись, и Каля засмеялась. Мама шикнула. Каля быстрее на улицу — еще пристрелят эти цыгане. Не побежали, не до меня. Бедолагу на носилках унесли. Про обмылки забыли. «Да, лихоманка взяла», — вновь прыснула Каля и тут же осеклась.

Школьная дверь шумно раскрылась, оттуда вышли два полица с винтовками. Каля узнала их по белым повязкам. Они неспешно двинулись в ее сторону.

Идут по улице, довольно громко разговаривают. Каля за липой стоит, но уже не дрожит. Только сжалась, как пружина, а в руке набалдашник от безмена.

Вдруг один, поменьше ростом, говорит:

— погоди, Федот, не гони лошадей, у тебя ноги, как стропила, не угнаться. Давай покурим, два часа впереди.

Длинный согласился. Остановились почти напротив Кали. Закурили. Противный, вонючий дымок махорки пополз в сторону девочки. Она морщится, но стоит и слушает, что говорят полицаи.

— А немец-то прет! Говорят, как Сталинград возьмут, то и войне конец. За Волгу он не пойдет, таков замысел Гитлера.

— А нам что от этого?

— Как что? Заживем, братуха. Красных всех подрежем, петуха в дома пустим, а все их добро — наше. Ты корову получил?

— Как бы не так! Дали бычка, мать твою, — сплюнул длинный.— Мне нужна корова — детей кормить. У меня их четверо. Пацан, правда, куда-то пропал...

Каля, как услышала про бычка, напряглась. Все внимание — на длинного, а на

душе обида и злость. «Бычок этот, видимо, наш». Набалдашник сжала, аж пальцам больно, посинели, наверное. В голове буря.

«Я буквально три дня назад приводила бычка к старосте на сдачу — мама отправила. Ведь висело объявление, кто не сдаст — расстрел. У всех забрали, а наш убежал и пасся у подлеска. Так жалко было сдавать. Годовалый бычок. Реветь хотелось, когда сдавала».

— Все, девка, беги домой, — сказал тогда староста. — Что сдала бычка — молодец. Хвалю. Вот здесь распишись. В Германии учет и порядок. Вот тебе восемь рублей...

— А мне корова нужна детей кормить, а дали бычка, — стенания полиция вновь ворвались в сознание Каля.

— Не пойму я тебя, Гнильский, — рыкнул напарник. — Заладил: корову да корову. Ты же власть, ты сила, при тебе винтовка. Пройдись по хатам, что надо, возьми: хоть девку, хоть корову, хоть еду. Стыдливый ты какой-то. Был лапотным и лапотным подохнешь. Зачем в полицию вступил, скажи?

— Семен, ты не серчай на меня. Послушай лучше. Ты не здешний. А бычок этот Богнюковых, соседский. Каково нам теперь? Три дня назад их пацанка привела. А Матвей Фомич, староста, говорит, мол, бери, раз дают. И служи верно Германии.

— О-ой! — охнула негромко Каля. — Бычок нашелся...

Девушка опомнилась сразу. Тенью метнулась от липы и упала на траву. Ноги, руки заработали, словно в ящерицу превратилась. По-пластунски уползает, как учил Коля. «Главное, жопку, жопку не поднимать», — звенит в ушах его фраза.

— Ты слышал, Федот? — меньший сорвал винтовку с плеча и мгновенно загнал патрон в патронник. — Эй, кто там? — крикнул он и уставился в сторону липы, но в темень не шагнул.

— Коты это, Семен, пошли. Накурились, хватит, — Федот был доволен, что не надо отвечать напарнику на сложный для него вопрос.

— Может, стрельнуть?

— Оставь! — цыкнул длинный. — Сбежится караул. Сержант засмеет, что ночью котов забоялись. Догоняй...

«Фу-у-у! — выдохнула Каля, спрятавшись в кустах. — Ушли, — и провела грязной ладонью по лицу. А сердечко, как у воробья, не стихает. — Какая я дура! Чуть не провалилась. Страшно и стыдно. А бычка отдали Гнильским, — скользнула мысль. — Жалко... не вернешь. А Митенька их пропал, не простил измену отцу. За мной как ходил в прошлом году. Записки писал. Я ему не отвечала. А зачем он мне, этот Гнильский. Фу, противная фамилия, да и рожа такая кислая, как у этого Федота...»

Чтобы успокоиться, взбодриться, Каля сгрызла ржаной сухарь. Затем поднялась, осмотрелась, нашла брошенные мешки и, как могла, бесшумно перебежала улицу на другую сторону. Далее в темноте вдоль забора подошла к школе и прокралась во двор. Вот стадион, городошные площадки и наконец...

Впереди темным пятном вырисовывалось небольшое совхозное кладбище с могилами и крестами. Каля остановилась. «Не боюсь я его. Мне не страшно. Что мертвых бояться? — подбодрила она себя. — Живых надо бояться, — как говорит бабушка.

С этими словами девочка-подросток медленно оглянулась назад на школу. Слух заострился неимоверно. Опасных звуков не исходило.

«Теперь пора», — дала она себе команду и, как сова, всматриваясь в ночную мглу, двинулась вперед.

«Ну где же эта яма? — расплавлялся мозг. — Я же утром сюда приходила, когда снялся патруль, и видела ее издали».

Сколько времени Каля блуждала в потемках, она не помнила. Разбитость, усталость и душевное смятение добивали ее окончательно. Девочка была в отчаянии, ти-

хо подвывала, как собачонка, в поисках этой ямы. Ноги привели к каким-то кустам. Она сделала еще шаг и полетела с размаху вниз...

Каля очнулась быстро. Руки сразу нащупали книги, гору книг.

«Вот она, заветная яма! Вот они, драгоценности,— выдохнула с облегчением девочка. Ее глаза сияли от счастья. Измазанное грязью, с подтеками от слез лицо горело от возбуждения.— Я нашла ее, я добралась. Я пришла к цели. Я выполню, что задумала».

Она медленно, как черепаха, поползла по школьным учебникам и книгам, сваленным у кладбища фашистами, и с упорством золотоискателя отбирала и выбраковывала вслепую мировые литературные творения.

Отбирала на ощупь, какие потолще и в твердой обложке, и складывала в мешки. Когда они заполнились, поднять их было невозможно. Каля сжала зубы от досады, заистерила от своего физического несовершенства. Пришлось по-новому отбирать из отобранного...

Наконец определилась с весом... Обессиленная, она уселась на мешки и забылась. Проснулась от легкого озноба. Над котлованом парила морось. Водяная пыль окутывала тело. Предрассветный туман медленно вползал в поселок. Каля обрадовалась ему, вскочила. «Нужно скорее возвращаться до восхода солнца»,— и, ухватившись за мешки, потащила их домой...

Совсем ранним утром, спрятав сокровище под высокое крыльцо, где рядом жили куры, юная казачка появилась в сенцах. Быстро сбросив мальчиговую одежду, смыв грязь с лица и накинув на себя исподнюю рубаху, она осторожно на цыпочках вошла в комнату.

— Это ты, Каля? — сквозь сон проронила баба Поля.

— Я, бабушка.

— Все бегаешь? Утра не дождешься?

— Так надо.

— Поди, полночь уже... Кости ломит, а ты скачешь на цыпках. Спи уж...— и, кряхтя, перевернулась в который раз к печи.

Каля юркнула радостно под одеяло и замерла от ликования. «Какое это счастье — выполнить задание».

Засыпая с улыбкой на устах, она переносилась в сказочный мир литературных героев с их красками и надеждами на лучшую жизнь. Только единственный вопрос спонтанно ворвался в ее сон: «Что же это за книги?..»

ПОЭЗИЯ «ПОЛОЦКОЙ ВЕТВИ»

Олег Зайцев
(г. Минск)

Писатель, публицист, издатель. Родился в 1968 г. в г. Новополоцке Витебской обл. Почетный председатель, и.о. председателя Совета, Президиума Совета Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», директор издательства «Литературный свет», главный редактор литературно-публицистического журнала «Западная Двина». Автор четырех книг поэзии, пьес и рассказов, книги критики и литературоведения, книги поэзии в переводах на украинский язык, свыше сорока коллективных сборников, альманахов, в т. ч. четырех антологий. Председатель оргкомитета и жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира», лауреат международных и всероссийских литературных премий, а также орденов и медалей им. Е. Замятина, А. Навои. Стихи автора переводились на многие языки.

* * *

В унисон твердят авторитеты,
Говорят, мол, с ним нам сладу нет:
Интернету надо ли запреты?
Под запрет упрячьте Интернет!

Сколько лет он всем нам травит душу,
Вон его, ведь дух наш на кону!
Я сумею вынести, не струшу,
Но зато я сердце сохраняю.

Нам ли мыслей трепетных бояться?
Нам ли правду-матку не рубить?
Нынче Интернет не цацка — цаца,
Вся подмявший — бытие и быт.

От познаний голова не пухла,
Но смогли ведь все преодолеть
Наши поколения без Гугла,
Что навис над всеми, словно плеть.

Выросли и сами, и детишек
Наловчились на ноги поднять,
Чтя не Википедию, а книжек
Томики, где можно все познать.

Жило человечество веками
В мудрости печатного станка.
Если в нас вдруг кто-то бросит камень,
Вмиг намнем и шею, и бока.

Пусть иные назовут кретином,
Пусть твердят, что этот парень — псих:
Разорвать нам надо паутину
Мировую ради нас самих.

* * *

Держись, Донбасс, держитесь, братья!
За вами — весь наш Русский мир.
Пусть сам умею воевать я,
Когда прикажет командир,
Но знаю точно, там исчадьё
Войны и смерти, горя, слез,
Где наши други шлют заклятьё
Врагам, борясь за мир всерьёз.
В чем ваша правда, ваша сила
Мы знаем, братья во Христе:
Покуда пуля не скосила,
Храните верность правоте,
Своей истории и предкам,
Традициям и тем из вас,
Кто киевским марионеткам
Не веря, в фейках не погряз.
За русскую вставая землю,
За свой оболганный народ,
Я вас и только вас приемлю,
Считая свой и вашим род.
Удачи, земляки-славяне,
И пусть исполнится мечта:
Вновь Новороссия воспрянет,
А с ней — и Царствие Христа!

* * *

В плену мелованных фантазий,
В тисках линованных страниц,
Европ не открывая, Азий,
Перед стихом я падал ниц.
Его и холя, и лелея,
И каждый пестуя катрен,
Старался удержать в седле я
Свой стих, как новомодный тренд.

Я подбирал и ритм, и рифму,
Старался соблюсти размер,
Вгоняя смысл и в мозг, и в лимфу
Без ложных правил и химер.
Не подчинялся он, однако,
И норовил свой пыл явить:
Казалось, разразится «драка»,
Кто из кого веревки вить
Способен... Но случилось чудо —
Вдруг покорила мне строфа.
Не зря подкова счастья гнута,
Не разбазарены слова.

* * *

Я с детства приучен, с пеленок постиг,
Никто не изменит во мне этой веры
В великий, прекрасный, могучий язык,
Как нашего разума, знания меры.

На русском одном говорил я всегда,
Его признавал за родной и понятный.
Пусть памятью предков наполнит года
Мои, мне на русском и мыслить приятно.

Я знаю, что корень восточных славян
Всегда был единым, скрепляясь глаголом.
Язык этот нами обласкан и зван,
Но был и отпором татаро-монголам.

Род, Родина, родинка, родич, родник —
Звучат, словно музыка, в слове на русском.
Я к речи душою и сердцем приник,
Смакуя, как чай с рафинадом вприкуску.

* * *

*Моему дедушке
Зайцеву М.М. посвящается*

Здравствуй, дедушка Марк, принимай шаловливого внука,
Почитай, сорок лет я не гладил сухую ладонь.
Дай, подчищу вот здесь, подравняю, приглажу, а ну-ка,
Дай, смахну паутину, в лампаде затеплю огонь.

Ты такой же большой и такой же по-прежнему строгий:
Так и вперил в меня беспристрастный, но искренний взгляд.
Позади у тебя — та война и дороги, дороги...
На «полторке» в тыл покалеченных возишь солдат.

Ангел смерти крылат — разгулялись опять «мессершмитты» —
Между бомб и снарядов виляя, как заяц-русак,

Мчишься с передовой, сослуживцы иные подбиты,
Меж воронок несешься, молясь: не попасть бы впросак.

Ты доедешь тогда, как уже доезжал не однажды,
Хоть смешался в ушах самолетов и раненых вой.
Сам был ранен осколком, представлен к награде, но каждый
День леченья считал, чтобы выйти и ринуться в бой.

Ты почти не стрелял в ту войну, не сгибался в окопе,
Не бежал вслед за танком и дотов немецких не брал,
Но как все воевавшие исколесил по Европе
«От звонка до звонка», мой любимый солдат-генерал.

И неважно, что грудь не пестрела от орденских планок:
Те награды ценнее, что были в сердцах матерей
Тех, к которым когда-то тобой увезенный подранок
Возвращался, женился, отстраивал хату скорей...

Спи спокойно дедуля, умаялся: годы-то, годы...
Где-то тренькают птицы, и солнышко в небе манит.
Помнят, помнят тебя и твой сын, и твой внук безбородый...
Я с колен поднимусь и поглажу могильный гранит.

* * *

Любовь — не чек, она — награда,
Она, как пылкий часовой,
Ни в чем не ведает преграды,
Ныряя в омут с головой.

Не ждет ни денежных вливаний,
Ни славословия, ни слез,
Она, как йог в своей Нирване,
Слепа надолго и всерьез.

Тебя преследуя повсюду,
Ловя флюиды каждый миг,
Она безмерно верит чуду,
Высказываясь напрямик.

И в ожиданье пребывая
Ответной страсти, слов и чувств,
Цветет, как кашка полевая,
Прекраснейшее из искусств.

Чеканит шаг и сна не знает,
А значит это неспроста:
Любовь — без язв, рубцов и заед —
Не бросит своего поста.

Ольга Самуйлик
(г. Солигорск)

Родилась и выросла в г. Солигорске Минской обл. Окончила Минский медицинский колледж № 1 по специальности клинико-диагностическое дело, и биологический факультет БГУ. Основная работа: фельдшер-лаборант КДЛ. Является членом литературных клубов «Акцент», Солигорской районной центральной библиотеки и Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

* * *

Знаешь, небо, мне бы крылья.
Я бы к солнцу напрямик.
И мечта бы стала былью,
Даже если бы на миг.
Мне сгореть уже не страшно,
Страшно счастья не найти,
Стать кому-то днем вчерашним,
Потеряться по пути.
Растереться серой пылью,
Превратиться просто в крик...
Знаешь, небо, мне бы крылья.
Я бы к солнцу, напрямик.

НОЧЬ

Красива ночь как никогда.
Блестит озерная вода.
От водной глади до небес
На берегу — сосновый лес.

И звезды в небе так близки —
На расстоянии руки.
Белеет лебедь на волнах.
Он так прекрасен, гордый птах.

Я взгляд направлю на луну.
Слегка пронзает тишину
Мышей летучих резкий свист.
Луна молчит и смотрит вниз.

И вновь у жаркого огня
Сидят друзья и ждут меня.
Но я одна, и чудно мне
Мечтать и думать в тишине.

* * *

На берегу ночного моря,
И в звездной пыли у дорог
Меня ничто не беспокоит,
Я избавляюсь от тревог.

И пусть мечта не стала былью,
И не окончены дела,
Но все же я была счастливой,
И в чем-то лучше всех жила.

Уйдут вчерашние обиды,
И сердце вдруг увидит свет.
В одной из тысячи попыток
Я в счастье вытяну билет.

* * *

У судьбы есть тысячи дорог.
Я не знаю, что она решила,
Но опять вернулся на порог
Старый друг, теперь уже мужчина.

Здравствуй вновь. И как твои дела?
Я тебя когда-то так любила...
И тобой, как воздухом, жила,
Мальчик мой, теперь уже мужчина.

Я молчу и вижу, встрече рад.
Есть о чем поспорить в разговоре.
Мне не жаль ушедших на закат
Наших дней и подлинных историй.

Двух дорог разорванная нить.
Я не злюсь, ты много видел горя.
Почему б сейчас не повторить
Нам с тобой одну из тех историй?

Тамара Кармянская
(г. Минск)

ПЕРЕВОДЫ Т. КАРМЯНСКОЙ
Федор Ястреб

Гапоненко Тамара Ивановна (псевдоним Тамара Кармянская) родилась 15.11.53 г. Стихи начала писать после 30 лет. Увлекается переводами. Некоторые из переводов Федора Ястреба — известного белорусского художника-импрессиониста, в последний год жизни открывшегося как поэта, написавшего пять книг стихов в форме сонетов — приведены здесь.

стр. 10 (V том) № 3/178

* * *

Нечаканая восень наладжвае кросны,
Срэбра ўкладвае ў барву густую няўспех,
І праз слезы дажджу прарываецца смех,
Адбіваецца рэхам шклянным, шматгалосным.

Пэўна час настае для мяне незаыздросны —
Штосьці болей смуткую, штосьці меней пацех,
І шукаю ратунку, бы Ноеў каўчэг,
У згібелых даўно і пакінутых веснах.

Гэта час, як жандар, закаваў кайданамі,
І няўтульная шэрань лягла паміж намі,
Туманамі на долы спаўзае адчай.

Што мне золата восені крохкая россып,
Мне б начэй веснавых, разгулялых, нядосып,
Салаўінаю песняй ахутаны гай!

(перевод)

Неожиданно осень соткала свой плащик,
Серебра, не скупясь, сыпанула на всех,
И сквозь слезы дождя прорывается смех,
Откликается эхом стеклянным, звенящим.

Незавидное время уже в настоящем,
Что-то больше грущу, что-то меньше потех,

И спасенья ищу, будто Ноев ковчег,
В своих веснах, оставленных мной и пропавших.

Это время-жандарм заковал кандалами,
Неуютная серость легла между нами,
И туман, как отчаянье, как приговор.

Что мне золота осени хрупкая россыпь,
Мне б весенних ночей разгулялых недосып,
Соловьиною песней окутанный бор!

стр. 15 (5) № 8/210

* * *

Адкуль у сонным княстве шум-перапалох,
Аб чым узрушана шапочуцца таполі —
І самі між сабой, і з ветрыкам у полі?
Хто іх гурбой загнаў у логава трывог?

І скасабочыўся ад слухаў страшных стог,
Зрыжэў ад роспачы і скамянелай долі —
Травінка кожная яго расла на волі,
І ей не мроіўся такі вось эпілог...

Не адчуваем мы, калі расцем-буаем,
Што ўжо тады мы тлу дарогу адкрываем
І ў зіхатлівым росквіце сваім штодня

Чамусь не заўважаем чорнае насенне.
Яно ж праз нейкі час зруйнуе ўсе карэннем...
І звыклай прыгажосці мы болей не радня!

(перевод)

Откуда в сонном царстве шум-переполох,
Взволнованно так шепчут тополя там, что ли,
Между собой, и с ветерочком в поле?
Кто их загнал гурьбою в логово тревог?

И покривился от ужасных слухов стог,
От огорченья потемнел и тяжелой доли —
Травинка каждая его росла на воле,
И не мечтался ей такой вот эпилог...

Не чувствуем и мы, когда растем-взрослеем,
Что открываем уж тогда дорогу тлену,
Не замечая черноты в расцвете дня.

А семя черное меж тем уже корнями
Исподтишка все разрушает, дни за днями.
Глядишь, красе былой мы больше не родня!

стр. 67 (60/474)

* * *

Зямляк мой, беларус, ты — як пчала,
Насуперак нязменным бедам, скрусе
Гудзіш па гонях роднай Беларусі
І ў гарадах, і ў прыцемках сяла.

Празрысты цень бусловага крыла
Цябе прыкрые ў злоснай завірусе.
Я шчырасці тваёй не падзіўлюся
І тым, хто ля гасціннага стала.

Табе даў Бог такія краявіды
Ад мозырскіх грудоў да самай Ліды,
Што не апішаш пэндзлем і пяром!

Табе стае цярплінасці, адвагі,
Ды ўсе ж, браток, крыху самапавагі
Не перашкодзіць, як у сушу гром!

(перевод)

Земляк мой, белорус, ты — как пчела.
Назло всем неизменным бедам, грусти
Гудишь ты на просторах Беларуси
И в городах, и в сумерках села.

Прозрачной тенью аиста крыла
Тебя прикроет, бед она не пустит.
А щедрости твоей не удивлюсь я
В кругу гостеприимного стола.

Тебе дал Бог красот такие виды
От мозырских холмов до самой Лиды,
Что не опишешь кистью и пером!

Ты храбр, в тебе терпение от Бога,
Но самоуважения немного
Не помешает, как в засухе гром!

Раиса Титова

(д. Фариново Полоцкого района Витебской области)

Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», автор сборника стихотворений «Всему свое время», финалист международных литературных конкурсов, лауреат МЛФ «Центр Европы» (2018, 2020), лауреат Витебского областного конкурса сатиры и юмора (2018).

ХЛЕБНЫЙ КОЛОС

Я спешу по доброй воле
В дорогие мне места:
Где ромашки в чистом поле,
И вода в реке чиста.

Там на жизненных откосах,
Коль беда была близка,
Опиралась я на посох —
Сильный стебель колоска.

Колос спелый, златоглавый
Приникал к моей руке.
Зерна плотные — на славу,
Словно пальцы в кулаке.

Если злоба в дверь стучала,
Помощь мне была нужна —
Постоянно выручала
Сила зрелого зерна.

И теперь к ржаному полю
Я с поклоном прихожу.
В горе, в радости и в боли
Здесь поддержку нахожу.

Здесь пою я в полный голос
И уверена всегда:
Бережет меня мой колос —
Символ мира и труда.

РОДИМАЯ ИЗБА

Благодарю свою судьбу
Не за роскошные хоромы,
А за крестьянскую избу,
Под крыльями ржаной соломы.

В ней я познала сельский труд,
И получила счастья море,
В ней — испытала правды суд,
Одoleвая боль и горе.

Изба меня учила ждать,
Не торопясь, высот карьеры.
Не обходить, а побеждать,
Путь преградившие барьеры.

С тех пор прошло немало лет —
Блестит на крыше черепица.
Из евроокон мне вослед
Глядят теперь другие лица.

Не вьется над трубой дымок —
Трубу убрали вместе с печкой.
Сверкает глянец потолок.
И люстра заменила свечку.

Избу обнял крутой забор,
Над крышей ограничив небо...
Я не забыла до сих пор
Из русской печки запах хлеба.

Я РИСУЮ

Я уже за третьим перевалом:
Детство, юность, зрелые года
Пролетели искрометным шквалом
И не повторяются никогда.

Продолжаю жить с открытым взглядом,
С серебром упавшим на виски.
Память жгут теперь похмельным ядом
Спелые раздумий колоски.

В этих колосках хранятся зерна —
Впечатленья тех ушедших лет.
Я в стихах рисую их повторно,
Чтоб оставить в жизни правды след.

Наталья Партолина
(г. Витебск)

Пишет стихи, сказочную и фантазийную прозу. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов («Русский Гофман», «Витебский листопад», «Браславская обитель», «Мгинские мосты» и др.). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», участник витебского народного клуба «Литкофейник».

ЮРОДИВЫЙ

— Люди, они, брат, добрые...
Если их понимать...
Будем ходить мы с торбою,
Будут нам хлеб давать.
Рыбы научат плавать, а
Птицы — летать и петь.
Люди, они, брат, слабые...
Если недосмотреть...
С крыши до неба ближе ведь —
Так говорят коты.
Выживем, малый, выживем —
Птица, кот, я и ты.
Мир, он большой, заботливый,
Теплый он, как очаг...
— Что ты несешь, юродивый?
— Ангела на руках...
— Вот, дурачина, выдумал!
— Я от реки сейчас.
Их утопили выводок...
Вот... одного лишь спас...

РЕБЯТА

Вот ребята
Из пятой палаты
И они, безусловно, крылаты
Если тихо
Подглядывать в щелку
Что должна быть
Не шире иголки
Если свет

Не включать в коридорах
И на время забыть о запорах
О засовах
Задвижках
Защелках
Трубках
Кепках
Усах
Треуголках
И о том, что подсматривать — плохо
То на фоне
Темнеющих окон
Ты увидишь
Как в пятой палате
Тот парнишка
С пятном на халате
Осторожно, смущенно, с усилием
Расправляет затекшие крылья
А за ним — и толстяк лысоватый
И очкарик с прыщом неприятным
И летают они
Упоенно
Над верхушками вязов и кленов
И беззвучно смеются над миром
Где нормальные люди — бескрылы...

ГУАШЬЮ ПО СТЕКЛУ

Рисует дочь гуашью на окне...
А за окном давно поблекла осень,
и сыплет дождь прозрачным мокрым просом,
и в этом тусклом дне на самом дне
живет печаль — невзрачный человечек
под серым перекошенным зонтом.
Он снова невпопад и не о том
Напоминать мне будет целый вечер...
А на стекле у нас — да будет цвет!
Да будет свет цветной, и будет сказка!
Что этот мир? Огромная раскраска,
Которой увлекательнее нет.
Калейдоскопом кружится в углу
Цветных лучей и снов хитросплетенье.
А я учусь простым, как хлеб, решеньям
И правлю жизнь — гуашью по стеклу...

Надежда Тухто
(г. Полоцк)

Родилась в г. Полоцке в 1948 г. Образование среднее специальное. Печаталась в поэтических сборниках, антологиях и областных СМИ. С 2012 года состоит в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь». Ежегодный участник международного литературного конкурса «Славянская лира», финалист 2015, 2017, 2018 гг.

ВЕСЕННЕЕ СВАТОВСТВО

Три брата: Март, Апрель и Май
От чувств любви сгорая страстных,
Лучами, бьющих через край,
Посватались к Весне прекрасной.

Март первым разбудил капель
И первый подарил мимозы,
Но через несколько недель
Мороз сосульки подморозил.

За Мартом — ласковый Апрель
Принес Весне подснежник нежный
И окунул ее в купель —
Умыл водой хрустальной, вешней.

Весне казалось: «Вот он — рай!»
В ручьях плескалась, расцветала.
И тут явился светлый Май
С мольбою, чтобы невестой стала.

И в свадебный наряд одел
Из белых лепесточков вишни.
Залюбовался, захмелел
(Свидетелем тому Всевышний),

Забыл о сватовстве своих
В Весну влюбленных братьев кровных,
К тому же Март раскис, затих,
Апрель характером из скромных.

А что прелестница Весна,
Зеленоокая девица?
Лучи любви испив сполна,
На крыльях светлых, будто птица,

Впорхнула в сладкий летний звон —
Дурманный аромат сирени,
И растворилась, словно сон,
Оставив шлейф кудрявой тени.

ЗЕМНЫЕ СУТКИ

Цветет заря как маков цвет,
Встает над горизонтом солнце.
И первый луч, скользнув в рассвет
Златистой нитью волоконцем,

Запутался в густой листве,
Стирая грани лунной ночи,
Упал на луг, сверкнул в траве
И в небе месяц обесточил.

Витком земли замкнулся круг.
Взошло небесное светило.
Разлило яркий свет вокруг
На полушарье день явило.

И только крохотная тень —
Дитя прохладной летней ночи,
Легла смиренно за плетень
Заката ждать. И в час урочный

Расцвел малиновый закат.
Земля прошла пол-оборота...
И ночь, просыпав звездопад,
Открыла лунные ворота.

Рассвет-закат, закат-рассвет,
Вместив в себя земные сутки,
Включают, выключают свет
На небе цвета незабудки.

Земля вращается, летит
Планетой по своей орбите.
Бока ей солнце золотит —
Звезда лучистая в зените.

ИВУШКА ПЛАКУЧАЯ

— Ивушка плакучая, что тебе невесело,
С бережка высокого низко косы свесила?
Отчего жемчужные бусинки-росинки
Как в печали горькие девичьи слезинки?
Спрашивает реченька быстрая кристальная:
— Аль беда случилась, что стоишь печальная?
Может буйный ветер закружил головушку,
Пошалил с листками да забыл зазнобушку?
Отвечает ивушка реченьке кристальной:
— Не от ветра буйного стала я печальной,

Оттого, что летонько катит на закат,
И листва осыплется в желтый листопад.
А потом метели заметут дороженьки,
Те, что проложили чьи-то белы ноженьки.
Буду в одиночестве зиму коротать,
По снежку глубокому троп не протоптать.

— Не печалься, милая, слезоньки смахни.
Отгуляет зимушка и наступят дни...
Расцветешь весной ты, и печали тень
Обернется радостью в светлый вербный день...
Утешала ивушку мудрая река,
Мимо пробежавшая вдаль издалека.

РУССКАЯ БЕРЕЗА

Весь день кружили тучи возле дома,
Мрачнели где-то там, внутри себя,
Негромко погромыхивали громом,
А ветер все сгущал их, теребя.

И к ночи грянули неистово грозою,
Вспорола молния небесный свод,
И хлынул ливень грозовой слезою,
Потоком дождевых холодных вод.

Дрожа от ветра, русая береза
В окно стучала глянцевой листвой,
И по стеклу с дождем бежали слезы
Березоньки, поникшей головой.

Она по ветру листья отпустила,
Пытаясь удержаться, устоять
И ветви вниз, как руки опустила,
Чтоб ливень ручейками мог стекать.

А ветер налетал, трепал березу,
Плетями дождь безжалостно хлестал.
И чувствуя смертельную угрозу,
Она сгибала ниже стройный стан.

Наутро, отгремев, гроза умчалась.
Береза выпрямилась, ожила.
Непобежденная, слегка качалась —
В ней сила духа русская была!

Береза белая (в народе Берегиня),
Воспетая Есениным в стихах
Как образ Родины... для русских на чужбине —
России символ, ныне и в веках.

Надежда Давыдова
(г. Тула)

Родилась в г. Донской Тульской обл. Окончила Тульское железнодорожное училище. Стихи пишет с юности. Автор текстов более тридцати песен, шесть из которых вошли в два альбома композитора Алексея Аппина «Ночной коктейль» и «Пятый». Произведения публиковались во многих литературных альманахах и журналах.

ЗАБЫТАЯ РАПСОДИЯ

И ночь, и тишина, и лунный свет,
И мысли, не дающие покоя.
Рапсодия давно минувших лет.
Пора любви во времена застоя.

Любить легко, когда издалека.
И живы были те, кто стал легендой.
А жизнь течет как бурная река
И новый день опять берет в аренду.

Я вспоминаю даты, тени лиц.
И вслед смотрю уставшему трамваю.
Цветок засохший между дней-страниц.
Как книгу снова память я листаю.

Рапсодия давно минувших лет.
Обрывки фраз и снов-воспоминаний.
И ночь, и тишина, и лунный свет
Моих надежд и разочарований.

Мария Лебедько
(г. Минск)

Мария Антоновна Лебедько (Майя Липец) родилась 30 июля 1961 г. Поэтесса, прозаик, переводчик. Автор пяти книг, соавтор многих сборников и литературных альманахов. Обладатель Диплома им. Шекспира со встроенной медалью конкурса «Золотое перо Руси — 2020». Лауреат литературной премии «Призвание — писатель» в 2022 г (РФ). Награждена орденом «Летописец Нестор» (РФ), медалью «За вклад в отечественную культуру» (РФ). Удостоена нагрудного знака «Золотое перо русской литературы» (РФ). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», действительный член Интернациональной академии современной культуры.

СЛАГАЮ СЧАСТЬЕ

Слагаю счастье по крупичам в кубышку собственной судьбы:
Ловлю его на милых лицах внучат и запахе избы,
Где я росла и крепла духом, училась верить и любить.
В июле с тополиным пухом стараюсь счастье уловить.

Щепотку — в красочном закате и каплю — в чистом ручейке
Из года в год, как тот старатель, что ищет золото в песке.
Без сожаления смываю осколки ссор, прилипший сор
И в результате получаю любимого горячий взор.

И пополняется кубышка: (Пусть не мгновенно, по чуть-чуть)
Еще одной хорошей книжкой, в которой скрыта жизни суть.
Еще одной душевной песней, хорошей новостью, звонком...
Соединив крупички вместе, увижу счастье целиком!

У РОДНОГО ПОРОГА

Задержусь я чуть-чуть у родного порога,
Чтобы легкой была моей жизни дорога,
В пояс я поклонюсь ликам добрых святых,
Чтоб меня берегли в поворотах крутых.
Обернусь, чтоб запомнить милых окон узор,
И горячие слезы затуманят мой взор...
Полной грудью вдохну запах дома родного,
Помолюсь, погрузу и поплачу немного...
Подержусь за косяк, бревна трону рукою
И шагну в дальний путь, что зовет за собою.

Буду знать — за спиной есть местечко святое,
Где на сердце легко и душа где в покое...

Сколько будет дорог на всем шаре земном,
Все они приведут нас в родительский дом.
...Постою я чуть-чуть и шагну за порог.
Он дождется меня... Сохрани его, Бог!

ЗАКАЖИ МНЕ ВЬЮГУ

Закажи мне вьюгу, дорогой!
Да такую — ни конца, ни края!
И колени шубкою укрой,
Прошепчи: «Люблю тебя, родная».
Закажи и тройку рысаков,
Чтоб несли нас, ветер обгоняя,
Не жалея новеньких подков,
И в глаза гляди мне, обнимая.
Закажи снежинок белый рой.
Без гипноза потеряю волю...
Будем в этой вьюге мы с тобой,
И в любовь дорога в чистом поле...

* * *

Я окуну тебя в фонтане
Волос распущенных моих,
Лишь полнолуние настанет
И зачарует нас двоих.
Ты, распахнув свои объятия,
Прекрасный, словно Аполлон,
Подаришь призрачное счастье
Греховной плоти... Купидон,
Собрав разбросанные стрелы,
Довольный скроется из глаз.
И мы станцуем танец белый,
Судьбою сыгранный для нас.

ГДЕ МНЕ ВЕРЯТ...

Серебристою чайкой взлетела я с ветра порывом,
Оставляя Земле нераскрытую тайну души
И тараня пространство высокочастотным надрывом
Унеслась в небеса, в божье царство добра и тиши.

Я летела все выше и резала крыльями воздух,
И впервые совсем не страшила меня высота.
Даже Космоса запах мои оголенные ноздри
Уловили. И ладаном пахла вокруг пустота.

Этот запах прекрасен, но хочется нюхать жасмин мне
И кипящих черемух весны молодой аромат...

Вдруг очнулась душа, отряхнула тоску и унынье
И стихами запела... И вдруг запросилась назад:

На любимую Землю с прекрасным ее обрамленьем,
На ромашковый луг, где туманы неспешно плывут.
Стало сердцу легко, прочь печаль, отступило сомненье,
Я вернулась туда, где мне верят... и любят... и ждут.

Татьяна Дорошко
(г. Мозырь)

Автор книги поэзии «Сквозь сны и дали», 11 коллективных сборников, двух антологий, многократных публикаций в местной, республиканской и российской прессе. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

* * *

Ночь истаяла в бархате сажи.
Мы не гнали — исчезла сама.
И с утра нам рисует пейзажи
Изумительной сказки зима.

Отворишь только двери балкона,
И вступает в права красота:
Ледяные деревьев короны,
В завихренях снегов высота.

Мысль светлее, прозрачнее даже...
На глазах восхитившихся пар,
Выстилается пухом лебяжьим,
Принимающий сказку бульвар.

* * *

Венский вальс, но звучит в Париже,
Где соборные кружева,
И где осень, бесстыже-рыжая,
Заявляет на нас права.

Самовластная. Ну, к чему бы
Не спускать с нас янтарных глаз?
В поцелуях не стынут губы —
Любопытство смущает нас.

В беззастенчивости игривой,
Листья клена, воткнув в косу,
Треплет ивы густую гриву
И в Булонском шалит лесу.

Где же вы, акварели марта?
Осень-всадница вновь в седле!
То предложит картин с Монмартра,
То на сцене царит в Шатле.

Золотая, ну, все же, грубо
Не спускать с нас янтарных глаз.
В поцелуях не стынут губы,
Да зачем ты смущаешь нас?

Венский вальс, но звучит в Париже,
Где соборные кружева.
И где осень, бесстыже-рыжая,
Заявляет на нас права.

Любовь Михайлова

(д. Фариново Полоцкого района Витебской области)

Родилась 10.02.1953 в г. Браславе, Беларусь. Образование высшее, окончила биологический факультет Даугавпилсского педагогического института. Работала учителем биологии. Член РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь», участник народных литературных объединений «Наддвинье» и «ЛитКофейник». Печаталась во многих альманахах, коллективных сборниках и журналах. Пишет на русском и белорусском языках стихи и прозу. Автор пяти сборников. Финалист и дипломант региональных и международных конкурсов.

* * *

Февраль, снега, метут метели...
И я в заснеженном плену
хрустальной зимней колыбели,
сродни навязчивому сну,

бреду по замкнутому кругу
рутинных полумрачных дней
бреду, бреду, бреду по кругу
в иллюзии полутеней.
Мой мир — он на мгновенье замер,
остановился в полусне.
Отсчет ведет обратный таймер —
к нулю иль призрачной весне?
Себя, возможно, обману я
под иллюзорную капель
на белом, радуго рисуя,
и вдруг, пригрезится апрель.

БУЙСТВУЮТ ВЕТРЫ...

Буйствуют ветры порой листопада,
кружится в танце осенняя грусть,
свежестью дышит ночная прохлада,
пусть же на сердце останется, пусть —
в омут страстей, лишь, бросаться не надо.

Буйствуют ветры порой листопада,
голые ветви, как струны души,
шепчут под звуки мелодий каскада:
«В омут — как прежде — дружок, не спеши,
в омуте — тьма, и бросаться не надо!»

Глупое сердце! Осенние «грабли»
манят безудержно в омут страстей,
чтобы испить чашу жизни до капли —
в омут ступаю — до края налей!
листья под ветром кружатся... озябли...

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Темнеет лес за серостью унылой
зияющей, седой стержни полей,
и небо в полу-ока смотрит стыло
январской дремою ненастных дней.
И вдруг необъяснимая тревога
нарушит сердца трепетный покой,
и кажется, без радости дорога
меня охватит грустью и тоской.
Что там за серой дальностью погоды?
Смотрю: слегка светлеет небосвод —
рассеет полумрак зимы, невзгоды,
включив погожих дней водоворот.

Лидия Жидко
(г. Жодино)

Окончила Белорусский государственный аграрный технический университет и Белорусский государственный экономический университет. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член Минского областного народного коллектива авторской песни и поэзии «Жывіца». Пять авторских и восемь коллективных сборников, публикации в газетах и журналах, литературных альманахах, антологии патриотической поэзии «НеЗкраю». Диплом второй степени в Международном историко-литературном конкурсе, многократный финалист многих международных и региональных конкурсов.

СТАРЫЙ ОТЧИЙ ДОМ

Я вспоминаю старый отчий дом,
Ворота красные и куст жасмина,
Где ясеня склонился над крыльцом,
А во дворе шиповник и калина.

Огромный сад и банька в глубине,
Цветущих лип аллея вековая,
Я слышу гул пчелиный в вышине,
Неосязаемый здесь запах «рая».
Я помню в доме каждый уголок...
Резной сундук в захлапленном чулане,
В руках у мамы вязанный платок,
Потертый плед на стареньком диване.

Седой отец с газетой за столом,
Мурлычит кот, забравшись на колени,
Мерцает лампочка под самым потолком,
А на стенах танцуют светотени.

Осталось прошлое в кладовке снов —
Девчонкой все бреду по травам росным...
Не заглушить в душе моей любовь,
К родным местам и долгожданным веснам.

ЗВЕЗДА СИРИУС

Ищу звезду в глухую полночь
В созвездии «Большого Пса».
Она поярче даже Солнца,
Как бриллиант на небесах.

Дракона растянулась лента,
Созвездий огненных союз,
И вот он, Сириус-легенда!
Любимец олимпийских муз!

Звезда горит холодным светом,
Ночной маяк для моряков,
Теряется палящим летом,
В дни осени восходит вновь.

Белесо-острыми лучами,
Свирепо разрезает тьму,
Меня где-то курс местами,
Противясь яростному псу.

И лишь заря волшебной силой,
Под утро раздвигая даль,
Приглушит вечное светило,
Набросив желтую вуаль.

МИРАЖ

Пишу картину мыслями,
С закрытыми глазами:
Я вижу храм под шпилями
И церковь с куполами.

Поток реки с легендами,
Плотину с водопадом,
Там тропки вьются лентами,
Край горизонта рядом.

Плывет густое облако
Над белыми стволами,
Земля и небо теплое —
Закат рисует пламя.

Оттенки, очертания...
Связались воедино,
«Мираж» ее название —
Вот такова картина.

ВСТРЕЧА

Воздух застыл от трескучих морозов,
Поздний февраль отодвинул весну,
В белых нарядах каштаны, березы...
Тихо дрожат на холодном ветру.

Щеки зарделись, как будто смутил кто,
В шапочке теплой, закрученный шарф...
Он, улыбаясь, обнял очень пылко —
Иней придал ей особенный шарм.

Музыка в танце вела и кружила,
В старом уютном кафе, в стиле Loft,
С кисло-соленым лимоном текила
Так создавала душевный комфорт,

Что не казался февраль очумелым,
И не страшил уже больше мороз,
И не сводило от холода тело...
Губы шептали: «Я счастлив до слез».

Зинаида Богомолова
(г. Жодино)

Родилась в г. Жодино, Республика Беларусь. По профессии — инженер-технолог швейного производства. Автор двадцати двух изданий (семнадцати — для детей). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», Член оргкомитета Международной академии русской словесности МАРС-Австралия. Победитель ряда международных и республиканских литературных конкурсов.

РАССКАЖИ МНЕ, МАМА, ОБ ОТЦЕ

Расскажи мне, мама, об отце.
Я уже не маленькая, мама.
Вижу слезы на твоём лице,
Знаю я о папе очень мало...

Знаю, что погиб он на войне
В сорок третьем под Сталининградом.
Он привиделся сегодня мне,
Как на фотографии с наградой.

О войне не любишь вспоминать,
Часто плачешь от меня укладкой.
Я хочу о папе больше знать,
Чтобы записать о нем в тетрадке,

Что хранится у меня в столе,
Чтобы не забыть былые даты:
В сорок первом встретились в Орле,
Через год отец ушел в солдаты...

Он такой красивый, молодой!
«Двадцать три» — ты, помню, говорила.
Где же похоронен папа мой?
Мне б узнать, где братская могила.

Писем не осталось — очень жаль,
Подчерка не видела родного.
А в глазах — застывшая печаль.
Общий снимок, не прислал другого.

Расскажи мне, мама, об отце...

Владимир Шаронов
(г. Гомель)

Родился 04.09.1952 г., в г. Богородске Горьковской (ныне Нижегородской) обл. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат 10-го Международного литературного фестиваля «Под небом Рязанским» (2013), серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» (2017г.), лауреат Литературной национальной премии «Золотое перо Руси» (2023) в номинации «Юмор» и пр. Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы» (Республика Беларусь).

В ОЖИДАНИИ ПРАЗДНИКОВ

Укрывает покорно снег землю,
Белым-белым пушистым манто.
Зиму снежную сердцем приемлю:
Я меняю на шубу пальто.

И морозы грядут, как и, впрочем,
Нас святочные ждут торжества.
И хорошего хочется очень,
И, как в детстве, чуть-чуть озорства.

Ну, кому б не хотелось ребенком
На часок хоть какой-нибудь стать,
И под стройной наряженной елкой
Свой подарок скорей отыскать,

Маму вновь увидеть, хоть и сложно,
Всех быстрее домик карточный скласть...
Жаль, но в детство попасть невозможно —
Можно взрослому в детство лишь впасть!

Владимир Демидов
(г. Борисов, Беларусь)

Демидов Владимир Григорьевич родился 20.12.1956 в г. Борисове в семье военнослужащего. В 1975 г. окончил Республиканскую школу по музыке и изобразительному искусству. Учился в Белорусском государственном театральном-художественном институте. В настоящее время занимается преподавательской деятельностью.

СТРЕЛА

Снова над Родиной
Свищет во всю листопад.
Снова над Родиной
Птицы теряют сознание.
И невозможно нам, брат,
Оглянуться назад.
Сосредоточить
На чем-то паденьи
Внимание.
Завтра оставит от нас
Лишь простой шепоток.
Сердцем предчувствую:
Завтра
Не будет хорошим.
Родина, матушка,
Дай напоследок глоток
Свежего ветра
До скользко изодранной
Кожи!
Содранной кожи под
Бешеный клекот
Вершин,
Где никогда постороннему
Не были рады...
Родина, это ведь я,
Твой потерянный сын,
Крыльями бью
По косому дождю
Листопада.

ЭПИКА

Скажите мне, который есть толмач:
Куда уходят на исходе липы?
Я слышал шепот их,

Я чувствовал их плач,
Я не сошел с ума,
Я просто малость выпил...
Мы мастерили некогда давно
Скворешни, напевая о «Катюше»,
Тогда фронтовики под домино
Обогащали крепко наши уши.
Посвистывала вечность, и ее
Пронзительность мы путали с фаготом.
Распугивая юркое зверье,
По чердакам осевшее и дотам.
Прости, в орду изрубленный репей,
Рык грозовой раскатистый и дальний.
Вот мамы: наблюдают из дверей,
Но тоньше руки их и голоса печальней...
Вот да беда:
Куда бы не пошел,
Кого бы не окликнул в тленном бденье,—
Я снова здесь,
И вросший в мусор стол,
Как приговор,
Без права на спасенье.
Толмач, толмач!..
Уйми свое кино.
Я заглянул к вам, друг,
Себя не помня толком...
Когда-то здесь стучали домино
Орденосцы в шляпах и наколках.

ДО СВИДАНИЯ

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о несъеденной котлете,
Не выкуренной трубке на досуге,
Не по плечам присвоенной кольчуге.

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о надломленном кларнете,
О пальцах мамы с запахом черешни,
Навеки засыпающей скворешни.

Нет повести печальнее на свете,
Чем детства, позабытого в буфете,
О беглой из Отечества вороне,
Вздыхает только шляпка на перроне.

Нет повести печальнее на свете,
Чем песнь о вашем уходящем лете,
Когда нужды нет больше в разговоре,
Когда душа сгорает, словно зори.

Нет ничего печальнее на свете,
Чем помнить о наложенном запрете
Тобою на последнем свиданье,
Заканчивая кратко... До свиданья.

ВСЕ СЧАСТИЯ, ОТЧАЯНЬЯ МОИ

Глава закрыта —
Прокартавил ворон.
Глава закрыта
Раз и навсегда.
Пускай полсердца
Вырвано из створен,
Сюда не возвратишься
Никогда!
И дворник, отхаркнув
Табачною цикутой,
Уже в совок собрав
Еще живые сны,
Сверкнув слезами
В качестве салюта,
И отбыл
До неведомой
Весны...
И замер двор
Все февраль — апрели,
Рябиновые кленов
Ветряки.
Я подошел к качелям,
И качели
Посыпались к ногам,
Как мотыльки...
Чернел привычно,
Исчезая, город.
Ощерилась искра
От спичечной дуги.
Я выждал пять минут.
Плаща надвинул ворот.
И за собой
Унес свои шаги...
В далеком далеке,
Друг дружку окликаю,
На зов моей крови,
На клич своей семьи,
Ко мне
Со всех сторон,
Неслась собачья стая!..
Все счастья.
Отчаянья мои.

Александр Милов
(г. Речица)

Родился 17 июня 1940 г. в Калининской области. Член Республиканского общественного объединения «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Победитель международного литературного конкурса «Славянская лира-2015», конкурса чтецов и актерской песни Е. З. Копеляна, 2018. Публиковался во многих литературных изданиях.

* * *

Я — граненый кристалл!
Посвети мне еще,
Мне не ясны мои очертанья;
Свет рождает и блеск, и мерцанье...
Посвети, чтоб себя я нашел;
Я, осколок стекла.
Ограненный случайно и слепо.
Все могло быть и четче, и лучше,
Но попробуй — со скола получится слепок,
Можно им иллюстрировать случай...
Посвети, убедись в том, что каждую гранью
Я живу, свет от тьмы отличая,
И упрямо с источником блики сличаю,
Посвети! Я еще не нашел
Всех углов, из которых я сложен,
Только понял — случаен, и то хорошо,
Потому что повтор невозможен.

ИКАР

Из рек, из ткани и стали
Я крыльев не делал своих,
Они проросли и восстали
Против законов земных.

И шар, с высоты непривычен,
Был так же не прост и не мал,
Он хмуро, упрямо набычась,
Горбом за спиною вставал.

Но крест распростершейся тени
Легко по земле проскользил
И даже закон тяготенья
Не властен над крыльями был.

И атомом жизни обычной
Я быть в тот момент перестал:
В стихию легко и привычно,
И прочно и просто встал.

И гордостью вырос до свода,
До облачных призрачных скал
И ветер любви и свободы
Упрямые крылья ласкал.

И нынче простора мне мало,
И гибель еще далека.
Вздымает их, как и вздымала,
Зовущая где-то рука...

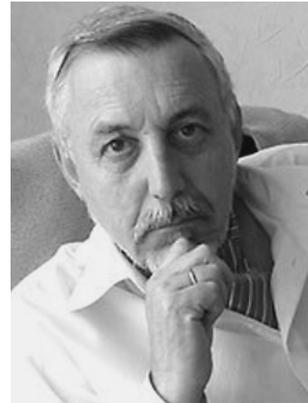
Они ж не из реек и стали,
Им мир — и дорога, и дом...
И если они вырастают,
Куда же их денешь потом?..

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ, ПОВЕСТЬ И ОЧЕРК

Виктор Кустов
(г. Ставрополь)

ЗАПАХ ТАЛЫХ СНЕГОВ Повесть

Наш постоянный автор.

Не стоило лететь на эту свадьбу.

Если смотреть с одной стороны. И то, может быть, по прошествии времени... Впрочем, он не уверен ни в чем. Просто тогда был март. Первые теплые дни, когда бодро застучала сосульчатая капель и от запаха талого снега кружилась голова.

И выходила замуж сестра Павлика, которую Глеб и видел всего однажды, пять лет назад, когда на осенние праздники Павлик пригласил его домой, и они три дня провели в забайкальском поселке возле отрогов Хамар-Дабана. Это были прекрасные дни: мелководная речушка за огородом уже была покрыта вполне приличным льдом, прозрачным и гладким, у Павлика нашлась лишняя пара старых «канадок», и день они расчерчивали лед вдоль камышовых заводей: было солнечно, морозно и весело. Второй день лазали по склонам сопки за посвистом рябчиков. И это тоже запомнилось: желтизной шуршащей листвы, прозрачным воздухом и напряжением скрадывания обманутой манком птицы.

Тогда вечером, провожая день обильным ужином и расслабленно-благодушным разговором с отцом Павлика, он и отметил что-то огнистое, быстрое, мелькнувшее в коридоре, с любопытными глазами, но девочка была явно мала, чтобы заинтересовать его,— и вот на тебе, уже выходит замуж. Сколько же ей лет?

— Так ты летишь? — поторопил Павлик, застегивая портфель, набитый рубашками и прочей мелочевкой.

— А сколько невесте?

— Надьке? Семнадцать.

— И уже замуж...

— А... Нагуляла. С солдатиком. Из воинской части на сопке. Помнишь?

Часть Глеб помнил. Вернее, шлагбаум и будку в распадке, за которыми так призывно кричал рябчик, что, если бы не часовой, он пренебрег бы запретом.

— А хорошенькая подружка у нее есть?

— Откуда я знаю. Малолетки они.

— Ну да,— согласился Глеб.— А может, мне и хочется юного, светлого...

— Ладно, не вешай лапшу. Летишь?

Павлик выжидающе замер посреди комнаты, окидывая ее взглядом: ничего не забыл?

— В выходные уложимся? — уточнил Глеб.

— Само собой, у меня вообще на работе с понедельника аврал.

— Хорошо.— Глеб резко поднялся, отчего панцирная сетка общежитской кровати облегченно застонала.— Уговорил.

Он полез в карман пиджака, висевшего на стуле, вытащил кошелек, задумчиво взглянул на оставшуюся мелочь.

— Не напрягайся,— вмешался Павлик.— У меня деньги есть. На билет я тебе займу, а содержание — за мой счет.

— Куда делась зарплата, вроде пару недель прошло...

— Настю по ресторанам не води.

— В театр,— уточнил Глеб.

— Между прочим, мы можем опоздать.

— Айн момент.

Глеб скинул рубашку, достал из шифоньера белую, праздничную, с жабо, надел. Глянул в мутный зеркальный обломок. Потом на Павлика, но тот явно был сам в себе, и его мнения спрашивать не имело смысла. Надел пиджак, скорбно оглядел мятые брюки, но решил, что уют даже среди свадебной суеты отыщется, и, на ходу натянув куртку-алеутку, вышел: терпеть не мог возиться с их раздрызганным дверным замком.

Март явно безумствовал. Иначе как еще можно объяснить это желание приставать к каждой проходящей девушке, останавливаться, провожать взглядом, громко высказываться по поводу... И совсем забыть, что уже не мальчик, как-никак, инженер, сотрудник НИИ и почти женатый человек.

Павлик ждал, придерживая дверцу троллейбуса — высокий, худой и серьезный. И не свободный — Наташка не позволяет. А может, уже счастливый и поэтому девушек не замечает.

Двери напряглись, вжимая Глеба в спину Павлика, потом расправились, позволив вдохнуть. До аэропорта ехать прилично, есть время рассмотреть пахнущих весной женщин, предоставив право отслеживать маршрут другу: он на глупости не отвлечется и они свою остановку не проедут...

Их сосуществование длится уже шестой год. С первого курса. А точнее, с того самого момента, когда Глеб, выскочив из дверей приемной комиссии — уже студентом, способным летать и желающим орать во всю мочь — врезался в узкую грудь входящего. Так они встретились. А познакомились спустя день, оказавшись соседями по комнате в общежитии.

...Это она... Несомненно... Голубоватое пальто, длинный шарф и такой же длины волосы, русые, чуть распушенные на концах... Вот только Павлик мешает подойти ближе, отгородил от Глеба, одной рукой вцепившись в поручень, другой придерживая желаящий распахнуться портфель. Глеб чуть поднажал, вибрируя, вклинился между ним и мощным дядей и почти уловил запах ее духов. Восхитительно-волнующий. Но это было все, что ему удалось сделать, и следующие две остановки пришлось довольствоваться малым: запоминать запах и надеяться, что они встретятся взглядами и выйдут вместе.

Но вышли они с Павликом. Тот бесцеремонно вытащил Глеба из троллейбусной пробки, едва не выронив распахнувшийся, но вовремя подхваченный портфель.

— Лучше бы ты меня бросил,— капризно произнес Глеб.— Такие волосы... Ты случайно не видел, как она в анфас, в профиль?

— Кто? — Павлик стремительно зашагал в сторону аэровокзала.

— Господи, ты совсем монахом стал,— оскальзываясь, догнал его Глеб. Понимал, что ничего не добьется от Павлика, но очень уж хотелось поделиться.— Как

можно было не заметить такую красоту? Да она...— Остановился, подбирая сравнение, рванулся следом.— Да это самая красивая девушка в мире! — и уткнулся в остановившегося Павлика.

— Кто? Настя?

— Ну ты!..— У Глеба даже голос сорвался.— Павел, ты меня расстраиваешь. И мне не хочется больше с тобой ничего обсуждать.

— Прекрасно,— благодушно согласился тот.— Тем более, что мы можем опоздать. Давай паспорт.

— Паспорт?.. Ах, да.— Глеб без удовольствия подхватил протянутый портфель, буркнул: — А вот твою шмотье могла бы и Наташка постирать, везешь за сотни верст.

Но Павлик, когда чего не хочет слышать, не слышит. Счастливая способность. А вот у Глеба слух уникальный, не слух, а сплошная неприятность. Павлик только на кровать, к стене отвернется и сопит, а он в тишине мается: слева — скрип, справа — скрип, шлеп, шмяк, а то и мычание довольное — общага у них семейная и коммунистическая, звукоизоляции никакой.

...Глеб постоял, вдыхая запахи весны, потом вошел в аэровокзал. Павлика сразу увидел — торчит у самого окошка кассы. Ну вот, обратно выжимается, рука — над головой, в ней бумажки зажаты. Значит, лететь, выбора нет.

Глеб глубоко вздохнул. Павлик пронесся мимо, не заметив протянутый портфель, бросил:

— Посадка уже, пошли быстрее.

Несправедливость, конечно, но кто платит, тот и диктует свои законы.

С билетами впереди — Павлик, с его пухлым портфелем за ним — Глеб, так и прошли мимо дежурной, и бегом к трапу, по которому уже последний пассажир поднимается. И что характерно, Павлик в этой гонке о своем портфеле даже не побеспокоился, поэтому Глеб, отдышавшись в салоне, без всякого стеснения всучил хозяину забытую вещь.

— Успели,— довольно выдохнул тот и уткнулся в иллюминатор.

В отличие от друга Глеб терпеть не мог высоты, предпочитая изучать табличку с предупреждающими «Не курить! Пристегнуть ремни», пассажиров, стюардесс, если они были, и просто дрожащий пол. Лучше всего он чувствовал себя на земле, перед взлетом и сразу после посадки. Но об этом не знал даже Павлик, единственное, что тот отмечал в полетах, еще большую болтливость Глеба. Вот и сейчас Глеб засыпал товарища вопросами:

— Паша, а меня там ждут? А то явлюсь нежданно-негаданно, твоя сестра — ах, жених — в шоке, подружки — в восторге, все — вокруг меня, свадьба сорвалась...

— Не трепись,— оборвал Павлик.

— А если серьезно? — уточнил Глеб.

— Ждут, ждут,— с неожиданной улыбкой отозвался Павлик и пояснил: — Батя просил, чтобы ты приехал.

— О, старикам я почему-то нравлюсь,— произнес Глеб, глотая слюну, и добавил, пытаясь перекричать взревевшие двигатели: — И старушкам. А вот красавицам юным...

— Слушай, Глеб, а чем тебя Настя не устраивает? — неожиданно спросил Павлик.— Сходитесь, и беситься перестанешь.

— Та-ак,— протянул Глеб.— Значит, женщина — это всего лишь средство от бешенства.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, не утрируй.

Самолет вздыбился и стал набирать высоту.

Их вдавило в сиденья, и поданные стюардессой леденцы по имени «Взлетные» стали основной заботой. Согласно всеобщему мнению, именно подъем — самый опасный режим для самолета, и Глебу казалось, что время замерло, что он так и не

дождется, когда натужный рев сменится успокаивающим гулом ровного полета. У него тогда сразу улучшалось настроение, он начинал оглядывать пассажирок, задевать стюардесс и, если полет был длинным, попить газированную или минеральную воду мелкими глоточками, с перерывами и задумчивым перекачиванием аэрофлотского бокала в ладонях. А еще он становился, как самому казалось, очень остроумным, но вот использовать это остроумие практически никогда не получалось, потому что большинство пассажиров предпочитали полет молчаливый, в дремоте или чтении. Поднимаясь по трапу, Глеб всегда мечтал о прекрасной соседке, с которой даже в минуты катастрофы (не дай Бог случилась бы) было бы нестрашно, взявшись за руки или даже лучше — крепко обнявшись, выживать. Но увы, ни прежде, ни сейчас такой соседки не оказалось: слева сидел невозмутимо прилипший к иллюминатору Павлик, справа, через проход, — мужик, нагло вытянувший ноги в больших унтах и явно настроившийся всхрапнуть.

Наконец самолет выровнялся.

Глеб перегнулся к Павлику, продолжил:

— Нет, друг Паша, мой идеал — это нечто божественное, нежное, непорочное. Это — вдохновитель, катализатор...

— Аккумулятор, — вставил Павлик. — Или, еще лучше, генератор.

— Фу, как ты все опошляешь.

— Ты лучше взгляни, какая красота под крылом! — Павлик отстранился, великодушно предоставляя Глебу возможность выглянуть в иллюминатор.

— Благодарствую. Я и так прекрасно представляю, как выглядит снежная равнина.

— Это Байкал, а не равнина.

— Все равно снежный. Лучше бы ты разглядел ту девушку, в троллейбусе. Интересно, как ее могут звать. Светлана. Или Наташа... А может, Виолетта...

— Жорета, — буркнул Павлик.

— Жорета? Такого имени нет.

— А ты что, все имена мира знаешь?

— Один — ноль, — поднял руки Глеб, отмечая, что режим работы двигателя изменился. — Там берег еще не виден? — спросил он.

— Подлетаем, — подтвердил Павлик, откидываясь в кресле и позволяя солнечному зайчику прилечь на пиджак Глеба.

— Вот и славно. — Глеб развернул припасенную «Взлетную». Не удержавшись, признался: — Хорошо, когда лететь недалеко, только взлетели — вот уже садимся, слава Богу.

— А я люблю летать, — вздохнул Павлик. — Смотришь вниз: города, поселки, тайга... Дороги — как ниточки. Все само по себе. А там такие же, как мы...

— Ты чего, Паша? — Глеб заинтересованно взглянул на друга. — Неужели лириком становишься?

Самолет ощутимо трянуло, моторы взвыли, и он забыл заготовленную колкость, вцепился в поручни, с трудом сдерживая подступившую тошноту, и, увидев в иллюминаторе несущийся на них город, вовремя сдержал крик, потому что в следующее мгновение самолет выпрямился и стал опускаться. И Глеб вместе с большинством пассажиров привстал, теперь уже безбоязненно поглядывая в иллюминатор на мелькающие мимо постройки аэродрома, избавляясь от напряжения, желая как можно скорее что-либо делать, двигаться.

— Куда ты все время спешишь? — недовольно произнес Павлик. — Еще полчаса выруливать будем.

— Похоже, ты на свадьбу совсем не торопишься, — отпарировал Глеб. — А если на электричку не успеем?

— Успеем, — твердо пообещал Павлик.

На электричку, на которой до деревни Павлика пилить еще час с лишком, они, конечно, успели, Павлик всегда все делал с временным резервом. Доехали без особого комфорта — первую половину пути пришлось курить в тамбуре — похоже, весь город жаждал на выходные разбежаться по деревням, но закончились близкие дачные поселки, и можно было и покайфовать, созерцая однообразный пейзаж сквозь закопченные окна. И даже удобно развалиться на жесткой скамейке в полупустом вагоне.

Их не встречали, хотя Глебу было бы приятно, если, допустим, подружка невесты ждала бы на мокром от весенних луж маленьком перрончике и, вскинув выражающие будущую страсть руки, припала к его груди. Но на перронной скамейке сидела лишь парочка, явно после бурной ночи, пытаясь вписаться в этот мир. И Глеб с завистью задержал на них взгляд, хотя даже издали девушка была явно неказиста и темные взлохмаченные волосы даже отдаленно не напоминали золотые пряди той, из троллейбуса...

— Осторожно,— вовремя подхватил его под руку Павлик, а то загремел бы Глеб с перрона в весеннюю лужу.— Слушай, женился бы ты, что ли? Всем было бы лучше.

— Кому это всем? — уточнил Глеб, отстраняясь и выбирая оптимальный путь среди дорожных колдобин, заполненных водой.

— Тебе, Насте и всем твоим родным и близким.

— И прежде всего тебе,— уточнил Глеб.— Слушай, Паш, почему женатики или вот как ты, зависимые, всегда покушаются на свободу холостяков? От зависти?

— Это ты завидуешь влюбленным,— парировал Павлик.— Вон, заглядываешься, чуть ногу не сломал.

— Да, засмотрелся. Я радуюсь чужому счастью. Искренне.

Глеб расстегнул алеутку — здесь, у подножия совсем близких горных отрогов, было ощутимо теплее,— и, не щадя ботинок, зашлепал по мелким лужам, жалея, что больше на дороге никого нет и не с кем поделиться чувством любви ко всему, что есть в этом мире. Павлика он в расчет не брал: за многие годы сожителства он понял, что флегматики хороши только в качестве громоотвода, но ни в коем случае не труга. Вот и сейчас тот не преминул удивиться неразумному поведению Глеба.

— Ноги промочишь.

— Весна, Паша, весна.

— Все равно,— буркнул тот, и Глеб передумал развивать тему.

Родная деревня Павлика — одна улица, притулившаяся у склона сопки и несколько ответвлений-проулков от нее. В тот давний приезд Глеб поднимался на склон сопки. Рассматривая деревню сверху, отметил, что больше ей и не было возможности растягиваться: с одной стороны она упиралась в реку, которая, гремя по каменным валунам, неслась из ущелья, с другой — в пустынную долину, по которой пролегла железная дорога. А за долиной и безлесой возвышенностью был город, откуда они приехали. Увидеть его можно было только с самой высокой из вершин, что вздымались над деревней. Но дорогу туда перекрывал шлагбаум.

Они шли со станции в деревню, и Глеб спросил:

— Паш, а ты поднимался туда, на самый верх? Чтобы город увидеть.

— Там — воинская часть,— отозвался Павлик, обходя лужу.

— Так что, она там все время?

— Все время.

— И вы пацанами не лазили? По-пластунски, ночью. Я представляю...— Глеб остановился, крутанулся на месте: — Сердце колотится, каждый шорох пугает, всякие чудища, звери... Слушай, это же на всю жизнь память.

— Ага, память... Был у нас герой. Его увезли куда-то, и батьку следом.

— Что значит увезли?

— За шлагбаумом поймали и увезли. Это ж секретный объект.

— А, ну да...

Глеб задумался.

Настроение упало.

Мужчин в погонах любой расцветки он почему-то не любил, хотя сам окончил военную кафедру и уже почти год значился лейтенантом запаса. Впрочем, трепаться-то особо времени и не осталось: они уже шли по деревне. Через пару добротных домов Павлик по-хозяйски толкнул полураскрытые ворота, и они вошли во двор, по которому сновали женщины в цветастых, не по сезону открытых платьях. На вошедших они не обратили внимания, и Глеб понял, что его фантазии слишком далеки от реальности. Уже ничего не ожидая, степенно поднялся на крыльцо следом за Павликом и тут только сообразил, что у него нет свадебного подарка.

— Погоди.— Он придержал того за рукав.— Слушай, я действительно болван, надо было хотя бы цветов...

Павлик недоуменно смотрел на него, он уже был то ли в прошлом, то ли в будущем, и неожиданно отреагировал:

— Цветы?.. Не знаю наверняка, но должны быть. Вон на том склоне,— махнул в сторону сопки, сразу за улицей, одновременно избавляясь от пальцев Глеба, и исчез за дверью, где тотчас стало шумно и многоголосо.

И Глеб не стал медлить, через мгновение уже карабкался по скользкой прошлогодней траве, желая одного: чтобы его не хватились как можно дольше и чтобы цветы действительно были. Хоть какие.

...Это были подснежники. Только-только проклюнувшиеся. С нежным пушком и неуловимым запахом. И было их всего несколько штук. Глеб опять вспомнил девушку из троллейбуса и подумал, что она обязательно оценила бы этот жест...

Но оказалось, что сестра Павлика тоже способна понимать такие поступки. И не только она. Он видел, с каким вниманием оглядели его деревенские молодки, когда он протягивал букетик вышедшей навстречу невесте.

— А вот это и есть сюрприз,— перекрыл поднявшийся гам голос Павлика.— Для тех, кто не знает — это мой друг Глеб.

— Знаем, знаем,— вышел вперед Федор Никитич, отец Павлика, отодвигая невесту, которую Глебу так и не удалось разглядеть.— Дайте гостю освоиться.

И с разных сторон к нему потянулись горячие руки: алеутка, вспорхнув крылом, куда-то исчезла, следом — пиджак, а впереди, раздвигая длинный ряд стульев и не выпуская его руку, двигался Федор Никитич. Наконец, повинувшись его руке, Глеб опустился за стол. И тут же рядом плюхнулось нечто огромное, пышущее жаром, отчего он инстинктивно прильнул к жилистому отцу Павла.

— Молодец, что приехал.— Не умолкал тот.— А я Павлу, мол, пусть уважит друг...

Федор Никитич говорил и наливал в граненые рюмки себе, Глебу, его пышнотелой соседке, мужику с седой гривой и парой выбитых передних зубов напротив и миловидной девушке наискосок. И по тому, как все в ожидании замолчали, Глеб понял, что он попал уже в разгар события, и осталось только наконец-то разглядеть невесту и жениха, которого пока закрывал отец Павлика.

— Скажи-ка что-нибудь, инженер...— привстал Федор Никитич и еще громче, для тех, кто сидел у дальнего края стола, пояснил: — Эт Пашкин наипервейший друг. Работают вместе.

С помощью мощной соседки слева он выдавил Глеба над столом, и ему осталось только пожелать молодым многих-многих лет и детей и прокричать «горько». А под считалку наконец-то разглядеть невесту (она оказалась рыжеволосой и миленькой) и жениха — в традиционном черном костюме, круглолицего, мелкого, на полголовы ниже невесты, с румяными и пухлыми щечками, совсем не похожего на представ-

лявшегося ему бравого и молодцеватого солдатика, которого бы он желал сестре друга в суженые.

Он выпил. С чувством выполненного долга сел. Подцепил на вилку соленый грибок, мигом проскользнувший вслед за водочкой, потом второй, и еще что-то из тарелки, стоявшей перед ним и все наполнявшейся и наполнявшейся разнообразной снедью — ни дать ни взять, скатерть-самобранка,— и наконец осоловел и откинулся, оглядывая застолье.

Подружки невесты сконцентрировались от него наискосок, их было немного; обведя их взглядом, он выбрал одну, более-менее, и стал откровенно разглядывать. И чем дольше разглядывал, тем больше она ему нравилась. Особенно, когда, встретившись с его взглядом, прятала глаза и скромно краснела.

Свадьба уже гуляла вовсю.

Федор Никитич громко рассказывал соседям о своих замечательных детях и их чудесных друзьях, соседка слева ощутимо наваливалась на Глеба раскаленным бюстом, и он вынужден был крениться к Федору Никитичу, слушать и кивать в знак подтверждения. И все время старался не упускать из виду подружку невесты, а когда убедился, что взглядами они уже навязали узелков, вполне достаточных для знакомства, потревожил и отца Павлика, и соседку, выбрался из-за стола и, оттягивая мокрую от пота в том месте, где прижималась соседка, рубашку, вышел на крыльцо.

Глубоко вдохнув весенний влажный воздух, подумал: правильно сделал, что приехал.

Вышел Павлик, также глубоко вдохнул, развел руками.

— Славно... Как тебе?

— Хорошо,— благодушно откликнулся Глеб.— Ты молоток, что не оставил меня в скучном, грязном городе.

— Ну ты даешь.— Павлик пьяненько улыбнулся, похоже, он не пропускал, как обычно это делал, тосты, а на спиртное он был слаб.— Нет, город лучше, ты просто не жил в деревне. Поживи... А что, оставаясь у нас, в моей комнате вот и живи.

Он качнулся, и Глеб поддержал его:

— Предложение заманчивое... Слушай, а что за девушка напротив меня сидит?

— Девушка? Какая? Их много. По статистике, десять — на девять парней...

— Это точно,— не стал возражать Глеб, сознавая бессмысленность подобного вопроса.— Пошли, а то потеряют.

Подтолкнул Пашу в спину и тут же отступил, пропуская раскрасневшуюся, стремительную, ту, с которой переглядывался.

— Здравьете,— бросила она, глядя снизу вверх на покачивающегося Павлика, и он замер, удивленно вглядываясь и припоминая:

— Зойка?.. Ты, что ли?

— Я,— смешливо сузила глаза, стояла, маня широкими бедрами, Глеб даже заволновался: а вдруг Павлик изменит. Но тот был верен Наташке.

— Молодец, выросла,— поощрил он, исчезая в полумраке коридора.

— Вот такой у меня друг,— поторопился перехватить инициативу Глеб.— Старший инженер. Начальник, к тому же влюбленный.— Расставил точки над и, чтобы у Зойки не было сомнений.— А меня зовут Глеб, и я не начальник и не влюбленный ни в кого.

— Так уж и не влюбленные,— жеманно отозвалась та и застыла, прижавшись остренькими лопатками к косяку.— Как ни городской, так обязательно свободный.

— Зочка, клянусь. Хочешь, на колени встану...

Глеб подогнул ногу.

— Да ладно уж.

Она повела плечиками, выдвинулась на крыльцо, опустила ладонь на перильца, и Глеб осторожно и как можно ласковее положил сверху свою ладонь.

Ее рука дрогнула, но осталась на месте, и он ощутил нечто нежное, теплое и волнующее. Склонился в ее сторону, еще больше пьянея от запаха, тепла, желания и прикидывая, как удобнее попробовать поцеловать, но Зоя вдруг резко развернулась, притопнула каблучками и, приснув, убежала в дом.

Глеб огорченно вздохнул, спрыгнул во двор, энергично прошел к воротам, выглянул за них, стараясь отвлечься и погасить жар:

— Хороша...

Подумал, что так, вероятно, чувствовал себя и молодой Пушкин, заигрывая с деревенскими девками.

И бодро вернулся в дом...

Свадьба уже шла по накатанному, когда о молодых вспоминают только ради очередного тоста, все живут своим, и кто уходит, кто приходит, уже трудно заметить, главное, успевать выпивать за молодых, за их родителей, друзей и знакомых. И, как Глеб ни хотел скорее уединиться где-нибудь с Зоей, ничего не получалось. А что было в эпилоге свадебного застолья, он уже припомнить не мог...

Утром долго пытался понять, где он. И почему лежит поперек кровати. И в конце концов, чья эта кровать.

— Вставай-подымайся, боец,— раздался голос Федора Никитича.— Пошли голову поправлять.

Похлопал весьма ощутимо по плечу шершавой тяжелой ладонью и вышел из комнаты.

Глеб спустил с кровати ноги, потряс головой.

Было состояние веселой невменяемости: только что вышел отсюда веселый папа Павлика, комната весело подкруживалась, такими же веселыми были одежда, с которой он никак не мог справиться, и сидящие за столом. Угрюмостью отличался только Павлик. Потому что он никогда не похмелялся. Не мог. И поэтому единственный из любой честной компании умудрялся болеть долго и серьезно.

— Поправься.

Рюмка, протянутая Федором Никитичем, тоже оказалась веселенькой: никак не хотела даваться в руку, но куда ей — общими с Федором Никитичем усилиями Глеб опрокинул ее в рот и огляделся.

Невесты и жениха не видно.

Мать Павлика, строгая и молчаливая, как и подобает учительке, в коричневом платье с кружевным белым воротником, собрала на другом конце стола возле себя женщин.

Здесь — они с Никитичем, скучный Павлик, вчерашний мужик без зубов и амбал, смутно что-то напоминающий.

Там — Ольга Захаровна, толстушка вчерашняя, то и дело поглядывающая на Глеба, какие-то бабушки, тетки...

И ни одной подружки. А ведь, кажется, вчера было что-то волнующее...

Глеб напряг извилины и, то ли опохмелка помогла, то ли память вернулась: кого-то он вчера провожал...

И целовал.

И даже за воротами стояли близко-близко.

А потом...

А потом этот амбал появился.

Он глянул на неторопливо жующего напротив широкоплечего коренастого крепыша и по перехваченному быстрому взгляду того утвердился: так и было... Вот он Зюечку и увел... И так захотелось сказать тому что-нибудь приятное, что не удержался, перегнулся через стол:

— А ты ее сторожи...

И тут же понял — пьяно и нелепо. Но уже ничего не мог вернуть, слово не воробей, осталось лишь плюхнуться обратно, продолжая глупо улыбаться.

Но никому до произошедшего между ними вчерашнего никакого дела не было. И амбалу, похоже, до лампочки, чуть задержал взгляд, вникая в сказанное, и тут же повернулся к Федору Никитичу, продолжая прерванный разговор.

— Да, я чужой на этом празднике жизни,— не очень громко констатировал Глеб, не ожидая ничего внимания, но все же глубоко сожалея, что вчера что-то не получилось, и вспоминая волнующий и так много обещавший запах Зоечкиных духов.

Тем не менее, настроение выправлялось, все вокруг оставалось веселеньким, но уже менее неустойчивым, и сомнения таяли. Хотелось отыскать Зоечку.

Он встал из-за стола, подождал Павлика, и они вышли во двор.

День был чудный, по-настоящему весенний, с голубым небом и небольшими белыми пушистыми облаками, прохладным ветерком, приносящим запахи с горных склонов.

— Слушай, я вчера ничего такого не натворил? — спросил Павлик.

— А чего такого? — Глеб не смог преодолеть соблазн.—Ты имеешь в виду эту тетку полногрудую?

— Какую тетку? — испуганно устался тот.— О чем ты?

— Не помнишь, понятное дело... Которая с твоей мамой сидит. Что ты только с ней вчера не вытворял...

Глеб покачал головой и замолчал, наслаждаясь драматургической паузой и вполне представляя, что сейчас происходит в душе друга.

— Не может быть,— сопротивлялся Павлик.

— Ну как не может быть? Спроси хоть подружку невесты.

— И что же я делал? — помог ему не завратиться до конца Павлик.

— А что может делать мужчина с женщиной?

— Ты что, неужели?..— Павлик явно испугался, представляя последствия данного события в диапазоне от анонимного сообщения Наташке до вдруг подхваченной неприличной болячки.— Нет, не может быть.

— Почему не может,— вошел в раж Глеб.— Я со своей только собрался уединиться, мы заходим в комнату, а там... все как полагается, в обнаженном виде.

— В какую комнату?

— В твою.

— В мою? — Павлик растянул губы в гримасе, отдаленно, но все-таки напоминающей улыбку.— О, черт, голова трещит... Ладно, этим не шутят. На первый раз прощаю.

— Какие шутки?! — искренне возмутился Глеб.— Зачем мне придумывать?

— Ну да, ты не придумываешь, но фантазируешь,— напомнил его же собственное изречение Павлик.— А я, между прочим, ночевал у дядьки, и как дошел до него, прекрасно помню.

— Зануда ты,— со вздохом согласился Глеб.— Может, тогда расскажешь, что со мной было?

— Да ничего, набрался и спать пошел.

— Ладно обижаться... А на самом деле?

— Так и было.— Павлик поморщился, помотал головой, пару раз глубоко вздохнул.— И надо мне так...

— Что ты переживаешь, не каждый же день свадьба. Тем более у родной сестры,— задумчиво произнес Глеб.— А когда я спать пошел?

— Да вот Зойку проводил и пошел.

— Так я ее провожал?

— Наверное.— Павлик поморщился.— Мне бы твои проблемы.

— Поня-ятно,— протянул Глеб, пытаясь вспомнить, что же вчера было, но ничего нового в памяти не всплыло.

Ворота приоткрылись, и в них влетело нечто весеннее. Во всяком случае — каким его представлял Глеб: стройное, легкое, улыбающееся и доброе-доброе, в чьи глаза можно было смотреть долго-долго...

— Здравствуй, Паша.

— Привет, Тань. А тебя, кажется, вчера не было?

— Только приехала. Где там моя подружка?

— Иди, может уже встали.

Мимо проплыл огромный букет, и остался только восхитительно-волнующий запах.

— А почему со мной не поздоровались? — запоздало прокричал Глеб и, глядя в пустой проем, спросил: — Кто это?

— Соседка.— отмахнулся Павлик.— Что ты на каждую юбку вскидываешься? Малолетка, и жених в армии...

— Это ненужные подробности,— отмахнулся Глеб и в три прыжка взлетел на крыльцо.

Молодожены бледно отсвечивали в центре явно поскудевшего стола и вчерашнего внимания не вызывали. Лишь Ольга Захаровна исподволь изучала дочь, пытаясь догадаться, как прошла брачная ночь, одновременно продолжая неспешный разговор с соседками. Федор Никитич, отяжелевший и настроившийся вздремнуть, периодически встряхивал головой, оглядывался, прислушивался к себе, но, видимо, ясного импульса не ощущал и снова философски замирал, глядя куда-то за спины молодых. Амбала не было, и Глеб с удивлением это отметил, потому что он был уверен, что тот в ворота не выходил. И забыл: рядом теперь уже с замужней молодой сидела та, которую звали Танечкой, и он торопливо опустил на свободный стул напротив и, подхватив рюмку, потянулся в сторону молодых, поздравляя их с новой эрой в их жизни и желая-желая...

— Вот мы с Танечкой не знакомы...

— Танюш, это друг Павлика, Глеб,— отмахнулась явно не выпавшаяся молодая, но улыбку изобразила.— А это моя самая лучшая подруга.

На этот раз улыбка была искренней и радостной, но Глеб ее не видел, он смотрел на Танечку, сходя с ума от взгляда ее лучистых глаз, от запаха, от цвета кожи, от тонкой синенькой жилки, просвечивающей на правом виске, и едва заметно, быстро-быстро пульсирующей...

— Татьяна,— негромко произнесла и отвела глаза, пряча заалевшие щеки.— Вы уже знаете.

— Да, я знаю. И всегда знал — мою любовь зовут Татьяна...

Глеб прошептал это, подавшись в ее сторону, с трудом удерживаясь от желания коснуться губами ее щеки и стараясь прижаться к ее плечу, но Танечка мягко отстранилась, и он отклонился, так, чтобы видеть ее профиль, трогательный и бесценный.

Она стала о чем-то шушукаться с новоиспеченной женой.

Глеб не прислушивался, он старался понять себя, то, что с ним происходит.

Он никогда не считал, сколько раз за свою жизнь влюблялся. Наверное, много, потому что дни, когда его сердце было свободно, он не помнил. Он постоянно жил в состоянии влюбленности и страданий, по крайней мере с четвертого класса, в котором Оля Жогина, самая красивая девочка в классе, совсем не замечала его и всерьез злилась, когда он небожно таскал ее за длинную косу. За все годы его безответной любви самое большее, чего он добился, была пара заинтересованных взглядов. Зато в выпускном классе он умудрился перецеловаться со всеми без исключения, приобретая на каникулах первый мужской опыт. Тогда все произошло до обидного быстро и

нервно, и если бы не опытность и такт рыженькой и умненькой молодой учительницы, неизвестно, остался бы он таким влюбчивым.

Был, правда, еще период абитуриентства. Ему очень хотелось поступить. И он почти месяц, как никогда прежде ни в школе, ни потом в институте, корпел над учебниками, а в редкие часы отдыха, выскакивая на пляж, старался даже не смотреть на шоколадные девичьи фигурки.

А потом было безумство первых месяцев студенческой свободной жизни и были Наташи, Светы, кажется, даже Анжела, и вино, и кофе, и ночные бдения, и романтические прогулки, и конечно, поцелуи, много поцелуев, и кажется, с той же самой Анжелой — нечто большее, во всяком случае, он помнил ее голенькую рядом, но между застольями, поэтому совсем не был в том уверен.

А после была сессия, и его чуть не отчислили, но один из трех заваленных экзаменов он успел пересдать в промежутке между последними, а два других — чуть позже, и остался. И стал спокойнее, хотя влюбляться не перестал. Правда, теперь влюблялся не в каждую и не сломя голову.

Но никогда прежде он не переживал такого разнообразия оттенков чувств, которые обуревали его сейчас. Было, несомненно, и желание, но где-то далеко-далеко, а прежде он чувствовал нежность, обожание, страх, что все это может исчезнуть, и оттого очень хотелось крепко-крепко держать Танечку за руку, и он неотрывно глядел на ее профиль, ощущая, как она молча отвечает ему...

— Старичок... Глеб, ты что, заснул? — Павлик довольно ощутимо хлопнул его по плечу. — Нам пора, пошли.

— Куда? — с трудом возвращаясь в реальность, спросил он.

— На электричку, естественно.

— На электричку? А мы что, должны ехать?

— Однако ты вчера перебрал. До завтрашнего утра выветришься, до планерки? А то Хохлов «полкана» спустит.

— А кто, собственно, таков этот Хохлов, — бодро в рифму отозвался Глеб, не сводя глаз с повернувшейся Танечки, — обыкновенный занудистый и лысый наш начальник. И почему я должен его уважать и... любить. — Он смотрел в глаза Танечки. — Нет, не буду. Я буду любить Татьяну...

Мельком он отметил, что в углу Ольги Захаровны наступило молчание, но отвлекаться не стал и повторил:

— Я буду любить Татьяну.

— Ради Бога, люби, — согласился Павлик. — Только поторопись, иначе на самолет опоздаем.

— Какой ты все-таки пошляк, — негромко резюмировал Глеб и неохотно поднялся. — Я не прощаюсь, Танечка. — И театрально развел руки: — Друзья, я не люблю прощаться. Я всех люблю, желаю всем всего...

— Всем — до свидания, — перебил его Павлик и подтолкнул Глеба.

Под разноголосое «до свиданья» они вышли на крыльцо. Тяжеленная авоська с харчами мигом очутилась в руке Глеба, и он не успел ни возразить, ни последний раз взглянуть на Татьяну. Федор Никитич и новый свояк Павлика проводили их до ворот, и тут втроем выпили на посошок, потому что Павлик отказался наотрез, и, ежась на неожиданно постудевшем ветру, они зашагали по улице.

Авоська была явно не его весовой категории, и через сотню метров Глеб предложил Павлику вернуть ее родителям. Тот осуждающе покачал головой, пригрозил ничем не делиться и присовокупил авоську к необъятной сумке.

— Да ладно уж, — забрал ее обратно Глеб. — Паду как загнанный мерин, пусть совесть тебя замучает.

— Пади, пади, — безжалостно согласился Павлик, размашисто вышагивая по дороге.

Он уже пришел в себя и обрел привычную устойчивость. И Глеб позавидовал ему, ибо чувствовал себя не очень хорошо: веселость исчезла, на смену ей приходила тоска и лишь воспоминание о Танечке поднимало настроение. Авоська ощутимо оттягивала плечо и резала руку, так хотелось оставить груз в ближайшей луже, но он вынужден был тащиться с ним на электричку.

А почему, собственно, он не может поступать так, как ему хочется?

Почему он должен расставаться с тем, без чего — он был уверен в этом — ему невозможно будет жить дальше?

Глеб остановился.

— Паша...

— Давай быстрее,— не оборачиваясь и не останавливаясь, отозвался тот.— Видишь, электричка уже показалась.

Глеб прикинул расстояние до выползающей из-за сопки электрички, до перрона и сделал последний рывок.

Павлик ждал его на ступеньках, словно мог, протянув руку, придержать состав, если бы тот тронулся, подцепил авоську, собрался пройти в вагон. Но Глеб выпалил:

— Я остаюсь. Если завтра не прилечу, скажешь... А, что-нибудь придумай.

— Не понял.— Павлик превратился в вопросительный знак.— Не дури, залазь.

— Все, бывай,— не стал тратить время на пустопорожние объяснения Глеб.— Тебе не понять.

Электричка продудела и, с лязгом дернувшись, начала набирать ход.

— Так... А самолет, билет?

Павлик бросил авоську, вытащил из внутреннего кармана портмоне, вытряхнул билеты.

— Сдай! — прокричал Глеб.

— А у тебя денег нет,— напомнил тот.

— Ничего, займу.

— У отца возьми... Следующая электричка вечером. Ну ты и...

И не закончил. Да Глеб и не стал бы слушать, он уже почти бежал в деревню.

...Его возвращению оказались способны удивиться лишь Ольга Захаровна и Татьяна.

— Вернулся вот,— улыбаясь и глядя на Татьяну, сказал он. И, понимая, что это не объяснение для Ольги Захаровны, добавил: — Вечером уеду. Или завтра.

Он не мог ошибиться, Танечка была рада ему, и он выпалил, видя перед собой только ее глаза:

— Я не хочу от тебя уезжать.

Ольга Захаровна бросила осуждающий, как ему показалось, взгляд и отошла.

— Я влюбился в тебя,— сказал он.— Влюбился, и все.

— У меня есть жених.

Голос у нее был волшебный. И неуверенный.

— Это неважно.

— Я иду домой.

— Давай погуляем.

— Только я зайду домой,— после паузы согласилась она.

Они вышли на улицу.

Даже легкие облачка куда-то исчезли. Светило яркое солнце, и ветер приносил запах талых снегов.

Глеб шел сбоку и чуть впереди, чтобы постоянно видеть ее, не обращая внимания на лужи, и наконец Танечка не выдержала, прыснув, выдернула его из очередной и доверчиво продела свою руку под его согнутую.

Он бы так шел и шел, но дом Татьяны оказался до обидного близко, совсем рядом, они прошли буквально считанные шаги.

— Зайдешь?

Когда она шурила глаза, Глеб терял дар речи. И плохо соображал, поэтому просто отрицательно покачал головой.

— Жду, жду, жду...

Татьяна исчезла за голубым забором, и он стал в нетерпении вышагивать по улице: десять шагов туда — десять обратно, туда — обратно, туда...

Она вышла.

В желтой куртке, из-под капюшона игриво выбивались завитушки волос,— еще красивее, еще желаннее.

— Только не очень долго,— попросила она.

— Почему?

— Во-первых, я почти месяц не видела родителей и они меня ждут. Во вторых, тебе тоже нужно ехать.

— А если я не хочу уезжать?

— Нужно,— серьезно, словно маленькому, пояснила она.— Завтра понедельник, рабочий день, будет прогул.

— Пусть будет.

— Зачем?

— Затем, что я никуда от тебя не уеду.

Он шагнул к Татьяне, намереваясь обнять, но она отстранилась, выставила вперед ладони.

— Сразу договоримся: не приставать.

— Я не пристаю. Я люблю.

— Так сразу... И к тому же у меня есть парень, он сейчас в армии.

— Я уже слышал и больше не хочу о нем ничего знать. Выходи за меня замуж.

Татьяна остановилась.

Их взгляды встретились.

У нее были неземные глаза, он подумал, что никогда не обидит ее и никому не позволит обидеть.

Она отвела взгляд, молча пошла вперед. Он догнал ее, взял за руку. Ее ладонь была удивительно тонкой и беззащитной.

— Глеб, вам нравится Цветаева?

— Почему вдруг «вам»? Я обидел тебя?

— Нет... Но все-таки, нравится или нет... Например:

*Заклинаю тебя от злата,
От полночной вдовы крылатой,
От болотного злого дыма,
От старухи, бредущей мимо.
Змеи под крестом,
Воды под мостом,
Дороги — крестом,
От бабы — постом.
От шали бухарской,
От грамоты царской,
От черного дела,
От лошади белой.*

— Ты учишься в пединституте,— догадался он.— Признаюсь, я ее почти не читал. Но от чего же ты меня заклинаешь? От моей любви к тебе?

— Может, и так.

— Зачем?

— Не задавай глупых вопросов.
В голосе Татьяны прозвучало раздражение.
— Хорошо, не буду больше, прости.
Они прошли несколько шагов молча, на приличном расстоянии друг от друга. Наконец Глеб перестал обижаться.
— Знаешь, я больше технократ, чем гуманитарий. Все-таки инженер. Проза — другое дело... Газеты там... Техническая литература...
— Не оправдывайся! — Татьяна засмеялась и, крутанувшись на каблуке, продекларировала: — Я про-сто спро-си-ла.
— А я про-сто от-ве-тил,— в тон ей произнес Глеб и обхватил за талию.
Она не увернулась, как он ожидал. Они смотрели друг на друга, он слышал ее дыхание, наслаждался ее запахом, запахом весны, свежести, обновления, и губами коснулся ее влажных и сладких губ. Но это длилось лишь мгновение, она отстранилась, ему показалось даже — оттолкнула его, и быстро пошла вперед.
— А мне уже скоро двадцать пять,— нагнал он ее.— И ты знаешь, я никогда ничего подобного не чувствовал.— Торопливо пояснил: — Нет, конечно, у меня были девушки, я целовался и, как мне казалось, влюблялся, но теперь я понимаю, это только казалось.— Он распахнул алеутку, словно крылья.— Я сейчас такое чувствую...
Татьяна молчала.
— Ты не веришь?
Он встал перед ней.
— Мы пришли,— произнесла она, обходя его.
— Куда?
Глеб огляделся. Они стояли возле перрона, на котором одиноко ожидал электричку то ли охотник, то ли геолог, если судить по костюму, сапогам и рюкзаку.
— А зачем мы сюда пришли? — искренне удивился он.
— Скоро электричка.
— Ну и что?
— Ты уедешь.
— Нет, я никуда не поеду.
— Меня ждут... И я очень тебя прошу.
Их взгляды встретились. И Глеб понял, что не может ей не подчиниться.
— Но... Мне нужно вернуться,— нашел он спасительный повод.— У меня просто-напросто нет денег.
— У меня есть.
— Да нет, не на электричку, на самолет. Павлик увез мой билет.
— Возьми.— Татьяна протянула деньги.— Я очень тебя прошу... Уезжай.
— Но...
Она приподнялась на носочках, обхватила его за шею и поцеловала. По-настоящему. До головокружения...
Он услышал, что электричка уже совсем рядом, и не хотел этого. Но вот заскрипели тормоза, ее руки соскользнули ему на грудь, мягко оттолкнули.
— Иди.
Она повернулась и быстро-быстро, не оглядываясь, пошла по дороге.
— Я приеду! — крикнул Глеб.— Я прилечу! Я не смогу без тебя..
Уже на ходу он вскочил в тамбур и стоял в нем до тех пор, пока и Татьяна, и деревня, и даже долина не скрылись из виду, а потом, не в силах сидеть на месте, пошел по вагонам в сторону города, пока не уперся в запертую дверь самого первого.
И здесь, уткнувшись лбом в холодное стекло, простоял до конечной остановки.
...Он плохо запомнил дорогу обратно, как и всю рабочую неделю. С понедельника у него на рабочем столе лежал билет на самолет, на вечерний рейс в пятницу. Павлику он сказал, что должен отвезти Татьяне долг.

— Не вешай лапшу, — отмахнулся тот. — Я на майские праздники поеду и отвезу, подождет. Маешься ты напрасно. Они с Андреем с детства. Жених и невеста. А тебе поиграться. Гляди, если что, первым морду набью.

— Вот этого не надо, — поморщился Глеб. — Позвони лучше отцу, скажи, что переночевать зайду.

— Полетел бы в субботу, за день управился бы.

— Позвони, Паша, я прошу.

В принципе, Павлик человек неплохой и иногда входит в положение других...

...За неделю весна разгулялась по-настоящему. Обочины были украшены грязными снежными валами, луж прибавилось, почки на деревьях набухли и по вечерам аллеи со скоростью геометрической прогрессии пополнялись парочками. Ежевечерне, возвращаясь с работы, Глеб вынужден был их созерцать. Впрочем, он жаждал не девушек, которые обнимались с другими, он просто чувствовал себя ущербным, потому что не мог вот так же гулять сейчас с Танечкой. И замедлял шаг, предлагая Павлику не спешить и посидеть на скамеечке, подышать свежим весенним воздухом...

Павлик его настроения не разделял, он вечно торопился домой, никого и ничего не замечая вокруг, и допоздна пропадал у Наташки в общежитии. И оттого вечера в одиночестве были еще томительнее: Глеб перечитал уже все, что было, но Насте не звонил и гулять не выходил, чтобы случайно с нею не столкнуться. И все более утверждался: они с Татьяной созданы друг для друга. Она — та, которую до сих пор тщетно искал.

Наконец наступила долгожданная пятница.

Глеб проснулся задолго до рассвета. Стараясь не шуметь, сходил в душ. Тщательно побрился. Погладил рубашку и брюки и к пробуждению Павлика сидел на краешке запрошенной кровати, уставившись во вчерашнюю газету. Тот окинул его удивленным взглядом, фыркнул, но промолчал и пошел умываться. Делал он это долго, так же неторопливо жевал бутерброд, никак не реагируя на нетерпеливо-демонстративное расхаживание Глеба по комнате. И только уже надевая куртку, произнес:

— Чего ты суетишься, еще целый рабочий день...

— Половинка, — возразил Глеб. — У меня билет на шесть.

— Значит, успеешь, — не стал возражать тот.

Они вышли на улицу.

Погода явно портилась. Небо было затянуто низкими синими облаками.

— Дождь будет, — произнес Глеб.

— Если не снег, — буркнул Павлик, поднимая воротник куртки.

Было действительно холодно, особенно по контрасту с последними, совсем весенними деньками. Даже кое-где лужи прихватило ледяной коркой.

Забираясь в переполненный троллейбус, разогрелись: Глеба прессанули так, что дух перехватило, пришлось, в свою очередь, как следует упереться. Павлик помог. В другом конце автобуса тоже нашлась пара жлобов не слабее, и невысокая полная женщина, оказавшаяся с прочими более терпеливыми пассажирами между ними, исторгла такой вопль, что вмиг вокруг нее образовалось пространство, и оставшуюся часть пути Глеб проехал, ощущая себя частью многочисленного спрессованного семейства, в размышлениях о негативном влиянии городского транспорта на производительность труда.

Однако все в мире находится в равновесии, и на смену плохому приходит относительно хорошее. Заместитель директора Хохлов именно сегодня решил бороться с нарушителями трудовой дисциплины и уже коршуном нависал на проходной, но они вошли за три минуты до восьми и неторопливо миновали его, полные достоинства и чиновничества.

— Аникин, вот ты-то мне и нужен, подожди, — остановил тот Глеба, держа одновременно в поле зрения и часы, висящие над проходной, и вертушку.

— Сергей Леонидыч, пора.— Дождавшись, когда стрелки заняли положенный угол, напомнил о себе Глеб.

— Погоди,— отмахнулся Хохлов.— Гамаюнова нет и Долбневой.

— А может, они приболели,— предположил Глеб.

— Не может. Вчера здоровые были.

— Да сейчас простуда, раз — и...

В дверь влетела Долбнева и, выбросив вперед сумку на длинном ремне, словно выигрывая финишные секунды, стремительно пронеслась мимо Хохлова:

— Доброе утро, Сергей Леонидович. Привет, Глеб.

— Привет.— отозвался Глеб.

— Здравьете.— прожевал невнятно Хохлов, но более ничего не сказал.

Долбнева работала в отделе третий год и была толковым инженером. И слыла скандалисткой, хотя эта скандальность выражалась лишь в непочтении к начальству. Она опаздывала довольно часто, но не реже и задерживалась по вечерам, исполняя срочную работу.

— Никакой дисциплины,— запоздало отреагировал Хохлов.— Заставлю...— И прервался на полуслове: в проходе стоял Гамаюнов.— Та-ак...— Он победоносно поднес руку с часами к глазам, словно сверяя их с большими, дабы не было даже секундной погрешности, и продолжал изучать явно припухшее лицо Гамаюнова. Даже Глебу было очевидно, что причина опоздания того — в вечерней невоздержанности, и весь отдел знал об этой слабости Гамаюнова, как и о том, что тот является родственником начальника управления и тем самым обладает иммунитетом против любых наказаний.— Эх, Яков Эрнестович, Яков Эрнестович...

Хохлов покачал головой, вздохнул и направился по коридору к своему кабинету.

Глеб поплелся следом.

— Я, собственно, хотел предупредить тебя,— устало произнес Хохлов, усаживаясь за стол.— С понедельника едешь в командировку. На пару недель. К Бычкову.

Бычков — это почти тундра, самая дальняя точка. Только вертолетом можно долететь.

— Сергей Леонидыч... А почему на две, сделаю за неделю.

— Ты вот что, еще молод, не суетись. Там и за две не справишься с тем, что в задание впишу. А чего ты, собственно, сопротивляешься? Отдохнешь от города, командировочные получишь...

— С понедельника? — уточнил Глеб, понимая, что аргументы, которые он может привести против командировки, прозвучат по меньшей мере неубедительно.

— С понедельника,— подтвердил тот.— А теперь иди, трудись.

— Сергей Леонидыч, а можно мне сегодня пораньше...

— Собраться? Хорошо. Если ничего срочного не будет. Но ты все оформи как положено, деньги получи, приказ уже в бухгалтерии.

— Есть.

Настроение мигом поднялось. Глеб вприпрыжку пробежал по коридору и, влетев в кабинет, выпалил Павлу, вяло перебиравшему бумажки на столе:

— В командировку к Бычкову, с понедельника. Сейчас деньги, цэ-у получаю и вперед. Наш паровоз, вперед лети... В деревне остановка.

— В какой деревне?

— В твоей, Паша, в твоей. Хохлов меня отпустил сегодня. А в понедельник я улечу после обеда, все равно в Братске ночевать придется.

— В окно посмотри,— произнес Павел, и по ехидной интонации Глеб понял, что увидит что-то неприятное.

Шел снег. Мокрый и густой. Совсем не весенний. В такую погоду если и летают самолеты, то не все. И уж явно не маленькие.

— Ничего, ранний гость до обеда, поздний гость — до утра.— оптимистично произнес Глеб.

— Блажен кто верует...

— Слушай, у меня такое ощущение, что ты не хочешь, чтобы я летел.

— Точно,— честно признался Павел.— Не хочу, чтобы ты запудрил девчонке голову.

— Ну вот что...

— Мальчики, не ссорьтесь.— развела их вошедшая Долбнева.— Вот вам для проверки.— И бросила на стол стопу технологических карт.

— Благодарим,— галантно наклонил голову Глеб.— Вера, словами не передать, как мы счастливы.

— Я знаю.— Привычно бросила она и пошла к двери.

Павлик тоже не устоял, проводил ее взглядом.

Было что...

А потом Глеб вспомнил о Татьяне, командировке, обо всем сразу и заторопился по кабинетам за инструкциями, указаниями, прочей дребеденью, но с каждым часом неспешная поездка в аэропорт все больше становилась утопией: он выскочил на улицу и понесся сквозь густо падающий снег к стоянке такси, практически уже опаздывая на свой рейс. Задержка на дороге по причине случившейся ранее аварии (столкнулись два жигуленка) и вовсе шансов не оставила. Но он, все еще надеясь, вбежал в здание аэровокзала — и по многочисленным и застывшим очередям у стоек понял, что мог бы и не торопиться.

Табло над стойками извещало о задержке всех рейсов.

На всякий случай подошел к стойке, узнал, что регистрации нет, самолеты не летают уже с обеда, и отправился к справочному бюро. Здесь даже спрашивать не пришлось — за стеклом виднелась бумажка с лаконичной надписью: «До 20:00 ориентировочно». Он глянул на часы, до восьми оставалось ровно столько, сколько отнимет дорога домой и обратно. А в кармане была куча денег и недалеко светилась вывеска ресторана. К тому же он не ужинал, а голод не тетка...

Но сегодня был явно не его день, перед ресторанной дверью томилась очередь душ в двадцать, и он решил, что его желудок вполне удовлетворится пирожками, которыми торговали в безлюдном буфетике. Бутылка пива помогла холодным и обделенным начинкой пирожкам благополучно добраться до места назначения.

Разделавшись с едой, он стал неторопливо прогуливаться по переполненному зданию, разглядывать мающихся пассажиров в надежде обнаружить свободное местечко. И вдруг увидел ту самую девушку из троллейбуса, с длинными чудными волосами. Он не мог ошибиться — это были ее волосы, ее пальто, и она оказалась очень даже симпатичной...

Глеб подумал, что если бы не Татьяна, не раздумывая познакомился бы.

Далеко уходить не стал, пристроился так, чтобы видеть ее, и спустя некоторое время понял, что летит она одна, никто ее не провожает.

Пару раз она смотрела в его сторону, и он был уверен, что обратила на него внимание.

Но стоять было утомительно.

Он обошел еще раз вокзал. Попутно оглядел себя в зеркале возле ресторанной двери и удостоверившись, что не обратит на него внимание просто невозможно, вновь вернулся на прежнее место.

Девушка читала, мило склонив головку набок, и он стал разглядывать ее, находя личико все более и более интересным.

Где-то под потолком зашипело, прокашлялось радио и бесстрастный голос сообщил, что по метеоусловиям аэропорт закрыт до двадцати двух часов. Замерший на мгновение людской муравейник вновь забродил, зашуршал, пополз пестрыми строч-

ками по мраморному полу к стойкам, за которыми должен был появиться персонал, но он не появился,— и, потеряв надежду, вновь успокоился.

Но в этом движении рядом с девушкой освободилось место. Глеб не стал медлить, ноги уже гудели и он вполне мог претендовать на отдых. Деликатно спросив, не занято ли, постарался перехватить скользнувший по нему взгляд, но не получилось, девушка тут же склонилась над книгой.

Привыкнув к новому, более комфортному положению, он негромко поинтересовался, чем так увлечена соседка. На этот раз девушка охотно закрыла книгу, одновременно показав обложку. Это оказался томик Цветаевой.

— Поразительно! — не выдержал Глеб.— На днях знакомая мне читала стихи Цветаевой, знаете, там есть такая строка: «Заклинаю тебя от злата...» — Он выждал и продолжил: — Теперь вот вы читаете... Меня Глебом зовут.

— Станислава,— помедлив, произнесла она.— Этого стихотворения здесь нет.

— А я плохо знаю поэзию,— признался он.— Я — технарь, инженер. Вот в понедельник в командировку улетаю, на Север, не до стихов...

Она положила книгу на скамейку между ними, давая понять, что совсем не против разговора, и Глеб воодушевился.

— Признаться, я вас, Станислава, в троллейбусе как-то видел. В восемнадцатом...

— Возможно.

— А вы далеко летите, если не секрет?

— К родителям.

— И вы — будущий учитель. Я угадал?

— Нет.— От волос девушки пахло волнующей свежестью.— Почему-то все думают, что я учительница. Похожа?

— Я бы не сказал...— Глеб замаялся.— Но вот почему-то показалось.

— В принципе, близко. Я — тренер.

— Тренер!?

Глеб не мог скрыть удивления.

Она, глядя на него, заодно и звонко рассмеялась:

— Не пугайтесь — я тренер по художественной гимнастике.

— Неожиданно,— сказал он.— Первый раз общаюсь с живым тренером. К тому же по художественной гимнастике. В институте я пытался заниматься гимнастикой, спортивной.— И вдруг, почувствовав себя легко и комфортно, признался: — Полгода всего выдержал, тяжелая это работа.— Повернулся к ней и, глядя в черные глаза, добавил: — Можно задать очень нескромный вопрос? — И получив подтверждение, закончил: — Вас дома зовут Стасей?

— Это не вопрос. Это — прозорливость.

— Тогда я предлагаю перейти на «ты».

— А тебя по-домашнему — Глебушкой?

— Нет,— возразил он.— У нас строгая семья, сколько себя помню, всегда был исключительно Глебом.

— И в школе не дразнили?

— Дразнили,— не стал возражать он.— По фамилии. Фамилия у меня замечательная.

— И какая же?

Она излучала любопытство.

Он помедлил, интригуя:

— Аникин... Аникой дразнили.

— О, Аника-воин... Совсем не обидно.

— Осталось лишь выяснить, летим ли мы вместе...

— Я — в Читю.

— Увы,— вздохнул он, подумав, что все равно не предпочел бы ее Татьяне.— Мне — ближе.

— Но, похоже, мы оба никуда не улетим.

Она смотрела на табло. Оно сообщало о задержке всех рейсов до полуночи.

— Почему же,— оптимистично возразил он,— все желающие когда-нибудь куда-нибудь улетают... Стася, у нас уйма времени и я страшно голоден. Давай посидим в ресторане.— И торопливо предупредил: — Никаких возражений. Я — приглашаю, я — угощаю. Говорят, на Кавказе, где я никогда не был, если от приглашения отказываются — это кровная обида.

— Это ты видел фильм «Кавказская пленница».

— Ах да, точно... Бедный Йорик... То бишь, бедный Шурик.— К Глебу возвращалось обычное игривое настроение, которое порождали понравившиеся девушки.— Так где твой багаж?

Он наклонился, подхватил небольшую спортивную сумку, подождал, пока поднялась Стася, и пошел вперед, расчищая ей путь среди полусонных пассажиров.

Очереди перед рестораном уже не было.

Николай Макаров
(г. Тула)

Артиллеристы-туляки в Афганистане

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

АФГАНЕЦ — ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ ГОДА

*Алехин Михаил Алексеевич,
родился 1.12.1957 в Кимовске
Тульской области.*

Может призвание Михаила Алехина не стрельба из пушек и минометов, может его призвание — преподавательство?

С 1994 по 1999 год гвардии подполковник Алехин обучает курсантов Тульской артухи азам артиллерии (кстати говоря, участвует в подготовке курсантов первого набора артиллеристов для Воздушно-десантных войск, тех самых войск, из которых и перевелся на преподавательскую работу). А с 2000 года и по настоящее время преподает ОБЖ мальчишкам и девчонкам в Тульском лицее № 2. И как преподает! В 2008 году Михаил Алексеевич становится победителем национального проекта образования в Тульской области в номинации «Лучший учитель года».

Не знаю, есть ли в каком еще общеобразовательном заведении Тулы — надеюсь, что имеются — Афганский музей. В лицее № 3 музей существует и существует благодаря «афганцу» Алехину. И этот Афганский музей — не только гордость всего лицея и гордость гвардии подполковника запаса, но и гордость Зареченского района Тулы.

Краткая биографическая справка:

В 1975 году, после окончания средней школы, поступил в Коломенское высшее артиллерийское командное училище имени Октябрьской Революции.

С 1979 года по январь 1980 года — служба в частях Воздушно-десантных войск (Баку, Хыров Львовской области).

С января 1980 года по декабрь 1981 года — служба в Афганистане (Джелалабад) в десантно-штурмовом батальоне 66-й отдельной мотострелковой бригаде старшим офицером 82-мм минометной батареи.

После Афганистана — служба в Германии, учеба в Военной артиллерийской академии имени М. И. Калинина в Ленинграде, служба в Фергане (начальник артиллерии парашютно-десантного полка, заместитель командира артиллерийского полка), Туле (начальник штаба артиллерии 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии).

В 1994 году в звании гвардии подполковника — увольнение в запас.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», другими медалями.

Оставался ровно месяц до замены. Алехину вместе с его сменщиком доверена колонна техники, которую оставили ушедшие на боевое задание войска. Вот тут-то и дали «духи» прикурить: два дня минометного обстрела. В первый день, не успев толком расположиться лагерем, не сумели засечь, откуда ведется прицельный огонь противника. На второй день, как и в предыдущий, минометный обстрел начался ровно в пять утра. Оставшись за старшего, Алехин, посредством двух буссолой, вычислил место, где находился неприятельский миномет. На третий день... на третий день ровно за пятнадцать минут до пяти утра наши минометчики, выпустив 400 мин, буквально стерли в порошок «духовский» миномет вместе с расчетом. За этот бой Михаил был удостоен ордена Красной Звезды, который ему был вручен уже на новом месте службы в Германии.

— А — «За отвагу»?

— Минометная батарея в мае восьмидесятого в течение месяца участвовала вместе с другими в боевой операции недалеко от границы с Пакистаном — весь личный состав батареи: и офицеры, и сержанты, и солдаты были удостоены наград. Учти, это — восьмидесятый год, когда правительство было скупно на награды...

РАЗГОВОРЫ ОБ АФГАНИСТАНЕ

Постоянно встречаясь с Алехиным, любые наши разговоры «ни о чем» вольно или невольно касались Афганистана...

...Собрали по сусекам взвод минометчиков Хыровской десантно-штурмовой бригады Закарпатского военного округа, поставили лейтенанту Алехину задачу типа «ступай туда... и далее по тексту», и бросили, считай, на амбразуры. На «перекладных» добрались до Баграма: жарниц-ц-ца, духотниц-ц-ца, пылиц-ц-ца — август 1979 года.

Оборудовали позиции, наладили службу, а... кушать-то хоц-ца, очень даже хоц-ца. Все, что захватили с собой, давно, как-то самой собой — надо же? — почему-то закончилось. А кто ж тебя, бедолагу, кормить-то будет за бесплатно? То есть, кормить без продовольственного аттестата, которым не снабдили в части: то ли — в спешке-неразберихе, то ли — со злым умыслом. Поди, теперь разбери...

Да что там: это — тебе не Закарпатье, где под каждым кустом и стол, и дом, это — тебе высокогорье. А кушать-то хоц-ца...

Но не бросают десантники своих в беде.. По определению. Первый батальон 345-го полка — вон он, батальон-то, считай, рядом дислоцируется — от щедрот закрома свои распахнул: бери, пользуйся. Какой аттестат? Пришлют с оказией — тогда и поставим официально на котловое довольствие.

Отсмеявшись над моей вольной интерпретацией своего очередного рассказа, Михаил констатирует:

— В принципе, все так и происходило. Но ты бы был не ты, если бы описал это «шершавым языком плаката».

— А — то ж...

Размышления и воспоминания гвардии подполковника М. Алехина:

...Человечество делало знаковые открытия, которые несказанно ускоряли технический прогресс.

Но, вот — КОМП: охватил все стороны человеческой жизни от мала до старо. Отношение к КОМПу различное. В мою молодость его не было и ничего — обходились. КОМП — не только простой способ извлечения информации и дезинформации, но и возможность общения.

«Одноклассники»: пустое времяпровождение — и «да», и «нет». Благодаря «ОК» я вновь нашел своих, а меня нашли многие сослуживцы нашей ДШБ.

Начальник штаба капитан Г. Кучко, заместитель командира 1-й дир старший

лейтенант *Медведев*, командир 2-го огневого взвода минометной батареи старший лейтенант *Дима Клюев*, командир зенитного взвода лейтенант *В. Кузнецов*.

Благодаря «ОК» и информации с сайта, я попал на встречу ветеранов нашей ДШБ.

Одна «находка» — Евгений Абишев — сильно всколыхнула мои воспоминания об Афганистане.

Фотография гражданского: его черты лица, имя-фамилия мне знакомы.

Неужто тот самый рядовой Абишев, который прибыл в минометную батарею где-то летом восемьдесят первого года.

И я мысленно — в Афганистане.

...Усилили в одной операции батальон, как полагается, минометным взводом. Перед кишлаком батальон залег. Что-то не понравилось командиру батальона — какое-то непонятное шевеление за дувалом. Посылать разведку на открытом месте, заранее предвидя неоправданные потери, — не годится. Вызывать «вертушки» — затянется вся операция.

— А давай-ка шарахнем по ним из минометов.

От мыслей к действию — пара секунд.

— Первый пошел, то есть, первая пристрелочная мина пошла: недолет; вторая пошла: перелет. Вилка — одним словом: третья...

Не пошла третья мина. Из-за дувалов ответили шквальным автоматно-пулеметно-минометным огнем.

Еле успели минометчики укрыться за скалами. Как бы не так — успели? Молодого солдата, месяц, как прибыл во взвод, нигде не видно. Где этого Абишева носит? Где он?

Разуй глаза-то — вон он. У миномета. Сам мины подтаскивает, сам заряжает, сам стреляет. Десять мин выпустил — миномет-то пристрелян был. В пух и прах развеял засевиших душманов, у самого — ни царапинки.

— За тот бой его наградили медалью «За отвагу». На вопрос: почему он не выполнил команду «В укрытие!», ответил одним словом: «Не услышал!». Сейчас живет в Казахстане. Куча внуков. Благодаря «Одноклассникам, на короткое время оказались там — в далеком Афганистане: русский и казах, офицер и рядовой...

ТАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

*Бобылкин Олег Михайлович,
родился 26.02.1952 —
умер 17.09.2013 в Туле.*

Одной фразой гвардии старший лейтенант Олег Бобылкин стал знаменит далеко за пределами не только 51-го парашютно-десантного полка, но и за пределами 106-й воздушно-десантной дивизии, где он служил.

...Исполняющий обязанности командира автомобильной роты Бобылкин в это теплое, весеннее утро стоял рядом с бензовозом у ворот автопарка полка, с нетерпением ожидая приезда заместителя командира дивизии по вооружению полковника Скрыля, обещавшего с утра пораньше подвезти задние габариты для злополучного «пылесоса». Без которых бензовоз не выпускали из парка в рейс за соляжкой для котельной.

Полковник Скрыль явно, конечно же, не опаздывал — явно задерживался. В отличие от старшего по званию, Олег в этот раз куда-то по своим неотложным делам явно опаздывал — явно не задерживался, нервно вышагивая около бензовоза, ежеминутно поглядывая на часы. В конце концов терпение Олега лопнуло:

— Ну, где этот пидорюга, Скрыль?

Нет, только этой одной фразой Бобылкин не стал бы классиком военного фольклора. За этой фразой последовала другая, не менее выразительная, сопровождаемая похлопыванием по старшелейтенантскому погону тяжелой руки полковника Скрыля:

— Алик, я — здесь!

Небольшое пояснение.

Алик — не в смысле злоупотребляющий алкоголем. Алик — от Олега: дружеское, почти домашне-ласкательное обращение к несмышленишу-подростку сердобольного отца-командира.

— Олег, ты же в семьдесят пятом закончил Коломенское высшее артиллерийское училище...

— А перед этим два года прослужил в Витебской дивизии наводчиком-оператором в батарее ПТУРС и меня, как лучшего ПТУРСиста дивизии, практически без экзаменов приняли в «артуху» в десантный взвод.

— У тебя — два Парада...

— Да, в семьдесят пятом и семьдесят шестом пришлось стереть в порошок четыре пары сапог, готовясь на Ходынке к Октябрьским парадам. — Олег вдруг оживляется. — В семьдесят шестом, после ночной тренировки на Красной площади, десантура и морпехи в четыре часа ночи устроили в офицерской столовой соревнование. В самый разгар этого соревнования в столовую заходит, привлеченный нашим шумом, наш командир полка Оганян...

— Помню такого — крутой был армянин-полковник: вместе же с тобой служили под его началом.

— Вот-вот, крутой: на столах перед нами батарея бутылочного пива, груды всевозможной рыбы (морпехи постарались), рядом со столами горы, представляешь — горы! — пустой посуды.

— И?

— Что — и? Первая его фраза, с армянским акцентом, понятно, фраза: «Кто выигрывает?». Тут же морпехи предлагают ему кружку «Жигулевского» со словами: «Ваши, товарищ полковник!». Оганян залпом выпивает кружку пива, отламывает хороший кус копченой осетрины.

— И?

— Что — и? Следует его вторая фраза, с армянским акцентом, понятно, фраза: «В десять часов — на развод без опозданий!».

— Из «артели» — в автомобилисты?

— Это — просто. Три года я ездил на «целину» Ванькой-взводным. В семьдесят восьмом году, с первого раза, привез почетное Красное Знамя, как командир лучшего взвода Оперативной группировки Московского округа, а в группировке, ни много, ни мало, шестьдесят взводов.

— Плюс — медаль «За трудовое отличие».

— За третью «целину»... — Олег тяжело вздыхает.

— Расскажи подробнее. Я что-то, так, смутно припоминаю ту, давнишнюю бодрягу, но детали до сих пор не знаю.

— Что — детали? Как-то раз, «целина» давно закончилась, начальник строевой Колька Попов (также — бывший артиллерист) говорит, что за эту «целину» мне пришел орден «Знак Почета». — Олег опять тяжело вздыхает. — И, не дожидаясь официального на завтра вручения ордена, вся наша полковая «артель» в «Соколе» круто отметили это эпохальное событие.

Небольшое пояснение.

«Сокол» — бывший ресторан в бывшем Тульском аэропорту.

— С последующим мордобитием, — комментирую Олега, — ясен пень.

— Какое мордобитие? Ну, раза два-три толкнул патрульного майора, из нашей, кстати, Тульской «артухи». Но извинился — домой к нему ходил. Где за меня его

жена вступилась: мол, сам таким, если еще не хлеще, лейтенантом был. До командира дошло — сердечный был командир, подполковник Сердечный...

Отрывок из книги «Записки батальонного врача».

«...Фамилия человека иногда говорит все об ее обладателе. Или хотя бы характеризует его с какой-то одной, доминирующей стороны.

Борзов — двукратный Олимпийский чемпион по бегу.

Медведь — трехкратный Олимпийский чемпион по борьбе.

Кровопуск — четырехкратный Олимпийский чемпион по фехтованию.

Сердечный...

Здесь природа чего-то не досмотрела. Осечка у природы вышла. За двадцать пять лет службы в Советской Армии я не встречал более жестокого, более грубого, более хамовитого, более злопамятного, более бессердечного офицера, генерала, чем он. Офицеры не только его не уважали, подчиненные его просто ненавидели, боялись смертельно...».

...— И этот орден мне не вручили. По словам Попова, его забрал командир полка: себе ли, кому в коллекцию продал — не знаю. Но мне орден не вручили. Жена и все офицеры полка советовали, требовали, чтобы я написал в газеты, куда там еще... Не стал я связываться с этим «Безсердчным». Ты сам его, вон, как отхарактеризовал...

— Затем?

— Будучи исполняющим обязанности командира автороты, очередную полугодовую итоговую проверку сдал на «хорошо». И это — авторота! Сам знаешь, какие там служили «отличники» боевой и политической. Боевые роты за эту проверку, как одна, получили не выше «тройки». И мои документы на командира роты были готовы к отправке в дивизию на утверждение.

Небольшое пояснение.

Служба в автороте с постоянными командировками, с постоянными отсутствиями личного состава в расположении подразделения накладывает своеобразный, неповторимый отпечаток на взаимоотношения командиров и подчиненных, зачастую далеко выходящие за рамки уставных.

— Но?

— Командирами взводов у меня были прапорщики, а тут прислали лейтенанта. В субботу оставив его ответственным по роте, а сам со спокойной душой впервые за время командования ротой решил устроить себе законный выходной.

— Но?

— «Дембеля» заперли лейтенанта в канцелярии роты, отключили телефон.

— Окно?

— Четвертый этаж. Окна были сделаны на совесть — не открывались. А разбить стекло и позвать на выручку у лейтенанта не хватило то ли смекалки, то ли он не хотел показать своей беспомощности, не знаю. Короче: «дембеля» гуляли и «гудели» по полной программе в Ленинской комнате. Водка, жареное мясо, жареная картошка, деликатесы из магазина, «молодежь» в одних трусах с подносами суетятся между ними. И одному долбанному «дембелю» не понравилось обслуживание и он, недолго думая, «объявляет выговор» первому попавшемуся под его горячую руку «с занесением в грудную клетку». «Молодежь» еще не привыкла к такому обращению на «Вы» и этот боец падает, ударяясь об голову Ленина. Бюст вождя в полчеловеческого роста, стоящий на полу, не пострадал, а солдат... Лучше об этом не вспоминать. Через неделю меня встречали в Кабуле, в 357-м полку. А еще через неделю я улетаю в Бамиан, где и находился практически постоянно.

— Почти два с половиной года, с февраля восемьдесят четвертого по июль восемьдесят шестой, ты в Афганистане. Артиллерист или автомобилист?

— В основном, все это время в мои обязанности входило летать на «вертушках» над позициями «духов» и корректировать огонь нашей артиллерии. В одно прекрас-

ное время, благодаря нашей корректировке, артиллерией были разбиты в пух и прах два больших «духовских» каравана. В этот же день при подлете к полосе в Бамиае, в ожидании радостной встречи, наблюдаем на ближайшей высоте пятнадцать «духов» с пятнадцатью «Бурами» в руках. Пятнадцать выстрелов и наш вертолет превращается в решето: страшное это оружие — английские «Буры». Никто из людей не пострадал, а в вертолете пробило масляный радиатор. С земли наблюдали огромный черный дым над падающим вертолетом, и радость ожидания сменилась тоской неповторимых утрат. Но летчики, летчики — потом с ними пили целую неделю в Бамиае — сумели посадить подбитый, горящий вертолет на краю взлетки.

— Красная Звезда — за это?

— И за это — тоже. Падать и гореть с вертолетом пришлось дважды и дважды... Сам видишь: перед тобой сижу — цел и невредим.

— Тебе что, ни разу твои знания Коломенского училища так и не пригодились в Афганистане?

— В Бамиае у нас в батальоне было всего только два ПТУРСа: «ФАГОТ» и «КОНКУРС». Стреляли из них только два человека: замкомбата и я.

— Стреляли куда?

— Стреляли по пещерам, где укрывались «духи». Откровенно говоря, не часто ПТУРСы и применяли-то.

— Уволился ты в девяносто втором капитаном...

— Ни о чем не тужу и ни о чем не жалею. Не спился. С головой все в порядке. Хорошая работа. Прекрасная семья. Неповторимые друзья-товарищи. С тобой вот беседуем, историю пишем — может и напечатают где?..

— Без цензуры.

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ

*Гаевой Александр Иванович,
родился 18.11.1957 в селе Семеновка
Калачеевского района Воронежской области.*

Биографическая справка.

В 1973 году окончил Семеновскую восьмилетнюю школу, в 1975 году — Меловатскую среднюю школу, в 1979 году — Коломенское высшее артиллерийское командное училище, в 1992 году — Военную артиллерийскую академию имени М. И. Калинина

С декабря 1979 года по март 1982 года — в Афганистане: командир противотанкового взвода 357-го гвардейского парашютно-десантного ордена Суворова 3-й степени полка 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР.

В 1982—1989 годах в 106-й гвардейской воздушно-десантной Красно-знаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии: командир гаубичного взвода, командир взвода управления начальника артиллерии дивизии, командир реактивной артиллерийской батареи 1182-го гвардейского артиллерийского полка, начальник штаба 131-го отдельного гвардейского противотанкового артиллерийского дивизиона, командир противотанкового артиллерийского дивизиона 1182 гвардейского артиллерийского полка.

В 1989—1992 годах — учеба в Военной артиллерийской академии имени М. И. Калинина.

В 1992—1993 годах — заместитель командира 1180-го гвардейского артиллерийского полка 104-й гвардейской воздушно десантной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

В 1993—1995 годах — командир 1065-го гвардейского артиллерийского полка

98-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

В 1995—2001 годах — начальник артиллерии 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

В 1999 году — участие в составе миротворческих сил в установлении мира в Боснии и Герцеговине.

С января по май 2000 года — участие в боевых действиях по установлению конституционного строя в Чеченской Республике: начальник ракетных войск и артиллерии группировки войск «Ведено».

Уволился из Вооруженных сил по организационно-штатным мероприятиям в марте 2001 года с должности начальника артиллерии 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Награжден орденом «За военные заслуги» (2000), медалью «За боевые заслуги» (1982), другими медалями.

С марта 2001 года по сентябрь 2005 года — работа в ОАО «Тулачермет»: начальник службы безопасности.

С сентября 2005 года — в ПАО «Квадра-генерирующая компания»: руководитель направления.

Из воспоминаний гвардии полковника Гаевого:

Одним из самых запомнившихся эпизодов Афганской войны — естественно, само начало боевых действий, когда мы 25 декабря 1979 года полком высадились на аэродроме Баграм.

Через небольшую горную речушку общались с афганскими солдатами (в полку служили несколько узбеков), мылись в речке целый день. Вечером 26 декабря полк получил задачу войти в Кабул и захватить ряд объектов. Оставив подразделения обеспечения разбираться с афганскими войсками, находящимися на аэродроме, полк основными силами двинулся маршем на Кабул. После преодоления перевала наша противотанковая батарея ПТУР получила приказ занять рубеж развертывания для отражения атаки танков.

Около 4 часов утра вдалеке под горами был виден свет фар и слышен лязг гусениц, явно принадлежащий танкам, и здесь я осознал, почувствовал, что это — война. Отдав команды подчиненным и заслушав доклады о занятии позиций, я через какое-то время пошел проверить, как готовы расчеты к бою. Обойдя каждую огневую позицию, на левом фланге взвода увидел своего гранатометчика, рядового Крайнева Сергея, который в каменистом грунте малой саперной лопатой уже откопал себе окоп для стрельбы из ручного гранатомета с колена. Я понял, задачу выполним. К счастью, саперы успели непосредственно перед танками поставить минное заграждение. Один из танков подорвался, остальные повернули обратно, не дойдя до нашего рубежа открытия огня. Это — первый день боевых действий.

Декабрь 1981 года. Батальон нашего 357-го полка с приданными подразделениями, в том числе и нашей батареей, уже дислоцировались в провинции Митерлам. И вот, парашютно-десантная рота, которой был придан мой взвод АГС-17, преследуя противника в северо-восточном направлении от Митерлама, постепенно и как-то незаметно для себя оказалась в ущелье, где во второй половине дня — уже сумерки.

Поняв ситуацию, командир роты запросил разрешение прекратить преследование и выйти из ущелья. Добро — дано, а мне командир приказал обеспечить отход роты. Я, на тот момент уже третий год воевавший, понял, что это, мягко скажем, не совсем хорошо — взводу с тяжелым вооружением отходить последними. Командир роты пообещал, что пехота прикроет. Правда, все обошлось. До противника — около одного километра, и огнем из АГС-17, держа его на этом расстоянии, я приказал расчетам поочередно отходить вслед за ротой, обеспечивая прикрытие друг

друга. Так мы отошли к основным силам батальона. Но, честно говоря, в узком ущелье горы висят прямо над головой, страшиновато. Хорошо, что противник не занимал эти хребты, а отходил по самому ущелью.

За этот эпизод я был награжден медалью «За боевые заслуги».

И один из последних моих боев, находясь в Афганистане.

В феврале 1982 года при прочесывании совместно с афганскими подразделениями близлежащего кишлака взяли в плен душмана, молодого паренька лет 17. Он дал показания о месте расположения банды и маршруте выхода ее из кишлака. Командир батальона решил в этот же день, точнее, ночь, организовать засаду. Во второй половине дня вторую роту, усиленную моим взводом АГС-17 и минометным взводом 82-мм минометов, на боевых машинах вывезли в направлении предполагаемой засады, километрах в 20 от расположения батальона. Вводя противника в заблуждение, боевые машины поманеврировали по прилегающим к дороге сопкам, оврагам и в одном из них мы на ходу спешились, а боевые машины ушли обратно в расположение батальона.

Дождавшись, когда стемнеет, мы, используя пленного провожатого, пошли к месту засады — примерно километрах в 5—7 от места спешивания в горах с превышением над равниной метров 300. По карте это выглядело просто, и, казалось, совсем рядом. Когда же пошли, обнаружили сплошные арыки, причем, глубиной 1—1,3 метра, а при подходе к горам надо еще переходить реку Алишанг. Река до одного метра глубиной в месте перехода была шириной около 50 метров, но сильное течение и, в прямом смысле, ледяная вода оказались неприятным сюрпризом (даже плыли кусочки льда).

И здесь не могу не вспомнить своего заместителя командира взвода сержанта Горбенко Вадима, такой коренастый крепыш. Как только подошли к первому арыку, он мне говорит: «Товарищ старший лейтенант, Вам мокнуть нельзя, мы — бойцы, когда выйдем к месту засады, ляжем плотненько, согреемся, а Вам надо будет готовиться к бою. Садитесь на меня со спины». И как я не отнекивался, пришлось уступить его уговорам, хотя на каждом из нас экипировки, боеприпасов, еды и воды — под 40 килограммов. И так он перенес меня через все арыки. Но через речку я уже сам переходил, сняв обувь и брюки.

К месту засады мы подошли примерно к 3 часам ночи. Весь путь от места спешивания до места засады занял около пяти часов. Ночь стояла до такой степени темной, что в метре буквально ничего не видно, только в вышине — звезды. Интересно, как это пленный смог нас вывести в таких условиях?

Командир роты указал взводам места позиций, направление возможного выхода бандформирования и приказал соблюдать строжайшую тишину, запретил радиобмен, а огонь открывать только по его команде.

Я определил места позиций каждому расчету, лично, соблюдая тишину, накрывая АГЭСы телогрейками, проконтролировал зарядание гранатометов и, назначив дежурных в каждом расчете, приказал остальным отдыхать, а сам начал изучать, насколько это возможно в темноте, местность. Буквально минут через 40 начало быстро светать, и я с ужасом для себя обнаружил, что впереди метрах в ста возвышается пирамидовидная гора, закрывающая обзор второму расчету. Пришлось переместить позицию этого расчета левее, ближе к первому.

В 4:30 стало уже практически светло, что позволило подробно изучить местность, наметить ориентиры, определить дальность до них, рубежи открытия огня, выявить невидимые зоны, определить места расположения взводов и огневых средств роты.

Едва успев все это сделать, в пять часов мы услышали пение муллы в кишлаке, расположенном от нас примерно в 1,5 километрах и в котором по показаниям пленного должна располагаться группа душманов из 29 человек.

В 5:20 из кишлака появляются два вооруженных человека, вслед за ними метров через сто выдвигается остальная часть. Я насчитал ровно 29 душманов. Они довольно быстро двигались в нашу сторону и, дойдя до реки, спустились с крутого берега. С нашей стороны берег пологий, и духи пошли под берегом в правую сторону, вверх по течению, и уже впереди идущий дозор начал заходить за эту гору, которая находилась передо мной. Расстояние до противоположного берега — примерно метров 600.

Я быстро рассчитал прицел с учетом поправок на метеоусловия и превышение позиции и приказал расчетам сопровождать противника, ругая про себя ротного — почему же не дает команду на открытие огня? И когда уже основная группа душманов начала подходить к невидимой для меня зоне, закрытой горой, я, не слыша по радио команды ротного, а только стрекот автоматов и пулеметов, дал команду первому гранатомету одной гранатой: «Огонь!». Четко наблюдаю недолет 50 метров, ввожу корректуры и даю команду всем расчетам: «Беглым, огонь!». Наблюдаю, что разрывы ложатся прямо по стесненным в движениях водой и прижатым к крутому берегу душманам.

Удалось уйти только троим: двое, что первыми шли, успели уйти за гору, один раненый в ногу ушел обратно в кишлак.

Александр Палладин
(г. Подольск, Московская область)

ИЗ ТУЛЫ — НА СОПКИ МАНЬЧЖУРИИ
Из книги «С прадедом на Русско-японской войне»

Наш постоянный автор.

23 августа (здесь и далее — по старому стилю) 1905 года в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир, после двухнедельных переговоров было подписано соглашение, поставившее точку в длившейся полтора года Русско-японской войне. В ней, по разным подсчетам, погибло от 49 до 80 тысяч японских и от 31,5 до 52 тысяч русских военнослужащих.

В их числе был и мой прадед, зауряд-прапорщик* 12-го пехотного Великолуцкого полка** Афанасий Иларионович Решетников.

Надпись оставила моя мама. Где и когда сделан снимок и кто еще на нем изображен, неизвестно. По униформе прадеда ясно только, что фотографировались в Маньчжурии.

* В описываемый период — высшее воинское звание для унтер-офицеров Русской императорской армии.

** Такое название по имени города Великие Луки полк получил в начале XIX века. Его и буду придерживаться, для краткости опуская номер полка.

22 января 1905 года, только-только отметив свое 42-летие*, он был тяжело ранен и через два дня скончался. Так что Николай II был введен в заблуждение, две недели спустя читая рапорт А. Н. Куропаткина (в телеграмме командующего Маньчжурской армией от 6 февраля 1905 года А. И. Решетников фигурировал в списке раненых, но все еще здравствовавших).

В издававшемся тогда петербургском еженедельнике «Летопись войны с Японией» воспроизведена датированная 6 февраля 1905 года «Всеподданнейшая телеграмма ген.-адъют. Куропаткина»:

«Против одного из отрядов на перевале, верстах в 15 к юго-востоку от Цинхечена, на пути к селению Уйцзыюйцзы, японцы 6 февраля выставили 4 орудия, из которых начали обстреливать занятый нами перевал. Дальнейших донесений еще не поступало.

Об изложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Список гг. офицерам, раненым и убитым в делах с японцами.

В пехотных частях:

Скончался от ран поручик Георгий Тимофеевич *Семенов*.

Ранены: капитан Евграф Степанович *Секачев*; штабс-капитаны: Дмитрий Николаевич *Николаев*, Бронислав Иванович *Ястржембский*; поручик Василий Георгиевич *Краснодемский*; подпоручики: Виктор Николаевич *Банак*, Всеволод Александрович *Ральцевич*, *Беляков*; зауряд-прапорщики: Наум Алексеевич *Волошин*, Александр Афанасьевич *Звогарев*, Афанасий Иларионович *Решетников*, Гурий Никитич *Артамонов*.

Ранены и остались в строю: капитан Готфрид Адольфович *Гурский* и подпоручик Леонид Демьянович *Дуланаки-Скарлато*.

Контужен капитан Иоаким Алексеевич *Руссов*».

Списокъ гг. офицерамъ, раненымъ и убитымъ въ дѣлахъ съ японцами.

Въ пѣхотныхъ частяхъ:

Скончался отъ ранъ поручикъ Георгій Тимофѣевичъ *Семеновъ*.

Ранены: капитанъ Евграфъ Степановичъ *Секачевъ*; штабсъ-капитаны: Дмитрій Николаевичъ *Николаевъ*, Брониславъ Ивановичъ *Ястржембскій*; поручикъ Василій Георгіевичъ *Краснодемскій*; подпоручики: Викторъ Николаевичъ *Банакъ*, Всеволодъ Александровичъ *Ральцевичъ*, *Беляковъ*; заурядъ-прапорщики: Наумъ Алексѣевичъ *Волошинъ*, Александръ Афанасьевичъ *Звогаревъ*, Афанасій Иларіоновичъ *Решетниковъ*, Гурий Никитичъ *Артамоновъ*.

Ранены и остались въ строю: капитанъ Готфридъ Адольфовичъ *Гурскій* и подпоручикъ Леонидъ Демьяновичъ *Дуланаки-Скарлато*.

Дату, место и обстоятельства гибели А. И. Решетникова никто в нашей семье не знал, пока лет шесть назад я не обнаружил в Рунете изданную в 1911 году «Краткую историю 12-го пехотного Великолуцкого полка». Там на стр. 256—257 сказано:

«22 января, с 3-х часов дня, неприятель обстреливал сильным артиллерийским

* Родился 15 января 1863 года.

огнем д. Игноу. Были потери. Тяжело ранен был Зауряд-Прапорщик Решетников: осколок снаряда проник ему через спину в легкие, и через два дня он умер».

Великолуцкий полк был сформирован 17 января 1711 года в Крыму и нес службу по защите российского государства до 1918 года, приняв участие во всех крупных военных кампаниях, от Северной войны со Швецией до Первой мировой включительно. По окончании Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.* полк вернулся к месту постоянной дислокации во Владимире. Шесть лет спустя моего прадеда призвали в армию и как уроженца деревни Польцо Муромского уезда Владимирской губернии зачислили в ряды великолукцев.

В самом начале 1885 года он, возможно, стал невольным участником подавления первой в России массовой рабочей стачки на текстильной фабрике Т. С. Морозова в Орехово-Зуеве. В ночь с 7 на 8 января по требованию губернатора Владимирской губернии 3-й (в нем служил Афанасий Иларионович) и 4-й батальоны великолукцев прибыли в рабочий поселок мятежников. Вспыхнули беспорядки, и целую неделю солдаты и присланные им на подмогу казаки загоняли стачечников обратно на фабрику.

Осенью 1892 года великолукцев из Владимира передислоцировали в Тулу, где разместили в Красных Петровских казармах на Миллионной улице. Потекли обычные армейские будни. Летом 1893 года, проходя службу в Великолуцком полку, будущий нарком промышленности и торговли Советской России Леонид Красин встретился в Ясной Поляне со Львом Толстым. Великий писатель и простой солдат прогуливались по парку, жарко споря о новомодном тогда увлечении — марксизме.

В конце января 1904 года японцы напали на наши военные корабли у побережья Порт-Артура и Чемульпо. В Великолуцком полку, читаем в его «Краткой истории», «атака произвела впечатление внезапности и возмутила своим предательством. Оскорбленное чувство требовало немедленного возмездия; все были воодушевлены стремлением в неведомую Маньчжурию, навстречу дерзкому врагу».

Аналогичные настроения, по свидетельству авторов «Летописи войны с Японией», тогда охватили все русское общество: «Ответить вооруженною силою на вызов Японии,— раздалось с высоты трона. “Война, война!”,— этот громоносный клич загремел в воздухе и возмутил мирное течение нашей жизни. В общем сознании русского народа ярко вспыхнул огонь святой любви к родине, каждый познал в себе русского человека, каждый с болью почувствовал рану, нанесенную дерзким врагом отечеству. Широкое русское сердце в минуты тяжелых испытаний раскрылось и очистилось от накипи повседневной будничной обстановки. Города, села, деревни, земства и общества, дворяне, купцы, мещане, рабочий люд, крестьяне, инородцы, населяющие нашу землю, и каторжники на Сахалине — все напряглось в общем напряжении духа. <...> С большой похвалой отзываются о дружинах из каторжных. Очень многие из них беззаветные герои, вызвавшиеся добровольно на опасные разведки и поручения, из которых зачастую не возвращались».

В Петербурге и других крупных городах возникли стихийные патриотические манифестации. В столице даже революционно настроенная молодежь устроила шествие к Зимнему дворцу с пением «Боже, Царя храни!».

Между тем, как заметил в своей книге «Белые пятна Русско-японской войны» историк Илья Валерьевич Деревянко, «Россия вступила в войну с Японией абсолютно неподготовленной. Это обстоятельство самым тяжелым образом отразилось на работе всех органов Военного министерства, которые были вынуждены с лихорадочной поспешностью перестраивать свою работу и наверстывать упущения мирного времени. И дело здесь вовсе не в том, что война явилась неожиданностью».

* В ней полк отличился при взятии горы Греата (Вратешна) и был награжден Георгиевскими знаменами с надписью: «За Греату 16 ноября 1877 г.».

Из книги И. Буйко «Великолукцы на службе империи»: «Японцы, считалось, имели небольшую и отсталую армию, и поэтому в полки [Российской императорской армии — Авт.] мобилизовали запасных, степенных семейных бородачей лет сорока, которые в лучшем случае управлялись берданкой, а о винтовке “Мосина” и скорострельной 3-дюймовой пушке, недавно поступивших на вооружение, не слышали. Например, правила стрельбы из новой пушки узнавали из корректурных листов, из лекций и показательных стрельб. Не лучше готовили и офицеров».

Так или иначе, в конце декабря 1903 года Главный штаб в докладной записке Николаю II обобщил всю имевшуюся на тот момент разведывательную информацию. Из нее следовало, что Япония полностью завершила подготовку к войне и ждет лишь удобного случая напасть. При этом русская военная разведка сумела практически безошибочно установить и точную дату начала войны. Тем не менее должных мер со стороны Николая II и его окружения не последовало.

Ни один из планов подготовки кампании против японцев не был осуществлен до конца, тогда как министр внутренних дел и шеф Корпуса жандармов Вячеслав Константинович Плеве подталкивал к развязыванию войны со Страной восходящего солнца. Робкие возражения Куропаткина он парировал так: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

Из Петербурга находившийся на противоположном конце Российской империи Порт-Артур предстал неприступной крепостью, а грядущая война — легкой прогулкой. Государь называл японцев «макаками», а его генералы — «желтолицыми» и «косорыльцами». И хоть это говорилось в узком кругу, шапкозакидательское отношение к Стране восходящего солнца передалось всему российскому обществу, где возобладали ожидания скорой победы на море и суше в соответствии с поговоркой «Одним махом семерых убивахом».

Преподававший военную историю в Киевском военном училище полковник Генерального штаба Владимир Андреевич Черемисов после той войны заметил: «Единственный принцип, заменявший нам теорию тактики и стратегии, <...> выразался немногими словами: навались миром, хотя бы и с дубинами, и всякий враг будет сокрушен».

«От начальства приказ был дан: запасны шапки брать, чтоб было чем японцев закидывать, ружей, мол, на всех не хватит», — иронизировал по этому поводу писатель-сказочник Степан Писахов по прозвищу «Северный Мюнхгаузен». Зато известный писатель, поэт, журналист Владимир Гиляровский по прозвищу Дядя Гиляй был преисполнен искренности: «Эй, Микадо, будет худо, перебьем твою посуду, разнесем дотла. Тебе с нами драться трудно, что ни день, то гибнет судно — славные дела! Будь умнее поскорее, вылезай-ка из Кореи, береги свой флот! Поучись, как ходят раки, утекай-ка в Нагасаки задом наперед!».

24 апреля 1904 года в Великолукском полку объявили мобилизацию, и (вновь цитирую «Краткую историю») «6-е мая ознаменовалось для полка редким счастьем представиться на смотр своему Верховному Вождю Государю Императору Николаю II. Бригада* построилась к 2-м часам дня на плацу перед лагерем в полном походном снаряжении, 12-й полк левее 11-го Псковского. Вскоре прибыл Государь Император, встреченный восторженными криками “ура” огромной толпы народа».

Николай II «объехал полки, приветствуя их и напутствуя пожеланиями победы и скорого возвращения. Ответом было громкое, долго не смолкавшее “ура”. Затем полки прошли церемониальным маршем и удостоились Высочайшей похвалы. Прощаясь, Государь Император благословил полк иконой Спасителя, передав ее коленопреклоненному Командиру полка Полковнику де-Витт, как свое и Государыни Императрицы благословение для постоянного сопутствования в походе и боях».

* 2-я бригада 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса.

6—8 июня шестью эшелонами полк, в котором числились 59 офицеров и классовых чинов, 4232 нижних чина, 71 верховая и 325 обозных лошадей, отбыл на фронт. Каждый из четырех основных эшелонов, рассчитанных на 10—11 офицеров и 932 нижних чина, состоял из 1 классного вагона для офицеров, 24 вагонов-теплушек для нижних чинов, 1 вагона-кухни, 4 конских вагонов и 4 платформ. Двумя отдельными эшелонами на Дальний Восток отбыл командный состав и дивизионный обоз.

Поезда подавали на ст. Тула Сызрано-Вяземская за два часа до отбытия. 3-й батальон великолукцев, в котором служил мой прадед, отправился в дальний путь четвертым эшелонам 6 июня в 9-35 утра.

По словам моей мамы, перед посадкой Афанасий Иларионович попрощался с близкими так, словно предчувствовал, что уезжает на верную смерть. Дома он оставил жену и семерых детей мал мала меньше. Самому старшему — Николаю, будущему герою Первой мировой (с самого ее начала служил полковым адъютантом в 298-м пехотном Мстиславском полку и за первые три года войны был награжден пятью офицерскими орденами) было 13 лет, а самому младшему — Алексею (тоже станет военным, во время Великой Отечественной получит два ранения, в звании полковника в должности заместителя начальника Управления артиллерийского снабжения 2-го Белорусского фронта примет участие в освобождении Польши, форсировании Одера и взятии Кенигсберга, удостоится орденов Ленина и Отечественной войны I степени, а также двух орденов Красного Знамени) в момент расставания с отцом шел лишь второй год. До сих пор для меня загадка, как и почему на фронт отправили многодетного главу семьи.

Продолжу, однако, цитировать полковую летопись: «Эшелоны следовали, перегоняя друг друга несколько раз. Благодаря частой смене впечатлений, скоро изгладилось грустное настроение, навеянное смутным сознанием, что, быть может, все родное, близкое покинуто навсегда. Люди стали бодры, веселы. Из вагонов раздавались песни, громкий смех, гармоника».

Кто хоть раз пересек нашу страну с запада на восток или обратно, тот представляет себе, сколь она необъятна. А каково было моему прадеду и его однополчанам, впервые в жизни выехавшим за пределы Московского военного округа, который на карте Российской империи выглядел малюсеньким, еле различимым пятнышком?!. По пути следования на Дальний Восток, по свидетельству летописца полка подполковника Бронислава Робертовича Нецеиовского, «приходилось не раз слышать, как солдаты говорили между собой: “Сколько земли у нашего ЦАРЯ!”».

Месяц спустя, 3, 4 и 5 июля, эшелоны с великолукцами поочередно прибыли в Маньчжурию. «Здесь уже чувствовалась близость театра военных действий, — читаем в “Краткой истории”. — Встречались санитарные поезда, раненые рассказывали о своем участии в бывших уже боях. Везли и пленных. Поезда эти окружались нижними чинами, жадно слушавшими участников боев».

Еще через неделю великолукцы прибыли на станцию Янтай. «Все эшелоны, — говорилось в полковой летописи, — высаживались и разгружались ночью и после раннего завтрака, в 5—6 утра, выступали походным порядком к Ляояну (23 версты). В 8 утра наступала тропическая жара, и переход становился невероятно трудным; с ясностью выразилась здесь перегрузка нашего солдата; тяжесть вещевого мешка с полной выкладкой и скатанной шинели под палящими лучами солнца оказалась чрезмерной*, и отсталые, преимущественно из запасных старших сроков службы, появлялись чуть ли не с первой версты. Путь стал усеиваться выбрасываемыми из мешков сперва собственными вещами нижних чинов, а затем и казенными».

Могу себе только представить, как тогда досталось моему прадеду, которому шел уже сорок второй год...

* Снаряжение русского солдата в той войне летом весило почти 33 килограмма, а зимой — более 40 кг.

«Вещевое довольствие было и остается наиболее слабым пунктом системы снабжений наших войск, действующих в Маньчжурии,— год спустя напишут в “Летописи войны с Японией”. Войска пошли в поход, имея предметы снаряжения, обмундирования, обуви и белья, полностью непригодные к местным климатическим и топографическим условиям.— Единодушные сетования вызвало, прежде всего, чрезмерное обременение солдата ношей. Общий вес носимого людьми груза был слишком велик под жгучим маньчжурским солнцем, при маньчжурских сопках и дорогах, превращаемых ливнями в сплошные топи. Все предметы летней формы одежды оказались более или менее неподходящими; белый цвет “гимнастерки” облегчал японцам обнаруживать наши войска*, шинель не защищала от дождя, суконные шаровары были жарки, головной убор** не предохранял от тепловых и солнечных ударов, сапоги с длинными голенищами были тяжелы, непригодны для гористой местности и быстро изнашивались. В зимней форме — только что принятая папаха черного цвета уже издали обнаруживала наши войска противнику, она тяжела и не устраняет необходимости ни в башлыке, ни в наушниках, не имеет козырька, вследствие чего мешает людям стрелять. Ни мундир с шинелью, ни сапоги хотя бы с суконными портянками не предохраняли от холода; требовались полушубки (которые, однако, не защищали шею по неимению воротников), валенки, обшитые кожей, теплые носки».

По словам участника той войны графа А. А. Игнатьева***, «даже в отношении такой элементарной вещи, как обмундирование, русская армия оказалась столь плачевно подготовленной, что через 6 месяцев войны солдаты обратились в толпу оборванцев».

При этом, по свидетельству авторов «Летописи войны с Японией», в командовании русской армии искренне возмущались поведением неприятеля, воевавшего «не по правилам»: мол, японцы стреляют из орудий с закрытых позиций, а их офицеры, в отличие от наших, не подставляют под пули лоб и во время перестрелок не выискивают какое-нибудь возвышение, чтобы, стоя на нем за цепью залегших солдат, руководить боем, хоть это и приводило к значительно большим потерям командного состава.

Боевое крещение в той войне великолукцы приняли 18 августа 1904 года в сражении под Ляояном. В нем, кстати говоря, участвовал и служивший ефрейтором в 33-м Сибирском стрелковом полку будущий зять Афанасия Иларионовича — мой дед Петр Васильевич Корчагин (в 1908 году вступит в законный брак с моей бабушкой Лидией Афанасьевной Решетниковой).

В Великолукском полку было ранено 15 человек. Семеро из них остались в строю, остальных отправили в полевой госпиталь.

В «Летописи войны с Японией» я обнаружил любопытную характеристику тех, с кем пришлось сражаться моему прадеду Решетникову с его однополчанами и моему деду Корчагину. Военкор, гвардейский полковник Юлий Лукьянович Елец, в 1899 году добровольцем отправившийся на Англо-бурскую войну воевать на стороне буров, а год спустя отличившийся в Китайском походе, в одном из репортажей с места событий в Маньчжурии заметил: «Никогда еще за все время своего существования русская армия не сталкивалась с таким достойным ее, удивительным по стойкости и храбрости противником».

В одной из публикаций в газете «Русский инвалид» упомянули японского офице-

* Уже в ходе боев с японцами Куропаткин издал звучащее как анекдот распоряжение «порее стирать гимнастерки, чтобы были под цвет местности».

** На летнюю кампанию войскам выдали суконные фуражки с чехлами. Они оказались настолько непригодными, что люди при первой возможности заменяли их коническими соломенными шляпами местного изготовления, и Куропаткин был вынужден терпеть это.

*** После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти, получил звание генерал-майора Красной Армии.

ра, которого в ходе боя окружили наши стрелки. Он «был приперт к отвесному берегу р. Эйхо и, не желая сдаваться, спрыгнул с высокой кручи в воду на камни». А генерал Владимир Сахаров в своем донесении в Главный штаб докладывал: «Раненый и взятый в плен японский офицер спустя некоторое время после подания ему медицинской помощи, вырвавшись из-под надзора, разбил себе голову о камни».

Очевидцем похожего случая, возможно, стал и мой прадед. В «Краткой истории» его полка говорится: 13 августа «был привезен раненый японский офицер, который в пути все время бился головой о лазаретную койку, а в Киндятуни перерезал себе горло перочинным ножом».

Утром 22 сентября в Великолуцком полку отслужили молебен и зачитали приказ Куропаткина. В нем подводились итоги первых семи месяцев войны, говорилось о том, что наши войска достигли численности, обеспечивающей успех, и содержался призыв к самоотверженному исполнению долга перед Государем и Родиной. «Приказ великолукцы выслушали молча, молились усердно и сосредоточенно».

Пять дней спустя произошел бой у деревни Эльтхайцзы. В передовом отряде великолукцев оказалось трое, как теперь принято говорить, двухсотых и 49 трехсотых.

29 сентября — новый бой, за деревню Ендониулу. Понесся огромные потери, Великолуцкий полк под огнем вражеской артиллерии, обстреливавшей даже наши санитарные поезда, отступил на север. К вечеру великолукцы с сильно поредевшими рядами, в подавленном настроении — опять поражение! — собрались у железнодорожной станции Шахэ. 5 офицеров полка были убиты, еще 10 ранены и контужены. Среди нижних чинов погибли 42 человека, 320 получили ранения и 48 пропали без вести. В том бою опять участвовал будущий зять Афанасия Иларионовича — Петр Васильевич Корчагин, хоть им так и не довелось познакомиться.

1 октября японцы овладели деревней Линшинпу. 3-му и 4-му батальонам великолукцев приказали выбить из нее неприятеля, но неожиданно им велели отходить к деревне Сыфонтай. Враг открыл по отступающим беглый огонь, и некоторые роты наших потеряли до трети личного состава.

Позже в тот же день — опять приказ взять Линшинпу. В атаку великолукцев повел сам командир полка полковник Де-Витт. «Потери были огромны,— говорилось в полковой «Краткой истории». — Выбыло из строя большинство офицеров. Приходилось брать штурмом каждую фанзу. Роты перемешались и отхлынули назад, в северную часть деревни. Туда потянулись одиночные великолукцы и ползли раненые, ко-кто не с одной пулевой раной. Японцы с близких расстояний расстреливали как их, так и подбиравших их безоружных санитаров. Только с наступлением темноты губительный огонь ослаб».

В том бою были ранены 14 офицеров. Один из них вскоре скончался. Из нижних чинов 68 погибли, 473 были ранены, 86 пропали без вести.

В числе последних были рядовые Иван Ещенко и Ахтан Харзаматов. Из полковой «Краткой истории»: «Будучи ранеными при атаке, они не были подобраны и остались в окопе близ д. Линшинпу среди убитых и раненых; последних было 6 человек, Ещенко был ранен в обе ноги и не мог двигаться. Харзаматов, раненный сравнительно легко в шею, перевязал Ещенко и других раненых, ухаживал за ними и кормил их сохранившимися у них и на убитых сухарями. Для сбережения бывшей в окопе дождевой воды он вырыл яму.

Дня три в окоп никто не приходил. Затем явились японцы и стали осматривать убитых и снимать с них снаряжение, обувь и одежды.

Раненые притворились мертвыми, но четверо из них при раздевании застонали от боли, и японцы перекололи их; Ещенко же и Харзаматов, выдержавшие пытку и не проявившие признаков жизни, остались живы. Лучшую одежду и обувь японцы унесли, а негодную бросили. Харзаматов подобрал брошенную одежду для себя и Ещенко. Раненые продолжали жить среди мертвых.

Не унесенные японцами сухари с убитых скоро были съедены. Харзаматов собирал по ночам зерна гаоляна и в сыром виде питался ими и кормил товарища. Воды в окопе также не было, так как японцы при осмотре убитых зарыли яму с водой, и Харзаматову пришлось по ночам брать воду в ближайших лужах. Он скоро оправился и мог уйти ночью; но Ещенко был еще не в силах следовать за ним и, оставшись один, должен был бы погибнуть. Харзаматов решил не покидать товарища.

Положение было очень опасное. Японские дозоры ежедневно приходили осматривать окопы. Чтобы не обнаружить себя, Харзаматов и Ещенко днем лежали неподвижно среди убитых. Сначала раненым казалось, что наши войска ушли далеко, но, слыша вблизи выстрелы, они по звукам их определили направление расположения своих. Когда Ещенко оправился и получил возможность двигаться, Харзаматов начал осторожно переползать с ним по ночам к русским позициям на выстрелы. По ползущим несколько раз открывали огонь и японцы, и русские. Пришлось отлеживаться в бороздках и ямках. Наконец, когда расстояние уменьшилось настолько, что можно было голосом дать знать о себе, им удалось благополучно добраться до наших окопов у д. Линшинпу. Так кончились 43-дневные страдания этих двух мучеников. Оба были отправлены в госпиталь и по выздоровлении уволены на родину. По донесении о подвиге Харзаматова и Ещенко Командующему армией они оба были награждены знаками отличия военного ордена 4-й степени».

После упорных, кровопролитных боев обе армии, русская и японская, были так обессилены, что взяли передышку и принялись оборудовать окопы, траншеи, редуты и опорные пункты. «Работали с таким увлечением,— читаем в “Краткой истории” великолукцев,— будто другой цели у них не было. Невольно являлся вопрос, не роем ли мы могилу былой славе нашей армии».

Тем временем ряды великолукцев продолжали редеть. С 3 по 12 октября в полку еще 5 человек было убито, 19 ранены и четверо пропали без вести. Из-за больших потерь пришлось свести по две роты в одну, а всего сформировать девять рот. Но и при таком составе на роль ротных командиров строевых офицеров не хватило, так что некоторыми ротами стали командовать зауряд-прапорщики.

С середины октября полк начал рыть и оборудовать землянки на северной окраине деревни Сыфонтай. Эти укрытия строились с прочными блиндажами, на целые взводы и даже полуроты.

17 октября японцы открыли бешеный огонь по расположению полка, повредив многие фанзы. Пострадала и фанза, где располагались командир и все офицеры полка. Подполковник Воскресенский получил ранение в ногу навывлет. Были ранены также 5 ординарцев, а денщик командира полка убит. Ранения получили и более 30 нижних чинов, находившихся в других фанзах. Пришлось из фанз перебраться в землянки.

Шинелей на наличный состав нижних чинов не хватало (их сдали в Ляояне в дивизионный обоз, а тот при отступлении сожгли). Спасти удалось только примерно 300 шинелей, т. е., одну шинель на восьмерых. Взамен великолукцам выдали китайские ватные халаты (курмы), но они оказались очень непрочными и вскорости обветшали.

Обувь тоже приобрела плачевный вид: во время осенних боев войскам пришлось немало ходить по полям гаоляна, срезанные стебли которого резали сапоги, будто ножи. Зачастую на солдатских ногах оставались лишь голенище да привязанная к ступне подошва, а то и китайская туфля.

Из «Летописи войны с Японией»: «Говорят, что после многодневных осенних боев наши солдаты бросались разувать убитых японцев, чтобы тут же переобуться в их обувь. Ходят слухи, что поставщики, пользуясь для наживы бедствием родины, поставляют товар такой, который продерживается не более недели».

Моего прадеда и его однополчан «хоть отчасти выручил Харбинский полковой склад, доставивший полку немного обуви, а также фуфайки, портянки, варежки и некоторое количество мундирной одежды. Но недостаток одежды сильно давал себя чувствовать, особенно в дежурных частях, располагавшихся в окопах, где не представлялось возможным разводиться костры для обогрева. Единственным доступным способом согреться был учащенный шаг на месте. Далеко от окопов слышен был топот по уплотненной земле».

На весь полк прислали полушубки и около полсотни пар валенок на каждую роту. «Кому валенки не достались,— читаем в полковой «Краткой истории»,— выдали ватные китайские чулки, которые не влезали в сапоги, да и уступали в прочности валенкам. Потому в походе их несли с собой, а расположившись на месте, натягивали поверх сапог. В некоторых ротах сшили нечто вроде калош из довольно прочного китайского войлока. Такие калоши (кенги) надевали на сапоги, и они вполне защищали от холода».

В середине ноября в полк стало прибывать пополнение — в основном, уроженцы Бессарабской, Каменец-Подольской и Киевской губерний. Из полковой «Краткой истории»: «Люди были одеты хорошо; снабжены новые шинелями, полушубками, папахами и валенками. Но обучение оставляло желать многого. В каждой роте оказалось по несколько человек таких, которые совсем не были в строю на действительной службе, да и строевые все позабыли — не умели ни ставить прицелов, ни заряжать винтовок».

Настроения у запасных тоже оставляли желать лучшего. Во время многодневной поездки по железной дороге в Маньчжурию они начитались прокламаций революционного содержания и по прибытии в полк не стесняясь говорили, что не считают себя обязанными воевать с японцами за чужую землю. Вот, дескать, если б это были турки, пришедшие отнимать их родную землю...

Каждый день в полку было по несколько человек раненых, а иногда и убитых, редкий день обходился без потерь. Перестрелка ослабевала только в холодные декабрьские ночи, когда мороз достигал 24—25 °.

«Местность от д. Ингау к реке Шахэ понижается и была поэтому под постоянным наблюдением японцев. Всякое скопление людей и даже незначительные группы вызвали артиллерийский огонь, причинявший почти ежедневные потери. Особенно много жертв было у колодца, куда непрерывно ходили за водой и который прекрасно наблюдался японцами с башни станции Шахэ. Деревня Ингау была излюбленным пунктом обстреливания для японской артиллерии, усердно посылавшей сюда снаряды по несколько раз в день и часто по ночам».

5-го декабря прибыла партия запасных в 400 человек. Вместе с присланным в ноябре укомплектованием в 1118 человек это значительно пополнило полковые ряды, поредевшие в боях на реке Шахэ.

В сумерки 20 декабря в японских окопах стали раздаваться крики «банзай», пение и звуки каких-то музыкальных инструментов. Выглядывая из окопов и крича, японцы пытались что-то сообщить нам. Потом выяснилось: они получили известие о падении Порт-Артура.

С 1-го по 21 декабря потери полка были: убитыми 6 чел., ранеными 47 чел., и без вести пропал 1».

В ночь на 22 декабря полк отвели в корпусной резерв, в деревню Сяокиншинпу. Великолукцы получили возможность подготовиться к празднованию Рождества. Еще одна цитата из полковой «Краткой истории»: «Предстоящий праздник объединил всех в стремлении придать биваку возможно уютный вид. Солдаты предавались бесконечным воспоминаниям о своих родных селах и семьях. Не забыли нас и в Туле: еще 15 декабря получены были высланные к празднику от Тульского дворянства и Императорского Тульского оружейного завода подарки для офицеров и нижних чи-

нов. Подарки состояли из разных теплых вещей, белья, колбасы, сладостей, табаку, папирос и т. п. Раздача подарков была произведена 24-го декабря».

На следующий день в полковой походной церкви совершили торжественное богослужение. Нижним чинам выдали по чарке водки и улучшенную пищу. С наступлением сумерек на биваке заиграл полковой оркестр.

27 декабря полк отпраздновал свой перенесенный с 6 декабря полковой праздник — очередную годовщину взятия вершины Грета. У станции Суятунь был произведен парад в присутствии командиров корпуса и дивизии. Нижним чинам снова выдали по чарке водки и улучшенный обед. На биваке опять играл полковой оркестр, были устроены игры, пляски, ходили ряженые.

Для офицеров полка устроили обед в шатре дивизионного госпиталя у станции Суятунь. Первую здравицу командир корпуса провозгласил за верховного вождя армии — государя императора. Здравница сопровождалась народным гимном и долго не смолкавшим «ура».

А вскоре полк вновь выступил на передовую позицию. Это совпало с проводами командира полка, произведенного в генерал-майоры. 10 января офицеры полка чествовали его прощальным обедом.

И вот «22-го января с 3-х часов дня неприятель обстреливал сильным артиллерийским огнем д. Ингоу. Тяжело ранен был Зауряд-Прапорщик Решетников: осколок снаряда проник ему через спину в легкие, и через два дня он умер».

Могу только догадываться, каково было получить такое известие моей прабабушке Софье Николаевне, оставшейся без кормильца с семью ребятишками мал мала меньше...

23 и 24 января японцы вели артиллерийский огонь по окопам первой линии. Осколками снаряда был тяжело ранен зауряд-прапорщик Шеремет. Через несколько часов он скончался.

Еще цитата из «Краткой истории» великолукцев: «Японцы часто посылали при помощи воздушного змея письма на наши позиции, извещая о разных вымышленных несчастьях, постигших будто бы Россию; упрекали нас в продолжительности войны и в несовместимости кровопролития с нашим вероучением; обращаясь к нам: “храбрый русский войска”, — убеждали прекратить войну и сдаться им по примеру Порт-Артура и, наконец, уверяли, что 25-го февраля мы пожмем друг другу руку...»

29-го января в сумерки был введен в окопы первой линии полковой оркестр, сыгравший несколько пьес, народный гимн и зорю. Стрельба с обеих сторон прекратилась. Когда оркестр замолк, у нас во всех окопах раздались крики “ура”, затем песни, продолжавшиеся до 11 час. ночи. Японцы тоже что-то кричали.

Сменяясь 1-го февраля, мы покидали навсегда эту обильно политую кровью наших товарищей позицию.

В этот период обороны позиции у Линшинпу полк потерял 10 человек убитыми, 72 человека ранеными, выбывшими из строя, 7 человек без вести пропавшими. Кроме того, было 34 раненых, оставшихся в строю после перевязки на позиции».

Последним и самым кровопролитным сухопутным сражением Русско-японской войны стала битва при Мукдене, длившаяся с 19 февраля по 10 марта 1905 года. В ней русская армия потеряла 8705 человек убитыми, 7109 пропавшими без вести, 51438 ранеными и контужеными, 21100 попавшими в плен. По мнению участника той битвы, генерала Петра Николаевича Баженова, «разгромом мы обязаны вовсе не японцам, атаки которых всегда с огромными для них потерями были отбиваемы нашими доблестными войсками; разгром этот произошел только вследствие чрезвычайной нераспорядительности начальников всех степеней и крайней бестолочи всех распоряжений».

Тяжелые потери в Мукденском сражении понес и Великолукский полк. Погибли полковник Запольский, подполковник Павленко, штабс-капитан Гонтарев и подпоруч-

чик Биглер. Были ранены и контужены капитан Масленников, штабс-капитаны Андриевский и Диммер, поручики Балдин, Грубер, Знаменский, Симоненко, Скворцов и Рар, подпоручик Войнюков, зауряд-прапорщик Шуманов. Кроме того, в плен попали соавтор «Краткой истории...» подполковник Нецеиовский, штабс-капитаны Архангельский и Константин Никифорович Ляшко, поручики Жамов, Феттинг и Хомутов, подпоручики Кузнецов, Рынвид-Мицкевич и Шидловский. Убыль же нижних чинов в полку составила 122 человека убитыми и ранеными и 1208 человек пропавшими без вести*. Часть из них, как впоследствии выяснилось, из-за ранений оказались в разных госпиталях, а то и в плену, но участь большинства без вести пропавших так и осталась неизвестна. «Вероятно, убиты или умерли от ран на поле сражения», — говорится в полковой «Краткой истории».

Больше в боевых действиях великолуцки не участвовали, но оставались в Маньчжурии и после того как 23 августа 1905 года с японцами был заключен мирный договор. В Тулу полк вернулся лишь в марте следующего года.

Восемь с половиной лет спустя разразилась Первая мировая война, накануне которой в командование великолуцками вступил полковник Михаил Агафангелович Симонов — отец знаменитого советского поэта и писателя Константина Симонова, с которым был близко знаком мой родитель, Александр Иванович Палладин. (Он посвятил Константину Михайловичу немало страниц в своих мемуарах «Зарубки на сердце»).

После Октябрьской революции М. А. Симонов эмигрировал в Польшу, где и сгинул бесследно. По понятным причинам его сын это скрывал и в своих автобиографиях утверждал, что отец «пропал без вести в Первой империалистической войне».

Великолуцкий же полк, как явствует из последнего полкового журнала военных действий, «просуществовавший 207 лет, с 1711 года по 18 апреля 1918 года, прекратил свое существование».

...В 1911 году эксперт в области русской разведки, генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский напишет: «Мы не знали японцев, считали их армию слабой и плохо подготовленной, думали легко и быстро справиться с нею — и потерпели полную неудачу».

«Мы не оценили материальных и особенно духовных сил Японии и отнеслись к борьбе с нею недостаточно серьезно», — признал после войны и генерал Куропаткин, который перед самым ее началом, заверив Николая II в быстрой и легкой победе, предложил после разгрома вражеской армии на материке высадить десант на японских островах и занять Токио.

В сердцах и умах наших предков Русско-японская война надолго оставила тяжелый, горький осадок. Об этом можно судить хотя бы по вальсу «На сопках Маньчжурии»:

*Тихо вокруг, сопки покрыты мглой,
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой.
Белеют кресты — это герои спят.
Прошлого тени кружатся вновь,
О жертвах боев твердят.*

* * *

*Тихо вокруг, ветер туман унес,
На сопках Маньчжурии войны спят
И русских не слышат слез.*

* Напомню: общая численность полка по штатному расписанию составляла 4280 солдат и офицеров.

*Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачут все, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня!..*

* * *

*Пусть Гаолян сны навевает вам,
Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны.*

Пройдет сорок лет, прежде чем сбудутся заключительные строки этой песни:

*Вы пали за Русь, погибли вы за Отчизну,
Поверьте, мы за вас отомстим
И справим славную тризну.*

9 августа 1945 года, ровно через три месяца после Дня Победы над гитлеровской Германией (а фактически — над объединенной Европой, вставшей под знамена Третьего рейха), Советский Союз начал военные действия против Японии. К тому времени численность Квантунской армии японцев, поддерживаемой 25 боевыми кораблями, возросла до 1 миллиона человек; она располагала 1155 танками, 6260 орудиями, 1900 самолетами и даже бактериологическим оружием. Тем не менее в результате блестяще спланированной общевойсковой операции Красная Армия наголову разгромила Квантунскую армию, и уже через неделю после начала нашего наступления та капитулировала, потеряв 84 тысячи убитыми. Еще 594 тысячи сдались в плен. Наши же безвозвратные потери составили лишь 12 тысяч человек. (Убедительнейшее опровержение рассказней о том, будто русские воевать не умеют и побед добиваются лишь благодаря тому, что закидывают врага трупами!).

Одновременно ряд десантных операций предпринял наш Тихоокеанский флот. В первой же из них отличился мой тесть, старший инструктор 1 отдела Политуправления ТОФ капитан Александр Яковлевич Гайдук (1914—1995). 11 августа 1945 года он принял участие в высадке десанта в порту Юки (ныне — Унги, принадлежит Корейской Народно-Демократической Республике) и был удостоен ордена Красной Звезды.

Людмила Алтунина
(г. Тула)

К 80-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.*

Наш постоянный автор.

Иран, Керчь, Сталинград, Берлин...

П. Я. Пахаев призывался в ряды Советской Армии в 1940 г., отсюда в 1941 году — на фронт. С мая 1941 года служил в 814 стрелковом полку 236 Днепропетровской стрелковой дивизии командиром отделения 45-мм пушек. Участвовал в боях на Кавказе, в освобождении от врагов Крыма, в Керченско-Феодосийской десантной операции, в битве за Сталинград,— дошел до Берлина,— в боевых действиях в Иране, Ираке, Австрии, Румынии, Болгарии и Югославии. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени; медалями: «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Белграда» и другими.

В начале войны в газете «Красная звезда» была опубликована фотография: П.Я. Пахаев с маршалом Советского Союза Буденным Семеном Михайловичем, легендарным военачальником. Подпись под снимком гласила: «На тактических занятиях в Закавказском военном округе: заместитель народного комиссара обороны маршал Советского Союза С. М. Буденный проверяет знания орудийного расчета младшего командира П. Пахаева». Вырезка из этой газеты, копия которой была предоставлена Томской библиотекой, была напечатана в «Книге памяти» Республики Алтай.

— Мой дед участвовал и в Керченско-Феодосийской операции, одной из самых значительных десантных операций в Великой Отечественной войне,— рассказывает его внучка Ай-Тана Шумарова.— В декабре 1941 года была проведена крупная десантная операция на Керченском полуострове. Целью этой операции было — окружить и отеснить противника, деблокировать Севастополь и полностью освободить Крым.

Переход ночью в штормовых условиях при сорванном штормом ограждении опасных участков привел к посадке на мель судов.

Высадка десантников осуществлялась внезапно — в темноте, без артиллерийского прикрытия, лишь под прикрытием дымовой завесы с торпедных катеров. А также была затруднена тем, что в этот день шел дождь, перешедший в мокрый снег.

В районе Керчи высадка происходила намного сложнее: пехота высаживалась прямо в ледяное море и по грудь в воде шла к берегу. Переохлаждение вызвало большие потери. Несмотря на тренировки и заранее разработанные планы, высадка проходила медленно и неорганизованно. Через несколько дней после начала высадки ударил мороз, и большая часть армии переправилась по льду замерзшего Керченского пролива.

* По материалам авторской документальной книги «Сибиряки идут!.. Славные сыны Алтая», готовящейся к изданию — прим. авт.).

При высадке десанта одно из судов уткнулось в отмель и около 250 человек выгрузили прямо в море. Но в темноте не сразу разобрались: оказалось, что это была песчаная коса, за которой глубина воды превышала два метра, и многие десантники утонули.

Некоторым удалось высадиться незаметно, но позже немцы обнаружили высадку бойцов, и остальным пришлось осуществлять ее под массированным огнем вражеской артиллерии.

Несколько дней продолжался тяжелый бой. Радист был убит, рация вышла из строя, и связи со штабом не было. Следствием плохого управления, недостаточной подготовки войск, а также острой нехватки высадочных средств и средств связи стали большие человеческие потери (прежде всего, утонувшими). Фашистские войска имели превосходство и в численности, и в огневой мощи. Путей отхода не было: сухопутные и водные пути были заблокированы противником.

И тогда мой дед без особых усилий построил плот, так как был заядлым рыбаком с детства и человеком с золотыми руками, смог переплыть Керченский пролив и спастись. Вместе с собой на плот он взял боевого товарища, Китаева Виктора Иосифовича. В дальнейшем, в послевоенные годы, они работали вместе в Румынии и дружили семьями.

В 1944 году дед участвовал в Белградской стратегической наступательной операции против фашистских войск. В ходе операции были уничтожены основные силы группы армий «Сербия». Фашистским войскам пришлось отходить на север в обход через труднодоступные, контролируемые партизанами районы Боснии. Отход сопровождался большими потерями в живой силе. Большую часть техники, боеприпасов, продовольствия фашистским войскам пришлось бросить. За участие в героическом штурме и освобождении Белграда мой дед Поликарп награжден медалью «За освобождение Белграда».

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, мой дедушка получил ордена Красной Звезды и Отечественной Войны II степени. За доблесть и героические подвиги также Поликарп Яковлевич награжден медалями «За оборону Кавказа» и «За боевые заслуги».

В конце войны, с апреля 1945 года по 26 августа 1946 года, он работал в Германии бухгалтером полевого учреждения Госбанка 26 армии и южной группы войск Советской Армии.

В 1946 году он вернулся на родину и добросовестно трудился в Госбанке главным бухгалтером. Был награжден знаком «Отличник Госбанка СССР».

Любимым увлечением его была рыбалка. Он каждый день при любой погоде ходил на берег Катуни, проверял уровень реки. До сих пор в моей памяти остались прогулки с дедом по берегу реки; немногословные, спокойные и неторопливые его разговоры.

Умер дедушка в июне 2001 года, похоронен в Майме.

Каждый год, 9 мая, в День Победы, как и многие россияне, я со своей семьей иду в единой шеренге «Бессмертного полка» — в память о моих дедах, которые воевали в Великой Отечественной войне. Мои дети с гордостью несут портреты наших героев, их прадедушек — Поликарпа Яковлевича Пахаева и Сергея Киташевича Шумарова, а также нашего дяди, Бориса (Бокту) Шумарова. А после парада, за праздничным столом, как это делали всегда, рассказываем детям о жизни в тяжелые военные и послевоенные годы, истории тех лет, рассматриваем альбомы наших родных.

В нашей семье бережно хранятся фронтовые вещи деда: медали, наградные документы, военный билет и пожелтевшие от времени фотографии. Пересматривая снимки тех военных лет, я понимаю, что Победа не стареет. Пройдет сто или много тысяч лет, а Победа будет в сердцах моих родных такой же молодой, как молоды были наши дедушки и бабушки в тот весенний день сорок пятого.

Наш долг — сохранить историю, память о подвигах наших дедов и бабушек — тружениках тыла; сохранить Победу каждого нашего деда и прадеда в наших сердцах и передать из уст в уста нашим потомкам

Ныне в г. Горно-Алтайске живут потомки фронтовика П.Я. Пахаева, дочь, Н.П. Шумарова (урожд. Пахаева), внуки и правнуки.

Старшина медслужбы — ученый-историк

А вот что сообщил Егор Денега, ученик лицея № 6 им. И. З. Шуклина г. Горно-Алтайска, о прадеде, **Савелии Яковлевиче Пахаеве**, одном из братьев Поликара Яковлевича Пахаева, на презентации своего проекта по теме «Великая Отечественная война. Я помню!»:

«Я знал, что мой прадед, Савелий Яковлевич Пахаев, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. В семье хранятся его награды и фотографии различных лет жизни, но на каком фронте воевал прадед, за что получил свои награды — этого в семье никто уже не знал.

На сайте Министерства обороны нашел Интернет-ресурсы «Память народа», «Подвиг народа». И начались поиски информации о прадеде, в ходе которых выяснил, что Савелий Яковлевич был призван в РККА в 1940 году Ойрот-Туринским ГВК, Ойротской АО, г. Ойрот-Тура (ныне Горно-Алтайск — столица Республики Алтай)). В октябре 1941 года в составе 114 стрелковой дивизии прибыл на фронт.

Прадед не отличался высоким ростом, сильным телосложением, спортивными достижениями, поэтому понимаешь, какие усилия ему приходилось преодолевать, участвуя в боевых сражениях.

Служил он в 536 стрелковом полку 114 стрелковой дивизии — старшина медицинской службы.

Формирование дивизии проходило в Восточной Сибири, на железнодорожной станции Мальта Иркутской области. Ее бойцы начинали свои боевые действия с перехода по льду Финского залива, участвовали в обороне Ленинграда и освобождении Ленинградской области, Карелии, Советского Заполярья, Норвегии».

Савелий Яковлевич был награжден боевыми наградами — орденами и медалями. За участие в боях и отличное выполнение заданий командования Савелий Яковлевич награжден орденами Красной Звезды (1944 г.), Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» (1945 г.), «За оборону Советского Заполярья» (1945 г.).

Орден Красной Звезды: в тяжелых условиях 536 стрелковый полк нес большие потери. С октября 1941 по апрель 1942 года, рискуя жизнью, под огнем противника, прадед вывел с поля боя 53 тяжело раненых с личным оружием, вывел из окружения 25 легко раненых бойцов 1 батальона.

18 апреля 1942 года прадед был ранен в правую руку.

Медали: «За оборону Советского Заполярья» (1945). (ЦАМО: № записи: 1531812771, награжден: 05.12.1944 года. Звание: старшина медицинской службы).

«За боевые заслуги» — за бои с 07—21.10.1944 г.

Савелий Яковлевич Пахаев во время наступательных боев в Мурманской и Печенгской областях сумел обеспечить точный учет раненых бойцов и командиров. Оказал помощь 24 тяжело раненым бойцам и командирам.

...С октября 1944 г. по сентябрь 1945 г. С. Я. Пахаев находился в Северной Норвегии в составе 114 стрелковой дивизии 7 отдельной Армии.

Коротко — о дивизии, в составе которой воевал мой прадед:

«...114 стрелковая Свирская Краснознаменная дивизия, сформированная в Сибири, в г. Иркутске, в июле 1939 года, прошла славный боевой путь, завоевав право носить почетное наименование «Свирская» за Свирско-Петразаводскую военно-стратегическую наступательную операцию, успешно проведенную в 1944 году. В

1941—1944 годах она также участвовала в обороне Карелии, Петсамо-Киркенесской наступательных операциях. Расформирована в июне 1946 года» (*Источник*: ru.m.wikipedia.org).

После демобилизации в 1946 году С. Я. Пахаев поступил на исторический факультет Барнаульского педагогического учительского института, успешно его окончил. В 1954—1958 годы, по решению партийных органов, был направлен на руководящую советскую работу в Кош-Агачский аймак Горно-Алтайской автономной области. Неоднократно избирался в выборные партийные и советские органы.

Окончил аспирантуру Томского государственного университета, который являлся одним из ведущих центров исторической науки в стране, где успешно защитил кандидатскую диссертацию.

С. Я. Пахаев, к. ист. наук, доцент, активно и плодотворно занимался научной работой, преподавал в ГАГУ (Горно-Алтайский государственный университет), многое сделал для развития исторической науки и алтайской национальной культуры региона.

Савелий Яковлевич считается одним из ведущих специалистов по истории Гражданской войны в Горном Алтае. Он является автором научных работ по истории Горного Алтая. С. Я. Пахаеву принадлежит более 60 научных работ, в том числе опубликованных в Большой советской энциклопедии и Украинской советской энциклопедии. Им были подготовлены и опубликованы учебные пособия для общеобразовательных школ Горно-Алтайской автономной области. Значителен его вклад в общественную и культурную жизнь региона.

«...Савелий Яковлевич внес значимый вклад в становление и развитие исторического направления в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ; ныне НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова), где работал в секторе истории со дня его основания, пройдя путь от выпускника исторического факультета Барнаульского государственного педагогического института до руководителя сектором истории...» — пишут о нем коллеги в статье «Научный полк ГАГУ».

Помимо боевых наград, С. Я. Пахаев награжден уже в мирное время орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За освоение целинных и залежных земель», Малой Золотой и двумя Большими Серебряными медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, правительственными и ведомственными грамотами.

И младший не подвел

Младший из четверых родных братьев Пахаевых, **Василий Яковлевич Пахаев**, 1925 г.р., свою военную службу в звании младшего лейтенанта начал с февраля 1943 года, после окончания краткосрочных курсов Белоцерковского военно-пехотного училища, эвакуированного в г. Томск. «Ехали мы, трое земляков с Ойротии, воевать с немцами, а пришлось воевать с бандеровцами в Западных Карпатах, на Украине», — рассказывал Василий Яковлевич. Служил он в составе 1337 сп 318 гв. сд ПрикВО. 59 опрос КВО. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Службу завершил в мае 1947 года.

Воевать с отъявленными пособниками гитлеровцев пришлось не менее жестоко, чем в действующих армиях на фронтах Второй мировой. Здесь были свои особенности, во многом напоминающие партизанскую войну: приходилось применять находчивость, сообразительность, умение ориентироваться на местности, и даже, как охотнику, — а алтайцы — умелые охотники, — выслеживать противника, идя по его следу. Очень трудно приходилось: случалось, суток по трое не ели, не спали, выслеживая врага под дождем и ветром. О войне фронтовик никогда не вспоминал, но уже в конце своей жизни как-то рассказал своим сыновьям о таком эпизоде. Шли они в ле-

су по следу бандеровской банды, и вдруг следы совершенно неожиданно исчезли и нигде вокруг не удалось их обнаружить — загадка да и только! Председатель местного сельсовета, знавший Василия Пахаева и доверявший ему, рассказав, что днем он «работает» на бандеровцев, а ночью — на Красную Армию, и подсказал: там, мол, где исчезают следы, надо поискать лаз под землю, присыпанный листьями и травой, где и скрываются враги. Так и сделали красноармейцы — обнаружили лаз и ликвидировали группу бандеровцев.

...Ветеран войны никак не мог понять: как так случилось, что на Украине, где красноармейцы ценой собственной крови и жизни уничтожали бандеровцев — прихлебателей фашистов, ныне предатели — национальные герои. Не мог внутренне с этим смириться, делился своими переживаниями с сыновьями и внуком Павлом.

...После войны Василий Пахаев выучился в Новосибирске на метеоролога и уехал в отдаленный, высокогорный Кош-Агачский аймак, граничащий с Монголией, Китаем и Казахстаном, устанавливать метеостанции. Василий Яковлевич был мастером на все руки: все умел делать, и сыновей, и даже племянника обучил мастерскому делу, — пилить, строгать, столярничать и многое другое, о чем они говорят с благодарностью. И к рыбалке их приобщил. Сыновья с радостью отправлялись с отцом рыбачить на быстротечную, горную реку Башкауз, славящуюся хариусом, тайменем и другими рыбами, обожаемыми алтайцами.

— Отец во всем был нам примером, приучил нас ставить и достигать цели, целеустремленно, четко, по-фронтному, всего добиваясь своим трудом, — говорят сыновья Борис и Станислав.

К 90-летию Василия Яковлевича о нем был снят на местном телевидении хороший документальный фильм «Девяностая весна Василия Пахаева».

Четвертый брат, **Михаил Яковлевич Пахаев**, 1906 г. р., рядовой, был призван на фронт в 1942 году тоже из Турачакского р-на, где он проживал. Прошел всю войну, награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». После войны работал в Казахстане, затем на малой родине, в г. Горно-Алтайске, где и похоронен. Здесь живут ныне и его потомки.

Пятый, двоюродный их брат, **Алексей Александрович Пахаев**, 1924 г. р., тоже был призван на фронт Турочакским РККА в 1942 г. из родного села Тондошки. Согласно данным ЦАМО, место службы: пкг 1074 193 сд 105 ск 65 А|зп г. Бийск; ппг 1074 СГВ|28 олбр; 193 сдпкг 1074 193 сд 105 ск 65 А|зп г. Бийск; ппг 1074 СГВ|28 олбр; 193 сд; воинское звание: от гвардии старшего лейтенанта интендантской службы — до майора интендантской службы. Награды: медали: «За боевые заслуги» (дважды награжден), «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Закончил службу в 1959 году. Жил и работал на Украине. Его сын живет в Киеве, выйдя в отставку в звании полковника.

Все Пахаевы доводятся нашей семье дальними родственниками.

Гвардеец-пехотинец и моряк

Тапас Кыпчакович Мамадаков, 1924 г. р., родом из небольшого горного, расположенного в живописнейших местах Горного Алтая села Ело. Из тех же мест и Михаил Дергалович Адунов, 1926 г. рождения, с которым позднее они породнились через браки их детей, воевали с 1943 года: один, Тапас, — пехотинец, гвардеец, рядовой 288 зсп (запасного стрелкового полка) 232-й Алтайской стрелковой дивизии; другой, Михаил, — моряк, старший матрос 807 ап 293 сд (807 артиллерийского полка 293 стрелковой дивизии), демобилизовался, сойдя на берег, только в 1950 году. Оба воевали героически, вернувшись на родную землю с высокими боевыми наградами — орденами и медалями, среди которых — ордена Отечественной войны I и II степеней.

Поколение фронтовиков Горного Алтая оставило на земле достойное потомство,

ярко проявившее себя в разных областях деятельности во благо страны, в том числе на научном и культурном поприщах: ученые, поэты, писатели, художники, артисты, музыканты, певцы. Вот и внук воинов Т. К. Мамадакова и М. Д. Адунова Амаду Васильевич Мамадаков — личность яркая, известная: российский актер театра и кино, театральный режиссер, педагог; Заслуженный артист Республики Алтай, Заслуженный артист Республики Тыва, Почетный деятель искусств города Москвы — «За большой вклад в развитие культуры и многолетнюю, плодотворную работу», лауреат премии Г. И. Чорос-Гуркина — за вклад в развитие культуры Алтая. Родился, как и его деды, в с. Ело Онгудайского района. Окончил Высшее театральное училище имени М. С. Щепкина и режиссерский факультет ГИТИСа. Сыграл во многих спектаклях, в художественных фильмах и сериалах, хорошо известных зрителю: «Звезда», «Солдаты», «9 рота», «28 панфиловцев», «Монгол», «Чужая война», «София», «Калашников», «Сердце Пармы», «Дикая», «Шаман» и многие другие. Амаду Мамадаков — один из ведущих актеров театра Et Cetera (театр Александра Калягина) в Москве.

Это — лишь единичные примеры того, как мужественно воевали алтайцы. Они уходили из своих высокогорных сел целыми семьями и династиями: Какины, Титанакovy, Чанчибаевы и многие другие. Один из Какиных, Алексей Павлович, родом из горного села Бешпельтира, тесно связанного и с нашей семьей: в этом селе мои родители поженились после войны, в марте 1946 года, тоже прошел славный фронтовой путь, геройски воевал и на тульской земле.

Пулеметчик-алтаец — на Тульской земле

Алексей Павлович Какин, 1917 г. р., младший политрук, пулеметчик, прошедший фронтовой путь от младшего офицера до подполковника, особым мужеством и героизмом отличился на войне, за что не раз был награжден боевыми наградами, в том числе одной из высоких боевых наград — орденом Красной Звезды. На основании документа ЦАМО — наградного листа привожу описание подвигов (при награждении боевой наградой в наградном листе указывалось, за что именно воин ее удостоивается), совершенных им и на нашей, тульской, земле, за которые он был удостоен этой высокой награды, особо ценимой фронтовиками: *«В бою под Николо-Гастунью открыл интенсивный пулеметный огонь по врагу, убил 4-х немцев. В бою под Захаровкой, будучи политруком 1-й пульроты, прикрыл пулеметным огнем отход 1-го стрелкового батальона и под сильным огнем танков противника вывел из-под обстрела людей, сохранив полностью материальную часть. В бою по обороне г. Венев 25.11. обеспечил выполнение приказа командования о стойкой обороне. Уже после того, как г. Венев был занят противником, 7 рота, в которой сражался мл. политрук Какин, продолжала сопротивление противнику в течение 4-х часов. Мл. политрук Какин вел лично сильный огонь по врагу, убив несколько автоматчиков и мотоциклистов. Применив военную хитрость, вырвался из вражеского окружения и соединился с полком. В наступательных операциях на Мордвес-Венев 29.11.—9.12. все время находился на передовой линии и личным примером содействовал успеху наступления. Будучи руководителем комсомольской организации полка, хорошо поставил в подразделениях комсомольскую работу».*

В данном документе не указан год свершения подвигов — только числа и месяцы, но это — 1941 год — оборона Тулы — составная часть грандиозной битвы за Москву. О том, что это — именно 1941 год свидетельствует сам Приказ о награждении орденом Красной Звезды и наградной документ ЦАМО.

Судя по архивным документам, за героизм и отвагу, проявленные в сражениях с врагом, А. П. Какин был удостоен наград,— помимо ордена Красной Звезды,— медали: «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Отважный младший политрук, комсомолец, А. П. Какин начал службу в Советской Армии в 1938 году, в двадцать один год. Можно предположить, что он — кадровый военный, офицер, косвенным свидетельством чего является и то, что, как явствуют сведения учетно-послужной картотеки ЦАМО, окончил воинскую службу только в 1958 году, в звании подполковника. Подполковник! По тем временам это было весьма и весьма высокое достижение для паренька-алтайца из маленького села, затерянного в алтайских горах. Геройски воевал в составе 1315 стрелкового полка 77 гвардейской стрелковой дивизии, а позднее — в 154 стрелковой дивизии 33 Армии Западного фронта; дошел до Германии, — древний город Кенигсберг, за взятие которого А. П. Какин был удостоен боевой награды — «За взятие Кенигсберга», — был в то время административным центром германской провинции — Восточная Пруссия. После войны город стал нашим и был переименован в Калининград.

А. П. Какин, как свидетельствуют документы, участвовал в обороне Москвы в сорок первом, на южном направлении — со стороны Тулы (Тульская оборонительная операция — одна из важных операций в тех сражениях), о чем также свидетельствует его награда — медаль «За оборону Москвы», значит, на фронт он попал в сорок первом. Кровавопролитные сражения на тульской земле и оборона самой Тулы осенью 1941 года являются, повторюсь, составной частью грандиозной битвы за Москву, от стен которой наши доблестные воины, в их составе — и сибиряки, в том числе и с Алтая, погнали врага вспять, начав контрнаступление 5 декабря 1941 года и продолжая его в течение месяца, до 7 января 1942 г. В целом битва за Москву — самое масштабное сражение во Второй мировой войне, вовлекшее более семи миллионов человек, продолжалось семь месяцев — с 30 сентября 1941 года по 20 апреля 1942 года.

Таким доблестным, отважным воинам, каким был А. П. Какин и другие воины с этой фамилией, родившиеся в Бешпельтире, Чепеше и в других селах, как и всем воинам — рядовым Великой Победы (все они, даже не имеющие боевых наград, — герои), надо бы на их малой родине ставить памятники; рассказывать о них в школах и даже в детских садах. Пусть дети с малых лет знают о своих героических односельчанах, завоевавших Победу, — это поможет и им расти патриотами. Собственно, в каждом, даже самом маленьком алтайском селе, затерянном в горах, найдутся свои герои-фронтовики, достойные неувядаемой памяти. Вторая мировая никого не миновала. Наш долг — помнить о них и увековечивать эту память на родной их земле, хотя бы установкой мемориальных досок на школах, где они учились, и присваивать школам их имена; создавать в школах залы Боевой Славы и собирать для этого материалы о своих односельчанах-фронтовиках. Это касается всех воинов Второй мировой, независимо от географии их проживания.

Мне, как человеку, история семьи которого тесно связана с селами Чепеш (родовое село моего отца, его братьев и сестры) и Бешпельтир, вдвойне отраднее, что оттуда родом такие герои.

Братья Каспинские: разведчик и снайпер

На фронте отважно сражались и братья **Алексей и Николай Михайловичи Каспинские**, родом тоже из села Чепеша, разведчик и снайпер, призваны были Шебалинским РВК Ойротской АО Шебалинского района. Особенно отличился Алексей — разведчик, прошедший всю войну, до Германии. Младшему, Николаю, долго повоевать не довелось: в ноябре сорок третьего семнадцатилетним ушел на фронт, а в августе сорок четвертого, в восемнадцать лет пропал без вести. Зато старший, 1924 г.р., всего двумя годами старше младшего, отважно сражался за двоих, мстя за павшего брата. Воевал он, гвардии сержант, в составе 2-й гвардейской механизированной бригады 1-го гвардейского механизированного корпуса — Украинский фронт. Был два-

жды награжден орденом Красной Звезды, медалями, в т. ч. медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Вот только некоторые описания его подвигов, взятые из приказов о награждении (докум. ЦАМО): Приказ подразделения №: 61/н от: 05.02.1945 Издан: 2 гв. мбр 1 гв. мк 3 УкрФ о награждении воинов орденом Красной Звезды, в том числе Каспинского Алексея Михайловича, пулеметчика разведывательной роты 2 Гвардейской механизированной бригады 1 Гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса: *«2.02.1945 года район гор. Секешфехервара (Венгрия) во время наступления пр-ка в районе гор. Секешфехервара гвардии младший сержант Каспинский А. М. ворвался в боевые порядки пр-ка из пулемета расстреливая в упор где уничтожил до 35 солдат пр-ка и с быстрого хода, машиной подавил пулеметную точку пр-ка вместе с расчетом за что предоставляется к правительственной награде орден «Красная Звезда».*

Описание подвига в наградном документе о награждении орденом Красной Звезды во второй раз (Приказ подразделения №: 22/н от: 04.04.1945. Издан: 1 гв. мехбр 1 гв. мк 3 Украинского фронта): «Тов. Каспинский в боях с немецко-фашистскими захватчиками проявил себя стойким, мужественным и храбрым воином. Только 23 марта 1945 г. отбивая атаку противника прорвавшейся группировки в районе Мар... (неразборчиво — Л. А.) Фодор из своего пулемета уничтожил 8 гитлеровцев и подбил одну автомашину. Своего товарища раненого вынес на своих плечах 4 километра оказал ему помощь и доставил в безопасное место». (Сохранены стиль, правописание и пунктуация всех документов).

Судя по документам, оба брата, Алексей и Николай Михайловичи Каспинские, как и воины Василий Алексеевич Егуев, Алексей Егорович Какин, тоже родились в высокогорном селе Чепоше, и все — почти ровесники, и все — храбрые, стойкие воины, отличившиеся на фронте; двое погибли, двоим посчастливилось выжить, вернуться домой, завести семьи и детей.

Алексей Михайлович Каспинский приходится мне дядей: был женат на младшей сестре моей мамы, Софье Григорьевне Леонтьевой (в замуж. Каспинской). У них родились сыновья, Иван и Николай, названный в честь погибшего Николая — брата отца. Алексей рано погиб вследствие несчастного случая. Ныне на Алтае живут сыновья и внуки геройского фронтовика.

Беспримечен подвиг и юной, — ей было всего восемнадцать лет, — алтайской девушки **Шуры Сахыловой**, тоже родом из небольшого в то время горного села Чепоша, стоящего на берегу Катуня.

Шура с тяжело ранеными бойцами была окружена немцами. На их крики: «Сдавайся!», она ответила: «Красноармейцы не сдаются!» и, схватив автомат, начала отстреливаться. *«Когда бойцы освободили это местечко. Шура лежала с пробитой грудью. Кровь выступила на полушубке, — пишет Е. И. Мордвинова в своей книге «Дорогами славы земляков» о подробностях этого подвига, о котором ей рассказали бывшие однополчане Шуры, видевшие все это собственными глазами. — Рядом лежали 5 фашистских солдат и офицеров. Видимо, Шуру хотели взять живой. Но эта скромная девушка имела сердце настоящего воина...».*

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Шуры Сахыловой (посмертно) орденом Отечественной войны II степени был напечатан в красноармейской газете «Отважный боец» (№ 5, 1943 г.).

Орден был вручен матери Шуры, проживавшей в селе Элекмонар, что рядом с Чепошем, откуда Шура родом.

В г. Горно-Алтайске, в Республиканской школе-интернате им. Г. К. Жукова, где существует замечательный музей, посвященный 232-й Алтайской Краснознаменной Сумско-Киевской, орденов Ленина, Красного Знамени, Александра Суворова, Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии, есть музейная витрина, посвященная юной

Шуре Сакыловой из села Чепош, доблестно воевавшей в составе этой дивизии, совершившей героический поступок ценой своей жизни.

Гвардии рядовой автоматчик

Иван Михайлович Чанчибаев — гвардии рядовой автоматчик. Его внучка — учитель-филолог из алтайского села Урлу-Аспака, поэтесса Татьяна Чанчибаева, посвятила своему деду-фронтовику стихи:

ПАРЕНЕК С АЛТАЯ

*(Деду Ивану Михайловичу Чанчибаеву,
ветерану Великой Отечественной войны).
Я помню, как стояли мы в строю,
И паренька, который был с Алтая.
И, несмотря на молодость свою,
Он был суров, а голова седая...
Лицо заиндевело от потерь,
Но мужество его не оскудело.
Прифронтового госпиталя дверь
Он закрывал до срока то и дело.
Шагал он рядом в разных кирзачах
И пайкой хлеба надвое делился,
Солдатскую судьбину на плечах
Достойно нес и за Россию бился.
Я благодарен тыщу раз судьбе
За то, что был тот паренек с Алтая,
Который меня вынес на себе,
Из лютой пасти смерти вырывая...
Я помню, как стояли мы в строю,
И паренька, который был с Алтая.
Не раз он выручал меня в бою,
Покрепче автомат в руках сжимая.*

— Родился дедушка 24 апреля 1924 года в селе Верхний Куюм Элекмонарского района, в семье Молтуя Мойлочекевича Чанчибаева и Однош Тачпаевны Ескечековой, у которых было пятнадцать детей, но выжило шестеро из них. Дед был вторым ребенком, и звали его тогда алтайским именем Адучи. У нас сохранилось его свидетельство о рождении, там он записан как Адучи Молтуевич. Имя «Иван» он получил, когда призывался на фронт 1 января 1943 года Элекмонарским РВК. Так дедушка стал Иваном Михайловичем, — рассказывает Татьяна Чанчибаева. — В красноармейской книжке деда, которая пропитана бурыми пятнами и также бережно хранится в семейном архиве, написано, что до войны он был колхозником, имел четыре класса образования, рядовой, по специальности автоматчик. Служил он в 73 ЗСП с 1.1.43 г.; в 75 гвард. стрел. полку в 4 ст/роте с 13.11.44 г. автоматчиком; ЗСП 3 от. 8 рота 17.11.45 г.; 1 ст. бат. 2 отряд 20.02.45 г.; 212 зен. 3 ст. 9 рота 14.04.45 г.; 272 ст. 1 сб. 1 ср. 15.4.45 г.; ОУАД 2 бат. 28.8.45 г.

За время войны дед Иван был дважды ранен. Запись о его ранениях я нашла на сайте «Подвиг народа». Запись с этого сайта: «Медаль за боевые заслуги» стрелка второй стрелковой роты, гвардии рядового Чанчибаева Ивана Михайловича. «На фронтах Отечественной войны имеет 2 ранения: 23.1.45 г., в районе гор. Инстербурга, Восточная Пруссия». Сохранилась справка о сквозном пулевом ранении 23 января 1945 года.

Еще на этом сайте я нашла документ, где написано: *»В бою в районе населенного пункта Першкен, Восточная Пруссия 17.03 1945 года, будучи легко раненым, не ушел с поля боя, и, заметив группу противника, ведущую огонь из разрушенного дзота, скрытно подполз к нему с тыла и захватил в плен 4 немца»*. За этот подвиг дед Иван был награжден Орденом Славы III степени.

У нас хранятся удостоверения деда Ивана о всех его наградах: орден Славы III степени, медали: «За боевые заслуги», «За взятие Кенисберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Благодарность Главкомандующего И.В Сталина, юбилейные медали.

Дед Иван был достойным сыном алтайской земли, одним из тех настоящих солдат, которые мужественно сражались на поле боя.

Он достойно воспитывал не только своих четверых сыновей и дочь Наталью, но и младших братьев.

...Рассказ о мужестве воинов-горноалтайцев, приводя конкретные примеры, можно продолжать долго. Представители малочисленного народа — алтайцы — так же, как все бойцы Красной Армии, как их земляки других национальностей, все 1418 дней войны самоотверженно и доблестно сражались на всех фронтах Второй мировой, во всех родах сухопутных войск: были пехотинцами-стрелками, саперами, снайперами, разведчиками, артиллеристами, танкистами, медиками, интендантами, финансовыми служащими, а также — моряками.

Алтайцы участвовали во всех важных оборонительно-наступательных операциях, защищали и освобождали сотни городов, сел и населенных пунктов на территории СССР, ставшими Городами-Героями и Городами Воинской Славы: Москва, Ленинград (Санкт-Петербург), Сталинград (Волгоград), Тула, Смоленск, Воронеж, Ржев, Тверь (Калинин), Севастополь, Керчь, Новороссийск, Туапсе, Орел, Курск, Киев, Кишинев и многие другие города на территории союзных республик Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики — список этот, где доблестно проявили себя славные сыны Горного Алтая, можно продолжать долго. Алтайцы плечом к плечу вместе с другими бойцами со всего Советского Союза освободительно прошли пешим ходом Европу до самой Германии, брали рейхстаг. К слову сказать, на колоннах рейхстага нет ни одной надписи на английском языке, нет там автографов Джонов; там были русские Иваны-победители и надписи свои оставили на русском языке. И флаг над рейхстагом водрузили советские воины. И не иностранная мать, а наша, русская, Мария Матвеевна Фролова, отдала войне восьмерых своих любимых сыновей! Вернулись они на родную землю в виде каменных фигур установленного им и их матери памятника.

Участвовали воины-алтайцы, как уже говорила, в решающих, исторических операциях — героические битвы за Москву и Сталинград, Курско-Орловская дуга, в т. ч. знаменитое танковое сражение у д. Прохоровки — место, ставшее Полем Воинской Славы. Историческая Сталинградская битва — одно из крупнейших, важнейших, генеральных сражений, положившее начало «коренному перелому» всей Второй мировой и Великой Отечественной войн между СССР и фашистской Германией, поддерживаемой странами-сателлитами блока «оси», длилась более полгода, с середины июля 1942 года по 2 февраля 1943 года, развернувшись на обширной территории: современная Воронежская, Ростовская, Волгоградская области и Республика Калмыкия.

В ходе советской военной операции «Кольцо» Красной Армией была окружена и капитулировала группировка 6-й армии 2 февраля 1943 года. В плен сдались тысячи фашистов во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом и еще двадцатью четырьмя генералами вермахта. **День окончания Сталинградской битвы стал одним из дней Воинской Славы России.** Этот день провала войск вермахта на Восточном фронте, положивший начало победоносному контрнаступлению РККА, ознаменовался завершением сражений и победой русского воинства, героически противостоявше-

го 90 вражеским дивизиям и огненному шквалу авиации с воздуха в Сталинградской битве, одной из самых кровопролитных и ожесточенных в истории человечества по количеству суммарных безвозвратных потерь, унесшей жизни более 478 тысяч советских солдат и офицеров; сорвавшей планы гитлеровцев по захвату Нижнего Поволжья, Кавказа и бакинских нефтяных месторождений. *«Эта победа Красной Армии, после череды поражений 1941—1942 годов, положила начало «коренному перелому» (перехвату инициативы) не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне».*

...Францию Гитлер завоевал за 38 дней, в Сталинграде фрицам за этот срок удалось продвигаться только с одной улицы на другую — так героически, грудью, не щадя своих жизней, стояли советские воины: «За Волгой для нас земли нет!» — стало их девизом. Знаменитый Дом Павлова, переходивший несколько раз из рук в руки, стал живой легендой города на Волге. Жестокие сражения шли за каждый метр, за каждый дом. Недаром Сталинград тех военных дней нарекли «Крепостью из стали, сердец и огня». И среди тех горячих сердец бились в унисон с другими сердца моих земляков-алтайцев. К великому сожалению, тысячи сердец перестали биться, сраженные вражескими пулями и осколками снарядов. Из алтайцев, уходивших на фронт семьями и целыми селами, вернулись в родные места единицы, как и воины всех национальностей бывшего Союза.

Война проверяла советский народ на прочность, он оказался крепче стали и брони, прежде всего высоким духом своим.

Эти факты в очередной раз свидетельствуют о том, что бок о бок доблестно бились с врагом воины со всех регионов нашей страны, включая и малые ее народы; поистине все — герои войны и все были едины, продвигаясь невероятно тяжелыми фронтовыми дорогами к Победе — все ее рядовые!

...На Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге установлена Мемориальная плита в память о воинах-горноалтайцах, погибших в боях за Ленинград.

«Вечная память горноалтайцам, сынам Ойротии, сложившим головы при защите Ленинграда на Дороге жизни», — гласит надпись на ней. Внизу плиты — на алтайском языке: «Алтай эрлерге мак» — «Алтайским мужчинам слава».

Представители Республики Алтай вместе с главой Республики Алтай А.А. Турчаком и Э.А. Ялбаковым, председателем ГосСобрания — Эл Курултай, побывали на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге у Памятной плиты, установленной в честь горноалтайцев, павших в боях за Ленинград, возложили цветы и венки, вспомнили, выступая перед собравшимися, о том весомом вкладе, какой внесли их земляки в нашу Победу, почтили минутой молчания павших.

Республика Алтай-Тула. 2014 — 2024.

Ратная эстафета — в надежных руках

Нас снова вынудили воевать и снова, как в Великую Отечественную, наши воины встают грудью на пути неприятеля и отважно сражаются уже современными методами, но от этого война не становится менее ужасной и рискованной для жизни. Мужество побеждает страх. И бойцы с алтайской земли, как и их деды и прадеды в сороковые, воюют самоотверженно на СВО, продолжая славные, победоносные традиции предков.

Сегодня на СВО доблестно воюют сын Татьяны Чанчибаевой Иван Татанак, получивший свое имя в память о прадеде Иване Чанчибаеве, двое ее племянников, братья Павел и Владимир Тукиевы. Все трое — правнуки ветерана ВОВ Ивана Михайловича Чанчибаева, о котором рассказано выше. Ратная история семьи продолжается. Ушли они на СВО в октябре 2022 г. Все трое братьев за мужество и воинскую доблесть награждены боевыми наградами: Иван Татанак — медалью Суворо-

ва, Павел и Владимир Тукиевы — медалью Жукова. Накануне нового, 2025 года, 18 декабря, Иван был ранен, но отлеживаться в госпитале не стал. Едва полегчало, вернулся к своим боевым товарищам и сейчас снова — в строю. Надо идти вперед, до победы — такова моральная установка бойцов СВО. И они идут!

Только из их небольшого села Урлу-Аспака, раскинувшегося в живописном месте среди гор, откуда родом трое братьев, на СВО воюют четырнадцать ребят, в том числе и добровольцы. И нет в Республики Алтай ни одного села, откуда бы ребята не ушли на СВО, причем, как и в былые, огненные сороковые, уходят целыми семьями и нередко добровольно, как и по всей нашей стране. Дай Бог, им всем вернуться в родные края живыми-здоровыми, с победой!

...Однако, на войне, как на войне, и сегодня на СВО, к несчастью, гибнут наши парни. Если в Великую Отечественную войну пятеро братьев Пахаевых, о которых рассказано выше, выжили в военной «мясорубке», то их молодым родственникам сегодня на СВО не посчастливилось выжить, к великому сожалению.

Павел Владиславович Кулакаускас, младший сержант, родился в 1980 году в горно-таежном селе Теньге Онгудайского района, в алтайско-литовской семье (мать — алтайка, отец — литовец), ушел добровольно на СВО в октябре 2022 года. С января 2023 г. воевал в составе роты управления 1441-го мотострелкового полка 6-й мотострелковой дивизии (войсковая часть 95382). С августа 2023 г. — разведчик разведывательной роты того же полка. Позывной «Кочегар». Участник боев на территории ЛНР и на Авдеевском направлении на территории ДНР. Награжден медалями «За воинскую доблесть» II степени, «За храбрость» II степени; орденом Мужества (посмертно). Погиб 29 сентября 2024 года в окрестностях г. Новогродовка Покровского района Донецкой Народной Республики. Похоронен в с. Карагуже Красногорского района Алтайского края, где жил и работал и откуда ушел на СВО.

Адар Айдарович Мекешев, младший сержант, родился в 1982 г. в г. Горно-Алтайске, проживал в высокогорном селе Ябогане Усть-Канского района Республики Алтай, откуда добровольно ушел на СВО в мае 2024 г. Воевал на Харьковском направлении в составе 1-го легкого мотострелкового батальона 31135 3262 1-й танковой Таманской дивизии, позывной «Суета». Погиб 15 июня 2024 г. в Харьковской области, Купянский район, с. Берестовое при выполнении воинского долга в зоне специальной военной операции. Награжден орденом Мужества (посмертно). Похоронен в Ябогане. У Адара осталось четверо детей — трое сыновей и дочь, младшему — семь лет.

Светлая им память!

...Если почтить минутой молчания всех, павших во Второй мировой, то мир замолчит более чем на 50 лет! А если все павшие прошли бы строевым маршем по Красной площади, то девятнадцать дней и ночей непрерывным потоком шли бы батальоны, полки, дивизии павших! — как свидетельствует интернетовский пост — запущенная акция к очередному Дню Победы, 80-й ее годовщине. Девятнадцать суток! Только вдумайтесь в эти цифры, прочувствовав их, оживив перед внутренним своим взором, и будете потрясены до глубины души, ведь за ними — человеческие жизни и судьбы!

Павшие и покинувшие этот мир уже после войны наши фронтовики не канули в Лету, в бездну: «У Господа мертвых нет — все живы», как гласит православие. «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...» (Расул Гамзатов) — в белых журавлей нашей памяти, а над памятью время не властно! Мы всегда будем помнить, что Великую Победу принес именно советский солдат! И пока наша память жива, никому не удастся переписать военную историю, как бы они того ни желали, и какие бы усилия к тому ни прикладывали.

...Время неумолимо. Все меньше и меньше остается фронтовиков Второй миро-

вой. Тем ценнее все, что передали они,— непосредственные участники тех кровопролитных боев в своих воспоминаниях о войне.

...Мы, рожденные в 50-х — 60-х — 70-х и даже 80-х годах прошлого века,— последнее поколение, которое не просто знало фронтовиков, но жили с ними в одних семьях; видели их в быту, как обычных, простых людей. Вот поэтому в моей книге «Сибиряки идут!.. Славные сыны Алтая» я делюсь своими воспоминаниями о фронтовиках, таких, какими они, герои на фронте, были в ежедневных наших буднях, в семье и на работе; о том, какие личностные, человеческие их качества остались в моей памяти. Описывая, какие-то жизненные эпизоды, пытаюсь воссоздать, пусть мозаично, ту обстановку, окружение, быт, в которых находились герои минувшего века, пройдя всю войну и вновь вернувшись к своей обычной, мирной жизни, к обычным своим профессиям: шофер, слесарь, учитель, рабочий и т.д., ничем себя не выделяя среди других, не козыряя своими боевыми наградами и доблестями на фронте, где столь ярко проявились их глубинная, человеческую суть, величие духа, показав, на какие невероятные подвиги, отвагу и героизм они способны. Да, такие обычные, казалось бы, люди в повседневности, на войне проявили себя настоящими героями, мужественными и стойкими, обладающими высокими духовными и физическими силами, понятиями о патриотизме и верности своей стране, ради независимости которой не пощадили самого дорогого — своих жизней. Мы должны рассказывать о наших ветеранах, ушедших и еще живущих, реальных, а не выдуманных, таких, какими знали и запомнили их и в повседневности. В итоге это и явится своего рода социально-общественным срезом уходящего, героического поколения, свидетелями жизни которого мы являемся. Это — поколение людей с высокими морально-нравственными, этическими и гражданскими качествами, сильных духом своим,— с высочайшим, исконно русским духовным кодом,— честные, открытые, гуманные, мужественные, отважные, храбрые, причем в подавляющем своем большинстве — «от земли, от сохи», из крестьянства, и рядовые, и генералы, и маршалы, как сам «Маршал Победы» Г. К. Жуков, чьи подвиги слились в массовый героизм русского воинства.

В истории нашей страны этот период осмелюсь назвать эпохой фронтовиков — золотой фонд нации; поистине, редкостный сорт людей особой породы не только в российском, но и в мировом человеческом генофонде, не побоюсь столь высоких слов об этом, уходящем, поколении. И мы — счастливые люди, которым довелось жить в эту эпоху фронтовиков!

Наши отцы, деды и прадеды подарили нам жизнь, будущее и мир. Мы благодарны! Низко кланяемся нашим воинам-освободителям!

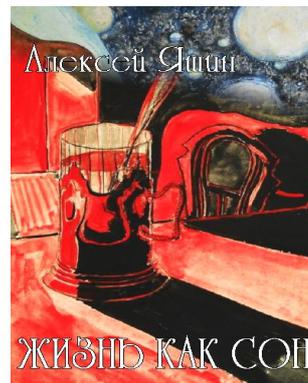
Помним! Чтим! Гордимся! Сегодня! Завтра! И — всегда!

Текущий, 2025, год объявлен в России годом Защитника Отечества в честь 80-летия Великой Победы в Великой Отечественной, подвига советского народа в этой войне; сегодняшних защитников Отечества, доблестно воюющих на СВО, уверенно подхватив знамя Победы от отцов, дедов и прадедов. «Знамя, омытое кровью, мы понесем вперед!»,— невольно вспоминаются слова известной песни о героях Второй мировой. И также, как их предки, проявляют чудеса героизма и стойкости духа наши воины на СВО. Наше дело правое! Мы победим!

Алексей Яшин
(г. Тула)

**НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА
«ЖИЗНЬ КАК СОН»**

К ВОПРОСУ О ЗАПАХЕ ДЕНЕГ

Нам нужна, говорит, промышленность, промышленности у нас мало. Надо ее родить. Надо капиталы родить, значит, среднее сословие, так называемую буржуазию надо родить. А так как нет у нас капиталов, значит, надо их из-за границы привлечь.

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное
событие или пассаж в Пассаже»

Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...

Ф. М. Достоевский «Подросток»

◆ Узнав из телефонного разговора с писателем Бурцевым — после его деловой части, конечно, о странном библиотечном мероприятии под названием «Зачекинься в нашей библиотеке», профессор Скородумов посмеялся, но рекомендовал особо не задумываться. Тем более над новорусскими словами-уродцами. Зато про дедка в автомобильных очках на хозяйственно доработанном китайском электросамокате выслушал внимательно и резонировал серьезно, без смешков: «Сразу видно настоящего, профессионального писателя: в корень смотришь! Это я про хозяйственную доработку издания Сычуаньского или какого-либо Тваньканского велосипедного завода, где цеха коммунистического труда еженедельно отгружают состав железнодорожный таких электросамокатов, который и направляют к нам через речку Амур. Кстати, я сам пару схожих дедков на таких переоборудованных встречал, да как-то особо не задумывался. А как от тебя услышал, так и стройная мысль в голове нарисовалась. Ведь сейчас Китай стал мастерской мира по части ширпотреба? У нас в особенности промышленность по этой части, да, собственно говоря, и по всем другим, смизерилась. Чем китайцы и пользуются, состав за составом — это к нам, сухогруз за сухогрузом — в остальные страны, отправляя со всем, что только спрос имеет: от гвоздей и шурупов до смартфонов и планшетов, разработанных в калифорнийской «силиконовой долине». Раз же промышленности бытовой у нас мало, так зато мастеров-самоделкиных, что старшего возраста, еще достаточно осталось от недалеких времен, когда русский мужик все сам делать умел. Если же жена слышала от мужа, что-де смеситель в ванной плохо фурычит, надо бы из ЖЭКа водопроводчика позвать, то

она смотрена на супруга этак странновато, жалеючи, как обычно женщины смотрят на всяких недееспособных: сумасшедших, инвалидов, криворуких интеллигентов в шляпах и при галстучке. Ха-ха-ха! я не про нас с тобой, Матвейч, говорю, а так... в общем. Так что массовая хозяйственная переделка китайских электросамокатов — это добрый знак: жив курилка! народ наш не утратил способность к чему угодно принаравливаться».

Андрей Матвеевич, торопясь по своим делам, все же в окончании разговора подольстил профессору: «Ну-у, дорогой Игорь Васильевич, ты прямо-таки из ничем не примечательного факта цельное журналистское расследование по всем правилам жанра произвел!» На том приятели и распрощались, каждый вернувшись к своим делам. Андрей Матвеевич продолжал редактировать материалы авторов для очередного номера издаваемого им литературного журнала «Срединная Россия», а Игорь Васильевич к написанию своей книги об эволюции человека, понятно дело, заметно отличающейся от теорий Дарвина, Фридриха Энгельса и всех остальных мировых авторитетов. Телефонный звонок от Бурцева как раз прервал окончание параграфа, где профессор Скородумов доказывал вероятный сценарий из этнографии наших далеких предков, а именно, что неандертальцы и кроманьонцы пересеклись во времена эволюции гоминоидов. Поэтому современные люди генетически унаследовали черты тех и других. Явные признаки неандертальцев присутствуют в генералах, прапорщиках, руководителях и братках «лихих девяностых» — во всех носителях грубых черт лица и сильной воли. Наследники же кроманьонской ветви — преимущественно слабосильная интеллигенция: головки тыковкой, мямли, часто безденежные.

Но прежде чем он продолжил описывать характеристики потомков неандертальцев и кроманьонцев в среде современных людей, Игорь Васильевич несколько раздраженно подумал о похвале Бурцева: ты, дескать, настоящее журналистское расследование провел! Гм-м, сомнительная похвала, ибо профессор выражение *журналистское расследование* в числе ненавистных для него слов и определений ставил сразу после *проблемы*, каковой термин-американизм совершенно не выносил, встречаясь с ним печатно и изустно. Он справедливо полагал его словом-паразитом, коверкающим великорусский язык. Насчет же пресловутого *журналистского расследования*, то при встрече со своими приятелями в славном заведении «Наливай-ка!», что недалеко от корпуса биофака, где Игорь Васильевич обитал в скромном своем кабинетике, после третьей стопки он нередко садился на своего излюбленного конька: «Какое-такое расследование? Работу у ментов отбивать? Ведь верно сказано, что не в свои сани не садись, а пироги должен печь пирожник, сапоги же тачать сапожник... даже если он в стельку пьян... И почему журналистам, обычно нахрапистым, но малограмотным акулам пера, молчаливо передана «от ментовки» привилегия вести такие «расследования»? Неужели их этому учил буквально на днях почивший, полстолетия бессменный декан журфака МГУ Ясен Засурский? Это которого (болгарское?) имя обессмертено в студенческом фольклоре журфака на мотив известной песни:

*Я спросил у Ясена:
«Где моя стипендия?»
Ясен не ответил мне,
Качая головой...*

Профессия, конечно, у них специфическая, все выведывать, выискивать, вынюхивать, да зачастую переувра, сразу тискать в печать, либо скороговоркой в радиомикрофон, брызжа слюной вдохновенье, тараторить, а уж на телеэкран, где больше всего платят, выходить, так всезнающим представляться. Но как не представляйся, выше головы не прыгнешь: для квалифицированного розыскания особая подготовка нужна, ведь не одной же фуражкой с красной окантовкой (сейчас всемирная бесфор-

менная матерчатая шапочка с утиным козырьком) милицейские-полицейские отличаются от людей штатных? И учат их розыску не в один присест: как из армии дембельнулся, так на полгода в сержантскую школу; звездочки на погоны уже после училища среднего или высшего прищипливаются. А кто пожелает серьезную карьеру сделать, то после майорской отметины в академию определяется. Здесь же диплом журналиста получил — и в розыск!

♦ Вздумай вот он, Игорь Васильевич Скородумов, предпринять, оповестив всех сослуживцев, «профессорское расследование» по теме: почему зарплата ихнего ректора есть фигура умолчания и каков реальный его месячный доход? — так на другой же день уволят из универа с волчьим билетом. И так по всем, кроме как журналистской, профессиям: «дворницкое расследование» по части расходования собранной с жильцов управляющей компанией «Счастливый дом» средств, коль ему, дворнику-гастарбайтеру Джавалыму Гафуровичу Эшбоеву, самому приходится метлы из подсобных веток и прутьев вязать; или слесарное расследование, учительское, домохозяйкино (это не по части мужниной заначки), офис-менеджерское? — За 99,9 % подобных расследований всем чем угодно поплатиться можно, а вот одни журналисты только купоны стригут, на гонорарии расследовательские «ауди» большевистской расцветки — ибо дураки и девки-давалки красное любят — покупают.

А может это в действительности все туфта про «журналистские расследования»? Как началось с советских игровых фильмов навроде «У озера» школы Герасимова, так и перекечовало в нынешние идиопатические сериалы, а? Ведь таковое расследование есть прямое нарушение закона: расследование правонарушений, тем более сугубо уголовных, есть прерогатива *только* соответствующих официальных органов и служб!

Потому и Игорь Васильевич не рядовой профессор, но многократно заслуженный и почетный, чтобы не проанализировать досконально любую докуку, что втемяшилась в его высокоученую голову — массивную как у неандертальца, но склонную к размышлениям, что и потомка кроманьонцев в нем выдает. Так и по журналистской части. Ладно, пусть пресловутые журналистские расследования во многом есть выдумка киношников. Хотя и поднадоевшая от частоты повторов, но успокаивающе действующая на основной состав телезрителей, то есть пожилых женщин-домохозяек и средневозрастных обитателей хрущевских пятиэтажек в окраинных спальных рабочих районах.

Однако вовсе не киношная выдумка, а реальные государственные законы в странах всех частей света о деятельности журналистов и корреспондентов, защите и правах этой самой деятельности. И об этих законах во всех новостных выпусках прямо-таки вопиют телеведущие, дескать, опять там-то и там-то нарушили права прессы: не пустили, разогнали, оскорбили, дали по шее и пр. Особенно поражали профессора Скородумова возмущения телеведущих, особенно женского пола (на Западе возможно и трансвеститов) с их изящной жестикуляцией, трагической голосовой модуляцией и прочими театральными вывертами, когда речь идет о корреспондентах из зон военных конфликтов и бесчисленных цветных революций и гибридных войн. И здесь: полное нарушение прав прессы! героические корреспонденты и произвол... кого надо! полное неуважение к доблестным правдоискателям достоверной информации! И так далее в той же тональности.

...Как-то раз после посещения заведения «Наливай-ка!» с приятелями Николаем Андреевичем и писателем Бурцевым, где они несколько переусердствовали с хорошей по качеству, пропущенной через серебряный фильтр водочкой производства Ленобласти, провел Игорь Васильевич ночь в прерывистых (вставал сходить на кухню выпить холодной воды) и суматошных снах. Коль скоро в веселом заведении «с подачей» зашел разговор о «журналистских расследованиях» и корреспондентах в нынешних зонах военных конфликтов, то по законам науки психоло-

гии в части подсознательного один из этих прерывистых снов как раз на журналистскую тему вышел.

Привиделся сон из времен Ивана Васильевича, который Грозный, в отличие от Ивана III, тож Васильевича. Ливонская бесконечная война, предательство князя Курбского, бежавшего в Литву, знаменитая его переписка с царем, в советское время в веселые шестидесятые-семидесятые годы породившая кучу анекдотов, правда, сугубо матерных. И в эти-то годы противостояния России с западными соседями полчища литовско-польских корреспондентов одолевают верхних бояр и думных дьяков русского царя, нагло требуют интервью с самим государем, ссылаясь на западную свободу добывания информации. Не хуже их и нашенькие акулы пера еще не существующих на святой Руси пакостных газетенки. И они в Варшаве, Кракове, Риге и Кёнигсберге крутятся около самых что ни на есть ясновельможных панов и гофкригсшурштшнапратов* (это в Пруссии), с наглинкой коренных московских жителей требуют сведений о намерении панов и ливонских потомков рыцарей на очередную зимнюю кампанию супротив русского медведя, их, корреспондентов *Moscow News*, законного государя Иоанна Васильевича Рюрикова...

И руки чешутся у чертей-молодцов из Разбойного приказа похватать ливонских корреспондентов да в бочку их, в бочку с кипящей смолой, еретиков католических! Те же высокие чувства теснят под латами груди ясновельможных панов: наглых москвитов из *Moscow News* на кол всех пересажать, либо в медных, полых внутри, быков посадить, разжечь костерки под быками, ай да любо, ай да добже! — Несчастный орет от боли, а голос его, усиленный хитрой механикой медного быка, орет по-звериному.**

Но увы! Руки тех и других, в Москве и в Варшаве, связаны всеевропейским договором, инициированным коварной Англичанкой: о праве народа на свободу информации, согласно которому никакая власть — от Пиренеев до завоеванных Ермаком Тимофеевичем земель сибирской Синей Орды — не вправе препятствовать работе корреспондентов всех мировых СМИ. Терпите, ясновельможные и которые из Разбойного приказа, да обрящите свою толику от общечеловеческих ценностей! Затем во сне декорации времен Ливонской войны заменились по странной прихоти работы подсознания на Гражданскую войну между Севером и Югом в Северо-Американских Соединенных Штатах***. Уже погибли в кровавых сражениях миллионы американцев, но в салунах прифронтовых городков в штатах Кентукки и Теннесси, как говорят сами американцы — между Луисвиллом и Мемфисом, встречаются за вечерним виски соборы газет Чикаго и Нью-Йорка и их коллеги-конфедераты. Как истинные деловые янки и не менее охочие до «мек моней» южане, они честно делятся на «нейтральной полосе» взаимноинтересующими новостями...

На этом эпизоде Игорь Васильевич снова проснулся: перегулявший накануне организм все требовал, умолял о холодной воде. На кухне достал из холодильника вожделенную полторашку, налил стакан, с наслаждением выпил — и почувствовал, что сон пропал. Потому поставил на огонь чайник, закурил, а про чудные видения из различных исторических эпох подумал, усмехнувшись, по-народному: Сталина на них не было тогда! Попробовали бы даже в потаенных мыслях в Сталинграде корреспондент «Правды» Алексей Каплер, а в другом квартале воюющего города посланный из Берлина репортер «Фелькишер Беобахтер»**** Ганс Ферфлюхтер, подумать о свободе информации! Так оба в тот же миг, зажмурив на секунду глаза, узрели бы майора НКВД с бритой головой и в круглых роговых очках или гестаповца в черном мун-

* См. «Войну и мир»; там Лев Толстой похожее слово по-немецки сочинил...— Прим. авт.

** Средневековая польская казнь.— Прим. авт.

*** Так США именовались (САСШ) до первой трети XX века.— Прим. авт.

**** «Народный наблюдатель» (нем) — главный печатный орган Национал-социалистической рабочей партии Германии, то есть ведущая газета Третьего рейха.— Прим. авт.

дире в чине оберштурмбанфюрера — каждый по своей принадлежности к воюющим сторонам. Но ведь на все эпохи, времена и государства Сталиных не найдешь! Вот и нынешние, в эпоху гибридных войн и «цветных» (это не о педермотах... хотя и о них тоже) революций, журналоги по всему обитаемому миру совсем страх потеряли. И правая рука профессора Скородумова, явно и автономно преступая выработанный многими годами девиз Игоря Васильевича «опохмелка — вторая пьянка», разгулявшись, открыла дверцу холодильника, на автомате взяла с этой дверцы початую бутылку коньяка, наполнила стопку на восемьдесят миллилитров. Профессор с интересом наблюдал за своей рукой, обретшей независимость от организма, главное — от головы, и только когда эта самостоятельная правая рука влила в рот содержимое мерной стопки, Игорь Васильевич... одобрил действие своей руки.

А где стопка, когда за окном только-только наметился ранний майский рассвет, там и легкая закусочка, а вот и чайник закипел — и пачка почти настоящего индийского, отдаленно вкусом похожего на «Слоника» советской эпохи Рязанской чаеразвесочной фабрики, с полки кухонного шкафчика в дело пошла. А там лимончик, сахарок, медок (уважал чаек с медом-то!). И совсем весело подумал ночной мечтатель о всех этих репортерах и газетчиках: «Какая-такая свобода информации? За что платят, то и сочиняют: деньги-то не пахнут. Сейчас же и вовсе мутату несут эзмэишники: настоящее *глюкало*.

♦ Только это забавное словечко всплыло в голове Игоря Васильевича, так он, захватив рачительно стакан свежесваренного чая... с медком и лимончиком, мигом впрыгнул в лучшую модель из гаража личных машин времени, что-то навроде «феррари», и умчался в годы своей инженерной молодости — еще до НПО «Меткость» академика Гусакова, когда по распределению попал в только что основанное Центральной КБ агрегатостроения, понятно, как и все в их городе — сугубо оборонного профиля... но больше в наступательной части. Как молодого специалиста, будущего профессора Скородумова нещадно гоняли по командировкам: от «одним днем» в ближнюю столицу отвезти-привезти нужные бумаги, чертежи или письма, до недельных в «оружейный край», куда в войну эвакуировали все военные заводы, то есть в полосе между Волгой и Уралом (не рекой — горами); пару раз (лиха беда начало — сколько-то впереди!) уже довелось по месяцу провести на полигонах: в оренбургском Капустинном Яру, Кап-Яре по-разговорному, и в казахском Донгузе.

Известное дело, командированные, отбыв дневной урок, не по театрам и местным достопримечательностям, например, бескрайним степям окрест Кап-Яра и Донгуза, прогуливаются, а в гостиничном номере, скучившись у стола с бутылками и нехитрой закуской из местного гастронома, беседуют попеременно о сегодняшнем испытании «изделия», о смутных надеждах на повышение оклада к очередному революционному празднику, затем переходят к свежим анекдотам о руководителях партии и правительства, о Чапаеве и чукчах. Когда анекдоты исчерпаны, а про работу с души воротит говорить, переходят, как в пионерском лагере перед отбоем, к разным страшилкам и веселым басням с глубоким философским содержанием.

Вот такую философскую басню о *глюкале* тогдашний начинающий инженер Игорь (далеко еще до уважительного Игоря Васильевича...) Скородумов слышал не раз в командировках — между Волгой и Уралом, тож в Кап-Яре и Донгузе, — всякий раз оценивая народную мудрость. Заодно отметил для себя: все рассказчики были, как на подбор, суть командированные из Рязани, где очень много крупных оборонных конструкторских бюро и военных заводов. А раз это не случайное совпадение, размышлял инженер Игорь, значит *глюкало* вовсе не анекдот, но некогда бывшее в скучных рязанских краях народное развлечение. Так и быть начиналась с этой самой скуки. Дескать, в каждом селе, деревне тож, что расположились на западном, высоком берегу Оки, как соберут мужики что бог подаст на урожай, подготовят землю на зиму до следующего севооборота, инвентарь подновят — это где про сани и теле-

гу,— в меру попьанствуют на двенадцатые, особенно Рождество Христово, а там снежком рязанские просторы укутает до самой весны. Чем заняться? Хорошо бабам — по соседям языками молотят, да девкам с парнями — хороводы водят и женихаются в просторной избе Дашки-бобылки. Вот и придумали себе занятие на зиму основательные мужики.

Подхарчится с утра такой мужичишка, задаст хозяйке, сыновьям со снохами урок на короткий зимний день, да уйдет в сарай, где из всякого бросового материала, подгнивших горбылей, ненужных в хозяйстве обрезков досок, разломаченных веревочных концов, сучковатых жердин и прочего хлама что-то мастерит непонятное, громоздкое, этакое разухабистое. Идут скучно зимние дни друг за другом, потом недели, а за ними месяцы. А мужик все с утра до вечера в сарае городит невесть что. Но вот после масленицы великий пост пошел, а к ранней пасхе запахло в воздухе грядущей весной. А там ледоходом Ока забурилась, глянть — и чистая вода! Отстояли мужики со своими бабами, сыновьями и снохами всенощную, разговелись в светлое Христово воскресенье, а наутро к самому высокому утесу окского берега потянулись ото всех дворов мужики, ведя под уздцы своих лошадей, а на телегах что-то большое, облое, совершенно ни на что не похожее. «Все собрались? — кричит староста, — давай, сталкивай поочередно, начиная от хозяина самой дальней левой избы. Давай, Ерофеич!»

И мужики в строгой очереди порядка их изб на единственной деревенской улице подводят коней к самому краю утеса, разворачивают в сторону Оки телеги и, поднатужившись, сбрасывают привезенные разлапистые зимние рукоделья, что летит с утеса, набирая ускорение по закону Ньютона, и... *глюк-ю-к!* — издает громкий звук, падая в зеркальную гладь реки и тотчас исчезая в омуте воды, что обычно вымываются по утесам западных* берегов рек. К обеднишней, что означилась колоколами в ближнем к деревне селе, и пошабалили. И староста доволен мужиками, говорит, оглаживая кудрявую свою бородищу: «Славно, ребята, зимой поработали, ишь каких *глюкал* понавыделывали! Одним словом — промышленники не хуже городских мастеровых, что по гудку на свои фабрики ходят. Но самый громкий глюк, да еще с октавой подстать дьякону Ферапонту, когда для густоты баса примет полштофа очищенной, случился сегодня у Варфоломеича. А раз так, то и горка его до следующей весны! Сейчас все на обедню в церкву мигом, а опосля выставляю обществу четверть! Гайда, мужики». Заулыбались, заухмылялись мужики, а Варфоломеич подбоченился, загородился... В голове же держал, что по издавнему обычаю, соседский помещик, большой чудак, что все хлопчет о развитии в уезде культурного севооборота по заграничному образцу, потому поощряет выделывание бывшими его крепостными мужиками *глюкал*, как наивных первенцев отечественной промышленности, обязательно через управляющего своего передаст победителю красненькую ассигнацию. Дармовые, конечно, деньги, за баловство дареные, размышляет Варфоломеич, но ведь они не пахнут, а хозяйству его прямой прибыток.

◆ Припомнил Игорь Васильевич из давешней были о *глюкалах* слова Варфоломеича о не пахнущих дармовых деньгах и тотчас помчался на своем мысленном «феррари», а может и на «ауди», из лет своей инженерной молодости по восходящей шкале времени в самое начало лихих девяностых годов. Все кто мог по убеждениям и возможностям, тот торговал родиной оптом и в розницу. В образовательной же и научной сферах в те же годы засверкало взорвавшейся сверхновой звездой имя американского миллиардера из венгерских евреев Джорджа Сороса, он же изначально Дьёрдь Шорош, он же Дьёрдь Шварц... словом Джордж Тимодарович Сорос — это на уважительный русский манер. Тогда и сейчас многие умные люди полагают его прямым представителем Тайного мирового правительства, организующего глобализацию.

* Как в школе (правильно) объясняют: западные берега рек всегда высокие, подмываемые, а восточные — заливные, размываемые, что есть действие (это уже в вузе объясняют) сил Кориолиса: вращение Земли и течение реки.— Прим. авт.

Это самое глобалистское правительство поручило Соросу на развалинах бывшей советской страны свести к ничтожеству образование детей и молодежи, переманить на Запад бывших советских же ученых и пройтись ситом, выискивая научные и промышленные передовые разработки, что велись в только что уничтоженном Советском Союзе. И попутно установить контроль над всем и всея в стране. За все это Джордж Тимодарович платил долларами: по-американски скуповато, но для полностью обнищавших бывших строителей коммунизма и десятицентовая монетка — деньги! Так училкам-«соросовкам» за их согласие учить школяров по специально напечатанным учебникам с клеветой на советскую власть и дебилизацией по всем предметам единократно выплачивали «штуку», то есть тысячу долларов. Профессорам, чем-то приглянувшимся агентуре фонда Сороса, давалось звание «соросовского профессора», а деньгами поболее чем училкам-«соросовкам». Понятно дело, что купленные профессора эти регулярно отчитывались перед фондом, а тамошние, во-первых, вытягивали из них что только можно; во-вторых, вербовали наиболее способных студентов, аспирантов и начинающих преподавателей для работы на Западе — конечно, из числа черновой, околонучной.

Игорь Васильевич, как человек исконно русский, то есть с достаточной толикой сообразительной хитрости, не прочь был подзаработать на дармовщину долларов — желательно в пачках стодолларовых купюр, — взамен подсунув соросовским идиотам по жизни, как и все америкосы, чистую туфту. Но как? Он не училка школьная. А так как лишь недавно, в самом начале девяностых, защитил в Москве докторскую диссертацию, то научным званием профессора еще не обзавелся, без которого в соросовские профессора не брали. Как быть, ибо охота больше желания? Ответ на вопрос решил сам собою: в один из ранних осенних дней его секретарша Оля (он только что получил докторский диплом, а с ним и должность первого зама — по науке — директора вновь создаваемого в их городе медико-биологического научно-исследовательского института) принесла почту. А в той почте заинтересовался рассылаемым по всем научным учреждениям страны, в смысле России, объявлением, что-де фонд Сороса для привлечения и поощрения чем-либо выдающихся талантов в сфере естественных и технических наук (далее шел обычный треп о заботе фонда в части научного прорыва России — страны новой демократии)... словом, кто пройдет по условиям конкурса, очень даже простым, тот получит по пятьсот долларов — и никаких отчетов: получил и умойся!

Игорь Васильевич даже не задумывался: широким ситом, ибо объявлялось, что «пять тысяч наиболее достойных» будут одобрены конкурсным жюри, соросовцы за пятихатку поганых их долларов желают прочесать всю страну и составить для ЦРУ и других заинтересованных ведомств весь расклад по всей России: кто, где и чем занимается. И вопросы анкеты для заполнения соответственно составлены: хитровато, но опять же с американским тупоумием. Однако... когда зарплату месяцами не платят, а сама она за неделю вдвое обесценивается из-за гайдарномики-инфляции, то и пять сотенок гринов почти подарок судьбы: семейство его не один месяц сможет приварком к обычному харчу побаловаться... А потом деньги не пахнут, и дезинформация извечного врага — святое дело. В советское недавнее время на Лубянке целиковый отдел этим занимался: за нехилую зарплату и высокие идеалы строителей коммунизма.

Начерно ответил на вопросы анкеты: список его опубликованных статей и книг выглядел основательным; зато дал волю потному валу вдохновения, отвечая на хитроумно составленные вопросы о трудовой карьере, роде занятий и темах исследований. Сам залюбовался, но в беловом тексте постарался придать своему научному жизнеописанию более строгий характер. Опять же политкорректно выправил допущенные вольнолюбивые ремарки. Как говорится, кто заказывает музыку, тот и девушки танцует... Войдя в детективную роль двойного агента спецслужб, Игорь Василь-

евич, хватив для бойкости пару стопок (в лихие девяностые даже язвенники и трезвенники с утра на службе взбодрялись, чтобы отвлечься от нелепостей обыденной жизни), безбожно искажал названия предприятий, где он работал, полунамеками общал что ко многому причастен. Но это многое туманно облачал в секреты полишинеля, что-де черное есть черное, напротив, белое — белее снега...

Умная не по-девичьи секретарша Оля, набирая на компьютере текст расширенной анкеты своего начальника, восхищенно посмеивалась. Ее смешок доносился из предбанника в кабинет через всегда демократично растворенную дверь и служил явным доказательством: все верно Игорь Васильевич отразил в своей научной псевдобиографии.

Отправив через институтскую почту заказным письмом анкету на соискание полштуки «зеленых», Игорь Васильевич несколько дней похихатывал, вспоминая о забавном происшествии, но скоро напрочь забыл: и без того дел невпроворот в институте в начальный период его создания.

Но где-то в третьей декаде холодного (тогда полутайное мировое правительство еще не изобрело в своих многозначительных целях «глобальное изменение — в сторону потепления — климата»), дождливого ноября месяца все та же Оля поздравила шефа открыткой из Москвы, проштемпелеванной — ведь соросовцы закинули частый бредень сразу на пять тысяч наивных, исключая Игоря Васильевича и некоторых других умников, то есть хлопотно каждому из них отдельные тексты писать! — квадратной, во все поле открытки печатью. В графе ее были вписаны ФИО адресата, рекомендуемая дата и время приезда. А из штемпельного текста следовало, что Игорь Васильевич удостоен вожденной им долларовой пятихатки, за получением которой его ожидают такого-то числа во столько-то часов в комнате № <трехзначная цифра> здания химического факультета МГУ на Воробьевых горах, рядом со знаменитой сталинской высоткой физфака... понятно, в штемпеле имя Вождя не упоминалось, это уже мысли самого счастливица.

Вписанная в штемпельный оттиск дата указывала на вторник следующей недели, потому Игорь Васильевич и прибыл в этот день в столицу, подгадав такую электричку по расписанию, чтобы аккуратно прибыть на химфак к назначенному часу: в такую непогодь в чужом городе тоска смертная без дела болтаться!

...Как пожаловалась Игорю Васильевичу соросовская секретарша, причислив его город по близости к столице «к своим», дескать сегодня неожиданно-негаданно привалили сразу полторы сотни *этих провинциалов* из волжских областей. «Так что, уважаемый Игорь Васильевич (прочитала по открытке), придется вам до вечера в очереди промаяться», — вроде как даже посочувствовала. Выяснил, что очереди надо ждать-перемогать в канцелярию соросовской комиссии, где оформляли всякие справки и чек на получение долларов.

Уже по-осеннему, предзимнему совершенно стемнело за окнами, когда измаявшийся от ожидания среди чуждой ему толпы богатырей с Волги, почти всех шапочно знакомых друг другу, потому время для них веселее шло, вошел в заветную дверь. Из здания химфака он вышел с чеком на конкретный банк, что располагался (в канцелярии ему дали распечатку схемы, как до него добраться) в каком-то переулке на задворках Белорусского вокзала. Словом, когда новоявленный соросовский крестник с уложенными во внутренний карман пиджака (а поверх его теплый по погоде, чешский плащ-пальто — в таком покойный Леонид Ильич щеголял) пятью зелеными бумажками с портретом еще более покойного президента Франклина и масонскими знаками добрался до Каланчовки, то едва успел на предпоследнюю восьмичасовую электричку — последняя и вовсе «в ночь шла». В начале девяностых торговля съестным и питейным, что называется с пылу-жару, еще не развернулась, так что Игорь Васильевич, голодный целый день, еще четыре часа трясся в электричке. Как вечерняя, была она «сборная», останавливалась на всех станциях и полустанках, даже ко-

торые без названия. На полуночном троллейбусе добрался до дома уже в календарно наступившем новом дне — среде.

Только набив желудок суточным харчем и выпив несколько стопок водки, что имелась у него в заначке, путешественник, в данном случае не во времени, но в расстоянии до близкой столицы, успокоился от суеты сует холодного и дождливого позднего ноябрьского дня. И даже спал спокойно, несмотря на резиново набитый желудок — единоразово и на ночь. Засыпал и проснулся поутру с навязчивой мелодией в голове, что-то на мотив из далекого пионерского детства про «детей рабочих», но с иными словами — из античной истории: «бойся данайцев, дары приносящих». Деньги, конечно, не пахнут, если перед тем как их взять, не есть прямо руками жирную атлантическую селедку пряного бочкового посола, но права и народная мудрость: бог дал, бог и отнял. Сорос, конечно, на роль бога не тянет, тем более, что Игорь Васильевич по родословной своей по православному ведомству состоит, но доллары его нечестивые, потому у Скородумова и не задержались: прогулял-профартил по своей сорокалетней второй молодости и здоровью.

ИЗ ПУСТОГО В ПОРОЖНЕЕ

— Тогда новая жизнь,— говорит Кириллов Ставрогину,— тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут разделять на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до... (выд. Д. С. Мережковским.— А. Я.)

— До гориллы? — с холодной усмешкою подхватывает Ставрогин.

Д. С. Мережковский «Л. Толстой и Достоевский»
(передача сцены из «Бесов» Ф. М. Достоевского)

В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождению великого порога запредельных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атомического развития.

Джеймс Джойс «Улисс». Часть II. Эпизод 12

◆ А что же наш матерый доцент-ракетчик Николай Андреевич разленился в расслабляющем душу и тело месяце мае? В то время как друзья его, профессор Скородумов и писатель Бурцев, разъезжают по историческим эпохам на своих личных автомобилях и китайских самокатах времени, едва успевая между вояжами свои служебные дела перелопатить наскоро, встретиться в уютном заведении «Наливай-ка!», на худой конец остограммиться из заначенной заветной бутылочки. Или осторожничать стал уроженец Заполярья Николай Андреевич, забоялся в пенсионном возрасте езды в машине времени, что движется сквозь годы и века со скоростью света? Вряд ли... Но друзья забеспокоились: Игорь Васильевич наутро, после путешествия в «лихие девяностые» за долларовой субсидией (деньги не пахнут!) от американского миллиардера Джорджа Тимодаровича Сороса, он же Шорош, он же Шварц, обеспокоенно позвонил приятелю: дескать, дорогой Николай Андреевич, я вот только что сгонял в Москву и отхватил пятьсот баксов от акулы мирового империализма за туфтовую дезинформацию, промок в дождливом ноябре; Андрей Матвеевич тоже время даром не теряет, а ты чего в несознанке затишь?

Но вовсе не затаился Николай Андреевич, а свою личную машину времени давно не выводил из виртуального гаража своей памяти по той простой причине, что увлекся чтением французских исторических романов: такую чудакватую тематиче-

скую подборку из десятка книг он недавно обнаружил около их квартальной помойки. Аккуратной стопочкой были они уложены на камушек; даже газетка подстелена. Всю стопку книг Николай Андреянович и забрал домой, в основном по той причине, что начинал накрапывать дождик. Вот сердце и душа истинного библиофила и не выдержали, хотя бы давно в квартире все свободные горизонтальные поверхности, кроме пола, плотно уставлены книгами.

Вроде бы из снисходительности книги домой принес, спас от приведения в полную негодность действительно разразившимся плотным дождем под аккомпанемент звончатой майской грозы, однако... раскрыл наугад том Виктора Гюго, затем Романа Роллана, а потом и вовсе увлекся. Что не успел прочитать в юные и более зрелые годы, то и восполнял сейчас.

Как раз перед звонком профессора Скородумова читал роман ранее не знакомого им писателя девятнадцатого века, а именно главу, в которой живописно рисовался быт каторжников во французской Гвиане, или по названию главного города — Кайенне, что на атлантическом берегу ближе к северу Южной Америки. Из ранее читанного помнил Николай Андреянович, что Кайенна эта вовсе не курорт, а большая каторга, куда не одно столетие спроваживали, перевозили из Франции тяжких преступников. Место там такое, что никуда не убежишь: справа Атлантика, слева тоже Гвиана, только голландская, а с юга — необитаемая бразильская сельва. Куда ни кинь — всюду клин, не убежать! Поэтому в тюрьмах-крытках каторжан не держали, а заставляли под бичами охранников проливать пот на плантациях. Оттуда и знаменитый кайеннский перец — самый жгучий и едкий в мире. О нем Николай Андреянович много читал в книгах зарубежной классики, но пробовать на вкус не доводилось. Даже в наступившие времена «изобилия на прилавках» что-то не слышал он об этом каторжном перце.

То ли незнаемый раньше Николаем Андреяновичем французский романист распустил вожжи своей фантазии, или во время оное столько каторжных сослани в Кайенну, что плантаций перца и прочего овоща для них не хватало, но читал он про унищереия тюремщиков: как воспитательно занять подопечных монотонным трудом? Получалось, что, не желая ломать голову, французские надсмотрщики остановились на методике «таскать из пустого в порожнее», в смысле — наоборот: между двумя озерами, отстоящими друг от друга в полукилометре (в романе расстояние указывалось по французской мере: десятая часть *лье*), выстраивали в две встречные колонны, с интервалом следования в три шага, каторжан с ведрами, в которых бедолаги в течение всего светового дня переносили воду из одного озера в другое и обратно.

Уникальность наказания несколько смутила Николая Андреяновича, поэтому, оторвавшись от чтения, вскочил в личную машину времени, крутанул ручку верньера на середину девятнадцатого века и очутился в Кайенне. Никаких ходок с ведрами он не обнаружил: все каторжники трудолюбиво возделывали перечные плантации, а надсмотрщики, почти не обращая внимания на подопечных, лежали сам-двое, сам-трое на травке, курили в трубках только одними французами признаваемый черный табак — капораль. Все же Николай Андреянович решил уточнить насчет ведер с водой. Но как? В школе и институте учил немецкий. Решил поискать понимающих по-русски, подошел к плантации и крикнул: «Русские есть?» Тотчас к нему подошел каторжник и поприветствовал на родном языке. Из завязавшегося разговора Николай Андреянович узнал, что соотечественник, отрекомендовавшийся дворянином Тверской губернии Васильчиковым Петром Тимофеевичем, движимый народно-освободительными идеями, поехал в город Париж, где принял активное участие в очередной революции, за что и был приговорен к кайеннской каторге. На интересующий гостя из будущего вопрос о пустопорожном переносе ведрами воды из одного озера в другой, русский нигилист и парижский инсургент Петр Васильчиков расхохотался: «Это вы, уважаемый, — не знаю вашего чина и звания — парижских газетенок и романов читались? Нет, здесь каторга правильная: норму по прополке перцев выполнил, так и

пайку свою получи. Глупостей здесь не уважают, не в России чай? Потом и надзирателям другого дела нет, как за колоннами водоносов следить. Они и так жизнью огорченные, тоже не по своей воле здесь маются, не хуже нас, каторжных — из штрафников они. Вишь на травке лежат целый день, в карты режутся, а вечером все в стельку. Напьются маисового или бананового самогону, усядутся на лавках перед нашими бараками и родные провансальские или овернские песни поют. Мы сразу различаем что пили: если маисовую, то веселое все выводят, а если банановку — от нее голова дурет, — значит на похоронный лад выводят. Навроде наших каторжных сибирских».

Прощаясь с Николаем Андреяновичем, просил дворянин Васильчиков в скором июне месяце на Петров день зайти в первую попавшуюся церковь и поставить перед иконой первоапостола Христова хотя бы гривенную свечку, а второй гривенник дать дячку с поминальной запиской для попава оглашения. В писульке же той написать: «За избавление скорбящего в железах боярина Петра от иноземного пленения и возвращения его же, многогрешного и раскаявшегося, на святую православную Русь». Закурили на печальных росстанях. Каторжанин с последней просьбой обратился: «Послушайте, уважаемый приват-доцент, тошнит меня от этого лягушачьего капоралля, может твоего табачка оставишь?» С большой охотой протянул Николай Андреянович страдальцу только что початую пачку *«pall mall»*, произведенного на питерской фабрике, бывшей Моисея Урицкого. Дворянин Васильчиков принял пачку с полупоклоном, но несколько удивился, увидев на ней английские надписи: «Так что у вас там в будущем в России и папиросы свои разучились свертывать, у англичанки табак за лес и пеньку берет?» Узнав же, что грядут для России такие невеселые времена, когда все табачные фабрики американцы на откуп возьмут, посочувствовал доценту, призвал крепиться духом: «Как Некрасов, с которым в петербургскую мою бытность мы комнаты от одной хозяйки снимали, писал: «Вынес достаточно русский народ, вынесет эту дорогу железную...» и куда-то там пойдет».

На том и распрощались, встретившись за тридевять земель. Николай Андреянович оседлал свою машину времени, а каторжный дворянин уныло побрел пропалывать урочную грядку кайеннского перца.

♦ Вернувшись со скоростью света с кайеннской каторги в свою квартиру, Николай Андреянович с неодобрением взглянул на книжку, раскрытую на странице с лживым описанием жизни сосланных на перечные плантации Французский Гвианы, чуток подумал, вовсе захлопнул неправдоподобный роман и положил на самую высокую полку книжного шкафа. «С глаз долой, из сердца вон», — приговорил он при этом действию. А вот к давешним словам каторжного русского дворянина, соседа Николая Алексеевича Некрасова, кстати, которому в этом году исполняется двести лет, по дешевым комнатам на Гороховой, он отнесся с полным доверием. Особенно в части вредного влияния банановой самогонки, от которой голова дурет. Он тотчас вспомнил свое далекое детство и отрочество в Кольском Заполярье. Не раз и не два слышал он из разговоров отца со знакомыми мужиками, что-де самогон можно гнать из чего угодно (в тех военных местах полный сухой закон), но только не из черники, сплошными зарослями которой покрыты все межсопочные лощины — куда ни взглянь. А потому такая «черничная» по башне сильно бьет, что в крохотных косточках коварной ягоды очень высок процент содержания цианистого калия!

Очевидно, по аналогии, хотя таковая и не приветствуется юриспруденцией на базе римского права, рассуждал Николай Андреянович, и в бананах схожая химия содержится. Вот почему сам он инстинктивно манкирует «неприлично сорта фруктом», как рассуждает купчик в рассказе Чехова...

Невольно возвращаясь в мыслях к недочитанному псевдоисторическому французскому роману, Николай Андреянович пришел к выводу: советские писатели того поколения, что плодотворно трудились в шестидесятые-семидесятые годы, а значит урожденные в конце первой трети минувшего века, действительно в молодые годы

много читали. А давешний роман о кайеннской каторге с ее водоносами если и не входил в программу школьного чтения «на лето», то пользовался широким читательским интересом. Иначе откуда дважды, в «хрущевскую оттепель» и в вольнолюбивые девяностые годы, в скороспелых повестях и романах пиаристых, как сейчас говорят, ловких и быстрых на подъем, с хорошо развитым верхним чутьем, как у русской гончей, сочинителей непременно присутствовала схожая ситуация «из пустого в порожнее». Как правило, описывалось житье-бытье заключенных на строительстве Беломор-канала, где эзков заставляли встречно возить в тачках камни между пунктами *А* и *Б*. На популярность этого сюжета, прямо-таки списанного с водоносов французского романа о кайеннской каторге, применительно к «сталинским репрессиям» и ГУЛАГ'у, Николай Андреевич обратил внимание еще в школьные годы, читая несколько лет назад изданные в ту самую «оттепель» книжки. А в девяностые годы, торопясь опоздать, пиарщики даже не с французского романа, а с книг оттепельных собратьев эту сценку переписывали...

Получалось, что эзкам на Беломор-канале вовсе нечего делать было, кроме как камни туда и обратно перевозить? Ладно в двадцатые годы на Соловках, в знаменитом СЛОН'е может и случалось что-то похожее. Но опять же заимствованно из французских романов о Кайенне, ведь в руководстве лагеря было достаточное число комиссаров-чекистов и людей еще дореволюционной книжной культуры. Вот и решили воспитательный опыт позаимствовать от фантазий парижских писак девятнадцатого века. Но вот Беломор-канал явно в такие фантазии не вписывался, ибо был он серьезной, стратегической стройкой, где каждый ее участник, вольный или ээк, был на плановом учете, на строго отведенном рабочем месте, поощряемый за перевыполнение нормы досрочным освобождением — это про эзков.

...А известный сочинитель многотомных историй с немалой толикой фантазий, «певец ГУЛАГ'а» так сказать, и вовсе дописался до того, что сам Беломор-канал был фикцией, никому не нужной, то есть грандиозным переносом камней из пункта *А* в пункт *Б* и обратно. Почтище намного кайеннских небылиц. Но Николай Андреевич родился и вырос во «владениях» Северного флота, в городе подводников, а отец его на том флоте полтора десятка лет прослужил, включая всю войну. Поэтому он со школьных лет знал: в довоенном генштабе, да еще с предусмотрительностью Сталина, свое дело исправно делали. Так и Беломоро-Балтийский канал имел прежде всего, да пожалуй и исключительно, важное стратегическое значение, ибо связывал в единый транспортный узел Ленинград и волжское Сормово с их крупнейшими кораблестроительными заводами и выходом на Белое море, а далее на море Баренцево, где одновременно создавался советский Северный флот. И когда Ленинград оказался в трехлетней блокаде, то именно сормовский завод единственный строил подводные лодки и надводные корабли для Северного флота (еще и для Каспийской флотилии), куда они и доставлялись по Беломор-каналу. Так что пальцем в небо попал «вермонтский отшельник»!

Но не только на Беломор-канале не «работала» легенда кайеннской каторги о пустом и порожнем. Все же вряд ли и на Соловках. Как рассказывал еще младшему школьнику Николке отец, обычно молчаливый, но разговаривавшийся под хмельком, когда его в конце тридцатых призвали во флот, то, как и положено, отправили в учебный отряд только что организованного Северного флота. А отряд этот, то есть база подготовки будущих матросов, тоже еще создавался на Соловках, где немногие местные жители хорошо помнили достославный СЛОН, то есть Соловецкий лагерь особого назначения, имевший место быть в двадцатых годах. Из разговоров с гражданской службой учебки отец многое узнал о быте этого учреждения. Понятно дело, что о кайеннском воспитании переносом из пустого в порожнее отец ничего от старожил не слышал, иначе непременно бы поведал любознательному сыну... между третьей и четвертой стопками, столь редкостными в полностью «сухих» владениях Северного флота тех лет...

♦ На этом историко-литературные размышления Николая Андреевича прервали ворвавшиеся через растворенную по причине уже разогревшегося позднеймайского воздуха балконную дверь резкие тархтящие звуки, приведшие почтенного и выдержанного доцента в несдерживаемое бешенство... Но все по порядку и с кратким экскурсом в совсем ближнюю историю.

Перенесемся на десяток лет (каждый волен воспользоваться, подобно нашим приятелям, личной машиной времени) в Китай, географически точнее — в небольшой городок Чжоувэнь, что в провинции Чжэцзин и в пятистах километрах южнее Шанхая. И еще конкретнее — на градообразующее предприятие: Чжоувэньский велосипедный завод. Только что в Пекине под аплодисменты десятитысячного делегатского зала и пения «Интернационала» завершился съезд Коммунистической партии Китая, а по всем предприятиям страны — от крохотных сельских фабрик до гигантов промышленного и военного машиностроения — по правительственной системе связи уже рассылались конкретные плановые задания во исполнение директивных решений съезда по увеличению номенклатуры и объема выпуска продукции. И директор велосипедного завода, название которого уже давно не соответствовало разнообразию выпускаемых ширпотребовских изделий, собрал руководство предприятия и представителей рабочих коллективов цехов и служб.* Без долгого подхода с партийной терминологией поставил задачу: в течение трех месяцев к заводу пристроят большой цех по производству в массовом, до полумиллиона в год, объеме ручных садовых травкосилок с бензиновыми моторами. В шанхайском конструкторском бюро сельскохозяйственной техники уже готовят комплект документации, конструкторской и технологической, на сенокосилку по образцу производимой в Германии. «Так что, товарищи, решение нашей партии безусловны к исполнению. Строители цех строят, а главный технолог завода, уважаемый Лю Сые, и начальник инструментальной мастерской, наш славный Эр Цянцзы, как только из Шанхая документацию перешлют — это через пару недель, — займутся подготовкой технологической оснастки и нестандартного оборудования. Планово-экономическая служба во главе с нашей дорогой Сяо Фуцзы с завтрашнего дня приступает к анализу нужного станочного оборудования для закупки его в стране и за рубежом — с ориентацией на Японию и обе Кореи. Курировать подготовку и запуск цеха буду я, поскольку в России, конечно еще советской, учился, тамошние порядки и народ знаю. Ведь вся продукция цеха целевым назначением на русский рынок!»

Вечером, поужинав в домашнем кругу — супруга, сын с женой и внуком, — директор, хотя и чувствовал себя в шестьдесят лет совершенно бодрым даже после насыщенного трудового дня, но поддерживаемый супругой уют в квартире на большую семью, уже в трех поколениях, все же расслаблял. Так полностью и не перейдя в домашности на интернет, над чем безобидно посмеивались сын со снохой, даже улыбался и шестилетний внучок, он по старинке посмотрел пекинские и провинциальные чжэцзинские новости по телевизору, после чего удалился в свою комнатку-кабинет. Усевшись в кресло, вспомнил давешнее деловое совещание и свою несколько неслужебную реплику об учебе в Советском Союзе, на факультете сельскохозяйственного машиностроения в Брянске, в Технологическом институте в семидесятых годах прошлого века. Вроде и много лет улетело с тех пор, жизнь на родине давно у него наладилась, карьера успешно завершается директорством на крупном по провинциальным меркам заводе... а все же — самые светлые воспоминания о том пятилетнем пребывании в небольшом русском городе, населенном хотя

* Если читатель по терминологии ностальгически вспомнил советские времена, то едко заметит: а где же партийное руководство завода на этом совещании? Поясним: уже не один десяток лет представители правящей партии отстранены от непосредственного участия в хозяйственных делах. И парткомы вынесены за пределы предприятий. А на своих собраниях они обсуждают вопросы теории коммунистического строительства. Это же хотел сделать и Сталин... — Прим. авт.

внешне суровыми и не улыбающимися людьми, но такими душевными и незлобивыми в общении!

Но особо ностальгически, до мимического напряжения лицевых мышц, вспоминалось студенческое общежитское братство: в комнате на четырех, трое русских, в смысле советских — один из них поволжский мариец, и он, Сянцзы, Мудрое институтское руководство специально так расселяло студентов-иностранцев, для языковой практики. Потому и сейчас, три с половиной десятка лет спустя, при необходимости может понимать русскую речь, а напрягши голову, и в общем-то сносно говорить. Хотя в девяностых годах пришлось выучить английский: на нем вся зарубежная документация. И со специалистами, приезжающими из-за рубежа, уже не по-русски как раньше, а на ду-ю-спик-инглиш приходится разговаривать.

Откинувшись на спинку кресла, Сянцзы прикрыл глаза и воссоздал картину былого: зимний вечер, их комната, за столом Василий и Сашок, а напротив Сянцзы мариец Андрюша. Все с одного курса, зачетная неделя перед зимней сессией — а сегодня все четверо успешно сдали зачет по деталям машин. Поэтому и ужинают не всухую: на покрытом клеенкой столе бутылка «московской» за два восемьдесят семь, порезанный черный рижский хлеб с тмином — за двенадцать копеек; домашнее сало от родителей Сашка, недалеко от Брянска в районном городке проживающих. Но главное лакомство готовит Андрюша: аккуратно разделяет крупную атлантическую селедку, что исходит прозрачным жирком и сама просится в рот. Стопка водочки, а на закус тминная черняшечка с парой кусочков селедки... Сянцзы, убаюканный воспоминаниями о русской студенческой юности, даже слегка задремавший в покойном кресле, тихонько застонал с вкусовым сладострастием, сглотнул обильно набравшую на язык слюну... Ах, молодость, увлекательная учеба, вокруг все дружелюбные лица, порой и удивительно красивые девушки посматривают на высокого и стройного китайского парня Сянцзы с сельхозмашфакультета. Но все же самое памятное, ощущаемое желудком, языком, обонянием — это общежитейская вечеря: водочка, с которой ни в какое сравнение не идут шанхайская и пекинская бейдзю*, а на закуску тминная черняшка с атлантической малосольной селедочкой.

Выйдя из сладостной ностальгической полудремы, директор Сянцзы включил кабинетный телевизор, подключенный к интернету, нашел по меню недавно снятый по китайскому заказу на Украине семнадцатисерийный фильм «Как закалялась сталь», включил первую серию. Чем-то исполнитель роли Павки Корчагина напоминал одновременно давних однокашников Василия, Сашка и марийца Андрюшу...

Новый цех Чжоувэньского велосипедного завода вступил в строй точно по графику, день в день после того совещания у директора Сянцзы, а через три недели бригада коммунистического труда товарища Фун Шэо рапортовала о выпуске пробной партии садовых травокосилок. Минула в трудовом энтузиазме коллектива цеха еще пара месяцев, а первый товарный вагон этих изделий, упакованных в картонные коробки-пеналы, отправился через Шанхай и Пекин, далее по амурскому мосту российскому заказчику: спешно зарегистрированной фирме ООО «Сельхозмашиндустрия». К концу года уже целый эшелон травокосилок пересек реку Амур. Фирма занималась сложными траншами в трех валютах: долларах, рублях и юанях.

♦ Николай Андреевич вполне здраво полагал, что в России ручные садовые травокосилки если и потребны, то в числе пары-тройки тысяч: в имениях новорусских воротил английские парки выравнивать, да в столицах и «университетских центрах» газоны перед административными зданиями подстригать. Например, перед праздниками. Но чтобы эшелонами через реку Амур, да все пристроить к делу, чтобы и китайцам платить и себя — откат от «братьев навек» в юанях и в рублях от продажной сверхприбыли — не обидеть? Но на то и «Сельхозмашиндустрия», зарегистрированная спешно, но задуманная еще до закладки нового цеха на Чжоувэньском

* Бейдзю — водка (кит.). — Прим. авт.

велосипедном заводе. И уставной капитал ООО складывался опять-таки из долларов, рублей и юаней. Словом, все тщательно было продумано по переводному — с американского — учебнику «Экономикс», дополненного русской природной смекалистостью и китайской конфуцианской изворотливостью. Опять-таки новая посредническая фирма имела мощную столичную «крышу», а множество лоббистов самого различного уровня и искать не надо: сами с избытком набежали на лакомый бакшиш.

...Эта простая истина дошла до Николая Андреевича десять лет назад, когда по всему городу (и умножьте на число городов в России — от уездных до столичных и «университетских центров») ранней весной, едва сошли снег и робко зазеленела вершковской высоты редкая травка в местах, свободных от построек и дорожно-тротуарного асфальта, внезапно, словно из-под земли выросли, во всех скверах, дворах домов, парках, даже на пустошах между кварталами и городскими районами, появились многочисленные гастарбайтеры, числящиеся за ЖЭКаами дворниками и разнорабочими. Опять же любитель художественного и исторического чтения, Николай Андреевич сразу после появления в девяностых годах в городе среднеазиатских рабочих четко уловил: таджики подражались, все как один, на стройки, а узбеки сплошь шли в дворники и на другие жэковские работы. И приятелям своим, профессору Скородумову и писателю Андрею Матвеевичу Бурцеву, он, как дважды два, разъяснил такую национальную предпочтительность в труде. Таджики — дети гор, поэтому, как те же армяне в Закавказье, истари работают с камнем, ибо больше не из чего дома и иные постройки, дороги тоже, сооружать. Дело долгое и трудное, вот в генах их и закрепились основная историческая профессия строителя.

Узбеки же совсем иного склада люди; и опять же от исторического рода занятий: хлебопашцы*, огородники, садоводы и грабари-землекопы на устройстве арыков и вообще оросительных водоводов на этой жаркой равнинной земле. Отсюда, как и у русских крестьян, размеренность, неторопливая осмотрительность во всех делах, что невольно подвигает к философскому складу размышлений. Не зря же эта земля в древности, во времена халифата, в котором Самарканд, Хорезм и Коканд являлись не последними центрами мудрости и знания, дала миру мыслителей высокого ранга: Ибн-Сину, Аль-Фараби, Улугбека, многих поэтов...

Не только на собственных умозаключениях основывался Николай Андреевич. Как-то еще в молодости, уже захваченный страстью библиофильства и собирания книжных раритетов, купил он в городской «Буккниге» учебник географии для гимназий 1887-го года издания. Там прочитал, что население недавно присоединенной к Российской империи Сыр-Дарьинской области, то есть сарты, стало быть нынешние узбеки, есть народ сообразительный, основательный, при случае обнаруживает и торговую жилку. Кому-кому, а царского времени учебникам Николай Андреевич верил безоговорочно. Оно и советские школьные наставления основательны, без лабуды, были, не на деньги Сороса сочиненные, но в них как-то слишком все сдвинуто было на «линию партии и правительства». Понятно, все для правильного воспитания строителей коммунизма, но вот по исторической науке слишком явный пережест. Получалось, что разбойники Стенька Разин и самозванец Емельян Пугачев являлись прямыми предшественниками ВКП(б), а потом КПСС...

Но бог с ней, с историей-то! Кому правду знать ведомо, тот своим умом и чтением правильных книг до истины дойдет. Как он сам дознался до предпочтительного рода занятий гастарбайтеров из узбеков. Главное, такой исторически воспитанный характер выработал приязнь к монотонному, однообразному труду. Метет размеренно метлой (пластмассовой, тож китайской фабрикации) ихнего дома дворник Кизим

* Именно хлебопашцы, поскольку рис начали выращивать только с конца XIX века, а для обучения рисоводству царское правительство, по соглашению с Кореей, переселило в Среднюю Азию корейцев. С той же целью и Сталин их переселял с Дальнего Востока. Их потомки — нынешние российские корейцы.— Прим. авт.

тротуар, а на лице этакая умственная напряженность выступила. Должно быть думает, как за пару-тройку лет заработать на чужбине денег на учебу сестры в мединституте (сам он пединститут в Фергане окончил) и достройку просторного — для большой семьи — дома в родном кишлаке. То есть размеренная и монотонная работа исполняется совершенно отдельно, автономно от головы, которая в это время много чего может обдумать, сравнить и принять решение.

...Вот потому-то работа с ручной китайской травокосилкой так пришлась, как по маслу, по нраву гастарбайтерам из сыр-дарьинских и ферганских кишлаков и городов. И пошло и поехало. Понятие дворов, скверов, парков, даже окраинных пустошей, плотно заросших веселой зеленой травкой, радующей глаза и легкие, в городе Николая Андреевича десять лет назад вышло из обыкновения. С утра до заката солнца по всему городу, исторически раскинувшемуся по холмам и низинам на немалом числе квадратных десятин, неся слитный, как на пасеке, громкий, механически-дребезжащий треск сотен, а может и тысяч травокосилок. Всякая низкорослая растительность трудолюбиво выкашивалась до черноты земли. Если ночью после покоса проливал хороший дождь, а наутро проклевывались сантиметровой длины зелены, то во второй половине дня косильщики без промедления выходили вновь в полном своем составе. Если случалось жаркое, аномальное, как сейчас с телеэкрана народ запугивают, лето, когда за июнь-июль ни единой капли с неба не проливается, то косцы все одно не реже раза в неделю для проформы проходились по выжженной палящим солнцем, скошенной жухлой траве, вернее уже сену.

Озабоченный хроническим уничтожением низовой городской растительности (деревья спиливали и обкорначивали другие люди — из городского «Зеленстроя»), Николай Андреевич даже не поленился сходить в свой ЖЭК, ныне переименованный в управляющую компанию с оптимистичным названием «Новый век». Хлыщеватый управляющий был на совещании в городских *верхах*, а заместительница, дорожная Инна Анатольевна, что-то пробормотала, дескать, от пострига травка гуще в рост идет. Но поскольку проживала она в соседнем с Николаем Андреевичем доме, при встречах на улице здоровались, то объяснила, как шапочному знакомому, что «так велено *сверху*; выделили им десять травокосилок и по две каждый год будут добавлять: взамен вышедших из строя и для расширения фронта работ». И еще Инна Анатольевна, у которой сын учился на том же факультете, где преподавал пришедший доцент, человек приличный, добавила: «Сама не совсем понимаю, но сверху постоянно требуют графики скашивания: от недельного до квартального — с указанием окашиваемых площадей. И арбайтеры эти довольны: нравится им такая работа, и оплата аккордная, по площадям. Скашивать же велено от первой весенней зелени до первого снега. Вот так-то, уважаемый Николай Андреевич. Как мой-то учится? Не ленится?..»

Вошедши в азарт, звонил и писал Николай Андреевич во все инстанции, включая звонки на «телефон доверия губернатора», что перед выборами в избирательной агитации указывают. Но везде либо отмалчивались, или же ссылались на школьную ботанику: дескать, расти гуще будет. Знакомые уже стали посмеиваться над ним, поскольку сами уже по привычке к летнему пейзажу: между домами и под дворовыми деревьями сплошняком чернела от весны до зимы голая земля.

Заинтересовался только давний его знакомый, ныне профессор на кафедре экологии. Скоренько доказал, что деревья в их индустриальном городе с обилием кислотных дождей минеральную подкормку получают не из земли, лишенной естественного травяного покрова, а в режиме «внекорневого питания», то есть листьями из дождей. Сделал доклад на ежегодной конференции по экологии, проводимой администрацией, который привел всех в восторг. А опубликовав на тему внекорневого питания деревьев статью в американском журнале, тотчас получил предложение прочитать цикл лекций в университете штата Индиана. Много долларов заработал! А еще говорят, что из пустого в порожнее...

И СНОВА БОГУ БОГОВО, А КЕСАРИЮ КЕСАРЕВО

Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то (выд. Ф. М. Достоевским.— А. Я.) говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу.

Ф. М. Достоевский «Идиот»
(Князь Мышкин говорит Парфену Рогожину)

В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры.

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

◆...И сейчас, десять лет спустя, вспоминая свой энтузиазм в борьбе с пустопорожним «плановым» выкашиванием травки, только-только потянувшейся под майским солнцем из долгой зимней спячки под землей их корешков, Николай Андреевич нет-нет, да гневно вздрагивал, слыша доносившийся со двора мерзейший вой травокосилки. Немного поуспокоился, уловив сквозь это завывание приятное пение косца Гафура, что из одного кишлака с их давним дворником Кизимом. Вроде как даже в троюродном родстве состоят. У Гафура приятный баритон, а узбекская речь мягка и песня мелодична, наверное, поет парень на далекой чужбине о девушке своей, что ждет его на побывку в родной кишлак. Вот Гафур выключил свою железную шарманку, дозаправляет бензином из трехлитровой банки, что в теньке под огромным конским каштаном, который посреди двора. Снова продолжает бесконечную песню. Вот интонация в ней помягчала, видно словами и мелодией передает Гафур ответные слова далекой девушки. А в песенной мольбе-мечте заглядывает она в недалекое будущее: вот заработал Гафур за два-три года достаточно русских денег, обменял их на американские, вернулся в родной кишлак, достроил просторный дом, в который ввел ее, молодую свою жену. Все как положено: мулла благословил брак, а в администрации кишлака выдали им свидетельство.

Подобрел Николай Андреевич от песни Гафура, даже вновь застрекотавшую его травокосилку пощадил: не охарактеризовал тихими матерными словами. Затем и вовсе вернулся к чтению французского романа. Прочитал пару глав, а здесь и вовсе благодать: Гафур dokonчил на их дворе и ушел, как винтовку после боя закинув травокосилку на плечо и поддерживая правой рукой. Осталось ему докосить на ничейной территории меж соседними дворами. И в резко наступившей тишине, как то обычно бывает, слух Николая Андреевича до такой чувствительности обострился, что уловил обеднишний колокольный звон со стороны храма Св. Алексия, что в двух кварталах, да еще через вечно шумный проспект. Неожиданно для самого себя Николай Андреевич перекрестился двуеперстно, как потомок старообрядцев.

Неловко усмехнувшись своему атавизму, он вызвал в голове облик этого храмановодела, что был сооружен недавно на территории артиллерийского училища: видно приказ такой вышел от воинского верховного начальства. Под небольшую церковку из территории училища, по-военному занимавшего строгий квадрат квартала, выделили в правом углу с выходящей на проспект стороны квартала тоже квадрат метров пятнадцать на столько же. По скорой постройке решетчатая церковная ограда обозначила два входа: военный — со стороны училища и гражданский — от тротуара вдоль проспекта имени Владимира Ильича. На военном входе в дневное время дежурил курсант-младшекурсник с красной повязкой на рукаве, а на ночь оба входа запирались.

Путь Николая Андреевича из родного его корпуса с военными инженерными специальностями в сторону главного корпуса — когда нужда заставляла по бумажно-отчетным делам там бывать, но чаще всего в соседний с ним корпус биологического факультета, где имел ставку его друг профессор Игорь Васильевич Скородумов — когда, созвонившись, встречались для дружеских посиделок, обычно с толикой почти неподдельного дагестанского... так вот, путь лежал по тротуару левой стороны, то есть с нечетными номерами домов, мимо фасадной стороны училищного квартала, значит и вдоль церковной ограды. И невольно присматривался к посетителям богоугодного заведения. Со стороны училищной территории виднелся лишь скользящий у входа дневальный курсант-первогодок. А со стороны гражданских растворенных ворот в оградку по-одной, по-двое входили с озабоченными лицами женщины среднего и пожилого возрастов. Очень редко и мужчины входили, но какой-то непонятной наружности и возраста. По его прикидкам, а глаз у инженера-ракетчика, совсем недавно ставшего доцентом, как ватерпас! выходило, что на уставные, то есть по церковному календарю по дням и часам службы собиралось не более двух, от силы трех, десятков явно окрестных жителей, в смысле жительниц. «Негусто, негусто,— качал он головой в такт невольным размышлениям, сворачивая на траверсе церкви направо, к переходу через проспект,— а ведь как сейчас реставрация старых церквей и повсеместное скороспелое строительство новых, малоразмерных, по стандартным проектам, развернулось? Получается, что не в коня корм?»

Как любитель исторического чтения, тотчас припомнил, что после революции девятьсот пятого года царь Николай по настойчивым просьбам Синода и ярых монархистов навреде Шульгина, Столыпина и Пуришкевича объявил государственную программу строительства по всей империи ста тысяч новых церквей — для поддержания православного благочиния «за веру, царя и отечество» и отвлечения народа, в первую очередь сельского и населения малых и средних городов, от революционной заразы и сглаживания, выражаясь нынешним языком, «коллизий социального неравенства». Мол, Христос терпел и нам велел. Опять же богу богово, а кесарю кесарево — это в части самодержавия, как единственно приемлемой для России формы власти.

Когда же друзья профессор Скородумов и писатель Андрей Матвеевич Бурцев начинали сомневаться в правоте слов Николая Андреевича, дескать, ишь куда Николашка хватил? — сто тысяч церквей выложь да подай за полтора десятка лет! Нет, Андреевич, это ты видно в какой-то брошюрке девяностых годов, когда чего только не напридумали досужие сочинители (при этих словах Бурцев компатриотски чуть поморщился), прочитал, а?

Если беседа приятелей шла в заведении «Наливай-ка!», то Николай Андреевич усмехался, услышав подобную филиппику, дождался пока разольют по новой и введут содержимое стопок в организм, закусывая в охотку, после чего приводил следующий контрдовод: «Правильно, пятнадцать лет было отведено под эту церковно-строительную программу. Но по-стахановски уже к началу Империалистической, менее чем за десять лет если не все сто, даже не восемьдесят, но где-то под семьдесят тысяч храмов освятили и ввели в религиозный оборот. Народ, исключая революционеров и им сочувствующих, в общем-то положительно относился к вновь возводимым церквям, особенно в провинциальных городах, да и в губернских тоже. Но наиболее приветствовали церковно-строительную кампанию священники и артельные сообщества, что профессионально расписывали новые храмы. Первые, ввиду увеличения приема в семинарии, уже не беспокоились за судьбу своих детей обоего пола: сыновья без духовного сана и прихода не останутся, а девкам будет за кого замуж выйти и стать попадьями, а не просто поповнами. Артельные же живописцы не без основания полагали себя на десяток-полтора лет обеспеченными хорошо оплачиваемой работой; не надо всякими полумалярными случайными заработками с хлеба на квас перебиваться...»

Когда друзья невежливо перебивали разговорившегося после третьей знатока церковной истории — это все общие слова; ты на конкретном примере нам покажи! — то Николай Андреянович торжественно выкладывал козырного туза: «Церковь напротив администрации, что телевизионщики по-американски упорно именуют «белым домом», разумеется, знаете. Мимо будете проходить, так полюбопытствуйте: на фронте, или как там он у церковных называется? дата рельефно изображена: «1909». Опять же, если придется на девятом номере трамвая в Косолучье ехать, так обратите внимание на церковь перед трампарком, справа впритык к рельсам. Так вот, эту церковь освятили только в девяностые — начале двухтысячных годов, а почему? Ее не успели строители сдать к революционному семнадцатому году, а колокольне и вовсе не приступали. Как знакомый отдаленно краевед мне говорил, еще пара тех лет постройки храмов в городе имелась, да не уцелели, так сказать, в созидательных буднях; тем более, что по уверению этого знакомца, тоже остались недостроенными. Но главное, если сравните церкви напротив администрации и на въезде в Косолучье, то мигом смекнете: по одному проекту сооружены. И Никита Евсеич, который краевед-любитель, из отставников по интендантству, достоверно говорил, старые открытки разных городов показывал: оказывается, для скорости исполнения царева указа о строительстве ста тысяч храмов, да чтобы и себе головы не забивать, государственные и синодальные чиновники дали отмашку: строить по одному проекту! Главное, проект выбрали никудышный: храмы, как под копирку, получились мрачными от кладки стен темно-коричневым кирпичом, какими-то «осевшими» на землю, без намеков на устремленность к небесам... Видать, за абрисную основу взяли питерский Исаакий, но с заменой мрамора и гранита на кирпич... и, конечно, архитектурного таланта на инкубаторскую мастеровщину. Ну что, доказал?»

Профессор Скородумов и литератор Бурцев полностью согласились с доводами приятеля. Разлили по четвертой.

...Николай Андреянович, вспомнив и прокрутив в голове этот эпизод с царской программой оцерковленья России, вновь вернулся в окружающую действительность. Гафур вдаль пел свое бесконечное, любовно-лирическое, докашивая последний островок чуть проклюнувшейся зелени меж дворами. А доцент-ракетчик с нахлынувшей тоской, дослушав последний дальний колокольный перебор, подумал, что осиротел несколько лет тому назад храм Св. Алексия: упростили одно из старейших артиллерийских училищ в России, ибо армия в эпоху гибридных войн нужна компактная и высокомобильная. Бить врага не числом, но умением. Хозяина на освободившийся квартал училищных построек как-то не нашлось до сих пор. Злокозненный добрый наш народ не зря поговаривает, что-де намечавшегося хозяина из столицы, для которого и ликвидировали училище по сложной схеме деловых взаимосвязей и взаимозачетов, как раз к освобождению училищного квартала от людей в мундирах сам попал под опальную раздачу. Новый же претендент еще не нарисовался: вяло тянущийся уже второе десятилетие мировой кризис да насланная человечеству за его грехи планетарная пандемия. Опасно во что-либо кровно наворованные деньги вкладывать! А может проклятия опасаются толстосумы? — От бурной молодости штурма и натиска на народное добро с ее настоящими войнами — взрывами и стрельбой веером — стали они к солидному возрасту суверенными, почти что богобоязненными, порой на храмы-новоделы жертвуют. Над бывшим же военным владением явно тяготит что-то мстительное за обиду, нанесенную воинской славе бывшей кузнице офицерских кадров, начиная с царевых еще артиллерийских курсов при оружейных мастерских. Иначе как объяснить случившееся с губернатором, в правление которого училище и ликвидировали. Главное, был он сам выпускником «артухи» — и ни словом, ни делом не воспрепятствовал закрытию *alma mater*, на что надеялся весь город, привыкший видеть молодых дочерей и сестер своих граждан, прогуливающих вечерами с молодцеватыми курсантами. Промолчал — и судьба наказала за предательство ниче-

гонделаньем губернатора: только-только опустел квартал училища и осиротел город, как главу области по взяточному делу на десять лет отправили в отсидку. Хотя вроде бы и невредный мужик, из давно обрусевших хохлов. Николай Андреевич и профессор Скородумов прекрасно его знали: во время их работы в НПО «Меткость» академика Гусакова будущий губернатор-выдвиженец там же служил в военной приемке в звании подполковника.

Еще большее суеверие в народе возбуждала понятная аналогия. При церквях истари образовывались кладбища: не только в селах, но порой и в городах. И неважно, что возникало поначалу — церковь или кладбище, но суть в их соседской близости, что накрепко засело в семижды семи поколениях русских людей.

Вот и главный, епархиальный, или по-другому кафедральный, храм их города, хотя и в центре, но с восемнадцатого века его постройки обширное кладбище при нем, поболее микрорайона иного. От храма этого до квартала бывшего артучилища по прямой верста с небольшим. И чудится досужему пешеходу, шагающему по тротуару проспекта левой его стороной: вот миновал хорошо просматриваемый в боковой улочке епархиальный храм с кладбищем внушительного размера, а вот впереди маленькая церковка Св. Алексия завиднелась, а при ней, в общей ограде... опустевший, объятый молчанием («как на кладбище» — присказка сама собой в голове выскакивает) квартал с необитаемыми постройками. Вот тебе и аналогия и ассоциация к ней впридачу.

Покачал головой погрузневший Николай Андреевич. Обладая хорошей стихотворной памятью, вспомнил — к случаю или опять в ассоциацию? — строки стихов, явно не из школьной программы, но в ученические годы запавшие в цепкую детскую память: как некогда поэт, горлопан и главарь, скандировал в переполненном восторженной молодой публикой главном зале Политехнического музея:

*Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!»**

♦ И это «Со святыми упокой!», забухавшее колокольным звоном, но не от церковки Св. Алексия в квартале бывшего артучилища еле доносящимся, а возникшее в голове из ниоткуда, заторопило Николая Андреевича в путь. Тотчас крутанул ручку верньера машины памяти в далекое детство, но на миг задумался: а на чем ехать-то? На «машине марки Форда», как пелось в старой хулиганской песне, даже если на архивинтажной советской «копейке» — не так поймут в калужской деревне хрущевских времен, мол, расшиковался гость из далекого будущего! И совсем не поймут явившегося на китайском электросамокате, за чертенка сочтут, что разъезжает на ведьмовском помеле своей бабки. Ба! На велике надо ехать — самый что ни есть деревенский транспорт для всех: ребят от мала до велика, мужиков, что на работу в соседнее село ездят, и баб-молодух с фермы. Почтальонша, загрузившись в узле связи все в том же селе, на казенном велосипеде объезжает окрестные деревни, радуя или огорчая добрый народ письмами, повестками в райсуд и военкомат. Словом, кто не начальство или немощен по возрасту или инвалидности, — все на велосипедах за деревенскую околицу выезжают. А на чем еще? Конные выезды еще при сталинской коллективизации из обихода вышли. Своя легковая машина? — да и мысли такой в заводе у колхозников не водится. Только демобилизовавшиеся из армии парни с презрением на велики посматривают, все подсчитывают: устроиться в МТС** или на ферму по обслуживанию тамошней техники — взойдет ли он через год-другой мотоцикл завести? Конечно, поначалу скромную ковровскую «макаку», затем посолд-

* Окончание поэмы В. В. Маяковского «Человек». — Прим. авт.

** Машинно-тракторная станция (устарелое, из советского прошлого). — Прим. авт.

нее — мотоцикл ирбитского завода... да-а, мечту о чешской «яве» придется оставить: выйдет пора жениться, детишки пойдут, хозяйство опять же, а для этого только солидный «ижак» с коляской подойдет. Служившие же в ГСВГ, в Германии, знали: этот мотоцикл с немецкого БМВ «срисован», а цеха для его производства после войны перевезены в счет репараций из неметчины в удмуртский Ижевск. Машина, что ни говори, сверхнадежная, войной проверенная. Как в кино, что в сельском клубе крутят: катят фрицы на этих БМВ по русскому бездорожью и ничего им не делается. Вот и докатились до ижевского завода...

Итак — на велосипеде времени отбыл Николай Андреянович в калужскую деревню своего детства, отцову деревню, куда каждое лето на месяц-полтора семейство Андреяна приезжало из промозглого, туманного и штормового Кольского Заполярья. В деревню на высоком берегу довольно полноводной реки, что километров через тридцать-сорок впадает в Оку. И деревня эта староверческая. Или старообрядческая, как чаще говорят. Третьеклассник Николка не разбирался в этих тонкостях, но отец называл их, то есть и себя значит, старовеерами-поповцами. Мол, не скитники, не сектанты, а попов своих имеют, в Калуге и Боровске ихние церкви стоят и благовестят колокольным звоном. Даже архиерей есть, что вроде как в Брянской области, в районном городке резиденцию имеет. Кажется в Новозыбкове? — припоминал отец.

Катится на велосипеде, конечно, на китайском, своих у нас давно уже не делают, только магазины по их продаже имеют вывески «Русский велосипед», Николай Андреянович в глубь времен, с интересом наблюдая окрест меняющийся с отсчетом годов 2021, 2020, 2019, ... вот уже и прошедший век зашелкал цифрами, как счетчик таксомотора, только в сторону уменьшения, пейзаж. Катит он по районным шоссе-кам и деревенским проселкам, объезжая города большие и малые. Нечерноземье, центр России разительно меняет свои виды по мере обратного отсчета времени. Заброшенные поля двухтысячных, девяностых годов, до самого горизонта уходящие, усеянные только нарыгтыми кротами холмиками, неухоженные леса, наступающие березовой порослью на прежние пажити, заброшенные деревушки, а в живописных приречных местах оставленные двух- и трехэтажными дворцами-виллами, обнесенными квадратом сто на сто метров двухметровыми заборами кирпичной кладки, постепенно уступают место уже вспаханым полям. Месяц май — сев яровых, и озимые густо зелены пошли, к солнцу потянулись. Как видения дурного, затянувшегося до позднего утра сна растаяли в дымке покинутого «светлого будущего» нелепые в среднерусской равнине двух- и трехэтажные виллы-коттеджи. Вновь заселившиеся села и деревни в многочисленных новостройках — одноэтажных, но добротных, под железными крышами: у кого оцинковкой солнечные лучи отсвечивают, у других краснеют свежей покраской. Тракторный гул стоит над полями. Многолюдно, но весь народ сельский при делах. На дворе семидесятые годы, «золотые брежневские» — для всей великой страны, а для села — впервые расцвет, мощные вливания в сельское хозяйство. Вся многочисленная техника на селе, трактора гусеничные и колесные, комбайны (попутно Николай Андреянович отметил: для комбайнов всей страны жатки делает ихнего города огромный завод), всякие сеялки-веялки, грузовики и все, все железное — только своего, советского изготовления.

Но вот пошли годы шестидесятые, а прежний, «будущностный» Николай Андреянович уже превратился в мальчика Николку, и велосипед под ним уже подростковый, малоразмерный. А вокруг еще народа прибавилось, техники много, но еще не тех моделей, которые видел, проезжая восьмидесятые-семидесятые года: их только конструкторы на кульманах вычерчивают...

Вот и подкатил на школьном велике третьеклассник Николка по лесной пешеходной дороге-тропе, что пару километров петляет между соснами от районного села к отцовской деревне, к опушке, с которой и начинается порядок изб, первая из которых, ближняя к лесу, и есть тетки Настасья, сестры отца, к которой на лето приезжа-

ют они из Заполярья. Но как объяснить наличие велосипеда? — И исчез он, а Николка побежал к избе.

◆ Нет, конечно, велик не испарился. Иначе как Николке возвращаться назад — в будущее время? Он просто-напросто припрятал его на краю леса в густом малиннике: ягоды только в завязи, никто сюда сейчас не пойдет.

— Николка! — кричит ему вышедшая во двор мать, — ты где это блукаешь, в лесу заблудиться захотелось? Иди быстро рубаху белую надень, шаровары на брюки поменяй и ботинки на ноги. Сейчас с Настасьей, Инкой (ее почти взрослая дочь) и соседскими бабами на *ихнее* старообрядческое кладбище пойдем, что в лесу. Сегодня праздник церковный, поп *ихний* из Боровска приехал на поминанье похороненных там. У Настасьи-то муж похоронен: пришел с войны израненный, девять лет всего прожил, оставил ее с тремя ребятами. И отца дед-бабка там же...

— Папка тоже пойдет?

— Где там! Говорит, двенадцать лет на флотской службе все в партию зазывали — не пошел. А попы те же партийные, только по другому ведомству. Я-де лучше с мужиками в чайной новоскаковской помяну своих родичей. Охальники мужики все! А тебя он велел взять с собой. Говорит — для воспитания.

Тем временем из избы вышли Настасья с Инкой, потянулись от других домов бабы, все в белых платочках, одетые не в будничное. И пара пожилых мужиков: в пиджаках глаженных, под которыми тож белые рубахи, застегнутые на верхние пуговицы. От такой парадности чувствовали они себя не совсем уверенно, крутили головами от туго застегнутых под шеей воротников. Собрались все — и двинулись вразноброд к близкому лесу; вступив на плохо еще протоптанную с зимы тропинку меж сосен, пошли цепочкой. Мужики и Николка в замыкающих.

Тропа — не та, по которой Николка только что катил со стороны районного, то есть райцентровского, села, а углублялась в сплошной лес мощных, высоких сосен почти в противоположную сторону, в самую глушь, даже немного под горку. Как всякий новый путь, дорога показалась долгой. А шедший по расширившейся тропе соседский дед Архип объяснил Николке: кладбище потому вдали и в лесу, что хоронят там упокойников из нескольких старообрядческих деревень, что примыкают к лесу. «Чтобы, значит, по совести было, всем равно одинаково до кладбища итить».

Вот и кладбище, занявшее большую, размером с половину их деревни поляну. Тот же Архип пояснил, что кладбище очень старое, видно, в веках деревья подрубали, расширяли погост. «Что-что, но могилы в числе их растут намного быстрее, чем избы в деревне!»

Николка и сам сообразил, что место это очень старое — по окраинам поляны уже и крестов нет, попадали и погнили, только всхолмия могильные еще виднелись в березовых зарослях, правда, невысоких и скукороженных, как у них в Заполярье: смыкающиеся сверху кроны высоких сосен не пропускают солнечный свет, а в вечной тени березы лишь кустятся. Но с одной стороны кладбища, где могилы поновее, некоторые еще с неодряхлевшими крестами, скучился народ, человек тридцать или сорок. Подошли к ним, смешались. Старенький, седой как лунь, старичок в церковной долгополой одежде, что раньше Николка видел только в кино, в фильмах из дореволюционной жизни, ходил, сопровождаемый народом от могилы к могиле, надтреснутым голосом пел не очень понятное. Стоявший рядом с матерью и Настасьей Николка услышал, как тетка говорил тихим голосом, обращаясь к матери:

— ...Священник этот, Маркелом звать, под восемь десятков ему, всех нас крестил еще молодым попом, только-только в сан его произвели: меня и сестер еще при царской власти, а Андреяна твоего, последыша, через несколько дней после свержения. Тогда здесь часовенка была, в ней и крестили и отпевали. В войну немцы зачем-то ее взорвали, мол, не положено в лесу ничего строить! Так народ говорит. А вот у нас в деревне немцы ничего не зорили, врачи стояли. В нашей избе, да еще две большие бре-

зентовые палатки поставили, госпиталь временный устроили. Нас вот с Толькой и Инкой даже из избы не выселяли, оставили в сених, осень теплая была, не мерзли и не голодали. За картоху, что успели собрать и в яму на сохран зимний снести, ихний повар хлеб белый — немцы черный не едят — давал, иногда и банку-другую тушенки...

Но здесь внимание Николки отвлеклось. Священник, которого отец в своих рассказах именовал попом Маркелом, все ходил, сопровождаемый меняющимся народом, от могилы к могиле, пел свои песни, похожие словами на русские, качая в руке тройную цепочку с кадилом (Николка знал название этого церковного прибора), от которого шел приятный дымок: точь-в-точь как пахнут в жаркую солнечную погоду сосны в лесу, а запах от растопленной золотистой смолы, что течет в трещинах коры. Иногда песню подхватывал нестарый еще спутник Маркела, тоже в церковной одежде, крепкий и широкий в плечах, с густой бородой. Пел он громко, порой с рыком. Звали его отцом дьяконом. Но более всего Николку заинтересовал третий из круга Маркела: пожилой, худощавый, в простой черной одежде, тоже до пят, и черной шапочке. Он не ходил вслед священнику и отцу дьякону, но расположился вроде как в центре той части кладбища, которую обходил Маркел с народом. Стоял он около мшастого, старой еще вырубки, пня размером с тележное колесо, а на пне том небольшой чемодан, чемоданчик, с откинутой крышкой. А в том чемодане... все дно и до трети высоты устлано деньгами, в основном зелеными трешками и синими пятирублевками.* Как только Маркел споет свою песню и помашет кадилом у очередной могилы, так от кучки родственников похороненного кто-то подходил к чемодану и опускал в него две-три бумажки, а худощавый («Это церковный староста», — пояснила Настасья) кланялся и говорил одно и то же: «Спаси тебя Христос», — и крестился двумя вытянутыми пальцами правой руки, что называется староверческим дуперстием, как уже знал Николка. А дед Архип, отметив любопытный взгляд его на чемодан с деньгами, наклонился к уху мальчика и тихо пояснил:

— Ты, Колька, не подумай ничего такого. Это боготы денежки. Как в писании сказано: «Богу богово, а кесарю кесарево». Кесарь — это царь, по-нынешнему, значит... впрочем, царей сейчас нет. И пойдут они на храм наш староверческий, что в Боровске. Храму же ремонт нужен и всякие потребные расходы. Опять же причт церковный зарплату от государства не получает, а есть им тоже надо. Так-то, малец, богу богово. Вот никонианскую** церковь только в семнадцатом году отлучили от государственного окормления, перевели, так сказать, на самоокупаемость. Наша же, старой веры, так и вовсе никогда не кормилась от властей. Давать же деньги, хотя бы малые, но от чистого сердца, на богоугодное дело и сам Христос не препятствовал. Так в евангелии написано. Вырастешь, постарайся найти и внимательно прочитай.

♦ Как скоро сообразил Николка, народ из окрестных деревень приходит, дожидается поминовения своих покойных родичей, некоторое время разговаривает со знакомыми из других мест, кто-то уходит восвояси, домой, но некоторые остаются. Судя по прохождению солнца через зенит (про это он от отца и старшего брата знал давно — когда солнце начинает опускаться, то время идет пополудни), они пришли на кладбище ближе к окончанию поминовения. Действительно, уже уставший Маркел допел и докадил у последних могил, к которым пришли родственники. Оставшийся народ встал кучно на утопанной прогалине — месте бывшей часовни, а священник, передав кадило дьякону, уже ко всем обратился со словами, которые Николка, не совсем понимая их, детской памятью впитывал:

— Господи, уста мои отверзны, и уста моя возвестят хвалу твою!

* Описываемое путешествие Николая Андреевича во времени относится к годам до 1961-го года, то есть до «хрущевской реформы» — деноминации 1:10, после чего рубль по курсу превысил доллар... — Прим. авт.

** Так в среде староверов именуют русскую православную церковь Московской патриархии; называют безобидно — только по факту учиненного патриархом Никоном церковного раскола. — Прим. авт.

Дьякон подпевает Маркелу, а потом один произносит:

— Время сотворити господави: владыко, благослови!

Маркел перекрестил его со словами:

— Благословен бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков.

И так некоторое время оба поочередно пели. Но вот Маркел сказал:

— И да будут милости великого бога и спаси нашего, Иисуса* Христа, со всеми вами!

И здесь кучно собравшийся народ, пожилые женщины в основном, знающие порядок службы, нестройно ответили священнику:

— И со духом твоим!

А Маркел продолжил:

— Яко ты еси освящение наше, и тебе славу воссылаем, отцу и сыну, и святому духу, ныне и присно, и во веки веков!

Николка слышал по радио всякие передачи с музыкой и пением нескольких артистов, знал, что называется это оперой. В школе на уроках пения им много чего говорили. И в кино такие представления показывают. А перед праздниками, опять же в школе, старшеклассники тоже поют под музыку хором и поодиночке. Но здесь священник Маркел и дьякон пели без музыки, но ладно так пели, стройно, то один, то другой вступал, а им коротко отвечали деревенские бабы в белых платочках. А мало-понятные слова с частым упоминанием бога Иисуса Христа, к которому священник и дьякон общо и порознь обращались с просьбами о разных милостях и прощениях, поначалу настораживали его, но уже скоро укладывались в голове ровно и размеренно, слово к слову, как поленья в поленице, что отец с Николкой и его братьями складывают в начале осени, готовясь к долгой заполярной зиме.

В деревню Николка возвращался, поотстав шагов на двадцать от остальных. Не от усталости, но тянуло на тишину леса, даже негромкий разговор деревенских баб отвлекал его... а от чего отвлекал? Он не мог связать нужные слова и ответить, сам для себя, на этот вопрос. Словно медленно выходил он из сна, странного, необычного, не похожего на все виденное им в короткой еще жизни, но что-то в нем вызывало ощущение давно знакомого, вроде забытого, подернутого похожим на заполярные туманы, что неделями не рассеиваются. И чудится тогда, что за плотной туманной завесой скрыт иной мир, невещественный, близко осязаемый, но не объяснимый словами человеческими... Совсем запутался Никола, а чуткая по детству память сохранила последние слова престарелого священника: «Да исполнятся уста наша хваления твоего, господи, яко да поем славу твою, яко сподоби еси нас причаститися святым твоим, божественным, бессмертным и животворящим тайнам, соблюди нас во твоей святости весь день поучатися правде твоей!» И кучно стоящие перед священником и дьяконом деревенские бабы сугубо отвечают: «Аллилуйя, аллилуйя!»

...Николка! Ты чего это плетешься? — окликнула его мать, но скорее для порядка, показать деревенским свою рачительность и заботу. Он же как и не слышал обращенных к нему слов. Наваждение сна наяву продолжалось: поляна посреди вековой сосновой (корабельный лес — говорил отец) рощи, кресты на могилах, мертвые под землей, живые на земле, поющий надтреснутым слабым голосом малопонятные песнопения отец Маркел, вторящий ему крепким басом дьякон — полное отъединение от привычного мира. И кажется, тоже почти наяву: сверху, через просветы в сомкнутых кронах столетних сосен всевидящим оком смотрит на это действие некто неведомый, но знающий всех людей на Земле поименно. И раба божьего Николая, конечно.

* У староверов имя Христа пишется и произносится с одним «и»: Иисус. Такое написание, наряду с двуперстным крещением и сугубой, то есть двойной, аллилуйей в окончании молитв, и есть те три различия в обрядах, отличающих их от никониан.— Прим. авт.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов
(г. Тула)

Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ, МОЯ ЛЮБИМАЯ (Ирине Антиповой)

Все может быть, моя любимая.
Умру ли я, умрешь ли ты —
У нас теперь судьба единая,
В ней нет духовной пустоты.

Когда молчу — меня ты слышишь.
Когда смолчу — ты все поймешь.
Ты лунный свет над нашей крышей,
Ты радуга в тоскливый дождь.

Все может быть: устанут руки,
Болезнь нагрянет, будто тать,
Но ты не бросишь «свои друзья»
И мне сумеешь силы дать.

Когда печаль иссушит душу
И жизнь сломает мой «хребет»,—
Тебя я только буду слушать,
Спасенье видеть лишь в тебе.

Все может быть: одрябнет тело,
Лицо покроет сеть морщин,
Хоть буду я в сединах белых,
Но самым лучшим из мужчин.

Пусть на тельняшку жизнь похожа —
То радость в ней, то горя тень,
Но мы вдвоем, конечно, сможем
Прожить и ночь, и встретить день.

Все может быть, моя родная:
Я буду вечно молодым
И, жизнь земную вспоминая,
Приду к тебе юнцом седым.

И мы на облаке небесном
Над нашей Тулой воспарим.
Ты будешь хрупкою невестой,
Я буду ангелом твоим...

НАСТРОЕНИЕ

(Прогулка по Ясной Поляне)

Я вам пропою о настроении,
расскажу, чем радостна душа.
До сих пор во мне живут мгновения:
воздуха, которым я дышал,

вид лесов, в которых заблудился,
гладь реки, и блики на воде,—
русский дух здесь, кажется, родился
посреди березовых одежд.

Старый пруд все также манит взоры,
распустился яблоневый сад,
и районный близлежащий город
не испортил прежнего лица.

Домики, усадьба и конюшня,
пасака близ липовых аллей —
все России памятно и нужно,
все важнее рифм и бакалей...

Всякий раз, когда бываю здесь я,
очищаю душу от сует.
Русские чертоги поднебесья
знали даже звуки кастаньет.

Здесь царит особый вид покоя,
Дух всесильный заполняет плоть,
даже то, что было неживое,—
оживил живущий здесь Господь...

Воспеваю Ясную Поляну,
где бродил я допоздна вчера,
встретил и Болконского, и Анну,
милого Безухова Петра.

А под вечер на «Прешпекте» старом
с палочкой прогуливался он —
величавый, седовласый старец,
и ему отвесил я поклон...

Я, и вы, все те, кто здесь бывали,—
дружная толстовская семья.
Нас слова пророческие звали:
«Все мои писания есть я».

МОЙ БИЛЬЯРД

Бильярд мне дарует
желание жить,
и с каждым забитым шаром
вливается в тело
энергия Джи
без ссылок на карты Таро.

Казалось бы —
это ведь просто игра
с азартом и кучей страстей,
но сколько в ней мыслей,
тончайших преград
и выдуманных плоскостей!

Отвергнуть сомненья,
волненья и страх,
расслабить все мышцы сполна
всего за минуту
зовет нас игра,
в которой нужна тишина,—

и лишь стук шаров
на зеленом сукне,
да ламп нависающий свет
участвуют в этой
прекрасной «войне»,
где дружба сильнее побед.

Красивый «свояк»,
безупречный «чужой»,
«француз» с виртуозным винтом
останутся только
спортивной межой
меж нами надолго потом.

Есть в братстве бильярдном
законы повыше,
чем в кодексах разных сухих,—
пусть кто-то играет
из нас «выше крыши»,
но нет бильярдистов плохих

среди игроков,
полюбивших фанатски
раскаты веселых шаров

и кий в руки взявших
не хватом солдатским,
а с нежным чутьем мастеров.

Какая-то сила
в бильярде таится,
какая-то высшая суть,
в которой шары
озаряют нам лица
и счастье частенько несут,—

то счастье, когда
ты руке своей веришь,
глазами рисуешь маршрут
в заветную лузу —
и в узкие «двери»
пробьется твой снайперский труд...

Играйте, друзья!
Красотой филигранной
любуйтесь до старости лет.
Пусть жизнь ваша будет
без всяких изъянов,
и круглой, как шар на столе.

ДУШЕВНОБОЛЬНЫЕ

В принципе, мы все больны душой,
В нас с избытком странностей земных.
Мать-шизофрения госпожой
Мчится на своих перекладных.

Самые великие безумцы —
Гоголь, Достоевский, Лев Толстой —
Знали власть психических презумпций,
Их в свой мир пустили на постой.

Оноре Бальзак писал романы
Босиком на каменном полу,
А Ван Гог на левом ухе рану
Срисовал в психическом пылу.

Породил для мира Гулливера
Непонятный и безумный Свифт.
За оградой кладбища Мольера
Схоронили возле старых ив.

Мучились расстройствами рассудка
Шуман, Моцарт, Тесла, Пифагор.
А язык Эйнштейна — это шутка?
А животных байроновский двор?

Шуберт, всем игравший на гребенке,
Пифагор с религией бобов,—
Это ведь как шалости ребенка,
Как судьба закованных рабов...

А Ньютон? А транс Хемингуэйя?
Странный вид писателя Дидро?
Кто на Пушкина тоску навеял?
Что писал Есенин между строк?..

Видно, есть величье в недостатках,
Крепок сплав таланта и ума.
Часто в человеческих загадках
И свобода есть, и есть тюрьма.

Сумасшедший — значит, гениальный.
Гениальность — это Божий дар.
Мир вам, полководцы светлых армий,
Странность превратившие в нектар!

ЗЕМЛЯКИ МОИ, РОССИЯНЕ...

Земляки мои, россияне,—
Я и с вами, и нет меня...
Вехи дел и разных деяний
Возвращают к памятным дням.

Вроде, есть, что для жизни нужно,
Что питает душу и плоть.
Мы — из мира оаций дружных,
Их сумевшие перебороть.

Ну и что же? Нам лучше стало
Жить в плену мелководных дел?
Все ругаем, что вот, мол, Сталин
Всех нас в страхе держать хотел.

Но, впрягаясь в истории тягло,
Мы в далекие те времена
Не пытались жадно и нагло
Воровать, что имела страна.

А сегодня — иные цели:
Деньги, роскошь, машины, уют.
Мы уже благородство не ценим,
Нам любовь в рублях выдают.

Не куем, не сеем, не пашем,
Утеряли заводов мощь.
Все, что было народным, нашим,—
Олигархов опутал хвощ.

Земляки! Дорогие, милые!
Со страной вы, и без нее...
Соберитесь, прошу вас, с силами
И отбросьте то, что гниет.

Не Рокфеллеры мы, не Сечины —
Нам Левша по духу родней.
Мы обманом биты и мечены
В «разнотравье» вождей и дней.

Обещали нам жизнь прекрасную
Сонмы всяких «народных слуг»,
Но ложилось на белое грязное,
И словам их противился слух.

А сегодня какое время?
Время сеять иль жать плоды?
Ты, Россия, опять беременна
Духом смуты, тревог и нужды.

Мы уже не землей повязаны,
Где родились, жили, росли...
Почему мы такие разные
На просторах родной земли?

Что нас сделало одиночками?
Где великая сила идей?
Будто оспой, покрыта точками
«Общность» вымершая людей...

Мы пока земляки, но долго ли
Будет крепким пожатье рук?
Если нет перед Родиной долга,
Не изменится жизнь, мой друг...

ТОЛПА

То вознесет толпа, то низвергает.
В ней нет единства, и сомнений нет.
Она из искры пламя возжигает
И превращает площадь в кабинет.

Толпа ликует, если есть надежда.
Она молчит под грустные слова.
И не понять — кто умник, кто невежда,
Кто в ней политик или же братва?

Толпа способна бушевать как море.
В ней бродит дух всеобщего родства,
Здесь часто радость вытесняет горе
И истиной сменяется молва.

В толпе всегда плакаты или флаги.
В ней кто-то нищий, кто-то — инвалид.
Она всегда заботится о благе,
Как старый добрый доктор Айболит.

В толпе живут улыбки и угрюмость.
В ней запах пива, пота и духов.
Она похожа на селедку в трюмах,
На стадо из овец и пастухов...

За вольный образ вы меня простите,
Но так уж вижу я толпу свою.
В ней каждый третий — это победитель,
И каждый пятый вышел на ничью.

Толпа уходит, отстояв «молебен».
И вновь пустынна площадь с Ильичом.
Никто не вспомнил о духовном хлебе,
Насущным утолившись калачом...

Я у толпы не обретаю силы.
Меня зовет к себе стезя молитв.
Зловещими Харибдою и Сциллой
Мне кажутся «герои» этих «битв».

И всякий раз, когда толпа теснится
И вскидывает руки в знак побед,
Я вспоминаю Божию Десницу,
Спасающую мир от всяких бед.

А ГОДЫ ЛЕТЯТ

Вот и я стал встречать рассветы
От бессонницы и маяты.
Вот и я зябну в жаркое лето,
И все сложное стало простым.

Это старость. Пришла нежданная
И сковала, как обручем, мир,
И напомнила, что недавно я
Не умел ценить каждый миг.

Вот и я в старики сподвигнулся,
Тяжелей стал язык и шаг.
Боже мой! Неужели не вынесу
То, что жизни стало мешать?!

Видно, это и есть граница,
Где встречаются жизнь и смерть.
На закате душа томится
И скулит человечья смердь.

На закате нет ярких красок —
Все тона спокойны, нежны.
Стали реже и тише фразы,
Мысли к вечности устремлены...

Я за все благодарен вам, годы,—
И за радость, и даже за боль,
За погоду и непогоду,
За промчавшийся миг любой.

И, полет свой земной завершая,
Годы выстроились на парад
И как будто меня вопрошают,
Чем обязан я им и рад...

Годы, годы... Как быстро мчитесь!
В прошлом все, но в памяти вы.
Жизнь, мне кажется,— это Учитель,
Годы, видимо,— наши волхвы.

Годы — это на Небо ступени.
Годы наши — как древа листки,
То дрожащие от нетерпения,
То слетающие от стихий.

Только древо теряет листья
Перед каждой холодной зимой,
А мои годы поиска истин
Неразлучно будут со мной...

Пусть рассветы без сна встречаю,
Пусть болезни мешают жить,
Но я Господом жизнь венчаю,—
Мне ль печалиться и тужить?

Я за все благодарен Богу,
И в смиренье Его прошу
Быть со мной в последней дороге,
Где молчаньем укроется шум...

Вера Никанорова
(г. Тула)

Вера Вячеславовна Никанорова родилась 8 июня 1986 г. на Урале в военном городке Свердловск-45 в семье военного. Школьные годы прошли в Тульской обл. недалеко от тургеневского Бежиного луга в Туле-50. Там и начала писать стихи, талант передался от бабушки Прасковьи Александровны. Чаще всего желание написать новые стихи приходит в путешествиях, но есть и стихи, посвященные душевным переживаниям, жизненным событиям и ценностям, любви. Первая публикация в «Приокских зорях».

ЛАВАНДОВЫЕ ПОЛЯ

Среди неба, дождей и туч,
Среди солнца, любви, добра
Расстелились в краю далеком
Лавандовые поля.

Средь ночную россыпь звезд,
Теплоту, лучезарность дней
Ощущаю я, словно насквозь,
Аромат, синеву полей.

Плеск волны затих к концу дня,
Аю-Даг мне щебечет сны.
А лавандовые поля
Будут греть меня до весны.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ ПАРАД

Сколько пролито слез, и шипы алых роз
В сердцах жен, матерей стоят.
Сколько сказано слов,
Сколько фильмов, стихов на памяти нашей лежат.
Как же много наград, орденов и каскад
Медалей ваших хранят.
Треугольный конверт и прощальный напев,
Медсестры усталый взгляд.
Вот и годы прошли, и уже на пути 80-й Парад.
Я к тебе вернусь и в печаль, и в грусть
Я услышу твои мольбы.
Только очень прошу, моя Светлая Русь,
Не допусти войны.

* * *

Ох, уж эта природа знойная,
Красок яростных сладкий сок.

И медовый закат упокоенный,
И зеленый дневной мазок.
Холст раскрасила в часе утреннем,
Первомайский привет даря.
Ох, уж эта природа милая,
Небо мирное ждет тебя.

* * *

Я устала сильнее тучи,
Что за ветром бежит вдоль тумана.
То ли день такой невезучий,
То ли я настолько упряма.

Зацепилась за теплое место
И плыву теперь по течению.
Может, я чья-то невеста,
Может просто смешалась с тенью.

Я устала быть сильной, а впрочем,
Сильный тот, кто сбивает стены,
Может, кто-то тебе напророчил
Сбой крови и нервной системы.

Оглянись и замри, и исчезни.
От людских глаз подальше спрячься.
А потом возродись, воскресни
И живи, но уже иначе...

MAME

На крыльце тарабанит дождь
И такая погода хмурая,
Но я знаю, что ты меня ждешь
Через много лет, словно юная...
Смотришь ты на меня с небес,
Смотришь нежно и ласково.
Мне сейчас очень хорошо,
Словно в сказке я.
И пройдут, пролетят года,
Дочка выросла...
Ты прости, милая моя,
Что я вынесла...
И пусть много пройдет
Лет, зим, осеней,
Голос твой навсегда со мной
Звонкой россыпью,
И улыбка твоя, доброта души.
Будь спокойна, любимая,
Ночью мне пиши.

* * *

Ветер крылья твои качает,
Словно час, но без времени.
Так и в жизни у нас бывает —
Мы бежим вдоль течения.
Оглянись, «там» уже не воротишь
И в завтра не всем нам попасть.
Лишь сейчас, лишь сегодня ты можешь
Проявить доброту, любовь, страсть.
Страсть к добру, вниманию, заботе,
К словам, что из уст выносишь.
И тогда расцветет повсюду
Цвет, который в душе ты носишь.

Виктория Кирсанова
(г. Тула)

Пишет стихотворения с подросткового возраста. В 2023 г. окончила филологический факультет Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого с дипломом филолога. Публиковалась в сборнике «Шепот Музы» в 2019 году, в альманахе «День поэзии». В 2025 г. издан сборник стихотворений «Без предисловий». Пишет прозу. Первая публикация в «Приокских зорях».

ГИТАРА

Стоит в углу моя гитара,
Игры ее отложен срок —
В чехле ее душа стонала,
А время жмет мне на «носок»,
Игру свою с ней отложив,
В суете дней своих застряла,
А ей хотелось песни, танцев
Карнавала —
И редкой нотой струн своих
Цепляясь, как за надежду, но об стол,
Звучит гитары сладкий звон
И зов ее волнует душу мне:
«возьми меня, играй смелей».
И я пытаюсь уделить минут пятнадцать тишине,
Чтоб в руки взять и сыграть на ней,
Но обрывается, увы, наше безгрешное свидание,
Гитару вновь кладу в чехол и ставлю в угол,
Лишь только на прощание —
Могу ненароком дернуть за струну,

Услышав тихое рыдание —
Гитары, что стоит в углу,
Игры, чей срок отложен,
Мурашки побегут по коже,
Когда на нее я посмотрю...

БЛОКАДА

Мы — дети войны,
Мы — дети заводов,
Мы — дети ружья,
Мы — дети патронов,
Мы — дети, чье детство исчезло внезапно,
Мы — дети в блокаде, у нас нет слова «завтра»!

Трудились ночами, с бойцами, с врачами,
Трудились без продыху, отдыха, хлеба и чая.
Работали в холоде, голоде, в тишине и в атаке.
Ходили под бомбами, жили в бараке.

Остались сиротами в юные годы,
Мать умирала, оставаясь голодной.
Мне отдавала последние крохи,
Чтоб жил я на свете — свидетель эпохи!
И помнил то время, как люди страдали —
Желали победы, врагов
проклинали!

РЕМЕЙК НА ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ

Я вам пишу, чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Пишу я письма для потомка,
Но он все ленится узнать —
В чем смысл сей стихотворений?
Моих бессмысленных умений,
В пустую трачу свой талант и гений —
Пора заканчивать писать...
Нет толка в том, и нет в том смысла,
Потомок ленится узнать —
Всю глубину моей репризы,
Решил презреньем наказать.
Я вам пишу? Чего же боле?
Что мне вам еще сказать?
Теперь я знаю — в вашей воле
Меня и вовсе не читать!

РОССИЯ

Одна лишь Родина-Мать
В моем сердце стучит всегда,
Россия — березовая стать,
Синеокая, девичья краса.
Зеленые платья цветочные,

Ленты в косах — голубые реки,
Я люблю тебя, Россия, очень,
Не за что-то, а вопреки!

«И несет меня река за крутые берега»,
Где поля, да леса, напоминают ее глаза,
Где она ночью темной, да речкой быстрой,
Одинокую луной заскучала за тобой.

Россия, родная матушка Русь,
За тебя одну я радею, за тебя одну я молюсь,
Россия — в тебе столько воли и торжества,
Россия — сила и гордость, ты на свете одна!

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Велик твой слог, велик твой стих.
Ты правду молвил, не боясь!
И гений твой был скромн, тих,
И песня звонкая лилась!

Велик твой слог, велик язык,
Ты — слова мастер несравненный,
Ты памятник себе воздвиг,
Нерукотворный и нетленный!

Язык наш русский процветает,
В том и твоя заслуга есть!
Но как тебя нам не хватает
Там, где поручанная честь.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

СТИХИ О ГРОЗНЫХ ДНЯХ МИНУВШИХ

*Наш постоянный автор. Лауреат Всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

* * *

*Памяти писателя-фронтовика
Иннокентия Захаровича Черемных*

От грозных лет до юбилея
Пронес он сердце, не жалея...
Пройдя все адовы круги,
С друзьями съев по пуду соли,

Вдрызг поразбил он сапоги —
И не одни — на ратном поле.
...И сам со смертью был на «ты» —
Она вблизи его держала, —
Но всякий раз из темноты
Небытия звала держава.
И он, поднявшись в полный рост,
Шел в рукопашную без страха.
И лишь в груди дышал мороз,
Да сердце билось в ней, как птаха.
...Терял в боях однополчан
Из Курска... Вологды... Рязани...
И сердцу снилось по ночам,
Как плачут вдовы их слезами.
...Пройдя тот жуткий перевал
Войны длиной в четыре года,
Не раз вопрос он задавал:
«А как на родине погода?..
Поди, намаялась земля?
От рук мужских совсем отбилась?
...Ужель, где хлебные поля, —
Там сорняками все затмилось?..»
И взяв в ладони горсть земли,
Понюхал жадно и ноздристо.
И померещилось вдали,
Что пашут в поле трактористы.
...«Скорей бы дембель — и домой!
А там, эх-ма, держитесь, бабы!..
Да и земле, поди, самой
Пора родить и славить свадьбы!»

* * *

*Ветеранам и участникам Великой
Отечественной войны посвящается*

Позади грозная эпоха —
Сколько жизней взяла на погост?!
Но никто до последнего вздоха
Не свернул с этих огненных верст.
...А живые, кто хмеля отведал
Из кровавого чана войны, —
Вы огромной ценой за Победу
Заплатили для нашей страны...
Вас сегодня осталось немного —
С каждым годом редее в строю...
Но по воле провидца и Бога —
Я о вас, о героях, пою...
Пели вам и Бернес, и Вуячич
О саднящей тоске журавлей.
И в сумятице дней тех горячих
Мнился мир вам добрей и светлей.
...От души мы желаем вам счастья,

Добрых внуков и солнечных лет,
Чтоб великое ваше участие
Русь хранило от будущих бед.

ДОКОЛЕ БУДУТ УБИВАТЬ СЫНОВ РОССИИ

Памяти ребят, погибших в «горячих» точках

Как будто злобный Чингисхан
Вновь в Диком поле:
В огне Чечня и Дагестан,
И Ставрополье...
По жесту злой его руки
Иль воле рока —
На гибель целые полки
Ушли до срока...
Жестокий ливень неземной
Свинцом каленым
На них обрушился стеной,
Вселенским стоном.
...А их любовь еще цвела,
Был мир нетленным...
Рыдают вновь колокола
По убиенным.
...Над гробом горько плачет мать,
Слез не осилив:
«Доколе будут убивать
Сынов России?!»
У изголовья в горе дед
Зашелся в крике.
...А внук лежит в расцвете лет —
В руках гвоздики.

В ЦЕРКВИ

Святые с икон разнолико и строго
Сквозь время взирают на лица людей.
Ни детская радость, ни боль, ни тревога —
Ничто не нарушит их праведных дней.
...Девчушка глядит на распятого Бога:
«Бабусь! А мне в церкви не страшно совсем!»
А рядом старушка склонилась, убога...
Мерцают лампы по золоту стен.
...Старушкино сердце от горя продрогло.
Из уст ее слышится горестный стих:
«О, Господи! Дай мне обнять у порога
С войны не пришедших сыночков моих!..
«Да ну их, богов! Они, видишь, не слышат!
Пойдем лучше, бабушка, сходим в кино!
А боги... Они тебе сами напишут.
Письмо их по почте придет все равно.
...Да сколько их, бабушка, было на свете?»

Богов-то как много? — их всех и не счесть!..»
Но церковь безмолвна... Лишь в сумрачном свете
В поклонах чуть теплится скорбная песнь.
...И старая смотрит на правнучку строго.
Мерцают лампы по золоту стен.
«Бабусь, ну, пойдем,— нарисуешь мне Бога!
Он в садике нашем понравится всем».

О ЧЕМ В ЦЕРКВАХ ДУША ПОЕТ...

О чем в церквах душа поет,
Скрепляя пенье Божьим словом?
...Сам Бог ли ей в уста дает
Мотивы эти — петь о новом? —
О «смутном» времени для нас,
Где выбор должен сделать каждый —
Служить ли Родине сейчас,
Коль присягнул ты ей однажды? —
Иль, заглушая стыд и страх,
Жизнь прожигать в «элитных» клубях,
Когда война гремит в сердцах —
И не цветы, а кровь на клумбах?

ПОСОБНИКАМ ПЯТОЙ КОЛОННЫ

*«Сердобольным» артистам, музыкантам и прочим
«лжепацифистам», осудившим военную помощь
Российской Федерации народным республикам
Донбасса и Луганска.*

Как на сцене эффектно Смерть,
Ликование тех, кто жив?!
Но не прочна в их душах твердь
И сюжеты пестрят от лжи.
Где от взрывов нацистских бомб
Мирным людям спасенья нет —
Будь старик ты иль местный бомж,
Иль подросток в расцвете лет.
...День, уставший от жертв, затих.
Лишь в подвалах душа кричит.
Вот и мой православный стих,
Как полынь, на губах горчит...
Я славянских кровей поэт —
Наших предков роднила Русь.
Мне давно не семнадцать лет,
Чтобы праздно закралась грусть.
...Значит, этому дан посыл,
Если мир потрясло бедой? —
Коль славяне — отец и сын —
Ополчились на нас враждой.

ПЛАЧ

Люди есть разные: добрые, грубые,
С праведной совестью, с алчностью лжи.
Солнышко красное, солнышко любое!
Нас от вражды мировой удержи!
...Сколь понапрасну пролили мы кровушки?! —
Реченьки полные без берегов.
Бедные матери, горькие вдовушки
Ищут соколиков в стане врагов.
Ищут, надеются — с горем повенчаны,
Жуткий наемник их зверски убил, —
Вот и скитаются Русские женщины
В поисках свежих солдатских могил.

* * *

Нам мир крепить на доброте сердечной —
Глухой и черной злобе вопреки.
Пора войну похоронить навечно
И дружбой все сроднить материки!
И пусть друг к другу люди ездят в гости.
...Расти, планета, добрых сыновей!
Чтоб никогда на ядерном погосте
Смерть не блеснула молнией своей!

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

ВЕТРЫ ВОЙНЫ

Ветры воют над нами,
Злые ветры войны.
Ужас, смерть и пожары
В смерче этом видны.

Вырываюсь на волю,
Заревела Война.
И огонь раздувает
С нею Мечь и Вражда.

Выжигая живое,
Никого не щадя,

Сея смерть и разруху,
Засмеялась Беда.

Ветры воют над нами
На просторах Земли.
Мы мечтаем о счастье.
Нам не нужно Войны!

1941 ГОД БОЙ У Д. МАЛАЯ КОЖУХОВКА

Взлетела ракета зеленого цвета
И роты упали, в сугробы легли.
Зеленые волны играли на лицах,
А люди молились: «Спаси! Помоги!»
Зеленые тени, зеленые лица,
И взгляд исподлобья, во взгляде тоска.
Лежали солдаты, молчали ребята,
А в небе над ними витала судьба.
Погасла ракета зеленого цвета
И серая краска вступила в права.
Поднялись солдаты, винтовки сжимая,
Мечтая скорей уничтожить врага.
Пусть холод под тридцать!
Пусть немцу не спится!
Пусть снега по горло! Пусть все замело!
Шагают повзводно. Чуть вьется поземка.
Мороз донимает и им тяжело.
Но после команды: «В атаку, ребята!»
И холод — не холод, а даже тепло.
Деревня отбита, но злость не проходит.
И сердце солдата набатом стучит:
Немецкие роты уходят оврагом.
Вперед пулеметы! Нельзя упустить!
Фашисты устали. Бредут по оврагу.
К засаде отходят, себе на беду.
А там пулеметы в упор их кромсали,
Кровавые трупы, оставив в снегу...

БОЙ У ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

*Посвящается
290 стрелковой дивизии*

Напрягая последние силы,
Среди дыма и взрывов, в бинтах и крови
Гибли наши ребята — остатки дивизии,
Не давая фашистам на север пройти.

Шли волна за волной самолеты немецкие,
Артиллерия ярилась, землю грызя,
Но задержаны танки у Ясной Поляны.
В сорок первом. 29 октября.

В МЕСТАХ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ

Орловско-Курская дуга.
Прошла здесь грозная война.
Смотри, в пыли после дождя
Следы оставила.

Там гильза, тут патрон лежат,
Обмытые дождем блестят.
Осколка рваные края
Торчат в сторонке у бугра.

Увидишь ты среди раки
Окоп обрушенный стоит.
В высоких зарослях травы
Воронки старые видны.

В зеленом буйстве ежевики
Снаряды старые укрыты.
А вот у двери блиндажа
Березка выросла одна.

Отцы и деды здесь тогда
Сражались, жизни не щадя.
И их покой благословя,
На мир спустилась тишина.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

ИЗ ЦИКЛА «ПОЭЗИЯ СЕМЬИ БРОНТЕ» «СТИХИ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ»

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦА

Вошла несмело в этот класс,
Воспитана так я.
Но интерес возник тотчас,
Ведь ждали все меня.

И так понравился урок,
Хоть раньше раздражал.
Я заготовила все впрок,
Карандаши, журнал.

Меня учитель похвалил,
И выделил из всех.
Другим ответ мой стал не мил,
Не радовал успех.

А то, что он прощал другим,
Мне не «сходило с рук».
Бывал учитель часто злым
И раздраженным вдруг.

Но с остальными все не так.
Им легче было с ним.
За мной следил он. Каждый шаг
Мой для него — раним.

Нельзя мне было заболеть,
Уроки пропускать.
Он был готов схватить хоть плеть,
Чтоб все опять начать.

Однажды я была без сил,
Болезнь свое взяла,
Но он тогда меня просил:
«Живи — ты мне мила.

С тобою будем мы шагать
Плечом к плечу сто лет».
Увидев от меня опять
Улыбку лишь в ответ.

Я не могла поднять руки,
Но был со мною он.
И мне уже не до тоски.
Казалось, он влюблен...

И он ушел. Лишь шум шагов
Заполнил коридор.
Переживу своих врагов,
Судьбе наперекор.

А вскоре излечилась я,
И возвратилась в класс.
Смотрел учитель на меня
Как будто в первый раз.

Нежданно прозвенел звонок.
Помчались все гурьбой
Из класса, но сказать он смог,
Тихонько: «Джейн, стой!»

Я вижу, как устала ты.
Так отдохни сейчас

От вечной школьной суеты.
Вернешься завтра в класс.

Сходи и глянь наш летний сад,
Учить уроки — лень.
Пойдут дела твои на лад,
Ведь так прекрасен день!»

И был он, правда, чудным днем,
Все зелено кругом.
Счастливою я стала в нем,
Вдыхая воздух ртом.

Но он позвал вдруг: «Джейн, иди!»
Я кинулась бежать.
Другого не было пути,
Как в дом идти опять.

Я чуть его не сбила с ног,
Ведь он стоял в дверях.
Учитель отойти не мог,
Смеялся впопыхах.

«Смотри, уже ты весела,
Здоровая совсем.
И хороши твои дела,
Весна на радость всем».

Смогла исправить за три дня
Пробелы все, как есть.
Он много спрашивал с меня —
Всего не перечесть.

Хотя была всему виной,
Проблемы не во мне.
Ведь подавала Джейн собой
Пример всей ребятне.

Я не люблю похвальных слов.
Пусть лучше напрямик
Он скажет про учеников,
Кто и чего достиг.

И часто я от грубых слов
Рыдала в тишине.
Но принцип жизни был суров,
Не до поблажек мне.

Бывало, с «барского стола»
Читала что — то я.
И многое пережила,
И стала как броня.

Учеба завершилась — так
Стихает в поле бой.
Венок из лавра — добрый знак,
Надела как святой.

Учитель выстроил «бойцов»,
Но выделил меня.
Венок из лавровых листов
Стал словно из огня.

Гордиться я должна собой,
Но радости-то нет.
Ведь завтра ехать мне домой,
Наступит лишь рассвет.

Была я счастлива в тот час
Всего-то на чуть-чуть.
Разлука ожидала нас,
Готовилась я в путь.

Позвал меня учитель сам
В рабочий кабинет.
Там волю я дала слезам,
Не мил стал белый свет.

Не мог сказать он и двух слов,
Расстроился уже.
Ему ведь без учеников
Тоскливо на душе.

Мне прокричали: «Джейн, пойдем!»
«Иди»,— сказал он вдруг.
Но лишь остались с ним вдвоем,
Повел себя как друг,

Промолвив: «Джейн! Куда же ты?
Что ждет тебя вдали?
Ты воплотишь свои мечты
Там, на морской мели?»

О, Господи, храни ее,
Спаси от разных бед.
Для Джейн обустрой жилье
Вперед на много лет.

Ну, все, спеш! Уже пора.
Зовут тебя опять.
Когда лишишься вдруг двора,
Вернись, я буду ждать...»

МОНОЛОГ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Лишь мысли в тишине. И нет
Со мной здесь больше ни души.
Груз с плеч сошел тяжелых бед,
И можно помолчать в тиши.
Из моего окна сейчас
Я вижу как чудесен мир.
Он бесподобен, без прикрас,
Магический, как эликсир.
Я вижу холм уходит в даль,
Теряется в тумане он.
За ним мой дом, его мне жаль.
Мне кажется, все это сон.
Увы, его не увидеть,
От глаз чужих он утаен.
Но мысль ведет меня опять,
Как в детстве, в старенький мой дом.
Я выросла среди болот.
Все детство утонуло в них.
Печаль по прошлому берет,
Так жаль ушедших дней моих.
И сердце зачерствело вдруг,
Вокруг меня одна тоска.
Со мной друзей нет и подруг,
И, кажется, смерть так близка.
Мираж мне видится во всем
И он преследует меня.
Ищу напрасно я свой дом,
Одну себя опять вина.
Реальность кажется порой
Плохою, грубою совсем.
А жизнь — часто лишь игрой
Со множеством больших проблем.
Чего от жизни ждать теперь?
Уходят только зря года.
Держу распахнутою дверь,
В надежде, что хоть иногда
Свое я встречу счастье вмиг,
Лишь надо только выждать срок.
И, кажется, я слышу крик:
«Богатство все твое — песок!»
Кошмары ночью снятся мне,
Что стал другим уже мой дом.
Пытаюсь изменить во сне
Хоть что-нибудь в жилище том.
Что если ждет очаг меня
Остывший уж совсем давно,
Не сохранивший след огня,
Но дорогой мне, все равно?
И как же поступить тогда?
Забывать, что было, навсегда?

* * *

Устала думать о плохом
И волю собрала,
Чтоб помечтать смогла о том,
Как жить, не встретив зла.
Не слышать крика чтоб его,
И чтоб без грубых фраз.
Пусть кроме песни ничего
Не зазвучит в тот час.
Она украсила бы ночь,
Когда нет сна совсем,
И прогнала печали прочь,
Не стало бы проблем.
Но на душе уже гроза,
А мысли — как мороз.
И, кажется, сбежит слеза,
Но нет ни капли слез.
И только лишь огонь души
Согреет в скорбный час,
Чтоб я смогла уснуть в тиши,
Сил накопив запас.
А время — улетает в даль.
И юность вместе с ним.
Хоть лет истраченных так жаль —
Процесс необратим.
Надеяться зря смысла нет,
Все это ни к чему.
Что не вернуть мне прошлых лет
Как данность я приму.
Течение жизни словно свет,
Который не поймать.
И кто бы только дал совет
Как долго мне опять
Томиться этой суетой,
Страдать и ждать конца?
Но выход должен быть простой —
Прогнать печаль с лица.
Я смерти не боюсь, ничуть.
Она придет в свой час.
И станет мой последний путь —
Дорогой на Парнас!

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

РАССВЕТ

Я иду из ночи в свет.
Новый ждет меня рассвет
Там, где сердца четкий ритм
И оно тепло хранит.

Где мгновенью суждено
Будет свыше мне дано
Взглядом кратким лишь одним
Стать спасением моим...

* * *

Воздух пропитан стихами,
Только лови в тетрадь.
Что происходит с нами?
Это не описать...

Вечер окутан дымкой
Гаснущего костра,
Грустной твоей улыбкой,
Нежностью до утра.

Бликами и огнями
Уличных фонарей.
Что происходит с нами —
В сердце запечатлей.

* * *

Листья осенние, плавно кружась,
Падают тихо на землю.
Чувствую с ними вселенскую связь,
Будто я сам в кружении.

Это движение жизни самой,
Что на рассвете разбудит,
То, что зовет и влечет за собой
В дали, где счастье будет.

В день, где великое ждет впереди,
В радостное пространство.
В город, где сходятся все мосты,
В праздничное убранство.

В улиц манящих тайный восторг,
Тех, где пройдем с тобою.
Солнце рождает по утру восток
Вместе с незримой любовью...

* * *

Я пройду не замечен тобою,
Ты пройдешь не замечена мной.
Будет ночь одинокой луною
Освещать поднебесный покой.

Будут весны манить на рассвете
В бесконечную свежесть полей.
Будет имя шептать твое ветер,
Как слова из молитвы моей...

* * *

Сердце не жаждет покоя,
Это ведь не про него.
Сердце — оно вот такое,
Биться — задача его.

Сердце не терпит фальши
И от тоски устает.
Что же, ну что будет дальше?
Только движенье вперед!

Утренним солнцем согрето
Или закатом дня,
Сердце энергией света живо,
Любовь храня...

* * *

Молитвами своими
Я вознесусь к Тебе.
От века и донныне
Ты Свет в моей судьбе.

В глубинах сердца тайно
Несу огонь мечты,
Любовь храня бескрайне,
Как заповедал Ты...

Светлана Князева
(г. Тула)

Член Тульского регионального отделения Пушкинского комитета. Участница областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева. Пишет стихи с 1987 года. Публиковалась во многих периодических изданиях.

НАШИ ДЕТИ МЕЧТАЮТ О МОРЕ

Наши дети мечтают о море.
Чтобы лето, песок. И все вместе
Проводили мы дни на просторе!
Разве может быть что-то чудесней?

Собирая сухие ракушки,
Опускать их в лазурные воды.
И смотреть, как волны завитушки
Поднимаются вверх, к небосводу.

Пусть качает прозрачность, прохлада.
В небе чистом слышны крики чаек.
Море — в жизни такая отрада!
Оттого по нему и скучают.

КАРЕЛЬСКАЯ БЕРЕЗА

Осенних просторов
Воздух душистый!
С кислинкой от кленов,
От сосен — смолистый!
Здесь змейкою вьется атлас голубой!
И небо чарует своей бирюзой!
Над лесом далеким
Навес облаков!
Пушистых и нежных
Небес завитков!
Карельской березы
Нам видится диво!
Она грациозно,
Как в танце игривом,
Предстала пред нами,
Словно девица!
Ну как на такую нам всем не дивиться!
Взлетают березоньки ветви свободно!

А стан так изысканно, так бесподобно
Извился, пленяя своей красотой!
Спасибо, березка,
За встречу с тобой!

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

Новогоднее чудо! Какое оно?
Может, это подарок заветный?
То, чего я желала когда-то давно,
Оказалось в коробке секретной!

Той, лежащей с блестящим, атласным бантом,
В шелестящей, красивой обертке!
Мишка плюшевый!
Как я мечтала о нем!
Оказался у праздничной елки!

Не скрывая улыбку, его достаю.
Он такой, как хотелось!
Тот самый!
И к груди прижимаю, от счастья пою!
Рядом бабушка, папа и мама.

ДЕНЬ С ОСЕНЬЮ НАЕДИНЕ

День с осенью наедине,
Принес открытий много мне.
Вот лес, подобием ресниц,
Полей сияющих зарниц,
Зубчатой редкою грядой,
Закрыв от света мир собой.
Всепроникающим лучам,
Деревьям — золотым свечам,
Не прекратить им светлый путь,
Лучи смогли их обогнуть!
И лишь сокрыть коротким теням,
Как ночи затаенной звеньям,
У ног свечей все ж удалось.
А впрочем, солнце разлилось!
По всем: полям, лесам, степям!
По желто-золотым коврам!
И заблестало средь ветвей,
Любуясь красотой своей,
В зеркальной глади на пруду!
И я к нему сейчас иду.

НЕЖНОСТЬ БЕЛАЯ С АБРИКОСОВЫМ

Нежность белая с абрикосовым,
Сочность зелени малахитовой

С алой яркостью шелковой — розами,
Так искусно природою вытканной.

Утонченная роскошь изящная,
На ветру так податливо клонится.
Красота, благодать настоящая.
Мне подобного и не вспомнится.

Мимолетное впечатление.
Обернусь и забуду маятно.
Отчего же мое прозрение,
Не останется вечной памятью?

ПЕЧЕТ БЛИНЫ ПРАБАБУШКА

Печет блины прабабушка,
На радость, для внучат.
Польет медочком с краешка —
Какой же аромат!

Придут из школы детушки,
Нальет она чайку!
Поставит всем тарелочки,
Разложит по блинку!

Вы не спешите, кушайте,
С клубничкой, с творожком!
О жизни сказки слушайте,
О сердцу дорогом.

Пока жива, прабабушка,
Все мудрость в ней, урок!
Цените вашу лапушку,
Продлите жизни срок.

К ЮБИЛЕЮ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»

Геннадий Маркин
(г. Щекино Тульской области)

Яков Шафран
(г. Тула)

«ПРОЩЕНИЕ — ЭТО ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ЗАВЕЩАЛ НАМ ГОСПОДЬ!»

К пятнадцатому юбилейному выпуску литературно-художественного альманаха «Ковчег»

Руководитель творческого совета журнала «Приокские зори» Геннадий Маркин взял интервью у главного редактора «Ковчега» Якова Шафрана.

Г. М. Яков Наумович, мы с тобой знаем друг друга уже больше десяти лет. Не один год вместе служим нашему журналу «Приокские зори», в жизни общаемся друг с другом на «ты». Если не против, давай и в нашей сегодняшней беседе будем общаться на «ты»?

Я. Ш. Конечно, не против, Геннадий Николаевич! А если точнее, то познакомились мы с тобой на одном из занятий в «Пегасе» у Марка Самойловича Дубинского, где я читал свое стихотворение «Шестьдесят пять», посвященное 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Г. М. Да, я помню то занятие и первую нашу встречу. Я всегда с теплотой в душе вспоминаю своего учителя писательскому делу Марка Самойловича Дубинского и всех наших сокурсников по литературному объединению «Пегас»! Яков Наумович, сегодня наш с тобой разговор приурочен к юбилейному — пятнадцатому по счету — номеру литературно-художественного альманаха «Ковчег». Ты — главный редактор и составитель альманаха, но это, во-вторых, а во-первых, ты его создатель. Расскажи, как и когда пришла идея создания альманаха, с какими ты

трудностями столкнулся при его создании, и какие изменения пережил альманах за годы своего существования?

Я. Ш. Да, ты прав, альманах — мое детище. Мечта о создании подобного издания жила в моей душе давно. В 1991-м году я познакомился с одним человеком, входящим в тульские комсомольские верхи. И предложил ему обратиться к ним, с целью создания журнала. Для образца я напечатал на пишущей машинке, на серой бумаге, единственно продававшейся тогда в канцелярских магазинах, примерный «оригинал-макет» предполагаемого издания. Включил туда, естественно, вступление — почему и для чего оно необходимо, несколько небольших работ Николая Константиновича Рериха — сейчас уже не упомяну каких, свои рассказы и стихи, а также несколько работ других авторов, опять же память подводит кого. Знакомый согласился и отнес. Ответ не заставил себя ждать: «Их это сейчас не интересует!», — сообщил мне он после своего визита «в верхи». Естественно, рукопись осталась у них. Как говорится, «купец читать не должен, купец считать должен». К чему они тогда стремились, мы теперь хорошо знаем. Но не будем о грустном...

Вторично идея создания сборника пришла ко мне в процессе общения с литераторами, собиравшимися на литературных вечерах в Тульской духовной семинарии, со временем вылившихся в создание клуба «Ковчег». В частности, помню, что увлеченно общался на эту тему с Людмилой Дмитриевной Алтуниной, поддержавшей идею.

Трудностей в создании альманаха не было. Поскольку финансирования со стороны Тульской духовной семинарии не последовало — на этот счет образно выражается главред наших «Приокских зорь» Алексей Афанасьевич Яшин, — то единогласно решили издавать за счет авторов. А Алексей Афанасьевич ускорил дело, быстро договорившись с руководителем Издательства Тульского государственного университета Олегом Викторовичем Пантюхиным, чтобы было дешевле. Для чего меня научили сделать такой оригинал-макет, чтобы с него можно было сразу распечатывать на ризографе и не подбирать листы для сшивки. Таким образом, в октябре 2011-го года вышел в свет 1-й выпуск альманаха «Ковчег».

В отношении изменений. Да, они произошли. Во второй выпуск альманаха я поставил предложенный Алексеем Афанасьевичем Яшиным его рассказ «Второе воскресение Лазаря». «Ковчег» тогда выходил одновременно как орган Тульского православного литобъединения при Тульской духовной семинарии и журнала «Приокские зори». Главный редактор журнала полностью доверил мне формирование альманаха, а в семинарию я отдавал макет для утверждения. Означенный рассказ вызвал протест, последовало предложение исключить его из сборника.

Нужно сказать, что рассказ, кстати, опубликованный и в № 1 за 2008-й год журнала «Приокские зори», мне очень понравился и своим художественным мастерством, и своей направленностью против лжи и стремления к наживе любой ценой, пронизывающих наше общество, особенно тех лет. В начале повествования автором приводится шутка, в которой Христос, якобы желая помочь бедным и несчастным больным, страдающим от «корыстолюбивых врачей-выжиг», приходит на Землю и устраивается врачом-терапевтом в городскую поликлинику. На первом же приеме он сталкивается с «профессиональным больным», на коляске вкатившемся в кабинет. Из жалости он говорит тому: «Встаньте, больной, с кресла и идите». Больной встает и недовольный выходит за дверь, жалуясь, что с него теперь снимут инвалидность... Далее в рассказе повествуется о студенте-медики, мечтающем не о помощи людям, а об обогащении на их болезнях и страданиях. И вот такой рассказ вызвал негодование.

Один проповедник — правда, не православного вероисповедания — однажды в разговоре сказал, что, мол, Каиафа — первосвященник в Иудее в годы проповедей и казни Иисуса — не мог поступить иначе. Да, Каиафа был главным фарисеем среди фарисеев и книжников, то есть ставил форму и догму выше содержания, выше истины, что и доказал на деле.

В случае с рассказом Алексея Афанасьевича Яшина я столкнулся с тем же фарисейством: сущность поднимаемых в рассказе тем была отставлена в сторону в угоду форме и догме. А я не фарисей и не предатель, я не мог лгать, даже боясь потерять поддержку семинарии и Епархии, и не мог предать человека, который поддержал меня как писателя и издателя. Но «супротив ветра не подуешь», и в итоге альманах стал выходить со второго выпуска под эгидой только «Приокских зорь».

Однако будем прощать, ведь **прощение — тоже любовь, которую завещал нам Господь!**

Г. М. Слово Ковчег имеет несколько значений. Это ящик, короб, сундук, местилще для хранения чего-либо, а еще Ковчег — это судно, в котором по библейскому сказанию спасся от всемирного потопа Ной с семьей и животными. В контексте альманаха «красной нитью» обозначена его духовная составляющая. Именно поэтому ты назвал свой альманах «Ковчегом» или в названии заложен другой смысл?

Я. Ш. Да, ты прав, Геннадий Николаевич, название «Ковчег» имеет духовный смысл. И подзаголовок альманаха — «Православие в наших душах», — заимствованный из «Приокских зорь», в котором ранее, до появления издания, была одноименная рубрика, говорит о том же. Ведь духовность понимается мною не в атеистической интерпретации, не как антиправославие, не как следование какому-то одному, узко понимаемому направлению, и тем более не как фарисейство, а именно как внутреннее, сердечное следование Истине. А она выражается просто: где Любовь и Правда, там и Бог!

Слово «ковчег» является символом спасения. Потому оно и было взято в название альманаха. Спасение же видится в отказе от лжи, от мздоимства, от фарисейства на всех уровнях, а, напротив, — в Истине как Учении Света, в служении ей, в любви к Богу, к людям и к своей Родине, в том, чтобы ставить духовное выше материального, сущность выше формы и общее выше частного. Вот это и есть истинная религия, живущая в сердцах истинно верующих в Бога, во Владыку всего и вся. Этому, в силу своих скромных способностей и сил, я и авторы и стараемся следовать в «Ковчеге».

Г. М. Альманах «Ковчег» принято считать — тульским, хотя в нем публикуются авторы не только из Тулы и области, но и других российских регионов и ближнего зарубежья. Рассказы о географии авторов альманаха.

Я. Ш. В начале в «Ковчеге» публиковались авторы только из Тулы и Тульского края. Однако уже с 3-го выпуска к ним стали добавляться пишущие из Москвы, Серпухова, Тольятти и даже болгарского Тырнова. Далее, по принципу расширяющихся кругов, по мере распространения информации, авторами стали уже люди из других тульских городов, из Самары и Волгоградской области, а в 5-м выпуске — из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Красноярска, Братска, Горно-Алтайска и даже Дании...

Не буду утомлять тебя перечислением мест проживания авторов каждого выпуска, приведу лишь данные нынешнего юбилейного выпуска, выписанные мною в процессе подготовки к интервью. В него вошли писатели и поэты Тулы и Тульской области: из Щекино, из Архангельского и Яблонево Каменского района, из Узловой, из Киреевского района, из Алексина; а также из Москвы и Каширы Московской области, Калининграда, Санкт-Петербурга, Смоленска, Архангельска, Сокола Вологодской области, Брянска, Сельца и Нетьинки Брянской области, Белгорода, Орла, Медвенки Курской области, Лебедяни Липецкой области, Симферополя, Новочеркасска Ростовской области, Ижевска, Самары и Тольятти с Нефтегорском Самарской области, Пензы, Нижнего Новгорода и Истомино Нижегородской области, Стерлитамака Башкирии, Омска и Красноярска; кроме того, уже по сложившейся традиции, из Ближнего и Дальнего Зарубежья: из Баку Азербайджана, Минска, Бобруйска и Бреста Белоруссии, Семипалатинска Казахстана, Любляны Словении, Стамбула Турции и Рочестера США.

Таким образом, ты видишь: ареал авторов «Ковчег» широк, как и, пользуясь словами известной и любимой песни «широка страна моя родная» — имею в виду

территорию Советского Союза, который считаю своей большой Родиной. Авторы из стран Дальнего Зарубежья, участвующие в каждом выпуске альманаха, значительно расширяют его ареал.

Г. М. Яков Наумович, альманах «Ковчег» намного моложе некоторых тульских альманахов, но, тем не менее, он нашел свое место в культурной, литературной и духовной жизни России. В чем, на твой взгляд, заключается особенность судьбы альманаха?

Я. Ш. Ну, начнем с того, что возраст не играет определяющей роли ни в жизни известных литераторов, ни в жизни журналов и альманахов. Так, например, многие великие поэты проявили свою гениальность в ранние годы. Пушкин плотно взялся за поэзию в возрасте 13—15 лет. Лермонтов опубликовал известное стихотворение «Весна» в 16 лет, в 1830 году. Знаменитую «Березу» Сергей Есенин написал и напечатал в 18-летнем возрасте.

В конце 1824 года начал выходить в свет издаваемый Антоном Дельвигом альманах «Северные цветы». И уже с первых выпусков, по мнению современников, единодушно был признан его высокий авторитет. В те же годы стал выходить альманах «Полярная звезда», который выпускали Алексей Бестужев и Кондратий Рылеев. Только три его номера увидели свет. Однако он стал одним из самых успешных у читателей начала XIX века. В 1894—1895 годы Валерий Брюсов выпускал альманах «Русские символисты». И символизм, благодаря всего только трем тонким сборникам, получил широкое признание.

Таких доказательств можно привести с избытком. Извини за экскурсию в прошлое, но это просто очень характерные примеры независимости популярности от возраста как автора, так и издания.

Что же касается «Ковчеха», то, думается, его популярность, не только в Тульском крае, но и далеко за его пределами, связана с его духовностью, понимаемой как Свет Любви, а не как цитатно-догматическое учение какой-либо религии или философии. Любви, а не какой-либо формы. Это и есть духовность, ее высшее проявление. В доказательство этого в выпусках приводятся высказывания многих духовных подвижников. Потому альманах не стал уподобляться некоторым изданиям, декларирующим: «Мы публикуем такой-то направленности произведения такой-то направленности авторов в такой-то направленности изданиях».

Может быть, популярность «Ковчеха» связана и с его культурной ориентацией, основанной на творчестве таких известных деятелей Русской культуры, как Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи, Александр Иванович Субетто и многие представители русской и советской классической литературы. Ведь, в том числе, в нем приводятся высказывания их и о литературе, о творчестве и о нравственности, что представляет немалый интерес для авторов.

Большое значение для популярности играют и разделы альманаха, посвященные обороне Тулы, Победе в Великой Отечественной войне, подвигу наших российских воинов в СВО, а также разделы «Родословие» и «Детям и о детях».

Имеет значение, наверное, и оформление альманаха. Так, на обложке изображен храм Покрова на Нерли, каждый раздел предваряется изображением на духовную тему. Да и само название «Ковчег», и девиз его «Православие в наших душах» играют свою роль.

А может быть, альманах популярен и потому, что авторы и читатели чувствуют лежащее в основе доброе отношение к ним, к их творчеству как исповеди души.

Однако, главное все же, видимо, благословение Свыше.

Г. М. В альманахе постоянно публикуются такие популярные и именитые авторы как: Евгений Скоблов, Алексей Яшин, Ирина Кедрова, Валерий Савостьянов, драматург Рагим Мусаев и другие. А кому из начинающих авторов альманах дал путевку в литературную жизнь?

Я. Ш. Я бы хотел немного расширить рубрику «другие» из твоего вопроса. Из известных литераторов, печатающихся в «Ковчеге», хотелось бы отметить, плюс к названным тобой, авторов из Тульского края: Валерия Ходулина, Валерия Маслова, Николая Жукова, Викторину Ткач, Сергея Овчинникова, Геннадия Маркина, Сергея Крестьянкина, Николая Макарова, Эдуарда Георгиевского, Евгения Трещева, Валентина Огнева, Людмилу и Вячеслава Алтуниных, а также Аллу Новикову-Строганову из Орла, Ольгу Борисову из Самары, Лидию Довыденко из Калининграда, Игоря Егорова и Евгения Асташкина из Омска, Александра Субетто из Санкт-Петербурга и Валерия Сухова из Пензы. Боюсь, что я не всех назвал по памяти, прошу их простить...

Что касается начинающих, для которых публикация в «Ковчеге» стала дебютом в их литературной жизни, то следует сказать о следующих авторах. Это Светлана Шинко из Тулы, на то время студентка Тульского государственного университета. Ее первая публикация — эссе «Лестница» — в периодическом издании была в первом выпуске «Ковчеха» 2011 года. Первая публикация стихов туляка Даниила Артамонова, ученика 8-го класса, в периодическом издании состоялась в выпуске втором, 2012 года. У Зои Пыряевой из села Большой Толкай Похвистневского района Самарской области, самодеятельного сочинителя песен и исполнителя их, ноты и текст песни впервые напечатаны в литературном издании, в выпуске втором, 2012 года. Также Людмила Резвякова из Тулы, самодеятельный поэт, первая публикация ее стихов была в выпуске четвертом, 2014 года, и Элина Иванова из Тулы, 1993 года рождения, на тот год студентка Санкт-Петербургского университета, первая публикация стихов состоялась в пятом выпуске альманаха в 2015 году. Еще первая публикация в периодическом издании была у тулячки Ольги Андреевой, народного мастера России, занимающейся возрождением тульской игрушки, члена Союза художников России. Это ее сказ для детей в пятом выпуске, 2015 года. Следует отметить и Милену Сухорукову из города Армавира, семнадцати лет, в 2018 году учащейся 10-го класса лица, с первой публикацией ее эссе в восьмом выпуске; и Елену Сапронову из деревни Михайловка Каменского района Тульской области, первая публикация стихов которой в периодическом издании была в восьмом выпуске, 2018 года.

Г. М. Сегодня многие литературные альманахи и журналы, в том числе и некогда именитые, находятся в жесточайшем кризисе, к сожалению, «Ковчег» не исключение. Как обстоят дела с изданием альманаха в бумажном варианте?

Я. Ш. Да, журналы, и вообще издательское дело, находятся в кризисе. И он не мог не коснуться и «Ковчеха», как говорится, альманах не мог остаться в стороне. Поскольку он не имеет финансирования, а издавался сугубо за счет авторов, то резкое увеличение и постоянный рост стоимости печатания экземпляров привели к тому, что бумажное издание стало не по силам участникам альманаха. Тогда было принято тяжелое решение отказаться от традиционного тиража и перейти на электронный вариант. С 2024-го года, то есть с 14-го выпуска, «Ковчег» стал размещаться только в Интернете: на сайте журнала «Приокские зори», альманахом которого он является, и на сайте Тульского отделения Союза писателей России. Кроме того оригинал-макет выпуска высылается каждому его автору и информация о нем, со ссылкой на его электронное издание, размещается на моих веб-страницах в «ВКонтакте» и «Одноклассниках», а также на страницах: «Академия российской литературы», «Тула литературная», «Российский писатель», «На крыльях “Пегаса”» и «Русь литературная».

К слову сказать, нет худа без добра, переход на электронный вариант издания позволил размещать цветные фотографии авторов, цветные иллюстрации и делать цветные внутренние стороны обложки, что ранее было невозможно из-за большой стоимости размещения цветных изображений в печатном варианте.

Однако, тем не менее, я с постоянной ностальгией смотрю на бумажные выпуски

альманаха и с удовольствием держу их в руках. И думаю, может быть, когда-нибудь произойдет чудо и станет возможным типографское напечатание «Ковчег».

Г. М. В электронном варианте альманах читают?

Я. Ш. Да, читают. Знаю об этом по обратной связи, по письмам, присылаемым авторами. Как ни любим мы печатную книгу, однако нельзя не отметить того, что люди все больше читают и слушают аудиокниги в Интернете. Сам грешен, занимаясь хозяйственными делами, включаю что-нибудь из классики.

Г. М. Сейчас почти вся литературная жизнь — в интернете. Как думаешь: бумажная книга выживет?

Я. Ш. Думаю, выживет. Ведь, как ни удобен Интернет, держать в руках печатную книгу — праздник. Любую книгу всегда можно взять в руки с полки, полистать, почитать и вновь бережно поставить на место, чтобы через некоторое время снова пообщаться с ней. Книгу мы держим в руках, она хранит тепло наших рук, внимание нашего взгляда. Бумажная книга живая, она изменяется с течением времени, как и тело человека. Каждый, читающий ее, привносит в нее себя, свою личность. Этого всего нет с интернет-страницей.

Г. М. Яков Наумович, ты не только редактор и составитель альманаха «Ковчег», но и прекрасный прозаик и поэт. Ты — автор таких книг: «Любимая, прости», «Спасение рядом», «Жизнь как один день», «В пути» и других. Скажи, пожалуйста, работа редактора альманаха не мешает литературному творчеству?

Я. Ш. «Прекрасный» — это преувеличение, Геннадий Николаевич, но стараюсь совершенствоваться... Мною издано десять книг стихов и прозы, а написано, по общему объему материалов, плюс еще около пяти-шести за последние четыре года, только вот средств для напечатания их уже нет...

Конечно, труды ответственного редактора-секретаря нашего общего с тобой журнала «Приокские зори», а также переписка с авторами, составление, верстка и редактирование «Ковчег» отнимает много времени. Однако, памятуя, что общее выше личного, ставлю указанную работу на первое место. И все же для творчества — поэтического, художественной прозы и публицистического — нахожу достаточно времени, благо нахожусь в золотом пенсионном возрасте, когда не нужно тратить часы на иную деятельность. К тому же, при свободном планировании, техническую работу можно выполнять, когда музы на время покидают тебя.

Г. М. Расскажи, как и когда ты пришел в литературу? Какое твое слово было вначале: поэтическое или прозаическое?

Я. Ш. Первое стихотворение я написал в 1968-м году в возрасте восемнадцати лет у Вечного огня на площади Победы в Туле. Далее было поэтическое посвящение Сергею Есенину и любовная лирика. Кстати, на то стихотворение о Есенине, уже в нынешний век, написано три песни: Глорией, Марией Михайловой и Зоей Пыряевой. Потому вначале были стихи.

Первые же мои публикации статей, стихов и рассказов были в газете «Молот» завода «Штамп», в «Молодом коммунаре» Тулы и в «Социалистической индустрии» в 1986-м году. В 2007-м году в Москве я участвовал в коллективных поэтических сборниках Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч», «Планета “Душа”», «Времена года» и других. В том же году я стал размещать свои стихи на сайте «Стихи.ру» и прозу на сайте «Проза.ру» и на других ресурсах в Интернете. Первыми моими авторскими книгами стали «Любимая, прости» в 2008-м и «Спасение рядом» в 2009-м годах. Кроме этих публикаций, все годы я писал, так сказать, в стол.

В 2009-м году я познакомился с Алексеем Афанасьевичем Яшиным и нашим журналом «Приокские зори» и со второго номера журнала, 2010 года, стал постоянно публиковаться в журнале. Наверное, это и следует считать приходом в литературу. Кстати, благодаря этим публикациям в период с 2011-го по 2020-й годы уви-

дели свет еще восемь книг: «Жизнь как один день», «В пути», «Льется жизни стих», «Круг замкнулся», «Человек человеку», «Ностальгия», «Так чувствует сердце» и «Восхождение».

Г. М. В социальных сетях встречаю цикл твоих публикаций об ученике Николая Рериха — Борисе Абрамове и его книге «Грани Агни-йоги». Скажи, пожалуйста, духовно-философские темы тебя, скажем так, поглотили полностью, или все же писатель Яков Шафран еще порадует своих читателей замечательными литературно-художественными произведениями?

Я. Ш. Спасибо, Геннадий Николаевич, что ты затронул эту тему, ибо для меня духовное имеет большое значение. Да, я много публикую на своих страницах в Интернете отрывков из книг Бориса Николаевича Абрамова, кстати, последние одиннадцать лет своей жизни проживавшего в Веневе Тульской области.

Борис Николаевич Абрамов родился в Нижнем Новгороде в семье военного и потомственного дворянина. Во время Первой мировой войны, после военного обучения, он вначале служил старшим офицером роты в батальоне артиллерии Приморского фронта, а весной 1918 года был командиром этого батальона. Во время Гражданской войны Абрамов вместе со своей воинской частью оказался в составе армии Колчака, трагически вместе с ней прошел весь ее путь и в итоге оказался в Маньчжурii. В эмиграции, в Харбине, он работал помощником лаборанта, лаборантом, был служащим, преподавал. Там же он женился на Нине Ивановне, родившейся в Харбине и ставшей его единомышленницей и спутницей до конца жизни.

С молодости Борис Николаевич находился в серьезных духовных поисках. В середине тридцатых годов он познакомился с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерихами, посетившими Харбин во время своей Маньчжурской экспедиции. Это событие стало ключевым для дальнейшей жизни Абрамова. Он был посвящен в Учение Живой Этики — в вопросы бесконечной эволюции Вселенной и человечества, в их многоуровневом и многомерном взаимодействии; в наличие единых космических Законов, руководящих развитием всей Жизни; в то, что основные сферы деятельности человека — это его духовно-нравственное совершенствование, расширение познания, творчество и труд на общее благо. Данные идеи стали очень близкими Борису Николаевичу, и он всей душой признал Николая Константиновича Рериха своим духовным наставником. Все годы до ухода из жизни Николая Константиновича Рериха в 1947-м году и Елены Ивановны Рерих в 1955-м они переписывались с Абрамовым, именуя его «духовным сыном».

После этой встречи длительное время Абрамовы ждали возвращения на Родину как выполнения завещания Рерихов: ехать именно в Россию, в будущую Новую страну, страну будущей Новой культуры. Это осуществилось, и в 1959-м году семья Абрамовых переехала в СССР.

По переезде Борис Николаевич посетил Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, поклонился и совершил молитву перед мощами преподобного Сергия Радонежского. Он, как и Рерихи, всем сердцем чтит его — великого духовного Покровителя, Заступника и Водителя, основополагающе повлиявшего на духовную культуру и государственность России.

В Веневе Абрамов занимался преподаванием английского языка на вечерних курсах, репетиторствовал для поступающих в вуз и помогал реставрировать колокольню Николаевского храма.

Основным же трудом всей жизни Бориса Николаевича стало ведение духовно-философских записей, начавшихся в 1940-м году, продолжавших в развитии положения и темы Учения Живой Этики и определяющих наиболее реальный и эффективный путь самосовершенствования, по которому он постоянно и упорно шел всю жизнь вплоть до 5 сентября 1972 года, когда ушел из жизни. Всего в период 1951 — 1972 годов был составлен 31 том записей.

Прошу прощения за довольно длительный ответ на первую часть твоего вопроса. Теперь о том, полностью ли поглотили духовные занятия время и внимание писателя Якова Шафрана. Отвечу так: как ты правильно понял, Учение Живой Этики имеет для меня большое значение и, безусловно, влияет на мое творчество. Если ты сравнишь мои рассказы, статьи и стихи, написанные лет семь-восемь тому назад, с вышедшими в течение данного периода, то убедишься в этом. Кроме того, и количество произведений, выходящих, если так можно выразиться, из-под моего пера, увеличилось. Так что, если Бог даст, «еще не вечер»...

Г. М. Не могу с тобой не затронуть такую горячую на сегодня тему как СВО. Сегодня наша страна на своей исконно южнорусской земле ведет бой с войсками НАТО. В том, что Победа будет за нами, за Россией, я не сомневаюсь. Сегодня — война другая. Если, например, военные корреспонденты и писатели времен Великой Отечественной войны могли смело написать о героях, не скрывая их фамилии, имена и воинские звания, то сегодня такое можно не всегда, слишком опасно! Пример: имевшие место случаи террористических актов, совершенных против наших военных в российских регионах и Москве. Как современному писателю сегодня писать литературные произведения о героях СВО: вместо имен указывать позывные или изменять имена? Боюсь, в таком случае получится пародия на литературное произведение. Хотелось бы узнать твое мнение и, может быть, рекомендации для писателей?

Я. Ш. Да, согласен, уже много столетий продолжается агрессия западной цивилизации, в том или ином составе и качестве, против России во всех ее ипостасях — Древней Руси, Русского царства, Российской империи, Советского Союза и нынешней страны. На эту тему написаны мои статьи: «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации», «Ударный механизм западной цивилизации», «Русофобия — это нацизм и расизм», «Доморощенные чужеземцы», «Чума во время пира» и «Страна сплетенных рук».

Все дело в трех аспектах. Первый заключается в принципиальной разнице двух цивилизаций, Запад — это каинитская общность, а Россия — авелическая, потому западный мир и старается уничтожить Русский мир как духовную угрозу своего существования. А второй заключается в существовании, так называемого в западной терминологии, Хартланда, который практически совпадает с территорией бывшего СССР, и владение которым есть ключ к полному управлению миром. Ну и, наконец, богатейшие запасы всего перечня полезных ископаемых не следует сбрасывать со счетов. Поэтому нынешняя агрессия НАТО и нацистской Украины как прокси государства против России — «бездна бездну призывает» — является продолжением все той же «бесконечной истории».

Завершая небольшой экскурс в историю, хочу сказать, что наша страна во всех войнах против нее, за исключением некоторых сражений, всегда одерживала победы или через некоторое время брала реванш за недавнее поражение. Поэтому я также уверен, что Победа и ныне будет за нами!

Относительно твоего вопроса об именах и позывных, то, думаю, в военной публицистике необходимо использовать позывные, если мы говорим о конкретных бойцах — таково веление нынешнего времени. В романах, повестях и рассказах, а также в стихах, можно писать как о реальных людях, так и представлять читателю вымышленные персонажи — правоту этого доказывает вся предыдущая русская и советская литература. Возьми, например, «Войну и мир» Льва Толстого, где присутствуют и те и другие. В современной литературе, посвященной СВО, конечно, чтобы не было путаницы, именуя героев, нужно использовать или только позывные, или только вымышленные имена. Повторяю, когда это художественная литература.

В своем рассказе «Добровольцы», написанном в 2018-м году и посвященном событиям 2013—2014 годов на Донбассе, я писал о вымышленных героях: Артеме, Викторе, Сергее и Марии. Тем не менее, рассказ был признан и напечатан в ряде

журналов, таких как «Дальний Восток», «Врата Сибири», «Голос эпохи», «Приокские зори» и в «Российском писателе». А в этом году, через шесть лет после написания, я неожиданно узнал, что он вошел в сборник «За что любят Родину», вышедший в издательстве «Родина» в серии «СВО».

В стихах же о спецоперации я пишу либо от своего имени, например, «Под Херсоном на сером рассвете / Я в дозоре, за мною страна...», «Рядом фронт, я у самой границы...», либо использую местоимения «ты» или «он»: «Ты пал бойцом сраженным...», «О чем ты задумался, русский солдат...», либо использую имя нарицательное — «Но боец свой окоп не покинет». А иногда и позывной, если речь идет о конкретном человеке — «Целился враг и коварно, и подло — / Именно «Нику» сразить наповал...».

Г. М. Яков Наумович, нынешний 2025 год — это не только год выхода пятнадцатого номера литературно-художественного альманаха «Ковчег», но и год твоего 75-летнего юбилея, но не буду заранее поздравлять тебя с этим праздником, как говорится: всему свое время (*интервью готовилось до юбилея — Г.М.*). За плечами — большая жизнь и огромный литературный багаж! Скажи, пожалуйста, что еще не сделал из задуманного? Если не секрет, поделись литературными планами.

Я. Ш. Каждый человек в конце своей жизни пересматривает ее от самого начала. Мой жизненный маршрут был извилист, я метался от одной тропы к другой, блуждал, падал, поднимался и снова искал. Сейчас, найдя Истину, стараюсь, прежде всего, ежедневно возрастать духовно и вносить духовные знания в мое творчество.

Кроме того, находясь, так сказать, в достаточно большом возрасте, считаю, что недостаточно любил свои малые родины — Брагин, где родился и провел свое детство, и Тулу, где рос и развивался, — и большую Родину; недостаточно заботился о них и служил им. А также недостаточно любил и заботился об ушедших родителях и своих близких. Поэтому сейчас творчество также стараюсь посвятить тому, чтобы хоть как-то наверстать упущенное, хоть словом, памятью, сердечной благодарностью, душевным участием и уважением; и помочь стране своей гражданской позицией — всем, чем могу, чем в силах.

С этими же целями делаю публикации на своих страницах в «ВКонтакте» и «Одноклассниках», и публикую материалы на страницах «Сражающееся слово!» и «Тула литературная».

Отсюда и планы мои — сколько сил хватит, продолжать начатое! Как говорил один тренер оздоровительного бега: «Хочу умереть не в постели, а на беговой дорожке!»

Г. М. И в заключение нашей беседы хочу тебе задать мой традиционный вопрос: что бы ты пожелал авторам и читателям альманаха «Ковчег»?

Я. Ш. В наше трудное время хочу пожелать каждому человеку, несмотря ни на что, радости, оптимизма и не быть пассивными, а, напротив, принимать самое активное участие, каждому на своем месте, в деятельности для, во-первых, победы нашей Родины в отражении западной агрессии в нынешней гибридной войне, и во-вторых, для того, чтобы Россия становилась страной Света и Процветания. А авторам, памятуя о значении Слова, посвящать свои произведения не только чистой поэзии и чистой прозе, но, прежде всего, данным темам. Другими словами, описывая розы, не забывать про морозы...

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

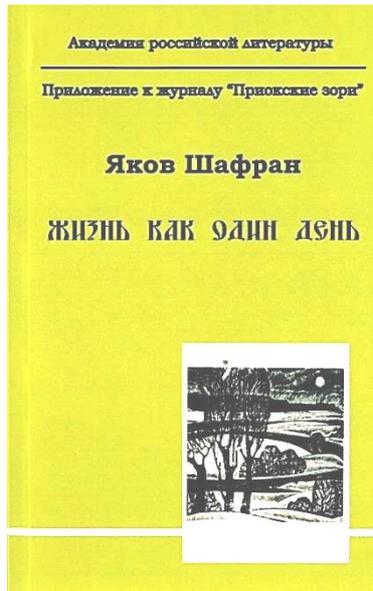
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2025.— № 1—3.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2025.— № 1—3 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2025.— №№ 1, 2. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *АлександрЪ*. Литературно-исторический журнал.— 2024.— № 6. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Иртышъ-Омь*: Литературно-художественный журнал.— 2024.— № 1—2 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
6. *Север*.— 2024.— № 5. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
7. *Дым Отечества. В поисках утраченного*: Альманах. Вып. 15.— Тула: ТППО, 2025. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
8. *Лирика физиков*: Коллективный сборник.— Омск: ИЦ КАН, 2024.— 508 с.
9. *Валерий Виноградов*. Погружение.— Тула: ТППО, 2024.— 168 с.
10. *Борис Роганков*. Былое и судьбы. Страницы летописи.— Тула: Папирус, 2024.— 207 с.
11. *Олег Пантюхин*. Притяжение: поэтический сборник.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2024.— 69 с.
12. *Макаров Н. А.* Опаленные войной улицы Тулы. 2-е изд.— Аквариус, 2024.— 200 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина (вып. 2).— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 225 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин*. «А роза упала на лапу Азора»: Триолеты в прозе (новая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место (и страна) проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное пронумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2025-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

Редакция журнала «Приокские зори» сердечно благодарит авторов и читателей нашего издания, заказавших для редакции журнала экземпляры № 2, 2025 «ПЗ», а именно:

- Елизавету Баранову (Весину)
- Игоря Отчика
- Юлию Широкую
- Николая Макарова
- Юлию Зимину-Кондакову
- Олега Пантюхина
- Максима Ершова
- Валентину Еремееву

По сложившейся традиции пожертвованные нам номера журнала мы рассылаем в ведущие литературные инстанции страны. **Спасибо!**

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!
Издан № 2/2025 года Международный литературный альманах «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС». Представляем авторов номера. Поздравляем издателей и авторов «МП» с публикацией, желаем доброго здоровья и новых творческих успехов!

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА	
Евгений СКОБЛОВ.....	5
ПРОЗА	
Алексей ЯШИН. «Когда усталая подлодка...»	10
Татьяна ЖИХАРЕВА. Рапсодия осенних листьев.....	27
ПОЭЗИЯ	
Ирина ЕГОРОВА-НЕРЛИ	42
Нина ШАМРАЕВА	49
Нина ГАВРИКОВА	54
Сергей ОВЧАРОВ	57
Зинаида КАТУРЖЕВСКАЯ	66
Максим КОНЯХИН	71
Татьяна ВАСИЛЬЕВА-МИХАЙЛЕНКО	75
ПУБЛИЦИСТИКА	
Яков ШАФРАН. Хуже войны, страшнее врага	82
«МП» ИНФОРМИРУЕТ	
Академия российской литературы	92
НОВЫЕ ЛИЦА «МП»	
Евгений АСТАШКИН. Новичок.....	95
ПИСАТЕЛЬСКИЙ БЛОКНОТ	
Ольга КАРАГОДИНА. Интервью со стюардом-реставратором антиквариата и фотографом-анимистом Игорем ПЕРФИЛЬЕВЫМ.....	101
ГЛАС НАРОДА	
Нина ГАВРИКОВА	110
Зинаида КАТУРЖЕВСКАЯ	112
Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА	113
Ирина ЕГОРОВА-НЕРЛИ	113
Нина ШАМРАЕВА	115
210	

ПРОЗА

НАША ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Алексей ЯШИН

«КОГДА УСТАЛАЯ ПОДЛОДКА...»

Александр Пахмутовой посвящается

◆ Никола, несмотря на свое «дикое» маячное детство, в школьно-интернатской среде вовсе был человеком не замкнутым, напротив – очень даже общительным, изобретательным шалуном в меру. Однако все же воспитанная веками в его предках старообрядческая традиция отстранения от того, что в наше время называется «общественной деятельностью», зримо жила в школьнике 2-ой ступени. Поэтому Никола очень озадачился, когда его, ничем особым не примечательного девятиклассника, ближе к концу второй же четверти, через посылного юного пионера вызвала к себе в крохотный кабинетик старшая пионервожатая Ирина

Главный редактор ордена Г.Р. Державина Всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Прихожские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского писателя «Полынная ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат южных литературных и научных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора.

10

ПУБЛИЦИСТИКА

Яков ШАФРАН

**ХУЖЕ ВОЙНЫ,
СТРАШНЕЕ ВРАГА**

Хуже войны может быть только страх перед войной. Войну предотвращает не миролюбивая пропаганда, а готовность к войне.

Любой здравомыслящий человек согласится, что война не является хорошим делом, поговорке «не бывает прямой тени от кривой палки». Насильственные смерти, хозяйственная разруха и страшные опустошения, на ней одни люди убивают ничего нехорошего лично им не сделавших людей. Из-за неё погибают матери, жёны, дети, друзья и знакомые, разрушаются дома. Но каждый, подвергшийся нападению народ вынужден защищаться и защищать родную страну.

И когда к России реально подступила война, с очевидной угрозой порабощения народа, требовать, как некоторые так называемые «миролюбивые» патриоты, остановить свои военные действия – это уже даже не лицемерие, а настоящий призыв к абсолютному отказу от всякой борьбы, к неизбежному поражению и добровольному рабству под Западом.

Кто-то говорит, мол, не Украина и НАТО начали. Но через бесцеремонное вторжение на традиционные земли

Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, Российского союза писателей, Академии российской литературы. Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Прихожские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Живёт в г. Туле.

82

* * *

10 июня 2025 года. Дом культуры «ГАЙДАРОВЕЦ».

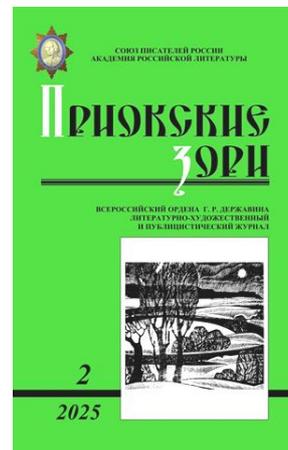

Общее собрание членов **Академии российской литературы**. Ведущий — Председатель Правления Академии российской литературы, главный редактор альманаха «Московский Парнас» **Евгений Скоблов**. В рамках собрания состоялась презентация свежего номера альманаха «Московский Парнас» — Вестника Академии российской литературы (№ 2 (142), 2025).

* * *

Дорогие друзья!

Вышел в свет № 2, 2025 г. выходящего в Туле Всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», посвященный 80-летию Великой Победы.

Правление и коллектив АРЛ поздравляет с 15-м юбилейным выпуском альманаха «Ковчег» главного редактора **Якова Наумовича Шафрана** и наших коллег, принявших участие в альманахе!

Желаем издателям и авторам дальнейших творческих успехов!

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ТУЛЯКИ НАЧИНАЮТ И... ВЫИГРЫВАЮТ

При стопроцентной явке состоялось общее собрание Тульского отделения Союза писателей России, в ходе которого абсолютным большинством голосов был принят новый Устав и избраны руководящие органы ТРО СПР: **Жуков Николай Алексеевич** — председатель Правления. Члены Правления — **Сапожников Владимир Григорьевич**, **Савостьянов Валерий Николаевич**, **Киреев Валентин Викторович**, **Баранова Елизавета Михайловна**. Председатель Ревизионной комиссии — **Романов Александр Александрович**. Директором ТРО СПР утвержден **Калинин Антон Алексеевич**.

С приветствиями к писателям обратились Ответственный секретарь Правления СП России **Н. Ф. Иванов** и министр культуры Тульской области **Т. В. Рыбкина**. Было подчеркнуто, что это первое собрание в регионах по принятию устава и выдвижению в руководящие органы лиц, заранее согласованных с Правлением СПР.

Более того, исходя из результатов заседания Секретариата Правления 28 мая, на основе его решений и рекомендаций в ТРО СПР были приняты наиболее известные и активные члены Союза российских писателей во главе с драматургом, председателем отделения **Андреем Владимировичем Галкиным**. Списки принятых направлены в Москву для утверждения Приемной комиссией.

* * *

Алексею Полуботе вручили Орден Мужества и медаль «За заслуги перед Отечеством» посмертно. Награды его передали матери и сыновьям. Алексей заслужил эти награды еще до СВО, но получить не успел — пропал без вести под Синьковкой во время боя. Алексей боролся за Новороссию с 2014 года, когда в качестве журналиста освещал референдум за независимость республик Донбасса. Он написал

о Донбассе добрую сотню статей, организовал и провел десятки гуманитарных миссий и акций в поддержку Донбасса, отразил эту войну в пронзительных стихах.

* * *

5 июля 2025 года — 95 лет со дня рождения **Вадима Валериановича Кожина** (5 июля 1930 — 25 января 2001)

Захару Прилепину — 50!

7 июля — день рождения писателя, публициста, члена Правления Союза писателей России Захара Прилепина.

120 лет со дня рождения Льва Кассиля

10 июля исполняется 120 лет со дня рождения Льва Кассиля — писателя, на чьих книгах выросло не одно поколение. (1905—1970).

13 июля 1928 года родился **Валентин Пикуль**, советский писатель, автор многочисленных художественных произведений исторической и военно-морской тематики. (1928, Ленинград —1990, Рига)

Секретариат Союза писателей России почтил память **Василия Макаровича Шукшина**.

25 июля, в день рождения Василия Макаровича Шукшина, секретариат Союза писателей России посетил его могилу на Новодевичьем кладбище.

ТУЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Председатель Тульского регионального отделения Союза писателей России Н. А. Жуков с писателями **Барановой Елизаветой**, **Савостьяновым Валерием**, **Киреевым Валентином**, избранными в члены Правления ТРО СПР, и **Директором ТРО СПР Калининым Антоном** стали гостями радиостудии ВГТРК по любезному приглашению большого друга тульских литераторов **Виктора Щеглова**. Состоялся обстоятельный разговор творческих людей о состоянии дел в литературном сообществе в Тульском крае, поддержке литераторов Губернатором Тульской области **Миляевым Дмитрием Вячеславовичем** и Правительством области, поручениях Президента России о наделении госполномочиями Минкульта и туризма с целью консолидации литераторов под эгидой СПР и о многом, многом другом, волнующем литературное сообщество в реалиях современного мира.

* * *

В Пушкинском сквере города-героя Тулы Тульское региональное отделение «Союз писателей России» в сотрудничестве с Государственным учреждением культуры Тульской области «Региональный библиотечно-информационный комплекс» (Генеральный директор **Иванова Ю. В.**), при участии почетных гостей — заместите-

ля Председателя Тульской областной Думы **Балберова А. А.** и заместителя председателя Комитета по социальной политике Тульской областной Думы **Киндеева И. И.**, члены Тульского регионального отделения Союза писателей России приняли участие в прекрасном литературном празднике, посвященном Дню русского языка и Дню рождения **Александра Сергеевича Пушкина**.

* * *

10 июня 2025 года в Тульской областной научной библиотеке состоялось открытие VI ежегодного регионального книжного фестиваля «**ТУЛЬСКИЙ БИБЛИОГИД**».

«Тульский библиогид» — большой марафон книжных и литературных событий — ориентирован на популяризацию местных и краеведческих изданий.

Выставка книжных новинок познакомила собравшихся с изданиями, полученными Тульской областной научной библиотекой в 2024—2025 годах, включая обширный массив местной и краеведческой литературы.

Центральным событием церемонии стала презентация поэтического сборника «**Военная лира. От сердца к сердцу**», подготовленного в 2025 году в честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне сотрудниками Регионального библиотечно-информационного комплекса, при поддержке Министерства культуры и туризма Тульской области, филиала Государственного фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества» по Тульской области. В третий раздел сборника включены произведения 28 авторов, среди которых участники Специальной военной операции и их родственники.

* * *

На площадке Музея обороны Тулы (руководитель **Авдюшкина И. Н.**) при поддержке Московского Дома национальностей Челябинское землячество совместно с Тульским региональным отделением Союза писателей России (руководитель **Жуков Н. А.**) провело поэтическое мероприятие, посвященное героям специальной во-

енной операции в рамках межрегионального проекта «Позывной «Поэт», в котором приняли участие мама погибшего в СВО воина-героя **Карцева Светлана** и поэты-члены СПР **Баранова Елизавета**, **Вишневецкий Александр** и **Романов Александр**, посвятивших свои стихи воинам СВО, женам и вдовам, отцам и матерям, родным и близким Героев.

* * *

Круглый стол журнала «Вопросы литературы»

По приглашению журнала «Вопросы литературы» член Тульского отделения Союза писателей России, литературный критик **Владислава Васильева** приняла участие в круглом столе, организованном этим журналом. Тема круглого стола: «Литература Травмы». Участие в круглом столе принимали литературные критики, сотрудники и авторы журнала, писатели, поэты. Перед собравшимися с приветственным словом выступил доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы литературы» **Игорь Олегович Шайтанов**. Темой доклада **Владиславы Васильевой** стал феномен так называемых «людей молчания», проблемы которых не находят своего отражения в литературе и литературной критике. Доклад назывался «Травма критики».

* * *

В номере 5 (25) за этот год в «Общеписательской Литературной газете» (г. Москва) напечатан очерк заместителя председателя Тульского отделения Союза писателей России, заслуженного работника культуры РФ **Валерия Маслова** «Иван Бунин и Лев Толстой». В нем автор рассказывает о встречах и взаимоотношениях двух гениев мировой литературы — Нобелевского лауреата **Ивана Алексеевича Бунина** и нашего земляка, знаменитого писателя, философа, публициста, подвижника русской литературы **Льва Николаевича Толстого**.

В частности, интерес для широкого читателя представляют первая поездка еще юного Ивана к маститому писателю в Ясную Поляну, их дальнейшие встречи в Туле и Москве, а также переписка поэта и писателя.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

На Внеочередном съезде Союза писателей России 27 февраля руководитель Российского книжного Союза **С. В. Степанов** предложил ходатайствовать о присвоении **Александру Проханову** звания Герой труда Российской Федерации. Делегаты съезда поддержали идею. 30 мая с.г. вышел Указ Президента о присвоении высшего звания России легендарному писателю нашего времени.

* * *

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» поздравляет вас, дорогие авторы и читатели, с Днем рождения **А. С. Пушкина** и с Днем русского языка!

* * *

14 июня — **65 лет** руководителю творческого совета журнала «Приокские зори», члену Союза писателей России, автору многих книг, лауреату ряда всероссийских премий **Геннадию Николаевичу Маркину**. Редакция и редколлегия «Приокских зорь» сердечно поздравляют **Геннадия Николаевича** и желают крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

* * *

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» поздравляют с днем рождения видного белорусского поэта, переводчика, публициста, литературного критика, обозревателя, главного редактора литературного журнала «Новая Немига литературная», члена редколлегии нашего журнала — **Анатолия Юрьевича Аврутина** и желают доброго здоровья, новых больших творческих свершений и благополучия!

18 июля исполняется 55 лет Владимиру Ростиславовичу Мединскому, 1-му секретарю Союза писателей России, государственному деятелю, историку, писателю, публицисту, автору интереснейших книг, талантливому лектору. С юбилеем!

* * *

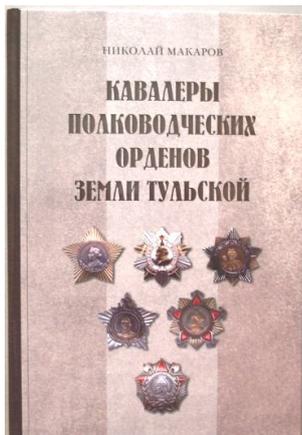

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» радушно поздравляют с днем рождения известного российского прозаика, автора двадцати с лишним книг прозы, члена Союза писателей России, главного редактора Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», участника более сотни российских и зарубежных периодических литературных изданий, лауреата литературной премии им. А. П. Чехова (2010), литературно-общественной премии «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова (2012), дипломанта ряда конкурсов **Евгения Марковича Скоблова** и от всей души желают крепкого здоровья, семейного благополучия, новых свершений на благо русской литературы и АРЛ!

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В Туле в год 80-летия Победы в издательстве «Аквариус» увидела свет книга «КАВАЛЕРЫ ПОЛКОВОДЧЕСКИХ ОРДЕНОВ ЗЕМЛИ ТУЛЬСКОЙ», автором которой является член Союза писателей России **Николай Макаров**.

На представлении книги с вступительным словом к читателям обратился сенатор РФ **Николай Воробьев**.

Книга знакомит читателей с биографиями туляков (рожденных, трудившихся и воевавших на тульской земле): Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, Героев России, маршалов и генералов, лауреатов Сталинских премий, награжденных во время Великой Отечественной войны (1941—1945) полководческими орденами.

Герои Советского союза: Агальцов Ф. А., Агеев И. А., Азаров В. Н. и др. Герои социалистического труда: Ванников Б. Л., Дегтярев В. А., Мартынов Н. В. и др. Герои России: Горшков А. П., Карасев Б. И. Маршалы и генералы: Акимов А. И., Богденко В. Л., Голиков Ф. И. и др. Лауреаты Сталинской премии: Берзин М. Е., Волков А. А. Писатели: Сотников И. В., Трапезников В. И.

Книгу предваряют статуты полководческих орденов и краткие биографии полководцев, чьими именами названы эти ордена.

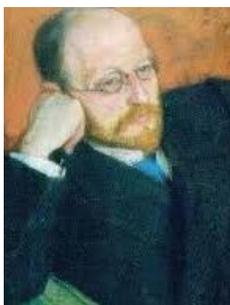
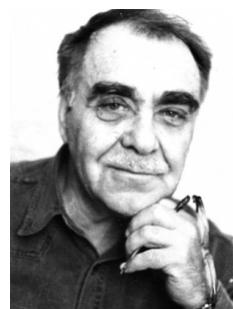
Книга рассчитана для любознательных и любопытных, для всех тех, кому не безразлична история страны и история земли Тульской.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУЛЫ

4 июня 1966 г. — день рождения тульского журналиста, ветерана боевых действий **Олега Бондаря**.

4 июня — 95 лет со дня рождения **Глеба Ивановича Паншина** (4.06.1930, Москва — 19.11.2002, Новомосковск Тульской обл.), прозаика, публициста, члена Союза писателей России (1991), Заслуженного работника культуры РСФСР, инициатора создания и председателя правления общественного объединения «Товарищество «Куликово поле», почетного гражданина г. Новомосковска (1995).

3 июня 1945 года (80 лет назад) — ушел из жизни **Викентий Викентьевич Вересаев**, настоящая фамилия Смидович (1867 — 1945), писатель, лауреат Государственной премии СССР (1943), премии им. Пушкина (1919).

2 июня 1958 г. — день рождения тульского краеведа **Андрея Аврамова**.

1 июня — день рождения знаменитой тульской журналистки **Тамары Анатольевны Пузановой** (1942).

8 июня — день памяти тульской журналистки **Елены Корниловой** (30.01.1970 — 08.06.2013).

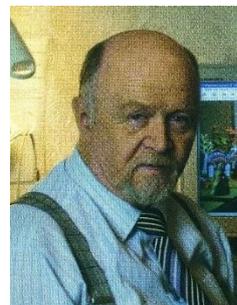
11 июня 1948 года — день рождения тульской радиожурналистки **Ольги Евгеньевны Маношиной**.

10 июня 2016 года скончался тульский журналист и искусствовед, знаток истории кино и театра, член Совета Тульского областного общественного Фонда содействия ЮНЕСКО, руководитель пресс-службы Комитета общественной безопасности Тульской области **Вячеслав Львович Банников**.

10 июня 1948 года родился поэт и тульский журналист **Сергей Алексеевич Белозеров**. (10 июня 1948 — 12 ноября 2002)

15 июня — 80 лет со дня рождения собственного корреспондента тульской областной газеты «Коммунар» **Анатолия Александровича Феоктистова** (15.06.1945 — 03.12.2010).

22 июня — день рождения тульской журналистки **Татьяны Александровны Огневой-Каркешкиной** (родилась в 1956-м г.). Ее материалы в областных газетах «Коммунар» и «Тульские известия» имели большой общественный резонанс.

18 июня 1974 года — день рождения тульского журналиста **Ивана Чубарова**.

26 июня — пятнадцать лет назад скончалась тульская журналистка **Людмила Николаевна Носкова**.

26 июня — день рождения тульского писателя **Юлия Иосифовича Файбышенко** (1938—1976).

26 июня 1988 года на 82-м году жизни скончался пенсионер союзного значения, тульский журналист **Иван Ильич Кизяев**.

25 июня — день рождения тульской журналистки, бывшего обозревателя тульского «Молодого коммунара» **Марины Ковсман**.

25 июня — 65 лет со дня рождения тульской журналистки **Ирины Викторовны Зарубиной**.

1 июля 1952 года — день рождения писателя и журналиста **Юрия Павловича Кириленко**.

11 июля 1926 года в Плавске Тульской области родился журналист и писатель **Петр Георгиевич Сальников** (умер в 2002 г.).

9 июля — день рождения тульской журналистки **Элеоноры Щербаковой** (1969—2017).

9 июля 1966 г. — день рождения тульского краеведа и журналиста **Виктора Удальцова**.

8 июля — день рождения тульского журналиста **Вячеслава Петровича Варфоломеева** (1938—2007).

7 июля — день рождения тульской журналистки **Марины Васильевны Ермоленко** (1946—2003).

20 июля 1970 г. — день рождения тульского поэта и прозаика **Александра Бабенко**.

19 июля 1905 года — день рождения тульского журналиста **Михаила Андреевича Мосолова** (1905—1983)

23 августа 1975 г. — день рождения тульского журналиста, поэта, философа **Дениса Бычихина**.

22 июля — день рождения тульской журналистки **Татьяны Кошельковой**.

28 июля — день рождения тульского журналиста **Евгения Воскресенского** (1939—2018).

26 июля — день рождения тульской журналистки, краеведа и музейного работника **Ольги Васильевой**.

24 июля — 65 лет тульскому журналисту **Константину Николаевичу Леонову** (1960).

8 августа — день рождения писателя и журналиста **Николая Павловича Акулиничева** (1926 — 1988)

1 сентября 2017 года скончался поэт **Виктор Федорович Пахомов**. Родился 16.03.1932 в Бобриках (ныне — Новомосковск Тульской обл.), Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей СССР (1975), ответственный секретарь Тульской организации СП России (1987—2017), секретарь правления Союза писателей России (с 1999), Почетный гражданин Тулы (2007).

(По материалам Константина Шестакова
<https://vk.com/shestakov49?from=search>)

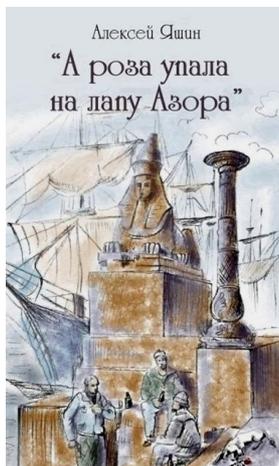
«ТУЛА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

На ресурсах «Тулы литературной» и «Академии российской литературы» к пятнадцатому юбилейному выпуску литературно-художественного альманаха «Ковчег» размещено интервью «ПРОЩЕНИЕ — ЭТО ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ЗАВЕЩАЛ НАМ ГОСПОДЬ!», которое руководитель творческого совета журнала «Приокские зори» Геннадий Маркин взял у главного редактора «Ковчег» Якова Шафрана.

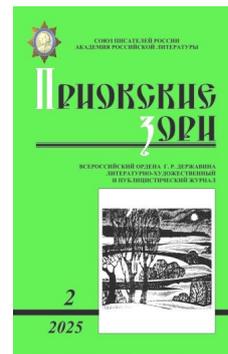
ПРОЗА В ПОНЕДЕЛЬНИК

Продолжаем публикацию книги Алексея Яшина «А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»: ТРИОЛЕТЫ В ПРОЗЕ».

* * *

На ресурсе дана информация о выходе № 2, 2025 журнала «Приокские зори» с публикацией его содержания, о материалах Юлии Кондаковой и Викторнии Ткач в нем, а также приведена рецензия на книгу главного редактора Алексея Яшина «Пир в Валгалле» Надежды Григорьевой с комментарием Владиславы Васильевой.

* * *

Сегодня в «Литературном подвале» на сайте газеты «Тулская молва» рассказ Алексея Яшина: «ГОРОД БЛАГОНРАВНЫХ ДЕЖА ВЮ».

Город, где прошлое и будущее переплелись в абсурдной реальности, а навязчивая реклама и массовое зомбирование превращают жизнь в бесконечный сон. Ироничная история о времени, памяти и обществе, которое забывает себя.

*Главный редактор проекта «ТЛ» Нат Весенин
Зам. главного редактора «ТЛ» Юлия Кондакова*

29 июля 2025 г. скоропостижно скончался Виктор Васильевич Буланичев, член Союза писателей России, директор Бийского отделения Демидовского фонда, главный редактор литературно-художественного и историко-просветительского журнала «Бийский вестник», член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Он был широко известен в культурной среде не только Бийска и Алтайского края, но и в других регионах России. Ему было 74 года.

Виктор Васильевич Буланичев родился в г. Рубцовске Алтайского края. Окончил Рубцовское музыкальное училище (1970), филологический факультет Бийского педагогического института (1981) и аспирантуру БГПУ им. В. М. Шукшина по специальности «Общая педагогика». Работал в учебных заведениях края.

Виктор Васильевич Буланичев — публицист, журналист, филолог, историк искусств, редактор, общественный деятель. Автор более трехсот статей, очерков, исследований о памятных местах, событиях российской истории и культуры, о выдающихся людях Отечества. Публиковался в российских журналах и альманахах.

С 1996 г. был исполнительным директором Бийского отделения Алтайской краевой общественной организации «Демидовский фонд». Руководил издательской программой «Наследие» Демидовского фонда, в которой вышло более ста наименований книг, альбомов, сборников стихов и прозы, каталогов. Некоторые из них получили награды.

Был инициатором и разработчиком ряда программ историко-краеведческого и культурно-просветительского содержания, организатором исследовательских экспедиций. За верность русским литературным традициям руководимый им журнал «Бийский вестник» награжден грамотами Союза писателей России и «Золотым дипломом» Форума «Золотой Витязь».

Лауреат премии Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества, премии имени митрополита Иоанна, Демидовской, Петровской, литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и муниципальной премии. Награжден медалью Г. К. Жукова, золотой медалью «За вклад в наследие народов России», медалью Алтайского края «За заслуги перед обществом». Имеет и другие общественные и церковные награды.

Виктор Васильевич Буланичев — член творческих Союзов писателей, журналистов, художников России, Академии российской литературы. Член Высшего творческого совета Союза писателей России и Русского географического общества. Академик Петровской академии наук и искусств. Директор АКНННО «Демидовский фонд».

Жил в городе Бийске Алтайского края.

Редколлегия и редакция журнала «Приокские зори» выражают соболезнования родным и близким Виктора Васильевича Буланичева.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3..4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэз объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2025
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ «БЕЛОРУССКИЙ» ВЫПУСК «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»:
ПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»**

*Классики белорусской литературы
Якуб Колас (1882—1956) и Янка Купала (1882—1942).*

«Белорусский Достоевский» — Кузьма Чорный

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ «БЕЛОРУССКИЙ» ВЫПУСК «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»:
ПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
СОЮЗА «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»**

Государственный литературный музей Янки Купалы

*Памятник Кириллу Туровскому,
выдающемуся средневековому белорусскому писателю, в Гомеле*

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

